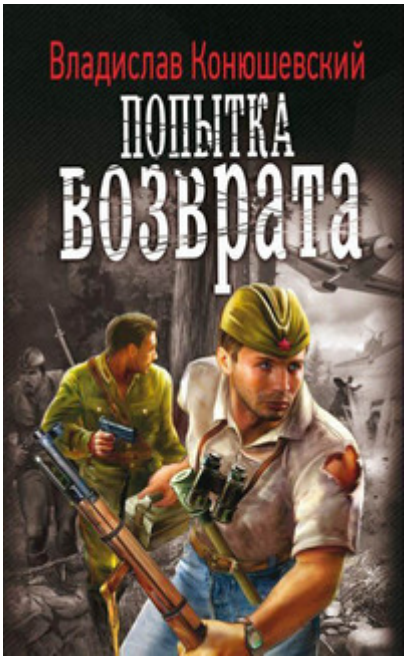
Владислав Конюшевский
Попытка возврата

Попытка возврата – 1



Текст предоставлен издательством «Лениздат» http://www.litres.ru
«Попытка возврата»: Лениздат; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-9942-0791-8

Аннотация

Что делать, если обычного человека совершенно неожиданно занесло из нашего просвещенного времени в самый страшный год советской истории? Да еще и всего за день до того, как сотни «юнкерсов» начнут раскручивать винты двигателей, а миллионы немецких солдат получат приказ о переходе границы с СССР. Наверное, для начала попробовать просто остаться в живых. А потом, выдав себя за потерявшего память вследствие контузии, взять в руки винтовку и, если уж так повернулась жизнь, воевать за свою страну. Но не просто воевать, а, собрав все свои крайне куцые знания о прошлом, попробовать хоть как-то изменить ситуацию, при которой его Родина понесла страшные людские потери.

Владислав Конюшевский
Попытка возврата

Глава 1

Что за черт? Радио внезапно замолкло, фары погасли, еще и мотор заглох. Ну, блин, приехали! Это я хорошо срезал дорогу, просто замечательно. Послушал Стасика на свою голову. Нет, вообще-то дорога нормальная, и, пронырнув лесом, сэкономил бы с полчаса, как минимум. Кто же знал, что машина накроется? Я вздохнул и потерзал немного стартер – ноль. Вообще ноль. Как будто у меня на ходу аккумулятор сперли. Еще немного подергал ключом и только тут обратил внимание, что даже приборная панель не светится. Быстро начало темнеть. Выглянул в окно – ого, какие тучи нагоняет! Дорога сразу стала мрачной.

Узкая, асфальтовая, идущая между вековыми деревьями, она стала похожа на дороги из фильмов ужасов. Теперь только монстра лохматого или придурка с бензопилой не хватает для полного антуража. И ведь машин нет вообще. Ни встречных, ни попутных, еще и дождик мелкий начал моросить, заставляя асфальт лаково поблескивать. Да и откуда тут машины – лес кругом. Хоть и Польша, да глушь.

Вообще, конечно, Польша интересная страна – они аж повизгивают от восторга, что влезли в Евросоюз, а клятые москали как были дикой Азией, так и остались. И чего они нас до сих пор так не любят – непонятно. Причем «не любят» – это слабо сказано. Ненавидят самозабвенно и с восторгом. Правда, пока дело не коснется денег. Если вдруг клятый москаль становится деловым партнером и с него можно поиметь хороший гешефт, то все свои комплексы западные братья-славяне запихивают поглубже в дупу и становятся почти нормальными людьми. Странный народ, вроде с распадом Союза получили вольную – радуйтесь! Но радости не присутствует почему-то. Хочется чего-то еще, а чего – сами не понимают, вот и злобствуют.

М-да… дорога-то совсем пустая. Еще и дождь зарядил мелкий, нудный. Все лобовое стекло было залито каплями, которые быстро собирались в ручейки, сбегавшие вниз. Оттягивая момент заглядывания под капот, закурил. Очень не хотелось вылезать в эту мокрую хмарь. Зачем только Стасика послушался? Вообще-то он не совсем Стасик, он – Станислав Ковальский, с ударением в имени на «и». Но я его зову Стасиком, отчего Ковальский страшно злится. А его позлить – одно удовольствие, потому что этот хмыренок самый крупный ненавистник русских из всех моих знакомых.

Когда его в первый раз увидел в одной польской забегаловке, он, держа кружку пива в руке, напыщенно рассуждал о неоспоримом превосходстве поляков над всеми другими славянами и даже (какая крамола для неофита!) над некоторыми европейцами. Ковальский пел соловьем, приводя исторические и современные примеры – по мне, так совершенно бредовые, имеющие такое же отношение к реальности, как я к балерунам Большого театра. Собеседники, сидящие за его столиком, внимали. Стасик в пылу монолога приседал и размахивал руками, выплескивая пиво. Еще немного и он, как в индийском кино, начал бы показывать свои чувства в танце. Но потом Ковальский допустил непростительную ошибку. Обведя орлиным взглядом зал, ляпнул:

– Москали быдло – были, есть и будут!

Это был явно крик души. И этот крик меня задел. Сидя за столиком, начал вставлять в его речь свои комментарии, благо польский знал в совершенстве. Да, нарывался на разборку, но молчать уже не хотелось.

Стасик краснел, пыхтел, делал значительное лицо, пытаясь отвечать, но поняв, что проигрывает вчистую, попер буром. Вот это другое дело! Вот это по мне… Сам не хотел начинать, а тут, если что – только защищался. Полиции опасаться было нечего, для этого у меня есть свои завязки, но на всякий случай первым не дергаюсь. Подождав, когда он, пыхтя от ярости, подскочит поближе, занося руку с кружкой, ткнул его двумя пальцами под ложечку. Ковальский резко замолчал, уронил кружку и согнулся, разглядывая выпученными глазами грязный пол. Я же, глотнув еще пивка, дал ему щелбан. Ну, конечно, щелбан был не тот, которым награждают друг друга первоклашки, – просто знаю, куда и как щелкать. Так что это был ЩЕЛБАН! Пан великопуляк, не разгибаясь, плюхнулся на пятую точку, а потом медленно свел глаза в кучу и завалился набок. Народ в зале, который с интересом прислушивался к нашей пикировке, замолчал. Все смотрели даже не на меня, а на собеседников Стасика.

И что дальше? А дальше от его столика синхронно поднялись четыре простых таких хлопца. Морды здоровые, плечи широкие, кулаки чуть меньше моей головы и интеллекта в глазах прорва. Это, конечно, шутка такая – про интеллект. С ума сойти, я думал, только у нас таких специально в перестройку клонировали, на страх электорату и прочим мирным жителям. «Интеллектуалы» спокойно двинулись в мою сторону, ненавязчиво охватывая полукругом и отрезая путь к выходу. Ну-ну. Они такие спокойные потому, что по сравнению

с ними я если и не пигмей, то близко к этому. Сами посудите – роста среднего, телосложения среднего, морда у меня тоже средняя. Обычная физиономия – на звезду экрана точно не тяну. Глаза серо-синие, от солнца вечно прищуренные, еще и нос набок слегка свернут. Правда, нос не с рождения, а так – еще в детстве сломали. Кстати, за счет внешности и знания языка поляки меня очень часто за своего принимали, что помогало в делах, которые здесь у моей фирмочки были.

Прихлебывая пиво, наблюдал за перемещениями этого явно криминального квартета. Мне в общем-то тоже не о чем было беспокоиться. Ну откуда этим ухарям было знать, что я, можно сказать, с рождения по гарнизонам мотаюсь. Папанька военный, так что у меня детство и юность прошли несколько отлично от других детишек моего возраста. А вот когда жили на Дальнем Востоке (в отличие от других мест, очень долго – аж пять лет), я, будучи солидным десятилеткой, познакомился с одним мужичком. Он в части занимался тем, что дрессировал личный состав на предмет быстрого смертоубийства себе подобных. Как с оружием, так и без. Отец-то у меня не в летчиках служил и не в танкистах. Подразделение войсковой разведки. В частях, куда его направляли, срочников не было совсем. Служили там ребята, званием начиная от прапорщика и старше.

Так вот этот мужичок, дядя Саша, невзирая на должность гуру и географическое положение полка, вовсе не был каким-нибудь экзотическим японцем или китайцем. Стопроцентный русак. Но что он вытворял! И голыми руками, и ножом, про огнестрелы вообще молчу… Понятно, что я к нему прилип. Поначалу инструктор вовсе не горел восторгом от присутствия пацана на тренировках. Но тут и командир части сказал свое веское слово.

Я был очень прытким молодым человеком и полкач на собраниях не раз высказывался в смысле того, что через младшего Лисова он поседеет и приобретет язву желудка:

– Это же уму непостижимо! Он неизвестно через какие дырки проникает на территорию и шмыгает по всему полку! Его или бэтээром переедет, или бэрдээмкой! Шустрый, вдобавок еще и мелкий – мехвод не заметит и – амба! А кто в танке захлопнулся и вылезти сам не смог – полдня искали?!

Мне эти речи батя пересказывал со строгим наказом – в часть больше ни шагу. Но куда там! Гулять было больше негде, ребят моего возраста в военном городке не было (даже в школу возили за 15 километров на уазике), и я опять пропадал в полку. Поэтому, когда мне повезло набрести на дядю Сашу, командир был вне себя от счастья и, судя по всему, дал ему указиловку уматывать младшего Лисова на тренировках до полного изнеможения, лишь бы по территории полка не лазил.

Поначалу так и было. Домой не приходил – приползал, если еще учесть, что и сотой доли того, чему учили вояк, мне не давали. Но потом, со временем, когда мы познакомились получше и я подрос, дядя Саша стал давать полный курс.

– Ты мужик – значит, боец. Да и дух с понятием в тебе есть. Во всяком случае, для куража людей гнобить не будешь. А в жизни то, что я тебе даю, – очень пригодится.

К тому времени мне было уже лет пятнадцать, и я вовсю собирался стать военным. Приглядел училище – конечно, Рязанское десантное. Потихоньку собирал документы и наводил мосты. В том, что поступлю, – даже не сомневался. Но потом как-то все повернулось по-другому. А вот слова инструктора дяди Саши вспоминал не раз….

Развал Союза застал нас в Закавказье. Отцу тогда всего ничего до пенсии оставалось, а я поступил не в училище, а в институт, на факультет геофизики. Аборигены же, решив, что все их горести, еще со времен Чингисхана – от русских, начали этих самых русских активно давить. Ну, не то что бы всех и вся, но порезвились вволю. Насколько мог, я с друзьями сам защищался и защищал бледнолицых, живущих в округе. Знакомые, незнакомые – тогда разницы не делалось. Русский, киргиз или молдаванин – тоже. Главное – нос не горбатый. И еще – даже во время стычек старались не переходить грань – старались в пылу драки не убивать. Грань перешел, когда наш сосед сказал мне:

– Я вас давьно знаю. Ми соседь. Патаму я вас зарежю не больна.

Странно, ведь мы по всему Союзу колесили. Почти во всех республиках отец служил. И никогда я не был националистом. А вот в тот момент стал. И остаюсь им до сих пор, что бы ни говорили про братство народов, а потом позже про толерантность.

В общем, сунув тело этого козла со свернутой шеей в открытый люк канализации, придя домой, все рассказал отцу…..

Из Закавказья мы приехали в Россию быстро и налегке. Совсем налегке – была у нас пара сумок и чемодан. Там опять поступил в институт, уже на геологоразведочный, а отец – вышел на пенсию. Потом начались смутные времена, но институт я не бросил и крутился как мог. Ну а сейчас, совсем хорошо – есть свое дело (вожусь с компьютерами), денег хватает, и работа нравится. В этой же Польше, как раз по делу, правда не совсем по своему, но от этого не менее важному. Надо прояснить неясности с местной братвой, часть которой сейчас как раз стоит перед носом и явно не собирается лобзать в разные места, прижимая к груди, как потерянного брата.

Ага! Пошла работа! Здоровяк в ярко-желтой шелковой рубашке (вот пошляк) начал движение. Поднырнув под рукой, я сунул пальцем ему под ребра. Не останавливаясь, низко крутнулся на одной ноге, подбив второго хлопца, и, пока он падал, забодал в челюсть третьего. Ого! Пан, ну к чему эти крайности?! Патлатый хмырь достал нож, даже не нож, а целую саблю – как у Рембо, намереваясь, наверное, проткнуть меня насквозь. Хлопнув по руке и выбив нож, я расслабленной ладонью слегка добавил ему сбоку по животу. Как говорил, ухмыляясь, дядя Саша, такой удар очень полезен при запорах. Боли практически никакой нет, а вот эффект! Патлатый застыл на месте, растопырив ноги и выпучив глаза. Завоняло гадостно. Второй тем временем вознамерился подняться, но, получив ногой, передумал. Вся стычка заняла от силы секунд двадцать.

– Ну что, пся крев, будем нормально разговаривать, или вам еще и яйца оторвать?

Сделав страшную физиономию, слегка придавил ногой промежность лежащего, но уже очухавшегося Стасика. Тот почему-то не захотел расставаться с основной частью организма и предпочел кастрационной войне какой не худой, но мир. Потом через него вышел на местных шефов, уладил свои заморочки, и теперь мы, можно сказать, добрые знакомые. Во всяком случае, при встрече пожимаем руки и похлопываем друг друга по плечам. Но место свое Ковальский знает. Еще бы – после моего щелчка он слово «москали» начал говорить с заиканием. Интересный научный факт – болтает без проблем, а как только русских облаять захочет, так сразу клинит и получается – мо-мо-мо-москали клятые! И рефлекторно голову в том месте, куда его приложил, почесывает, явно пребывая не в восторге от такого терапевтического воздействия. Кстати добавлю – я ведь не только компами занимаюсь. То есть, конечно, и оргтехника в моих делах присутствует, но в основном бизнес с легким налетом криминала. Так что в тот раз выступал как представитель братанов с той стороны. Поэтому его польские шефы не порезали меня на ленточки в процессе переговоров, а встретили, как и положено встречать высокую договаривающуюся сторону.

Так что же с машиной? Очень не хотелось вылезать под дождь, но, видно, придется. Стартер даже не шевелился. Может, клемма от аккумулятора отошла? Поеживаясь, выполз из машины и, подняв воротник, открыл капот. Клеммы на месте. Вот зараза! Я же не автослесарь, чтобы влет понять, что к чему. Тут за шиворот попала холодная капля, и меня всего передернуло. Втянув голову в плечи, задумался, пытаясь врубиться, почему эта колымага не едет? Ведь и колеса попинал, и стекло протер. В общем сделал все, что в моих силах…. Вдруг откуда-то сбоку, из-за деревьев, показался яркий свет. Машина, что ли, едет? Почему тогда не слышно мотора? И как она там едет – стволы ведь сплошняком растут? Неожиданно ни с того ни с сего голова закружилась так, что пришлось ухватиться за дверцу, чтобы не упасть. В глазах потемнело, уши заложило. А свет заливал уже меня всего – и, как ни цеплялся за открытую дверь, все-таки упал. Последнее, что подумалось: «Сука, прямо в лужу!»

* * *

– Есть готовность!

– Отсчет пошел, наращивайте мощность.

Интересно, откуда у меня в голове голоса? И что это за язык? Странно, язык точно незнакомый, но слова почему-то понимаю.

– В поле присутствует посторонний объект. Запуск остановить?

– Запуск продолжать – объект игнорировать.

– Нарушение пункта 186/3.

Интересно, тут что – ракеты запускают? Американосы втихаря небось что-то притащили и теперь резвятся. Они сейчас могут по всей Польше резвиться как вздумается, да и на большей части мира тоже. Но язык-то не английский? Мысли в голове ворочались тяжело, тела я вообще не чувствовал. Может, испарениями надышался, от топлива ракетного? Оно ведь, по слухам, ядовитое до одури. А голоса продолжали звучать:

– Объект разумный, абориген категории два, возможны изменения в быр-быр, гыр-гыр…

В чем, в чем изменения? Слова были непонятны. И кто это абориген?! Конечно, я гораздо более местный, чем эти пришлые амеры, но все равно – быть аборигеном как-то оскорбительно.

– Измените настройку дыр-дыр-дыр. При изменении настройки сознание объекта существует до физического уничтожения вновь созданного материального носителя. После разрушения носителя абориген автоматически попадает в то же место и в то же время, в свой ныне существующий носитель. Возможны дыр-дыр изменения, но нарушение пункта 186/3 тем самым аннулируется.

– Аннулирование нарушения 186/3 принято. К пуску готов.

– ПУСК!

* * *

Меня вырвало. О-хо-хо. Как-то в глубинах организма, а точнее, в нутре – нехорошо. Приоткрыл глаза – уже светало. Ну, нехило я тут провалялся! Всю ночь, получается! И где эти испытатели хреновы? Ведь точно, тело в луже видели – аборигеном обзывали, хоть и разумным, носитель уничтожить грозились. Ноги, что ли, пообрывать?.. Блин! Да они же меня ухлопать хотели!!! Вот козлы! Нет, что-то не то… Как раз наоборот, тот, первый, говорил про нарушение инструкции и про носитель, который уничтожать нельзя. Молодец первый! А вообще, что значит носитель?! Это меня целиком называли носителем? В смысле, все тело? Тогда что значит новый носитель? Да в жизни не поверю, что американосы научились сознание отделять и в другие тела подсаживать! Тяму у них не хватит. И вообще, такое пока только в фантастике возможно. Хотя почему я думаю, что это американцы были – язык-то так и не определил, чей? Тогда как его вообще понимал? Причем почти все, что говорилось, только, видно, специфические термины были непонятны и слышались как быр-быр.

А может, это какие-то злобные инопланетяне были?! И на мне, всем таком красивом, экскримент свой жуткий поставили?! И теперь я вовсе не я, а какой-нибудь Зураб Шалвович или Бздынек Сортирский?! А если того хуже – Дуся Чмохина?! В панике, приподнявшись, стал себя осматривать. Ф□фух! Вроде все нормально…. Тело мое, куртка моя, джинсы мои, ботинки мои. Я весь я.

Выходит зря паников… Епрст!.. Где машина?!. Машины не было. В растерянности огляделся. Кусты, деревья, дорога – все на месте… А моим транспортным средством и не пахло. Сперли суки, пока тут в отключке валялся! Вот люди, блин! На ходу подметки рвут! Живой пример процветания гуманизма и человеколюбия – видят, тушка валяется и машина рядом нехилая, с ключами стоит. Так тушку даже пальцем не тронули, матери Терезы недоделанные. Просто тачку угнали. Хорошо хоть просто, а ведь могли и переехать, как это

не раз у бандюков бывало. В полнейшем расстройстве сплюнул под ноги и замер….. А ведь дорога не та – асфальта нет! Грунтовка обыкновенная, и лес по обочинам слегка другой. Деревья вроде пониже, и кустарник гуще. Хотя я не лесник, в ландшафтах разбираться. Но что же получается – меня перевезли и выкинули в другом месте? Интересно, а ведь деньги, ключи, документы – все на месте. Еще раз проверил карманы куртки – ничего не пропало. Блин, да что ж такое творится?

Сквозь радостное орание разной птичьей сволочи вдалеке послышался треск мотоцикла. В голове шумело, и соображалось плохо. Поэтому не двинул навстречу шуму мотора, а наоборот, отошел за кусты, на обочину. Через пару минут мимо меня проехал байк. А я, уронив челюсть, долго смотрел ему вслед. За рулем тарахтелки сидел немец. Вы спросите, как я узнал национальность? А вот, очень просто – немец был в каске, в зеленовато-сером мундире, в сапогах, с винтовкой, противогазом и прочими причиндалами. Второй, что сидел в люльке, был без каски, но тоже в мундире и чего-то жрал. На турели из люльки торчал пулемет. Я хренею, дорогая редакция! В смысле – где я? Что-то стало сомнительно, что поляки устроили тут костюмированную игру, типа – самый красивый фриц. Уж очень морды у тех двух были обыденные. И форма сидела слишком ладно и обмято. Я-то знаю – чтобы роба так обмялась, в ней нужно долго ходить или уметь носить. Вы ведь видели солдат-новобранцев? На них форма – как на лошади фартучек. А тот же черпак или дед, даже получив новую, в тот же день доводит ее до нужной, фасонистой кондиции. Так что в костюмированную войнушку не верю именно потому, что форма на гансах сидела ПРИВЫЧНО.

В организмах было еще не совсем хорошо, поэтому вместо того чтобы паниковать и гнаться за мотоциклистами, в попытке выяснить правду, улегся за куст и принялся размышлять. Все-таки те испытатели, с ярким светом, похоже, не американцы. Похоже, что это как раз таки и есть несуществующие инопланетяне. Надо же – никогда в них особо не верил. Да и теперь в общем, тоже не верю, но против фактов не попрешь. Заглохшая бэха, непонятный свет, странные голоса в башке… Все эти спецэффекты явно неспроста были, так что вполне может быть, какой бы это фантастикой не отдавало, закинуло меня по времени – не пойми куда. Поэтому и дорога совсем сухая – как будто и не было дождя. Хотя как раз дорога – точно другая. Блин, что же делать? Шутки шутками, но все равно, как-то сильно не по себе. Очень утешало одно: те два голоса в голове говорили о том, что при уничтожении носителя нового (это, получается, я сейчас в новом теле, что ли?), вернусь обратно, в то же время и место. Вот, наверное, почему они про время говорили….. Интересно, какой сейчас год? Солнце поднялось уже высоко и ощутимо припекало. Стало жарко, и я, сняв куртку, привалился к дереву, тупо шевеля ногой прелую листву. В голове не укладывалось, как ТАКОЕ в принципе возможно. Одно дело читать про забубенные приключения героев и путешественников во времени, и совсем другое – вляпаться самому. Ведь так не бывает!! Хотя, с другой стороны, хорошо еще не попал, в какую-нибудь фэнтэзи. Там вообще – с мечами все бегают и колдуны через одного. Гномы разные, эльфы сомнительной сексуальной ориентации и кусачие оборотни. Я пытался хоть как-то утешиться, но получалось плохо. Мда… от того, чтобы неожиданно не поехать крышей, спасало только плохое самочувствие. Когда живот крутит и все нутро мелко трясется, не до паники из-за каких-то, пусть и очень странных, несуразностей. Провалявшись еще минут двадцать, слегка пришел в себя. И физически, и душевно. Решив, что неприятности надо решать по мере их поступления, встал, отряхнулся и осторожно выглянул на дорогу. Асфальта на ней не появилось, но и давно канувших в лету исторических персонажей, типа фашистских солдат или древних мамонтов, тоже не было. В обе стороны грунтовка была совершенно пуста…

Ладно – пора выходить к людям и ненавязчиво прояснить ситуацию. Кстати, когда бэха заглохла на дороге, то до границы было километров пятнадцать—двадцать, а может, и меньше. Это если по прямой. Но нам теперь дорог и не надо, спасибо придорожным гопникам или инопланетянам, я еще не определился, кого за это благодарить. А без машины, выходит, теперь любой путь открыт. Ну что – будем пробираться на родину. Пусть кричат

уродина, а она мне нравится, хоть и не красавица. Так, напевая под нос, попрыгал, проверяя себя, – вроде уже совсем очухался, только во рту мерзко и пить хочется. Ничего, найду родник – оживу окончательно. Эти двадцать километров проскочу часа за три. И то – только потому, что бежать надо – сторожась и приглядываясь. А в остальном – дядя Саша учил на совесть, и, хоть столько лет прошло, тренировки я не забрасывал, соответственно навыки остались. Прислушался еще раз – тихо, никто не едет. Но по дороге передвигаться все равно стремно. Может, кто-то и не едет, но ведь вполне может идти пёхом. Нарвусь вот так сдуру на топающий взвод – бегай от них потом по всему лесу – это если сразу не положат. Да уж… в разных переделках бывал, но в такую ситуацию попал впервые. Позже разберемся, что со мной приключилось – фантастика или нет. А сейчас лучше выглядеть в глазах мирных поляков (если таковые встретятся) живым дураком, чем в глазах немцев (если они мне не померещились) мертвым придурком. Так что двину лесочком, вдоль дороги. В случае чего – хрен меня достанут. Застегнув карманы на куртке, чтобы ничего при беге не выпало, в последний раз сплюнул тягучей слюной и неторопливой рысью двинул в сторону границы.

* * *

Интересно девки пляшут – по четыре сразу в ряд. Просто нет слов. Они тут что – всей армией стоят? Так сказать, всем третьим рейхом? Уже четвертый час ползаю по разным буеракам в поисках прохода, но везде натыкаюсь на войска. Медом им тут намазано? Сначала была надежда, что те два гаврика на мотоцикле – все-таки ряженые. Но километров через десять моего кросса дорога, пропетляв по лесу, делала крутой поворот, и там, возле поворота, деревья заканчивались. Дальше шло поле, и за ним опять виднелась стена деревьев. Так вот – все это поле было забито зольдатами. Стояли палатки, курились полевые кухни. Была и техника, но немного. Гораздо больше ее было под развесистыми кронами вязов, дубов и берез, из которых состоял лес. Накрытые масксетями, стояли знакомые по фильмам про войну танки и БТРы. Хотя были и незнакомые. Ну, не совсем незнакомые – некоторые я видел в журналах, а в основном на фото в интернете. Большие, маленькие и совсем уж, как бы помягче сказать, убоищного вида. Размером чуть больше «Москвича». Наверное, танкетки. Ну да, скорее всего – орудия нет, а из крохотной башенки только ствол пулемета торчит. М-да. Парк уродцев. Хотя этот парк до Сталинграда дошел. Но, с другой стороны, главное – не техника, а люди, что ею рулят. А уж фрицы – воевать умели. Это у нас они политкорректностью и правами человека разнежены. Да и то не все. Схлестнулся я как-то в Германии с современными нациками – хорошо ребята держались, до последнего. Если они хотя бы в четверть по духу от теперешних были, то кисло всем придется. Хотя, что я? Точно всем плохо будет – будущее-то мне известно. И с этими знаниями тоже ведь чего-то надо делать.

Ладно – полежал, осмотрелся, но пора уже выбираться отсюда. Одна загвоздка. Фрицы стояли плотно. Причем, зараза, там, где не очень плотно – где можно было попробовать проскочить, – торчали парные посты и наверняка были секреты – парочку я увидел, а в один чуть не влетел. И это помимо обычных КПП на трех дорогах, что проходили в поле видимости. Может, попробовать умыкнуть зазевавшегося одиночку и переодеться? Нет. Не прокатит. Они везде табунами ходят, да и где мне искать ганса по размеру? Еще и язык не знаю. По-английски более или менее врубаюсь, но вот с немецким напряги конкретные… Дождусь лучше вечера и по темноте рвану. Часа эдак через два после отбоя. К тому времени самые неугомонные успокоятся и бессистемное шараханье прекратится. Хотя бессистемными их брожения назвать было нельзя. Часть занималась строевой подготовкой. Часть благоустраивала лагерь. Часть под руководством командиров бегала по лесу, разворачиваясь в цепь и атакуя воображаемого противника. Хорошо еще, бегали не с моей стороны леса, а с дальней, что была через поле. Причем, что интересно, – офицеров почти не было. Командовали в основном сержанты или фельдфебели, хрен их знает, я пока в этих знаках различия не разбираюсь.

Посмотрев на воинскую суету, отошел подальше в лес и прилег. Перед ночными бдениями неплохо было бы отдохнуть. Нет, спать не собирался – не совсем же псих, хотел просто полежать, собраться с мыслями. Вот интересно получается – если я в Польше (а сомневаться в этом не приходилось, потому что видел сбитый дорожный указатель на польском языке), то стоящие такой толпой войска говорят о том, что еще НЕ НАЧАЛОСЬ. То есть они уже вдоль нашей границы, но еще типа друзья до гроба. Только когда же эти друзья начнут в гроб загоняться? Вот будет невесело, если все начнется сегодня или завтра. Хотя если предположить, что меня забросило день в день, со смещением только по годам, то сегодня должно быть 18 июня, среда. А вдруг нет? Ну не у фрицев же число спрашивать? Сначала до наших доберусь…

Вообще-то даже не представляю, что буду делать, когда дойду к своим. Бежать к командованию с криками – я самый умный! я все знаю – глупо. Они свою разведагентуру не слушали, а уж меня-то в лучшем случае в психушку сунут. А в худшем – попаду или к чекистам, или в военную контрразведку, и мне будет очень больно об этом вспоминать. Причем буквально больно. В путешественника по времени они хрен поверят, а вот в шпиона-провокатора – враз! У меня ведь даже сотовый телефон в машине остался. Документы, думаю, и сейчас могут любые сделать, про это еще Ося Бендер говорил. То есть доказательств, что я из будущего, – нет. И начнут тогда крутить на адреса, явки и задания. В смысле – на самую главную фашистскую тайну. А я не Мальчиш-Кибальчиш. У меня натура нежная, ранимая. Грохну пару-тройку крутильщиков, и привет! Против отделения автоматчиков, да без оружия – не сыграешь. Получится, как с Василием Ивановичем, когда на него каратист в Японии набросился: «Куда ж он, с голыми пятками против шашки попер?»

Нет. Не хочу в контрразведку. А куда? Даже не представляю, к кому именно идти. До того, кто что-то решает, например до Берии, вряд ли доберусь, да и не поверит он мне, даже если и доберусь. Во всяком случае, сразу не поверит. Хотя он мужик толковый, судя по тому, сколько на него собак навесили. Правда, до главного чекиста, уж очень далеко. А до более близких начальников… м-м-м… что-то не представляю такого мыслящего человека, который бы и проверил, и поверил, и сумел хоть какие-то действия предпринять. Ну ладно – сейчас задача минимум. Границу перейти. Перейти границу у реки… в строю стоят советские таксисты, тьфу, то есть танкисты, тарам-парам-пам родины сыны. В голове почему-то крутились старые советские марши. Потом появился Сталин в обнимку с Брежневым и погрозил мне трубкой. Брежнев был пьяный и весь в орденах. Ордена тянули генсека вниз, и он, пошатываясь и подергиваясь, пытался удержаться на ногах. Подергивания напоминали танец цыганки с монистами. Держась одной рукой за шею Сталина, Леонид Ильич, повернувшись боком, зазывно наяривал плечом. Ордена звенели, сначала тонко, а потом все громче и громче. Я открыл глаза. Надо же, блин, – все-таки уснул. Сверху доносился надрывный гул, переходящий в звон. Еле видный в ночном небе, над верхушками деревьев, невысоко пролетел самолет. Один. Медленно. А шуму-то – как у мопеда без глушителя. Да уж… Из всех немецких самолетов по силуэту могу отличить только Ю-87, это который «лаптежник», и «мессершмитта» – потому что у него тонкий фюзеляж. Пролетел ни тот и ни другой. Кажется… Правда, видно было очень плохо. Мешали закрывающие небо верхушки деревьев и быстро наступающая темнота. Ну и конечно, знаток силуэтов из меня еще тот. Как эти самолеты должны выглядеть, могу судить только по старым советским фильмам да военной хронике. А эти киношки никак не тянут на учебное пособие… Зато на мягкой подстилке из листьев на удивление хорошо выспался. Даже муравьи не мешали.

Ладно – пора выдвигаться. Встал, размялся – подпрыгивая и молотя воздух руками и ногами. Придя в норму, скользящим шагом двинулся к заранее примеченному длинному оврагу, по которому рассчитывал пройти через немецкие порядки. Не будут же они, в самом деле, до линии границы тянуться? Всяко-разно ближе пяти километров не подойдут. Гансам сейчас нет смысла гусей дразнить, поэтому, главное, вояк пройти, а дальше, рассчитываю, будут уже обычные немецкие погранцы. Только вот выяснилось – в расчетах я несколько

ошибался…

– Хальт! Хальт! Нихт шизен! Гав, гав, гав! Гав, гав! – Это не в смысле собачки – просто быстрый немецкий говор так в голове сливался. Фрицы азартно вопили, загоняя меня в какое-то болото. В толпе загонщиков сначала было даже три мотоциклиста. Но они застряли на дальних подступах, к этой вонючей луже. Байкеры в касках свою застрявшую технику не покинули, а громко давали советы издалека. Я уже был по пояс в воде и, стараясь не шевелить камыши, уходил все дальше. Немцы не отставали. Их бы энергию да в мирных целях. Резвые попались загонщики. Было почти непонятно, что они вопят, но зато можно предположить. Наверняка что-то типа:

– Заходи слева! Обкладывай справа! Живьем брать демона!

А вот хрен вам на всю физиономию! Если уж в овраге не зажали, то теперь уйду.

Надо же было так глупо попасться. Ведь почти проскочил. Двигался уже по третьему оврагу, который очень удачно тянулся в нужную мне сторону. Пока лазил – порядком подустал. Часто приходилось даже не идти, а ползти. Ночью немцев стало даже больше, чем днем. Повальная бессонница у них, что ли? Один раз пришлось отлеживаться под кустом, а надо мной, в полутора метрах, стояли и курили двое тихо переговаривающихся гансов. Но потом стало поспокойнее. Это уже часа три ночи было, и небо в той стороне, куда я так стремился попасть, начинало светлеть. Откуда взялся этот водохлеб, или водовоз, на мою голову? И ведь, главное, как тихо подошел, – я его вообще не заметил. Топал себе топал и вдруг возле родника, что бил на дне низинки, услышал только шорох осыпающийся земли и – рраз! Спрыгнувший сверху фриц, с котелками в руках, ошарашенно пялится на меня и уже открывает рот, намереваясь завопить. Ну, я, конечно, не дал. Лишний шум сейчас совершенно ни к чему. Шаг в его сторону – одной рукой за затылок, другой за челюсть. Позвонки только тихо хрустнули. Брр. Все-таки крайне неприятное дело… Это только в кино врагам шеи походя сворачивают и резво бегут дальше, бороться за мир во всем мире. А меня чуть не стошнило. Ну, не убивец я. Мерзко от этого становится. Еще и пальцами ему в рот попал, теперь вся ладонь в слюнях. И тут сверху голос:

– Дитрих?

Моментально забыв про ладонь, осторожно вытянул у лежащего немца тесак из ножен на поясе. Больше на трупе оружия не было. А сверху опять:

– Дитрих, быр-быр-быр?

Вот же, неугомонный! Может, твой дружок погадить сюда пришел, а ты его отвлекаешь от интимного процесса! На фоне более светлого неба показалась голова. Фриц пытался разглядеть, что творится в темном овраге, и настойчиво домогался носителя котелков. Надо это прекращать, а то он сюда своим свистящим шепотом всех соберет. Я махнул рукой, и тяжелый нож вошел в глаз искателю Дитриха. Блин! Кто же знал, что там стоит еще и молчаливый третий?! После того как шипящий получил в голову лишний довесок, молчаливый моментально перестал быть молчаливым и завопил. А я рванул вперед, к видневшемуся через поле озеру, подгоняемый испуганно-пронзительным криком. Как этот гад орал! Даже не подозревал, что связки можно так натренировать. Ему ж в «Ла Скала» цены не будет, тенору недобитому! Наверное – это ротный запевала… В ответ на захлебывающийся ор почти сразу послышались перекликающиеся голоса. И их становилось все больше. Пум, пум! Вверх пошло две ракеты. Причем обе осветительные. Сразу резко обозначились изломанные тени, и моя шустро улепетывающая тушка стала видна как на ладони. Кстати, надо отдать фрицам должное, сориентировались они моментально. Еще и полпути не успел пробежать до камышей, а за мной уже тарахтели мотоциклы и слышалась суматошная разноголосица.

Но все-таки я успел первым. Это болотце, как и думалось, – заболоченная пойма реки. Теперь дойти до чистой воды – и на ту сторону. Осторожно раздвигая осоку и камыши, которые сыпались на меня колючим пухом, двигался к речке. Было достаточно глубоко – вода доходила иногда почти до груди. В ней плавала разная гадость типа водомерок и неопознанных мною жуков с большими челюстями. Во блин, и не знал даже, что такое у нас

водится! Ф□фух… Вот и речка. В этом месте не очень-то и широкая. Сейчас нырну – и привет Мюллеру… Ага – как же! Дали мне спокойно переплыть на левый берег! В куртке и так плыть очень тяжело, а тут поднялась целая канонада. Подоспевшая немчура шмаляла из всего, что стреляет. Пришлось еще раз нырять. Потом сбросить куртку и опять нырять. Благо было достаточно темно и ракет больше не запускали. А охотников все прибывало. Потом я отсиживался в камышах на том берегу, одним глазом поглядывая на немцев. Эти сволочи часа два не расходились, ожидая, когда и где нарушитель спокойствия начнет вылезать на берег. То, что беглец уже на сопредельной территории, их похоже, совсем не останавливало. Фрицы были достаточно злы, чтобы поплыть за мной, но хорошо, какой-то офицер тормознул лихой заплыв. А то я уже начал волноваться. Нет, пловцов не опасался, только вот разборками с ними мог выдать свое местоположение. И оставшиеся на берегу в полсотни стволов наковыряли бы во мне дырок, благо уже достаточно рассвело. В голове конечно, постоянно сидел разговор зеленых человечков про возврат в старый носитель. Но вдруг я их понял не так?! Ошибаться совсем не хотелось…. Потом немцы покричали что-то в сторону советского берега и стали расходиться. Вряд ли они кричали «Спартак – чемпион!» или пытались продиктовать рецепт приготовления сосисок с капустой. Ругались, небось. Ну да ничего, мне с их воплей ни холодно ни горячо.

Полежал в воде еще с полчаса и осторожно, опасаясь возможного фрицевского снайпера, шмыгнул на берег. Похоже – пронесло. Показав крайне неприличный жест в сторону уже невидимых солдат, отошел за кусты и только собрался отжать одежду, как из-за дерева показался ствол винтовки и звонкий голос предложил:

– Руки вверх!

Глава 2

Здравствуй, жопа, Новый год! Ну конечно. Немцы-то на своем берегу шумели, как стадо бабуинов. Тут и глухой подошел бы посмотреть, что происходит, тем более наряд, в чьей зоне ответственности находится этот участок. Из-за дерева показался носитель винтовки. Паренек в зеленой фуражке, слегка конопатый. На гимнастерке в петлицах два треугольника. Ага – сержант. И ствол в мою сторону смотрит уверенно – видать, не впервой на мушке нарушителя держать.

– Шагом марш! – Он двинул стволом, показывая направление.

– Дай хоть одеться! – Мокрая футболка, свисала с поднятой руки, и на плечо капало.

– Там оденешься. Давай, давай!

Лицо у паренька было серьезное, он всем своим видом излучал убежденность в том, что если его не послушаю – стрельнет. Вздохнув и чуть опустив вперед руки, чтобы на меня не текло, пошел в указанном направлении.

Ба! Как вас тут много… Отойдя подальше, я наткнулся на группу человек в десять. Похоже, что, услышав стрельбу, вся застава сорвалась по тревоге сюда. Остальные, видно, так и сидят в засадах слева и справа вдоль речки. От группы в мою сторону направилась фигура в форме, судя по замашкам – командир. Та же зеленая фуражка, в петлицах три квадратика, получается – старший лейтенант. Вид его мне понравился, и спокойный взгляд, быстро, но тщательно ощупавший мокрого нарушителя с ног до головы, тоже внушал уважение. Профессионала сразу видно. А лицо почему-то – очень знакомое.

– Руки опустить можно?

Я стоял, не дергаясь и не давая повода для беспокойства. Краем глаза увидел, как от деревьев отделился еще один погранец. Он, выходит, все это время страховал своего напарника по наряду, причем совершенно незаметно для меня.

– Погодь руки опускать… Карпов! – Старлей, не оборачиваясь, мотнул головой: – Обыскать!

Подошел Карпов – крепкий детина выше меня на голову, в трещащей на плечах гимнастерке, быстро охлопал мокрую фигуру по карманам, потом, задрав штанины,

поглядел, нет ли чего в ботинках. Блин, еще один спец. Хотя, наверное, только радоваться надо, что у них подготовка на уровне.

– Нет ничего, товарищ старший лейтенант! – отрапортовал Карпов, поднимаясь и делая шаг в сторону.

– Ну, и кто ты будешь, пловец? – Командир опять окинул меня цепким взглядом: – Ладно! Придем на заставу, там и расскажешь…

Потом глянув, как нарушитель пытается убрать от лица капающую футболку, добавил:

– Руки-то опусти.

В этом снисходительном добавлении послышались явные интонации товарища Сухова. Блин! Да он же на главного героя из «Белого солнца пустыни» похож! Практически один в один! Поэтому и лицо его знакомым показалось. Потом старлей резко повернулся и пошел по тропинке. Двое с винтовками встали за мной, и я под конвоем двинул вслед за «Суховым». Остальные зашагали за нами.

Идя в трех метрах за старлеем, соображал, как же нехорошо получается Ведь он задал такой простой вопрос, но ответа у меня нет. Действительно – кто же я такой? Как-то заранее даже и не подумал, что буду говорить. Не рассчитывал вот так – сразу попасться. Может, представиться польским рабочим, свалившим от вконец заугнетавших его немцев? Тогда какой специальности? Прикинул, что знаю о специальностях, и передумал доказывать свою принадлежность к пролетариату. Селянина-землепашца из меня тоже не выйдет. О пейзанах знал еще меньше, чем о рабочих. Черт! И кем же я буду? Надо быстрее соображать, а то скоро придем. Кем же, кем же? В голову, как назло, ничего путного не приходило… А если?..

Опаньки! Есть контакт! Буду студентом. Только какого факультета? То, что геологоразведки в Польше до войны не было, я знал почти наверняка. Какую же специальность выбрать? Явно, что автоматика и системы управления здесь не в ходу. Химиком? Спалюсь моментально. Из химии знаю только бутан – пропан и формулу спирта с водой. Физик? Адвокат? Нет, адвокат опасно. Наш народ к адвокатам относится с предубеждением, да и статьи закона надо знать. Так кем быть? Кем же, кем же… Тут вдруг озарило! Буду студентом-филологом! Студент – понятие само по себе расслабляющее и подразумевающее, бардачное отношение к жизни. А уж филолог. М-м-м… Я даже причмокнул. Никто из обычных людей толком не знает, чему этих филологов учат, а так как, в основном, это женская специальность (во всяком случае, в мое время), то и буду косить под безобидного чудака. Черт! Но чем же эти филологи все-таки занимаются? Ладно – выдам им, что изучал эмпирические новообразования схоластических тенденций. Сам аж не понял, что сказал. Но ведь я могу быть студентом-разгильдяем? Второгодником, так сказать. Который даже на занятия ходил крайне редко? Это и возраст мой, не сильно подходящий для студента, объяснит. И отсутствие глубоких знаний. Помню наш полкач, когда я срочную служил двухгодичником, построив часть, вещал с трибуны:

– Вы, трах тарарах, все потенциальные Герои Советского Союза! Вы, мать, мать, мать, если в плен попадете, даже под пытками никаких сведений врагу не откроете – потому что ни хрена не знаете и знать не хотите!!!

И ведь действительно, ни фига не знали. На военной кафедре нас натаскивали на Т-64. В войсках стал командиром взвода Т-90. И откуда бы, спрашивается, знания взялись? Вспомнив свое состояние по прибытии в полк, особенно в первые дни, решил его спроецировать на теперешнюю «легенду». Так что именно таким студентом и буду, каким был взводным в первый месяц своей службы, – который ни хрена не знает. Причем вечным студентом второго курса. Все, решено! Филолог. Так – а русский откуда знаю? А у меня мама русская. Нет, нет! Вовсе не дворянка – упаси бог! Обычная мещанка и жила в Польше еще до революции. Папа же у меня – врач будет. Хирург. Нет, лучше терапевт. А из родного Ченстохова я свалил, потому как крупно повздорил с двумя пьяными немцами. Кажется, даже кого-то покалечил, и теперь меня ищут, чтобы как минимум расстрелять. Вот и сбежал в самое просвещенное и передовое государство в мире, которому всегда симпатизировал. Ну,

вроде нормально получается. Так и буду действовать.

Пока мы шли, деревья кончились и показались одноэтажные строения. Похоже – застава. Оттуда пахнуло чем-то вкусным, и тут же остро захотелось жрать. Пока в речке плавал и нырял – нахлебался воды от пуза, и теперь, после этого купания, кишка кишке кукиш показывала. Ведь со вчерашнего утра ничего не жевал. Точнее, с позавчерашнего вечера. В пузе заурчало так громко, что даже лейтенант обернулся. Понимающе посмотрев на меня, он спросил:

– Что – живот прихватило?

– Да нет – не ел давно, а у вас тут запахи, как в ресторане. – Я лицом показал, какие именно запахи бывают в ресторане.

Старшой хмыкнул:

– Ну-ну. Ресторанный завсегдатай. Дойдем до места, поговорим, а потом тебя, глядишь, и покормят.

И уже обращаясь к бойцам, приказал:

– Соболев, Петренко, давайте его ко мне, а я сейчас подойду.

Меня завели в один из домиков. В комнате, возле двери, сидел дневальный. Рядом с ним на столе лежала толстая тетрадь и стоял телефон. Пахло ваксой, ружейной смазкой и армией. Я как будто оказался дома – надо же, сколько лет прошло, а этот запах помню. Потом оставляющую мокрые следы тушку провели по коридору и, открыв дверь в дальнюю комнату, предложили сесть. М-да… типичная аскетично-армейская обстановка. В комнате стоял стол, два стула и лавки вдоль стен. На стене висел портрет Сталина, а чуть левее и ниже – Дзержинского. Ну, понятно – пограничцы относились к войскам НКВД, поэтому и Дзержинский. Конвоиры молча стояли за спиной – один возле двери, другой рядом. Просидел я недолго. По коридору послышались шаги, и в комнату вошел давешний старлей. Сев за стол, он достал из ящика чернильную ручку, непроливайку, обычную школьную тетрадь и, слегка прихлопнув по ней рукой, сказал:

– Ну что. Давай рассказывай. Кто такой, откуда, с какой целью перешел границу? Почему нет документов? Начинай вдумчиво и по порядку. Фамилия, имя, отчество?

Он открыл тетрадь и взяв ручку, остро посмотрел на меня.

– Лисовский Илья Вацлович.

Подумав, решил оставить свое имя, изменив только фамилию и отчество, под липового папу – терапевта, коренного поляка.

– Имя у тебя какое-то не польское. – Погранец потер щеку и вопросительно поднял брови.

– А у меня мама русская. – И я выдохнув, начал выдавать наспех заготовленную легенду…

– Так, говоришь, из-за чего с немцами подрался?

Допрос шел уже полчаса. Врал я вдохновенно, закатывая глаза, заламывая руки, только что не подпрыгивал, показывая, какой им нарушитель белый и пушистый попался. Было только непонятно – поверил старлей или нет? Во всяком случае, смотрел доброжелательно, слушал внимательно и кивал головой в такт моим словам.

– А они, пся крев, к девушке приставали. Ну, конечно, помочь ей решил, а тут патруль. Один из немцев в меня вцепился. Я, чтоб вырваться, ему и въехал камнем по голове. Он упал, а я побежал – патруль за мной. Потом домой приходили – хорошо, меня не было. Тогда отец и сказал, что нужно к советским уходить. А документы у меня были, но я их вместе с курткой утопил, когда реку переплывал. Вы же видели, что там творилось?

– Да – знатная стрельба была.

Старшой наклонился через стол и другим тоном сказал:

– Ладно! Эти турусы на колесах, что ты мне развел, пока по боку! Что видел на том берегу? И почему тебя немцы такой толпой гоняли?

Интересно, что такое турусы и почему они на колесах? Секунды на две задумался над этим. Это что – семейные трусы с роликами? Потом надо будет узнать – интересно ведь.

– Ну, что примолк?

– Да вот вспоминаю, чтоб чего не упустить.

Путая русские и польские слова, начал рассказывать ему и про полевые лагеря, и про замаскированную технику, и про то, что буквально в паре километров от границы сосредоточена огромная масса войск. Он слушал, мрачнея и перекатывая желваки на щеках. Я не сказал только, что двух немцев уханькал, а соврал, будто случайно натолкнулся на патруль – вот тут меня и начали ловить.

– Да, парень. Если ты не врешь, то хорошего во всем этом мало. – Лейтенант сжал лежащие на столе кулаки. Потом, приподнявшись, крикнул:

– Соболев!

В дверь заглянул один из конвоиров, которые вышли, когда появился командир.

– Так! Давай этого на гауптвахту. И поесть ему принесите. Я пока в отряд позвоню.

* * *

Губа представляла собой комнату три на три метра, с парой маленьких окошек под потолком и двумя койками, застеленными солдатским одеялом. Не камера – курорт! Сиживал я как-то на губе современной. Так там стены под шубу отделаны, окошко крохотное зарешеченное и не кровати, а пристяжные нары. Офицерская часть губы была тогда на ремонте, поэтому сидел в солдатской. Недолго, часа три, потом комбат вызволил, но сравнивать теперь есть с чем.

Минут через двадцать принесли обед. Даже обедище! Здоровенная миска борща и такая же – макароны по-флотски. И еще три больших куска хлеба. Вот теперь можно жить! Пока я ел, конвоир стоял рядом с открытой дверью.

– Сильно, видать, оголодал. – Боец сочувствующе посмотрел на меня.

– Это точно!

Налопавшись как удав, почувствовал себя совсем замечательно. Еще покурить бы. Мои сигареты вместе с курткой сейчас где-то на дне Буга лежат, поэтому спросил у часового:

– А что, боец, не угостишь куревом?

Соболев сдвинул белесые бровки, прогнал в головном компе варианты ответов и выдал неправильный:

– Не положено! По уставу, на гауптвахте курить не положено!

Меня просто умиляло, как они все губу – гауптвахтой называют. С уважением и пиететом. Я бы не удивился, если б они ее гауптической вахтой звать начали. С них станется…. Уставники, блин. Но курить-то хочется…

– Соболев, слушай! Я же не солдат и в армии не служу, человек гражданский, просто временно задержанный, так что – при чем тут устав?

Бедный Соболев завис минуты на две, а потом просветлел лицом и, подняв палец, сказал:

– Ты сейчас на территории воинской части, да еще и помещенный на гауптическую вахту (о□о… сейчас умру), так что устав здесь распространяется на всех, и на задержанных тем более.

Когда он вышел, заперев дверь, я лег на койку и, закинув руки за голову, уставился в окно. Ну, пока вроде ничего дела идут. Сижу, правда. Но темница не сырая и кормят хорошо. Завтра они, насколько знаю процедуру, должны будут меня отправить в отряд. Ну а по пути – сбегу, если же не получится, буду действовать по обстоятельствам. Всерьез свое положение почему-то не мог воспринимать. Как будто все не со мной происходит. И ночная беготня, и сейчас. Настроение было хорошим, желудок полным, перспективы неясными. А где-то глубоко внутри была уверенность, что все будет нормально. Потом, поворочавшись, незаметно для себя уснул.

Вечером меня разбудил уже другой боец – незнакомый, с толстыми щеками и носом-картошкой. Он принес ужин, а потом препроводил к командиру. По дороге в штаб я обратил

внимание, что бойцы, идущие строем, с мыльно-рыльными причиндалами, явно топают в баню. Значит, сегодня суббота. У нас, в армии, суббота испокон века был банный день. Сначала ПХД, а потом, вечером, в баню. И вдруг что-то меня сильно напрягло. Очень не понравилось то, что увидел. Вся эта идиллия стала поворачиваться пугающей стороной. Масса фрицев на границе, а здесь баня, тишина, суббота…. Суббота!

– Слушай, а какое сегодня число?

Не останавливаясь, повернул к конвоиру голову, с напряжением ожидая ответа. И дождался:

– Дык двадцать первое с утра было.

– Июня?! – У меня аж волосы на загривке встали дыбом.

– Да, паря, видно ты сильно башкой ударялся, пока от немцев бегал. Июня, июня. Давай, шагай! – Боец слегка подтолкнул меня вперед.

Писец, приехали! Это же буквально сегодня ночью все и начнется! А я тут на губе заперт буду. И вряд ли кто обо мне вспомнит, когда немцы эту заставу в пыль стирать начнут. От благодушия, что посетило после ужина, не осталось и следа. Даже курить расхотелось.

Поэтому, только зайдя в комнату, где сидел командир заставы, сразу взял быка за рога:

– Имею сведения государственной важности, которые могут быть переданы командованию в звании не ниже подполковника из разведуправления! Требую немедленной отправки к вашему командованию.

Я сильно рассчитывал, что меня отправят в отряд прямо сейчас, подальше отсюда, и по пути сумею сделать ноги и действовать уже, так скажем, в индивидуальном порядке, без конвоя.

– Экий ты прыткий! – Старшой с удивлением посмотрел на меня. – А почему сразу не наркому? И никуда я тебя сейчас отправлять не буду. Машина только завтра подойдет.

– До наркома далеко, а у меня есть сведения, что сегодня ночью немцы совершат крупную провокацию на вашем участке границы. Вся зона ответственности отряда будет подвергнута массированному орудийному и минометному обстрелу. Возможна высадка десанта для прощупывания линий обороны и обозначения огневых точек. И еще, кстати, машины завтра не будет!

Я специально начал излагать командно-штабным языком. Это чтобы начальника заставы получше пробрало. Особенно, когда он почувствует контраст с предыдущим допросом. Про то, что это война, решил не говорить – не поверит. А вот в провокацию – вполне. Старший лейтенант во время моего монолога сидел крутя ручку, а потом мотнул головой и сказал:

– Студент, говоришь? Х□хе!

Ну точно товарищ Сухов! И хекает так же.

Он встал и прошелся по кабинету.

– А что ж ты с утра молчал? А, филолог? И почему так уверен, что машины не будет?

– Уверен – потому что знаю. Не до меня завтра будет. А молчал потому, что считал, будто сегодня двадцатое число и время у меня еще есть.

Черт! Как-то неубедительно все получается. По глазам вижу, не верит мне старлей. Поэтому уже с отчаянием добавил:

– Ну сам посуди, старшой! Немцы ведь над тобой через день летают. Так ведь? – Он машинально кивнул. – Расположение твоей заставы знают вдоль и поперек. И сегодня ночью, то есть уже завтра, в районе четырех утра, начнут долбать. Я это точно знаю. Не просто так, по их стороне ползал.

Видно, что-то в моем голосе заставило его усомниться в своем неверии.

– Кто же ты такой, студент? И откуда все это знаешь? – Старший лейтенант прошелся по комнате и, достав пачку папирос, закурил.

– И ты узнаешь – через каких то шесть часов. А кто такой – сказать не могу. Тебе не могу, извини – не твой уровень. Ты пока с оперативным свяжись и передай ему, чту от меня

узнал.

– Не учи ученого.

Он с силой вмял папиросу в пепельницу и, кликнув часового, вышел, оставив меня сидеть. А я, свистнув из оставленной на столе пачки папиросу, закурил и начал размышлять о том, что обратно в камеру по всякому не вернусь. Попытаются засунуть – буду вырубать конвоиров. От меня, похоже, такой прыти не ждут. Потом рвану в глубь территории. В одиночку, сидя в камере, войну не выиграть. И впустую погибать не по мне. Конечно, хочется помочь людям, но ведь не против их воли. А когда все уже завертится – буду я здесь или нет, разницы никакой. Тут мысли перескочили на другое. Этого командира заставы, похоже, все-таки получилось зацепить. Если бы начал буровить про войну, он бы меня послал, а так – обычная провокация на его участке. Опасности подвергается его личный состав, за которого он, как всякий командир, в ответе. И замашки у него именно отца-командира, я это уж отследил. Не-е-ет. Он точно начнет что-то предпринимать. Во всяком случае сегодня ночью никто спать не будет. А со студентом-филологом, похоже, пора завязывать. Буду косить под нашего разведчика-нелегала. Жалко… Быть студентом у меня хорошо получалось.

Тут появился старлей и, не садясь за стол, подошел к окну.

– Связи нет. Я уже послал человека в отряд. – Он повернулся: – Говоришь, в четыре?

– Да. В четыре утра. Может, раньше. Часа в три. Но сегодня – это точно.

Я немного подумал и спросил:

– И еще – часто у вас связь пропадает?

– Нет, в этом году новую линию протянули, до сегодняшнего дня ни разу не прерывалась.

Он посмотрел на меня, в глазах мелькнуло понимание и, кликнув бойца, приказал позвать своего зама и комсорга.

Я поднялся со стула и подошел к лейтенанту.

– Может, познакомимся? – протянул ему руку. – Лисов Илья Николаевич.

Командир заставы хмыкнул:

– А как же Вацлович?

И, протянув свою ладонь, представился:

– Сухов Андрей Иванович.

Вот это да! Товарищ Сухов! Бывает же такое! Не зря он мне сразу понравился. Видно, глаза у меня стали совсем ошарашенные, потому что старший лейтенант спросил:

– Что такое?

– Да нет. Ничего, просто ты мне одного хорошего знакомого напоминал, а теперь выяснилось, что ты его тезка.

В этот момент в комнату зашли еще двое. Оба лейтенанты. Сухов жестом предложил им садиться и, резко выдохнув, начал:

– В общем, так, товарищи командиры, тут ко мне поступили очень интересные сведения…

* * *

Время было уже три часа двадцать минут. Весь личный состав заставы, а их было человек тридцать, находился в окопах. Бойцов вывели из казармы, когда стемнело, и скрытно разместили по местам. У них здесь, оказывается, все заранее было приготовлено. И основная, и запасная позиции. Окопы полного профиля. Оборудованные пулеметные точки. То есть народ, что называется, был в полной боевой. Зря нас потом учили, что никто войны не ждал. Во всяком случае, пограничники – точно были готовы ко всему. Мне Андрей и поверил только потому, что еще неделю назад им из отряда сообщали о возможной крупной провокации немцев. О войне разговора не было, но все на заставе понимали, что на том же Халкин-Голе тоже был пограничный конфликт. А ведь в нем участвовали и танки, и

самолеты, и артиллерия. Про пехоту я вообще молчу. Поэтому мы с Суховым и его замами стояли под деревьями, возле линии окопов, курили и прислушивались к далекому гулу, что доносился с той стороны. Мне, взамен утопленной, чтоб не мерз, дали куртку. Тоже кожаную, похожую на летную. От леса тянуло сыростью, потихоньку начинал подниматься туман. Бойцы сидели по окопам, тихо переговариваясь и настороженно вслушиваясь в то, что происходит в стороне границы.

– Твой посыльный не вернулся? – Погасив окурок под каблуком, я повернулся к командиру.

– Нет, хотя уже часа два, как должен был.

Старлей зло ударил себя кулаком в ладонь:

– Не нравится мне все это!

В этот момент из-за леска взлетела красная ракета, а потом послышались выстрелы. И почти одновременно с этим по ушам ударил тяжелый грохот. Я ошарашенно смотрел, как расположение заставы разносит в щепки немецкая, ну, как минимум, батарея, бьющая из-за реки. Точность попаданий была поразительная. За пару минут были уничтожены все постройки. Причем, что характерно, первой взлетела на воздух казарма. Сначала даже мелькнула мысль о фрицевском корректировщике, но потом я ее отмел. У немцев было столько времени самым тщательным образом нанести место расположения заставы на карту, что никакой корректировщик не нужен. А вот если бы он был – накрыло не казарму, а нас. Мы же курили тут, не скрываясь, хотя под деревьями, может, были и незаметны… Все равно – эти погранцы меня водкой до конца жизни теперь поить обязаны. Арт-обстрел же продлился от силы минут пять и затих. На заставе что могло гореть – горело.

– Не соврал, «студент»! – Сухов хлопнул меня по плечу и зло ухмыльнулся: – Началось! Сейчас бойцы с нарядов слегка переправляющихся потреплют и отойдут к окопам. Кстати, Илья, а какое у тебя звание – если не секрет?

Похоже, командир заставы уже не сомневался, что я наш засланный казачок. Коллега, можно сказать. Разведка ведь тогда тоже НКВД курировалась. Это хорошо…. Оружия, правда, так и не дали. Ну да это лишний раз говорит о профессионализме ребят.

– Такое же, что и у тебя, – старший лейтенант (я ни капельки не соврал – именно это звание и получил перед дембелем).

– Видишь, какое дело, в штаб отправлю тебя при первой возможности. И охрану дам. Я бы прямо сейчас отправил, но мне очень не нравится то, что делегат связи не вернулся.

– Какой разговор! – Я махнул рукой. – А посыльного, похоже, ты не дождешься. Те, кто связь сегодня ночью резали, те и курьеров с вестовыми отлавливали.

В штаб мне теперь торопиться было вовсе не с руки. А Сухов-то – жук какой! Охрану он даст. То есть не конвой – это вроде бы доверяет мне, а охрану. Чтоб, значит, сдать с рук на руки, под роспись. Угу. Щас! Похоже, лозунг – доверяй, но проверяй – тут с молоком матери впитывают. М-да, и водкой всю жизнь поить пока тоже не собираются… Поглядывая на горящие руины заставы, думал, что именно вот как, оказывается, все было. Солдат гасили прямо в казармах – пока они проснуться не успели. И встречал бы товарищ Сухов (если б жив остался) наступающих немцев только с теми людьми, что в наряде на границе были.

Гул, что теперь слышался даже через перестрелку на речке, нарастал. И в него вплетался новый звук. По светлому уже небу высоко над нами шли самолеты. Очень много самолетов. И шли они со стороны границы. Какое-то время мы провожали их глазами. Потом я тронул старшего лейтенанта за рукав:

– И вот еще что – не конфликт это. Война. Извини, сразу не сказал. Да и не поверил бы ты. А сейчас – сам видишь. Эта армада на Минск пошла и приграничные аэродромы бомбить. Так что исходи именно из этого.

– Вот зарррраза! – Он сплюнул. – Как знал! А! – Андрей махнул рукой: – Какая разница. Все равно нам первый удар держать! Плохо только, что связи нет.

Он достал пистолет из кобуры, зачем-то протер его рукавом и пошел в сторону пулеметного расчета, который располагался метрах в двадцати от блиндажа. Рядом со мной

остался стоять его зам. Стерегут, однако. Ну да ладно.

Кстати очень хорошо, что командир мыслит так позитивно. Информацию о войне воспринял без какой-либо растерянности и ажиотажа. Мне нравится такой подход. Сейчас ему, конечно, ничего говорить не буду, а вот как начнут нас прижимать – скажу. И то, что помощи ждать бессмысленно, и то, что это все ну очень надолго. Прислушался к себе. Страха не было. Вообще. Было только какое-то чуть ли не радостное возбуждение. Но, я так думаю, что страх еще придет. Когда нас начнут гасить из минометов, тут-то и будет время пугаться. Мне знающие люди рассказывали, что именно минометный обстрел страшнее всего. Ну, может еще, когда вертушка НУРСами обрабатывает – но это быстро. Чик, и все – если не повезло, то твои ошметки летают среди поднятой взрывами земли. А вот миномет – долго, тягомотно и очень страшно.

Тем временем стрельба начала приближаться. Из леса показались отходящие перекатами бойцы. Нет, все-таки молодец у них командир! Даже этому научил. Не толпой бегут, а отходят грамотно, прикрывая друг друга. Сухов, до этого наблюдающий за опушкой в бинокль, стоя на бруствере, зычно гаркнул:

– К бою!

И спрыгнул в окоп. Мы попрыгали за ним. От леса до окопов было метров шестьсот-семьсот. Бойцы бежали прытко, некоторые были уже недалеко. Я поглядывал в их сторону и соображал, что могут, вот прямо сейчас, против нас выставить немцы. Рокадных дорог тут нет. Крупных стратегических объектов тоже. Так что очень большие силы на подавление какой-то заставы бросать не будут. Может быть, даже без артиллерии обойдется. Та батарея, что нас обстреляла, полковая, как минимум. И уже наверняка ушла, потому как полк против нас бросать, думаю, будет расточительно. Это даже, скорее всего – мы все-таки не Брестская крепость. Могут просто обойти, если окажемся крепким орешком, оставив на потом, второму эшелону, который начнет нас гвоздить издалека. Но к тому времени я надеялся уже убедить Андрея начать войну не «единой стеной, обороной стальной», а по-другому. Тем более что единой стеной стоять явно не с кем. До соседей справа и слева, по словам командира, по полдесятка километров. Тем временем бегущие, тяжело дыша, посваливались в окопы. Судя по тому, что двоих тащили под руки, – они были ранены.

– Все? – Я повернул голову к заму Сухова со смешной фамилией Юрчик.

– Четверых не хватает. – Он сморщил лицо и с надеждой уставился на опушку леса.

А прибежавший сержант уже докладывал командиру. Он говорил, что немцы, численностью до двух рот, на участке заставы форсировали реку и продвигаются в глубь территории. Что у нас убито трое, одного взрывом сбросило в реку – неизвестно, что с ним, и двое раненых. Потом передал документы убитых Сухову. Ну, парень – молоток. Он еще и документы убитых умудрился собрать! Уважаю… Сержант, кстати, был тот самый, что брал меня возле речки. Только теперь конопушек почти не видно под слоем грязи и крови, текущей из разбитой брови.

Тем временем на опушке замелькали фигуры. Фрицы так сразу опасались выскакивать на открытое пространство. Ну понятно – сначала поразглядывают нас в бинокли, прикинут, что к чему, перегруппируются и только потом полезут. Минут пять было тихо, а потом от леса отделились человек пятьдесят и цепью шустро порысили в нашу сторону, все больше забирая вправо. Сухов передал бойцам, что огонь только по команде. Прямо как в кино! Типа – героические пограничники встречают превосходящие силы врага, с выдержкой и отвагой. Я и ощущал себя как в кино, с интересом наблюдая за перемещениями немцев и приготовлениями наших. Страха до сих пор не было. Немцы тем временем вытянулись в цепь, основной фронт которой приходился на развалины заставы. Блин! Да ведь они нас толком не видят! Дым сюда сносит, и туман еще не рассеялся. А тот десяток бойцов, что скрылся в нашей стороне, для них опасности не представляет. Наверняка у гитлеровцев сейчас задача стоит – завладеть расположением заставы. И они ее выполняют, не отвлекаясь на посторонние движения. Ведь по их прикидкам – окопы, где мы сейчас торчим, должны быть пусты. Это если немцы о них вообще знают, потому как над траншеями была натянута

масксеть и с воздуха их обнаружить было проблематично.

Так, они все-таки решили проверить, куда делись уцелевшие пограничники, и от цепи человек пятнадцать двинулись прямо на нас. В нашу сторону повернул и один пулеметчик из тех, что шли за наступающими. Вообще, если точно говорить, их было двое, потому что пулемет тащили два человека. Я толкнул в плечо стоящего рядом Юрчика:

– Пулеметчиков надо валить первыми. А то нам станет совсем грустно.

– Завалим, – тяжело выдохнул он, поудобнее устраиваясь на бруствере.

И чего Сухов медлит – нас же сейчас заметят. Только я это подумал, как старлей рявкнул:

– Огонь!

Пулеметчики упали сразу, еще несколько человек тоже. А остальные просто залегли и начали стрелять в ответ. У пограничников, помимо винтовок и одного ППД, было еще два пулемета Дегтярева с круглым диском-нашлепкой наверху. Я первый раз в жизни увидел, как он стреляет. Это было нечто. Такое впечатление, что своим лязгом пулемет заглушал даже грохот выстрелов.

И что мне сейчас делать? Оружия нет, из пальца не стрельнешь. Приходится, лишний раз не подставляясь, просто посматривать за обстановкой. Зараза! Очередной раз, высовывая голову из окопа, заполучил в глаза целую горсть земли от пули, попавшей в бруствер. Метко стреляют, сволочи. Да и что-то много их стало. Огонь с той стороны явно усилился – к месту боя подтянулись остальные гансы, похоже, наплевав на изучение остатков заставы.

* * *

Тихо. Ни выстрелов, ни грохота. Было слышно, как чвиркают какие-то лесные птицы. Достаточно высоко поднявшееся солнце ощутимо припекало. Сильно воняло сгоревшим порохом и еще чем-то кислым. Немцы уже с полчаса тихарились в лесу. Видно, обдумывали, как нас половчее взять. Хотя, скорее всего, засылали хелпы старшим братьям. Это тем, у кого стволы побольше или броня потолще. Хорошего от такого молчания ждать не приходилось. Когда они на нас навалились, я уж подумал, все – капут. Наиболее прыткие фрицы подбирались так близко, что добрасывали до нас свои гранаты на длинных ручках. Удобная, кстати, вещь – далеко летит. Но таких выскочек довольно быстро или отстреливали, или отгоняли. А они все перли и перли. Погранцы же молотили изо всех стволов. Гулко хлопали винтовки, их солидно поддерживали два «дегтяря» по флангам. Единственного ППД, с которым таскался комсорг, исполняющий обязанности замполита заставы, на этом фоне почти не было слышно. Правда, вначале я не мог понять, противник падает, потому что в него попали или он просто залег. А потом как-то раз, и все! Прозвучал свисток, и напор атаки резко ослаб. Услышав свист, удивленно высунул нос из окопа и наблюдал, как немцы организованно откатываются к лесу. То есть получается, их командир принял решение и вместо того чтобы, надсаживаясь, орать, дунул в свистелку, тем самым дав приказ на отход.

Бой длился минут двадцать, но устал за это время, как будто вагоны разгружал. Хотя я-то в нем как сторонний наблюдатель участвовал. А вот фрицам пришлось побегать и попрыгать вволю. Да и у наших бойцов гимнастерки были мокрые. М□да… Организм во время такого выкладывается полностью и, несмотря на мощный выброс адреналина, человек все-таки быстро выматывается. Это только в кино можно часами идти в атаку и вести бой, а в реальной жизни вон как получается… Наверное поэтому даже тридцатилетний в армии считался достаточно пожилым. А уж сорокалетний – это вообще глубокий старик, и дальше обоза или техобслуги их старались не посылать. Они бы просто физически не выдержали такого темпа. Хотя, конечно, на войне случалось разное, бывало, и пенсионеров из ополчения в бой кидали. Но это больше от дурости и отчаяния.

А немчики, после свистка своего рефери, отошли к опушке и там затеяли нездоровую возню.

«Пум! Шшихх! Бах!»

Ага. Вот и минометы. Калибр, судя по всему, поменьше, чем у советских, скорее всего, миллиметров 70–80. Во всяком случае, если по звуку судить. То ли дело наш полковой – 120-миллиметровый. Он долбает так – уши отклеиваются. И бьет издалека, из-за укрытий. У немцев таких «самоваров» пока нет. Гораздо позже, натерпевшись под тяжелыми минами и захватив в Харькове документацию, они к сорок третьему году его скопируют. А пока, выходит, развлекаются с этими. Дальность выстрела у этих коротышек была вполне приличная, но за спиной у минометчиков был лес, поэтому они расположились на опушке, за кустами. И судя по деловой суете, возникшей там, скоро пристреляются и потихоньку ухлопают всех, кто сидит сейчас в окопах. Что-что, а минометчики у немчуры всегда были классные. У нас сейчас двое убитых и еще пятеро раненых – это за время прошедшего боя. А через полчаса фрицы без потерь подойдут к позициям и добьют тех, кого мины не добили.

– Приготовиться к атаке! – Старлей, выкрикнув команду, взял винтовку и отвел затвор, проверяя патроны.

– Ты что творишь? – подскочив к командиру, дернул его за плечо. – Там же пулеметы! В пять секунд всех положат, и крякнуть не успеете.

Я как-то даже разочаровался в Сухове. Надо же такое придумать. Вон ведь эти сраные минометчики. Их же видно, хоть и за кустами ныкаются. Бери и отстреливай. Далековато, но можно!

– А что, здесь сидеть и ждать, когда всех положат? – Сухов повернул ко мне закопченное, грязное лицо и зло выпятил челюсть.

– Вон же они, стреляй – не хочу! – Я даже начал подпрыгивать от негодования, на минуту забыв то, что для меня кажется хоть и трудным, но выполнимым, для них – просто нереально.

– Не достать их там. Нет у нас снайперки, и даже для нее далеко.

Мы говорили очень тихо, да и мины бухали, заглушая разговор, поэтому командир и не дал сразу по башке за подрыв своего авторитета, а просто отпихнул меня, уже готовясь выскочить из окопа.

– Я достану! Дай ствол!

Вырвав из рук опешившего Андрея винтовку и мельком оглядев ее, припал к брустверу. Так, дальность на максимум, дышать ровнее и, вообще, как там дядя Саша учил? Слиться с оружием, ствол просто продолжение взгляда, а я и есть пуля, куда захочу, туда и попаду. Бах! Есть один. Бах! Есть второй. Бах! Фигурка подносчика, закрутившись волчком, упала. Один расчет миномета выбит подчистую за каких-то десять секунд. Вообще-то, конечно, было тяжело. Минометчики торчали далеко, на грани моих возможностей, но я их сделал. И винтовка хорошая. Не СВД, конечно, современная, а СВТ – самозарядка Токарева. И чего ее хаяли все? Капризная, дескать, и ненадежная. Зато бой отличный и затвор дергать не надо. Следи только за газовым регулятором и чисти вовремя. Хотя в РККА пехота всегда была или из деревень, или, что еще круче, из аулов. Для них мотыга – это уже вершина человеческой мысли, а тут регулятор, еще и газовый. Мозгов не хватало разобраться с оружием, вот и ругали его.

Я тем временем начал сокращать второй расчет. Они стояли неудобно – еще дальше первого и под углом. Поэтому чаще начал мазать. Но потихоньку дело двигалось. Щелк! Патроны кончились. Кто-то сунул в руку полную обойму, и я, вогнав ее в приемник, продолжил стрельбу. Немецкие фигурки вдалеке как-то сильно заволновались. Забегали, начали залегать. Видно, только сейчас дошло, что их нагло отстреливают. Кто-то пробовал окапываться, но землекопов я тоже безжалостно изничтожал. Потом начали оттаскивать минометы и их пострадавшие расчеты в лес, за пределы видимости. Ню-ню. Неужели лопухнутся? Надеюсь, они достаточно разозлились, чтобы принять неправильное решение… Есть! Из леса опять начало бумкать. Сделать они успели еще выстрелов пять, как в кронах деревьев, над их позицией, мы заметили разрыв. Ха-ха три раза. Ну кто же в лесу стреляет? Там деревья, ветки. Вот одна из мин, только взлетев, и зацепила за что-то.

Все. Стрельба прекратилась. Стало тихо. Я, отлипнув от бруствера, повернулся и протянул винтовку Сухову, который смотрел на меня круглыми глазами.

– Нет, парень! Оставь ее у себя!

Старлей подвинул винтовку назад, не переставая меня разглядывать и как-то ошарашенно улыбаться. Видно, сильно его пробрало такое сольное выступление.

– Где ж ты так стрелять наловчился, а? Кто бы мне рассказал, не поверил в жизни! Я сам призы получал за меткую стрельбу, но чтобы ТАК стреляли – и не слышал!

Он покрутил головой, все еще находясь под впечатлением.

– А это у меня семейное.

Я ухмыльнулся и продолжил:

– Ты лучше думай, что дальше делать будем. Немцы сейчас настучат своему начальству, что здесь их обижают, и за нас возьмутся всерьез. Надо отсюда уходить. И чем быстрее, чем лучше. Ведь те две роты, что переправлялись, сейчас где-то недалеко. А нас давило не более полуроты, ты сам видел.

Меня, после того как разделались с минометами, стал остро заботить вопрос эвакуации. Действительно, если сержант говорил, что на нашем участке будет до двух рот (а это человек двести), то где же остальные? Мы пока видели пару взводов – не больше. Понятно, что у каждого свои задачи, но уж на уровне «рота—батальон» можно перегруппироваться как хочешь и в быстрые сроки. Так что, пока мы тут трындим, вполне возможно, остальные потеряшки быстрым темпом заходят к нам с тыла, от того лесочка, что за окопами. Поэтому я опять обратился к Сухову:

– Слушай, командир. Какие у вас нормативы для подхода подкрепления существуют?

– Полчаса. Это из отряда. И еще в течение часа должны подойти линейные части.

Старлей вздохнул и стиснул челюсти. Видно, и его терзали смутные сомнения, что все идет как-то не так. Ну, правильно. Мы тут уже часа четыре валандаемся. И в общем-то всем понятно, что если немцы опять попрут, то будет туго. А если попрут в обновленном составе, то есть ротой, тогда трындец. Не удержимся. М□да… Попробую ненавязчиво дать совет командиру:

– Вообще, если считать, что застава пошла в атаку, то вы все уже лежите во-о-он там, в поле.

Я показал, где бы лежал личный состав после самоубийственной атаки.

– И что? – Сухов мрачно посмотрел на меня, потом смягчился и спросил: – Что ты хочешь сказать?

– Хочу сказать, пока фрицы репы чешут, надо уходить в сторону расположения отряда. Или ближайшей воинской части. Здесь мы уже явно своих не дождемся, а если немцы против нас хотя бы броневик пустят, сам понимаешь… Ведь ружей противотанковых у тебя нет?

– У меня и гранат противотанковых почти нет. Четыре штуки всего. Мы же не пехотная часть. Больше и не надо было.

Старлей, похоже, не мог понять, что происходит, и это его нервировало. Где армия? Где помощь отряда? Куда все делись? Связи нет. Раненых надо эвакуировать, а как? Но перед подчиненными нельзя было показывать свою нервозность. А вот я – другое дело. Лисов, фигура нейтральная, которую можно не стесняться. И совет принять не зазорно. Наконец он решился:

– Командиры отделений, ко мне!

Через пару минут к нему подскочили три сержанта и его зам Юрчик. Замполит был ранен и лежал с другими увечными в небольшом блиндаже. Хорошо еще, тяжело раненных не было, и санинструктор пока справлялся.

– Сейчас скрытно выдвигаемся в сторону расположения отряда. Прикрывать останется сержант Иванов и пятеро из его отделения. Кто – на твое усмотрение. Один пулемет тоже тебе оставляем.

Тут командир сменил тон и, глядя на моего конопатого знакомца, сказал:

– Ты тут не особенно геройствуй. Постреливай по немцам, пусть думают, что мы все

здесь, а потом, минут через десять, уходи за нами.

– Есть, товарищ командир!

Иванов козырнул и побежал по окопу к своему отделению, а старлей начал доводить до остальных порядок отхода.

Все-таки нормальный мужик Сухов. Смелый. Другой бы просто уперся рогом и остался на месте. Потому что немцы убьют или нет, еще не известно, а вот свои, за оставление без приказа позиции, – точно к стенке прислонят. А он и людей бережет, и решения принимать не боится.

Тем временем бойцы, скрываясь в траве, где пригнувшись, где ползком, уходили на восток, туда, где был большой лесной массив. Ушли удачно. Только все собрались под деревьями, как со стороны окопов послышались звуки разрывов. Да уж. Это не давешние «самовары». Это явно гораздо серьезнее. Били из орудий. Глядя в ту сторону, я увидел, что Иванов успел свалить и ходко, вместе со своими подчиненными бежит к лесу. А над нашими позициями в небо взлетают высокие фонтаны земли, подсвеченные изнутри красным. Вовремя смылись, очень вовремя. Останься мы на месте – боеспособных людей уже не было бы. В окопах валялись бы только раненые, контуженые да убитые.

Дождавшись, когда запыхавшийся арьергард достигнет основных сил, Сухов, назначив дозорных, повел бойцов в глубь нашей территории. Погранцы шли быстро и тихо. Подстреленных бойцов тащили на носилках, которые санинструктор приготовил заранее. Нас пока никто не преследовал. Да и с чего бы? Немцы усиленно обрабатывали покинутые окопы и, похоже, останавливаться не собирались. Ну и флаг им в руки. Каждый снаряд, он денег стоит. И чем больше будет снарядов, выпущенных впустую, тем больше Германия выкинет денег на ветер. Бабки, они и на войне основную роль играют. Не зря же нашим за каждый подбитый танк или сбитый самолет крупные премии выплачивали. И разведка немцев вербовала вовсе не на голый патриотизм (сколько их там, сочувствующих Тельману, после чисток осталось), а исключительно за твердую валюту. И поставки по ленд-лизу золотом оплачивались. Только в середине семидесятых расплатились по ним, и то не полностью. Шлеп! Отогнутая впереди идущим ветка чувствительно мазнула по лицу. Я очнулся от философствований и удивился, с чего бы меня вообще о деньгах рассуждать потянуло? Видно, безденежная юность сказывается… Тем временем деревья становились реже, и впереди было видно открытое пространство. Хорошо просматривался перекресток дорог. К старшему лейтенанту подбежал один из бойцов, посланных в дозор, и доложил, что по дороге двигаются немцы. Много. Идут колонной, в которой два десятка машин, пять танков, орудия и в пешем строю не менее батальона.

С опушки было видно, что за перекрестком было селение, в котором догорали дома.

Пока Сухов рассматривал открывшуюся картину в оптику, я подошел к нему и, кивнув в сторону деревни, спросил:

– Тут отряд стоял?

– Нет, дальше, километров пять. Но и там дымится все. А стрельбы не слышно. Неужели всех положили? Не может быть….

Он оторвался от бинокля и растерянно посмотрел на меня.

– То ли еще будет. Война – сам понимаешь. Вас бы так же накрыли, не попадись вам один шустрый «студент».

Утешать его я не собирался. Да и как утешать, не знал. А вот лишний раз напомнить, кому они жизнью обязаны, мне было не в падлу. Может, и не сразу сдаст, когда до своих доберемся. Сухов напоминание воспринял спокойно, только щекой дернул и сказал:

– Ты мне скажи, если ТАМ у нас все такие умные, почему так получилось? Ведь ты все заранее знал. Доложить не успел? Но ведь не один же ты такой был?!

А может, прямо сейчас ему намекнуть о себе? Момент подходящий. Бойцы из-за кустов осматривают немецкую колонну, Юрчик пошел посмотреть раненых, и возле нас никого не было. Взвесив все за и против, решил не раскрываться. Успеется еще.

– Не один. Только вот агентурным не верили. Почему, я и не знаю. Захочешь, сам

потом спросишь, если жив останешься и если тебе отвечать станут. А я обычный разведчик. Не полковой, конечно, но обычный. Языка там достать, ближние тылы пощупать. Ты просто прими это к сведению, и все. Просьба вот только одна есть. Если у тебя какая непонятка будет – ко мне обращайся. Прежде чем немцев шашками рубить, консультацию наведи. Дурного не посоветую. Подготовка у меня – сам видел. И это только цветочки.

– Да? И что можешь, помимо стрельбы?

Командир явно заинтересовался моими способностями. Дивизионный разведчик или из разведки округа, это можно будет позже разобраться, а сейчас его интересовали мои боевые возможности. Так что сейчас буду погранца удивлять. Набрав воздуха побольше, начал:

– Полная диверсионная подготовка. Минно-взрывное дело. Прыжки с парашютом. Могу водить все, что ездит, без разницы, колесное или гусеничное. Артиллеристская подготовка. Рукопашный бой. Владею холодным оружием. Стрелковое – от пистолета до пулемета полностью. Снятие часовых. Если в группе – захват стратегических объектов. Уничтожение мостов и железнодорожных путей. Водолазная подготовка – но немного.

По мере этого монолога глаза Сухова расширялись все больше, и, когда я замолк, он выдохнул:

– Врешь!

– В деле проверишь. – Пожав плечами, я отвернулся, бросив: – Ты только о нашем разговоре не трепи. Сам будешь знать, и достаточно.

Андрей кивнул. Потом, подойдя к остальным, дал команду к выдвижению. Видно было, что он пытается переварить новые сведения, но периодически зависает, встряхивая головой и давя косяка в мою сторону. Ну, задал ему задачку – пусть думает. Во всяком случае, теперь можно аргументированно подсказки давать и ситуации прогнозировать. Все-таки человек из разведки, по всякому знает больше, чем командир заставы. Тем временем все уже собрались и были готовы. Пошли тем же порядком – впереди дозор, за ними остальные. Шли, не выходя на открытое место, где нас вполне могли заметить, направляясь в сторону расположения артиллеристского полка. Он, как я узнал, стоял километрах в десяти восточнее. Пока шагали по лесу, обратил внимание на большое количество немецких самолетов, которые пролетали с периодичностью рейсовых автобусов. Наших самолетов не было видно вообще. Тут, видно, учебники не врали. Первый удар был по аэродромам и нормальной авиации, чтоб с немцами на равных, у нас не будет еще года полтора. Мраки. Вот где сейчас фрицы будут резвиться. Колонны еще на марше уничтожать с воздуха. И народу поляжет немеряно, даже не успев и выстрелить по врагу ни разу.

* * *

До полка мы не дошли. Прошмыгнув пару раз через небольшие поля, опять вошли в лесок, что был недалеко от артиллеристов. Почти сразу нас недружелюбно окликнули:

– Стой, кто идет!

И послышался лязг нескольких взводимых затворов. Мы сразу залегли и ответили:

– Свои.

Оттуда матом выразились, типа, что свои дома сидят, только чужие шляются. Потом затребовали старшего. Я жестом показал Сухову, что пойду с ним. Он согласно кивнул, и мы вдвоем двинули к сросшемуся дереву, откуда на нас смотрел ствол пулемета.

Подойдя к матерщинникам, увидел человек десять бойцов и двух раненых, лежащих под елкой. Командовал ими сержант с обмотанной бинтом головой. Уши ему, видно, взрывом повредило. Под бинтами, справа и слева, были огромные куски ваты, и сержант был похож на раздраженного Чебурашку. Он хмуро оглядел нас, но потом лицо разгладилось и «Чебурашка», улыбаясь, завопил:

– Товарищ командир! Я вас знаю – вы к нам в клуб приезжали!

Старлей недовольно дернул головой и спросил:

– Чего ты так орешь?

– Я вас не слышу почти! Меня гранатой оглушило! Говорите громче!

Сержант попытался рассказать, что произошло, но его утихомирили и дали слово менее громогласному. Парень, видимо, из вологодских, напирая на «о», начал рассказывать, что к ним в полк рано утром, еще до подъема, приехали четыре машины с бойцами. В самом полку многие были в увольнении, командир тоже уехал в город. Приехавшие же, показав документы начальнику штаба, который от вида бумаг сразу подобрался и вытянулся во фрунт, как-то быстро рассосались по всему расположению полка. Этот парень из Вологды был в наряде, поэтому все видел. А потом они начали стрелять. Свои расстреливали своих. Началась паника. Приехавшие, как в тире расстреливали полуголых людей, выбегающих из палаток. Кто успел спастись – все здесь.

Сухов повернулся ко мне:

– Что скажешь?

– А что говорить? Немецкие диверсанты. Батальон «Бранденбург-800». Все в совершенстве знают русский, многие жили у нас в Поволжье или Прибалтике. Поэтому хорошо знают наши порядки и общий уклад. Специализируются именно по захватам объектов, наведению паники и уничтожению командного состава. У всех липовые документы, но очень качественные. Соответственно, все в нашей форме и с нашим оружием. Ну и подготовка у них отличная.

В этот раз Андрей даже не стал спрашивать, откуда я это знаю. Видно, решил, что диверсант моего уровня должен знать о противнике все. Ну и правильно. Потом мы узнали, что немцы, захватив полк, вовсю хозяйничают на его территории. Те, что были в нашей форме, уже уехали, а им на смену пришли другие. Они выкатывают орудия, осматривая их, и, судя по всему, готовятся использовать. Еще на территории полка был большой склад артвооружения. Фрицы по-хозяйски поставили там часовых и вовсю шуруют внутри. М-да… Если бы это была компьютерная игра – я бы уже прекратил играть. Столько потерять в самом начале. Да если б наши просто взрывали вверенное им имущество, даже не ожидая подхода противника, и то выгодней бы выходило. Ведь масса снаряжения, боеприпасов, техники доставалась немцам совершенно не тронутой. Сколько танков было брошено только потому, что горючего не было. А армейские склады?! Забитые боеприпасами и оружием, они были возле границы и охранялись максимум караульными ротами. Все это фрицы получили сразу – как бонус за внезапность. Именно внезапность. По логике, немцы должны были учесть крайне неприятный итог войны на два фронта. Ведь опыт Первой мировой у них был плачевный. Никто не рассчитывал на то, что они опять повторят ту же ошибку. Хотя эта ошибка поначалу вон какие дивиденды принесла.

У меня мысли опять перескочили на деньги. Как-то по ассоциации с дивидендами. И резко разобрала злость. Вот блин, рэкетиры беспредельные! Целый артполк со складом отмели себе и жируют! А вот хрен вам в спину! Парень этот, бывший дневальный, говорил, что склад забит боеприпасами. Вот и устрою сегодня детский крик на лужайке. Пока Сухов, позвав остальных погранцов, говорил с бойцами, я, забрав у него бинокль, пробрался на опушку и разглядывал расположение полка, прикидывая свои действия. Так, глухого забора нет. Полк, похоже, недавно здесь стоял. Личный состав жил в палатках. Вот этот домик, судя по всему, бывший штаб. Грибки часовых вижу. О! Там уже гансы службу тащат, как будто всю жизнь здесь стояли. Вон орудия… Ага, вижу штабеля ящиков под навесами, закрытыми масксетью. Это, похоже, и есть склад. За то время, что я смотрел, несколько раз к штабу подъезжали мотоциклисты. Немцы резво проскакивали в дом и через пару минут выбегали обратно. Курьеры, наверное. Связь, видно, еще не протянули, вот и мотаются туда-сюда, развозя ЦУ. А от склада отъехало две машины, груженные ящиками. Моими ящиками! Этот полк я уже рассматривал как собственность, и каждый вывезенный снаряд уменьшал эффектность задуманного. Ну, вроде все посмотрел. Придя назад, поинтересовался у артиллеристов, правильно ли определился. Оказалось, что да. Все верно. А неопознанная мною большая палатка оказалась столовой. Потом, подойдя к старшему лейтенанту, поделился планами на ночь. Сухов сначала опешил от такого предложения, но потом,

поскребя пробивающуюся на подбородке щетину, дал согласие.

– Заодно и в деле проверишь, командир!

Я подмигнул ему и начал инструктировать Иванова, которого с парой бойцов затребовал себе в помощь. Этого сержанта выбрал потому, что его Андрей оставлял прикрывать наш отход. И еще отследил, как командир заставы к нему относится. Как к парню толковому и соображающему. Мне именно такой и нужен. Озадачив Иванова, я опять забрал бинокль и уже вместе с Суховым пошел наблюдать дальше. Немцы расположились обстоятельно, будто всю жизнь здесь стоять собираются. Вовсю дымилась полевая кухня, а четверо гансов, вы не поверите, соорудив вместо поломанного шлагбаум на входе, уже заканчивали его красить! Вот это орднунг! Я даже головой помотал. Вроде мелочь. Но ведь и для такого дела нужны инструменты, краски, кисточки. Люди опять-таки. И это в первый день войны! Наши бы стали в такой ситуации ставить этот чертов шлагбаум? Да на хрена он нужен! А если б и поставили какую-нибудь лесину, то уж красить точно не стали. Действительно – другое мышление, другая культура. Плохо только, что вся эта культура против нас направлена. От этих мыслей отвлек вопрос Андрея:

– Так ты говорил, что можешь события прогнозировать? Интересно было послушать.

Он как-то насмешливо и в то же время с затаенной надеждой смотрел на меня, ожидая ответа.

– Тебе мои предположения не понравятся. Да и никому бы не понравились.

Я оторвался от бинокля и, сев по-турецки, закурил. Выпустив колечко дыма, вздохнул и продолжил:

– Точно, конечно, сказать еще тяжело, но я так думаю, что весь Запад мы потеряем. Такими темпами Киев уже месяца через два возьмут. А к зиме, если наши действительно за ум не возьмутся, немец под Москвой будет.

Пока я говорил, у Сухова белели глаза и раздувались ноздри. Потом он, наклонившись ко мне, прошипел:

– Да ты – провокатор! Немецкая шавка, падла!

– Ну и к чему эти слюни?

Я как сидел, так и продолжал сидеть, только прищурил глаза от попадавшего в них дыма.

– Сейчас эта шавка пойдет и поднимет на воздух склад боеприпасов. И фрицев положит, сколько сможет. И вернется, чтобы дальше их класть по мере сил. И людей при этом терять не будет впустую. Вопрос только – ты со мной? Или уйдешь туда – к нашим? И угробишь всех своих ребят, затыкая очередную дыру винтовками против танков? Чтоб ты знал – из списочного состава пограничников, начавших войну, к концу ее про предварительным, но, как сейчас уже видно, реальным расчетам, останется не более одного процента.

Андрей во время моего монолога слегка остыл и, тоже закурив, спросил:

– Пугаешь? Да хоть никого бы не осталось, но долг свой мы выполнять должны.

Потом помолчав, все-таки поинтересовался, с кривой улыбкой:

– А что там дальше твой аналитический ум говорит? Раздолбаем мы немца, или как?

Вроде безразлично поинтересовался, но я-то видел, как он напрягся в ожидании ответа, даже рука с сигаретой подрагивать начала.

Ну, хорошие новости и говорить приятно. Я улыбнулся во весь рот и сказал:

– Не боись, командир! Само собой. Умные люди эту войну предсказывали. Другой вопрос, что их никто не слушал. Но анализ ситуации делался. По этому анализу, года через три наши водку в Берлине пить будут.

Сухова слегка отпустило. Видно, упоминание об умных людях вселило надежду. Можно понять мужика – первый день и такая встряска. Шок от начала войны. Да плюс еще и все предвоенные расчеты к черту летят. Ни помощи от командования, ни поддержки. Все как в воду канули. Поэтому он не возмутился сроками войны, а только выдохнул:

– Так долго? Три года?

– А ты думал что – за месяц Германию победить? Сам видишь, как немцы воюют. И как наши – тоже. А ведь это только начало. И когда я говорил про винтовки против танков, то не преувеличивал. Сейчас попадешь к своим, и сунут тебя прорыв затыкать, с тем, что есть. Или думаешь, артиллерию дадут? Так вон она артиллерия наша – фрицами охраняется. Или может, хоть один самолет со звездами сегодня видел? Они сейчас на аэродромах, уже даже не горят – догорели.

Старлей мрачно смотрел в землю, ничего не говоря, и я продолжил:

– А вот если немцам по копчику ударить, им очень больно покажется. Здесь, по тылам, мы такого наворотим – дивизия не сделает. А я ребят твоих обучу, насколько смогу. Давай командир – решайся!

М-да… Загрузил я его по полной. Он только буркнул, мол, там видно будет, и решил сменить тему, поинтересовавшись, когда собираюсь выходить.

– Да вот как стемнеет, так и двинем. А сейчас отдохнуть не мешало бы, перед делом.

Я поднялся, отряхнулся и пошел к маленькой поляне, где собрались все наши.

* * *

Нет, ну борзота полная! Они бы еще свечками объект освещали. Прожекторов у немцев не было, только по периметру светились лампочки, не столько помогая часовым, сколько подсвечивая их. Где-то за палатками стучал дизель. Мы лежали метрах в тридцати от ближайшего грибка, ожидая очередной смены. Мы – это Иванов с автоматом, белобрысый парень по имени Вася, которого отрекомендовали лучшим пулеметчиком, и кабан Карпов с винтовкой. Карпова я взял из-за габаритов, чтоб было, кому языка тащить. Зачем нам сейчас язык, я еще не знал, но, думаю, лишним не будет. Тем более надо поддерживать свой имидж крутого диверсанта. Фрицы тем временем не торчали на месте, а патрулировали территорию. Двое ближайших к нам часовых сходились и расходились каждые пять минут. Вот с них и начнем. Оставив своих людей на месте, я пополз к месту схода часовых. Была даже еще не темнота, а поздние сумерки. Немцы отбились часа полтора назад, и караульные пока не пугались каждого шороха. Так, сошлись, теперь расходятся. Подобравшись метров на десять, чтоб наверняка, затих… И в очередной сход часовых я, приподнявшись на колено, метнул сразу два ножа. Долго такому броску учился. Особенно правую руку тяжело было контролировать – левша все-таки. Но зато потом удивлял знакомых и подружек, эффектно выделывался. Ножи легли хорошо, не зря часа два именно под них руку набивал в лесочке. Один воткнулся в шею, чуть сзади, перерубив по-видимому позвонки, а второй вошел точно в горло часовому, который был пониже. Беспозвоночный упал молча, а тот, кому досталось в горло, еще немного побулькал. При падении один из них громко брякнул жестяным тубусом противогаза, и я несколько секунд выжидал, не появится ли кто на звук. Всем, похоже, было по фиг. Кто спал – продолжали дрыхнуть, а остальные караульные были далеко. Теперь быстро и в темпе. Подскочив к свежим жмурикам, стараясь не смотреть на них, вытащил из тел ножи. Все-таки мощная вещь – тесак от СВТ. Шею почти перерубило. Не смотреть, не смотреть… А то сейчас блевану ненароком. Такое бывает, когда первый раз. Да и не только первый. Теперь к остальным, пока этих не хватились. Тут еще две пары караульных, ползают по периметру. Одну пару я слил как по маслу – даже не пикнули. А вот вторую… Чуть не прокололся. Они не сходились. Может, поссорились? Может, такую личную неприязнь испытывали друг к другу, аж кушать не могли? Но не сходились и все – нарушители устава! Поэтому, подобравшись поближе к одному, так метнул нож, что он, пробив грудь, на несколько секунд пришпилил часового к столбу. Эти несколько секунд мне ох как помогли. Второй-то эту бабочку видел. Но не мог понять, что происходит. И все равно чувствую – не успеваю. Поэтому, зажав нож пальцами с наружной стороны ладони, я поднялся во весь рост, приложил руки к ушам и, высунув язык, сделал часовому бе-е-е. Он ТАК удивился. Даже уже почти скинутую с плеча винтовку придержал на мгновенье. Н□на! Я швырнул нож, тут же метнувшись следом. Все-таки метров двадцать было до цели. Нереально, блин,

попасть, это не кино. Разумеется не попал, но пролетающий нож заставил часового пригнуться и дал мне время подскочить вплотную. Слету ударил его кулаком в кадык, а потом, не в состоянии остановиться, еще и еще. Ф□фу□у! Пронесло! Точнее, чуть не пронесло. Меня всего колотило. Слегка отдышавшись, рванул к ящикам. Там уже торчал Иванов с Карповым. У них были немецкие подсумки с гранатами, которые ребята прихватили у убитых часовых. Ну-с, приступим. Мы споро вскрыли укупорки и начали закладывать в них гранаты. Карпов вкручивал в снаряды взрыватели, чтоб наверняка рвануло. Оставив мужиков заниматься общественно полезным трудом, я, пригибаясь и скрываясь в тени навесов, шустро порысил к замеченной еще днем палатке. Там изволили почивать командир этих неудачников. Почему неудачников? Да им спать спокойно осталось минут десять, а потом, как говорится, – живые позавидуют мертвым. Ухмыльнулся, вспомнив обаяшку Сильвера, и, почти улегшись на землю, вполз в палатку. Командир почивал один. Денщик его, долговязый и худой глист, спал в солдатской палатке. Остальные офицеры находились тоже отдельно. А этот фанфарон сейчас поплатится за свой снобизм. Как говорил еще Суворов – спать надо с простыми солдатами! И не фиг тут выделываться, заводя себе отдельные апартаменты. Что-то у меня веселье нездоровое прет. Надо быстрее дело делать. В палатке было темно, но мощный храп давал направление. На ощупь добрался до лежащего и, легким движением ощупав его, без затей врезал по темечку. Рулады и переливы тут же прекратились. Вот как надо! А то ложечкой поболтай, в лицо храпящему подуй… Зачем такие тонкости? По башке вдарил – и храпа как не бывало! Вспомнив, отвернулся от затихшего «языка» и опять нащупал на походном столике возле кровати предмет, заинтересовавший меня. Похоже, походный несессер. Вот и Сухову подарочек. А то страдает человек без бритвы. Я же вижу, как он, щупая щетину, все время морщится. Взвалив немца на плечо и выползя из палатки, пошел к мужикам. Они уже заканчивали. Срезав несколько длинных шнурков с масксети, бойцы привязали одни концы к гранатам, а другие я приказал привязать к двери бывшего штаба. Сейчас там жили какие-то хмыри, похожие на связистов. Во всяком случае, именно они ставили шест для антенны. Еще несколько шнурков пустили как растяжки по земле, на выходе из палаток. Вроде все. Передав немычащего фрица Карпову, я метнулся в командирскую палатку и захватил оттуда шмотки пленного. Все, можно уходить. Стоп! Переиграем. Фрица потащит Иванов, а Карпов потащит один ящик с взрывчаткой, обнаруженной тут же. Она нам пригодится. Я тут еще так развернусь – мало никому не покажется. Вот теперь уходим. Проскочив мимо нашего пулеметчика и кивнув ему, мы порысили дальше. Тот, кивнув в ответ, открыл рот, глядя на белую фигуру немца, висящего мешком через плечо Иванова. Фриц, в одном белье, напоминал кавказскую невесту, похищаемую женихом и его кунаками. Вася, судя по всему, похищаемых невест видел в первый раз, и это его сильно впечатлило. Отбежали почти до леска, и тут вдарил пулемет, дав несколько очередей по караулке и по стеллажам со снарядами. Через несколько секунд оттуда послышались заполошные крики, а потом все рвануло! Как говорил позже наш арьергард, он думал, что его вообще сдует. Ковыряясь в ушах, пытаясь вытряхнуть из них звон, Вася улыбался во весь рот, рассказывая, как летали ошметки палаток и ящиков. Правда, это феерическое зрелище наблюдали все. И мы, и наш засадный полк, заныканный в леске. Поэтому, когда подошли к опушке, Сухов, даже не взглянув на пленного, молча подошел ко мне и сначала потряс за плечи, а потом обнял.

* * *

От руин артполка уходили всю ночь. Под утро остановились в очередном леске и завалились спать, предварительно выставив часовых. Немец, гадский папа, поначалу тормозил движение. Сапоги его я захватить забыл, и он подпрыгивал и спотыкался на каждом шаге, оглашая окрестности сдавленными «О! У!». В своем светло-голубом белье фриц был похож на заплутавшее привидение без мотора. Потом мне это надоело, и поникшего немца потащил на себе Карпов, перекинув через плечо, как мешок картошки. По

пути его подменял один амбал из артиллеристов.

Отоспались хорошо. Проснулся уже после обеда бодрый и веселый. День солнечный, птички поют, деревья тихо шумят. Идиллия! Но девятка «юнкерсов», проплывшая в стороне, разрушила все настроение. Встряхнувшись, занялся насущными делами. Хотелось пить и наоборот. Сделав наоборот, попил в роднике, что бил возле овражка, и пошел выяснять, как у нас насчет пожрать. В принципе, я знал, что почти никак. У погранцов был с собой сухпай, который они брали еще с заставы. Ё-мое. А ведь это только позавчера было… Вот время идет как. Кажется, что месяц воюем. Артиллеристы же, сваливали от диверсантов налегке и не озаботились прихватить пропитание. Они, кстати, сильно вчера наш сухпай ополовинили. Вот еще одна головная боль. Я даже пожалел, что не свистнул у немцев с кухни еще и ящик консервов. А потом подумал – конечно, Карпов мощный мужик, но и у него есть ограничение грузоподъемности. Позже поймал Сухова, который с видимым удовольствием брился, и, дождавшись окончания водных процедур, потащил его к пленному. Фриц сидел на поваленном бревне, кутаясь в плащ-палатку, выданную ему кем-то из солдат, и невидяще глядел перед собой. Немецкий майор (вчера по погонам на кителе определили его звание) пребывал в прострации. Ну конечно – мирно улечься в своей кровати и очухаться в лесу, среди диких русских, кого угодно выбьет из колеи. И тут я неожиданно озаботился вопросом – а вообще, переводчик с немчины у нас есть? Как выяснилось, нет. Фриц по-русски тоже ни бельмеса не понимал. Мы с Андреем недоуменно уставились друг на друга.

– Ну и на хрена я его тащил, спрашивается?!

Пребывая просто вне себя, чтобы успокоиться, сделал пару кругов по поляне. Вот же гадство! Нас толпа, человек сорок, и никто языка не знает! Моего запаса знаний немецкого хватило только, если б немец был продавцом, а я покупателем. И то при покупке комплектующих к компу. Ну, не считая разных там «хенде хох» и «Гитлер капут». Этого явно маловато будет для разговора. Опять-таки встает вопрос, что с ним делать? На мой намек, что немца надо валить, Сухов возмущенно ответил – дескать, пленного трогать не даст и, по всем законам войны, он находится под защитой Женевской конвенции. Никакие доводы о том, что конвенции в этой войне на нас, во всяком случае, распространяться не будут, на командира не действовали. Уперся рогом, и все. Потом уже, пытаясь поговорить с майором, выяснил только то, что он артиллерист, зовут Гельмут Корп и родом из Гамбурга. Все, на большее знаний не хватило. Так и таскали его несколько дней за собой, отдав форму и связав руки. Фрицевский пистолет с документами я отмел себе, как законный трофей. А потом нашей группы не стало…

Все неожиданно получилось. Мы уже недели две бегали лесами по району, наводя шорох среди немцев. Один раз даже раздолбали колонну, в которой была пара танков. Хлипенькие, правда, танки. От моего фугаса, сделанного из взрывчатки, стыренной из артполка, и найденных позже снарядов, у одного из них даже башню оторвало. Нас, конечно, пробовали ловить, но всегда уходили чисто, и фрицы обламывались с поимкой злодеев. А потом наткнулись на колонну наших пленных. Ну, как наткнулись. Сидели на дневке, и тут прибежал наблюдатель, который доложил, что по дороге ведут пленных. Это была уже не первая колонна, виденная нами. Но все равно все подхватились смотреть и через редколесье наблюдали, как человек десять фрицев действительно конвоируют наших вояк, куда-то на запад. Пленных было человек пятьдесят. Многие раненые. И в основном, как я увидел в бинокль, – офицеры. Петлиц не разглядел, но нашивки на рукавах видны были хорошо. Нападать на колонну нам было совсем не с руки. Так же, как и до этого, когда мы встречали подобные группы. Дорога проходила далеко. До нее по открытой местности было метров 600–700. И по этой дороге периодически мотались немцы. Кто на машинах, кто на БТР. В это время в колонне произошла заминка. Мне не было толком видно, что происходит, бинокль был у Сухова, но там кто-то упал, и конвоиры сгрудились возле него. Потом треснул выстрел, и у Андрея сорвало крышу. Вскочив на ноги, он, не скрываясь, гаркнул:

– За мной! Вперед!

Бойцы рванули за ним, как стадо лосей, подбадривая себя протяжным криком «Ура-а-

а!».

Даже пленного бросили. Да уж… С выдержкой у Сухова нелады. Я хоть и не видел, зато хорошо мог представить, что там произошло. Кто-то из раненых обессилел, его не успели подхватить, и немцы упавшего застрелили. Обычное дело. А вот старлей-то! Эх!

Я даже никуда не побежал, поэтому хорошо видел, как немцы-конвоиры задергались и как пленные начали разбегаться. А потом с одной стороны дороги появился броневик, а с другой, как по заказу, штук пять мотоциклистов. Вся эта рать моментом просекла ситуацию и в шесть пулеметов ударила и по наступающим, и по пленным. Вроде даже конвоирам досталось. Видно было, что нескольким нашим удалось скрыться в редком подлеске, с другой стороны дороги, но кому именно, я не разглядел. Во всяком случае, назад не вернулся никто…

Отстрелявшись, немцы прошли по полю, выискивая еще живых, а я встал и, достав нож, подошел к сидевшему на земле Гельмуту. Пленный смотрел на меня полными ужаса глазами, повторяя: «Найн, найн», бормоча еще что-то по-немецки. Вздохнув, слегка вмазал ему в ухо, и майор вырубился, потеряв сознание. Перерезав веревки, я повернулся и зашагал в глубь леса, думая про себя, что правильно сделал, не убив этого фрица. И Сухов был против. Да и у меня рука не поднялась связанного резать. Биомать, Андрей, что же ты сделал?! Ведь толковый, выдержанный командир, и так сорваться…. Хотя его можно было понять. У нас на передовой, насколько знаю, даже в самые тяжелые времена, войска меняли через две недели. Уж очень силен был накапливающийся стресс и общая усталость. А здесь мы ведь не сидели на месте, а все время кружили по лесам, постоянно атакуя немцев. Да плюс еще шок от начала войны. Слишком резким получился переход от мирной жизни, тут еще и пленного на глазах застрелили, вот Сухова и заклинило…

Глава 3

Снова я один, без документов (не считая майорских) и опять не знаю, куда податься. Может, вообще плюнуть на все и рвануть в Австралию? Или в ту же Америку? Нет. Несмотря на накатившую ипохондрию, в Америку я не хотел. И если немцев до сих пор не мог в полной мере осознать врагами, несмотря на то, что эти дни их активно уничтожал, то американцев считал основным противником. Немцы – враг грозный, жестокий, а сейчас у них вообще вольтанутый фюрер вместо совести. Но вот почему-то в промежутках между войнами мы всегда дружили. А американцы – те нет. Все норовят исподтишка ткнуть или деньгами всех развести. Подлый народ. Вообще надо обдумать свои цели. А то все как-то времени не было. Я сел под дерево, давая отдых натруженным ногам и прикрыв глаза, принялся размышлять. Что я хочу? Ну, чтоб на войне потерь меньше было. Выполнимо? Очень с трудом и почти нереально. Нашим командующим я ведь мозги не поменяю? Даже если им все планы немецкого генералитета дать, что это особенно изменит? Да в общем-то ничего. Где-то в чем-то немного поможет, и все. Вон, в сорок втором, когда немцев уже от Москвы отогнали, что получилось? В зобу дыханье сперло, и решили, что фрицев шапками можно закидать. Только под Сталинградом очухались. А ведь к тому времени почти год воевали – опыт должен появиться… Хотя именно это можно попытаться изменить. И время есть – больше полугода на все про все. Что еще хочу? А хочу, чтоб Союз не развалился. И всего, что после развала произошло, не было. Выполнимо? Даже не знаю. На это у меня лет тридцать есть. Хотя, с другой стороны, лучший друг советского народа, это который Сталин, тоже не генсеком родился. Он тоже маленьким был и какался под себя. Но вот поставил цель, и теперь фигура! На кривой козе не подъедешь. Так что главное – обозначить задачу. Ну и удача нужна, конечно. Интересно, то что меня сюда закинуло, – это удача или наоборот? Под эти мысли, устроившись поудобней, потихоньку задремал. А что – имею право. Вон какие глобальные дела теперь надо делать. Только решить бы еще – как.

* * *

Стоп. Впереди кто-то есть. Вон за теми кустами вроде как мелькнуло. Я, присев на колено, напряженно вглядывался, пытаясь понять, что там. Ничего не видно. А потом вдруг увидел. Пытался-то разглядеть серую немецкую или зеленую нашу форму, а тут, блин, стоит мужик в камуфляже. Поэтому сразу и не увидел. Мужик стоял ко мне почти спиной и мараковал что-то с планшетом. Хорошо еще, ветер достаточно сильный был, и шум листьев скрывал шаги. Вообще за это время я научился ходить как Чингачгук – почти бесшумно. Но совсем без звука по лесу не пройдешь, то ветка под ногой треснет, то сучок. А так, удачно его первым увидеть получилось. Камуфляж на мужике хороший. Мелким рисунком, почти как современный. Хотя камуфла явно нашего образца, у немцев другая.

Еще позавчера, потеряв Сухова с ребятами, я сначала было ударился в меланхолию, но потом чувство голода быстро вернуло к жизни. И сейчас как раз шел добывать пропитание, а тут это чудо расплывчатое. Пока мужик пялился в свою планшетку, я разглядывал его. Среднего роста, коренастый. На пятнистом комбезе ремень с кобурой и за плечом ППД. На голове шлем, как у парашютистов, с подвернутыми ушами. Вроде наш. Правда, это если по автомату судить. И еще по тому, что одиночному немцу в лесу делать нечего. Они в одиночку по лесу не шастают, даже по грибы. У них инстинкты. Если в лес, то только толпой и желательно при поддержке тяжелой техники. Пятнистый тем временем разобрался с картой и двинул почти прямо на меня. Присев за здоровенным пнем, ждал, когда он подойдет ближе. Вот теперь можно. Резко выбросив ногу, попытался подсечь проходящего. Хрен нанась. Мужик умудрился среагировать! Он подпрыгнул, пропуская удар, и, приземлившись, попытался вскинуть автомат. Я еле успел. Отбив автомат, забодал его головой в живот, добавил по ушам и приземлился коленом на промежность. Ни фига себе – попрыгунчик! Переведя дух, пока он валялся в отрубе, в темпе обыскал, отбрасывая в сторону оружие, которого оказалось на удивление много. Помимо автомата и пистолета, виденного мной, у него был еще один пистолет в кармане, три ножа, один из которых был под штаниной, на лодыжке, и три гранаты. Вершиной всего была двухсотграммовая тротиловая шашка в подсумке с дисками и несколько детонаторов. Рембо, однако. Я задумчиво покосился на эту гору снаряги и на всякий случай связал пятнистому не только руки, но и ноги, пропустив веревку захлестом через горло. Береженого Бог бережет. Потом, сев в паре метров от него, открыл планшетку. Ага, карта, компас. Посмотрев на мужика и увидев еще один компас у него на руке, уважительно присвистнул. Какой хозяйственный человек. Так, дальше смотрим. Ого! Шоколад, целых две плитки. Я тут же начал жевать одну. Что у нас тут еще? Несколько запалов, русско-немецкий разговорник и шесть офицерских удостоверений личности. В смысле командирских, потому что книжечки принадлежали среднему командному составу РККА. Некоторые были в крови. Быстро просмотрев их, я отметил, что все принадлежали командирам из разных частей. В основном пехота, но было и артиллериста и даже одно удостоверение офицера-танкиста, обгоревшее по верхнему краю. Видно, Рембо собирал документы, найденные у убитых офицеров. Вспомнив читаные книжки, еще раз обыскал лежащего, и не зря. Под двойной материей на локте нашел шелковую тряпочку с текстом, в которой говорится, что предъявитель сего является советским командиром и его необходимо препроводить в особый отдел армии. Ни имени, ни фамилии в ней не было, зато присутствовала печать и роспись. Правда, печать была несерьезная – просто штамп с номером. М□да… Фиг бы у меня получилось этот листок найти, если б не знал, что искать. Он не прощупывался вообще. Но я нутром чуял, что что-то похожее должно быть. Ведь выполнит такой вот человек задание, а к моменту выхода к нашим все уже десять раз изменится. В смысле позиции войск в месте выхода. И чтобы не было недоразумений с озверевшими от количества немецких диверсантов полковыми особистами, имеется вот эта тряпочка. И цифры на штампе, наверное, что-то обозначают. И штампы эти наверняка периодически меняются.

Пока разглядывал документы, связанный пришел в себя. Видно было, что он, не открывая глаз, пытается определить, какая именно хрень с ним приключилась. Ну, пусть

определяется. Связал-то я его на совесть, так что неожиданной подляны ждать не приходится. Мужик наконец открыл глаза и посмотрел на меня в упор. Потом покрутил головой и, не увидев больше никого, опять уставился в мою сторону. Ударными темпами доедая шоколад, я делал вид, что мне интересна только эта жрачка.

Молчание затягивалось. Первым не выдержал он. Поведя подбородком, пытаясь убрать мешавшую веревку, спросил:

– Ты кто?

Так и подмывало ответить: «Дед Пихто», но я сдержался, продолжая молча жевать и смотреть на лежащего пленника. Помолчали еще. Видно, пятнистый терялся в догадках, кто же его взял. С двумя пистолетами, в кожанке и черных, грязнущих уже джинсах, заправленных в ботинки, я был похож, скорее, на революционного матроса, чем на немца.

– Ты меня слышишь?

Мужик опять попытался наладить контакт. Уже лучше. Начни сам его спрашивать, он вполне мог заткнуться и молчать. Не зря ведь есть выражение – партизан на допросе. А так – мне от него вроде ничего и не надо. Это ему от меня надо. Вон как ерзает…

А ведь действительно, что-то он сильно ерзать начал. Ё-моё! Он же рядом с муравейником лежит, а я и не заметил. Быстро подхватив пленного за веревку на ногах, оттащил на несколько шагов в сторону. Потом снова уселся в паре метров от него и закурил. Достали уже меня эти немецкие сигареты. От суховского «Казбека» я кашлял, от солдатского самосада вообще чуть не помер. Затянулся и застыл – ни вздохнуть ни выдохнуть. А от немецких – такой кисляк на языке, что курить противно. Да и пасты зубной тут нет. Вот чего сильно не хватало, так это зубной пасты. Чистишь зубы, как дурак, еловой веточкой, без ничего. Никакого, как в рекламе говорится, свежего дыхания, блин!

– Веревку ослабь – горло сильно давит.

Ага – пятнистый опять внимание привлекает. Подойдя к нему, разрезал веревку, перетягивающую горло, и опять отошел, но не уселся, а остался стоять. На фиг, на фиг. Уж больно он резкий. Надо будет, если что, первым успеть. Мужик покрутил головой, разминая шею, и сел, опираясь на корень дерева.

– Так кто ты, парень?

– Немецкий шпион. Главный фашистский диверсант на службе у Канариса. По мелочи подрабатываю у Гиммлера. Но он меня обидел, не дав рыцарский крест и восточный пригород Берлина в собственность, так что теперь я мстю. Или мщу. В общем, бегаю по лесам и отлавливаю бывших соплеменников и коллег. Подорвать могу при случае чего-нибудь. Или поджечь. А документы шпионские у меня были – ты не сомневайся. Но я их съел. Жрать сильно хотелось, вот и съел. Только что. Сейчас их, как видишь, шоколадкой заедаю.

По мере того как я говорил, глаза у него расширялись все больше, и в конце монолога он пробормотал:

– Псих, что ли?

– А хрен его знает. Я себя помню с того момента, как возле воронки очнулся. В каких-то тряпках обгорелых. Эти шмотки, уже после, в разбитой машине нашел.

Похлопав себя по одежде, продолжил:

– А потом меня все за шпиона принимали. Морда, наверное, подходящая. И немцы, и наши. Ну, с немцами проще, их хоть сразу, как заподозрят, ухлопать можно. Что и сделал с тем патрулем, который меня взял. А с нашими сложнее. Не могу я как-то своих убивать. Мне они поверили только после того, как склад боеприпасов на воздух поднял.

После чего, облизав сладкие пальцы и сунув обертку под мох, вкратце рассказал (слегка подкорректировав) свои похождения с группой Сухова. Про последний бой сказал, что я, мол, тогда в живых остался только потому, что пленного охранял. А когда всех положили, немца завалил, забрал его документы и ушел. Пусть потом проверяют. Мы дел наворотили немало и проверить будет несложно.

– А почему немецким шпионом представился?

Мужик уже оклемался и с интересом слушал рассказ.

– Чего ж время зря терять? Ты, судя по всему, советский командир. Значит, я – немецкий шпион. Мне привычно, да и тебе голову ломать не надо, соображая, враг перед тобой или нет. А я что-либо доказывать уже задолбался. Так что лучше сразу шпионом сказаться. Время сэкономим.

Он покачал головой и сказал:

– Тебя, парень, видно, контузило сильно, вот память и потерял. Такое бывает. Где ты только так резво ногами махать научился? Меня завалить далеко не каждый может. Во всяком случае, я с такими не сталкивался. А ты в пару секунд уделал. И место для засады грамотно подобрал.

Потом хитро глядя на меня, предложил:

– Развяжешь?

– А ты драться больше не будешь?

Камуфляжный ухмыльнулся и ответил в смысле того, что он и не дрался, его били, это да, а сам он никого и пальцем тронуть не успел. Развязывая веревки, я тем временем отвечал на предыдущий вопрос. Где научился так ногами махать – не знаю. А вот после того, как очухался, из меня столько всего прет, что сам теряюсь. Проще, наверное, сказать, чего я не могу. Хотя и этого тоже не знаю. Мужик встал, массируя руки, и, вопросительно глядя на меня, потянулся к куче своего оружия. Я кивнул, но напрягся. Если направит на меня ствол – придется его валить, хоть и не хотелось бы. Но он не дал повода для паники. Спокойно распихал оружие по местам, даже не поворачиваясь ко мне. Только потом подошел, постоял, покачиваясь с носка на пятку, и сказал:

– Тут видишь, парень, какое дело… Задание у меня с группой было. Серьезное. А наш самолет еще над линией фронта подбили. Вроде и не сильно. Но на подлете он просто развалился. Только я и смог спастись. И теперь пустой, как барабан. Ни взрывчатки, ни рации. А объект тот подорвать надо чем быстрее, тем лучше. Я и так уже день потерял. Как на это смотришь? Сможешь мне помочь? Ты шустрый, такой мне ох как не помешает.

– Так я же немецкий шпион, не забыл?

– Да ну тебя!

Он махнул рукой и обиженно отвернулся. Потом, не поворачиваясь, процедил:

– Бздишь, так и скажи.

А ведь деваться этому диверсанту некуда. Одному задание не выполнить, и за невыполнение придется отвечать. Сейчас никто смотреть не будет на причины. Главное – результат. А его нет. Вот он и цепляется за любую возможность. Даже такую хлипкую и ненадежную, как я. Каким бы подозрительным ему нежданный пленитель не казался, но где он сейчас других союзников искать будет? Во мне все пело. Вот он, шанс! Это не Сухов, с мизерными вариантами. Да и повел я себя тогда неправильно. А здесь, похоже, судя по возрасту, минимум капитан из разведки. Да еще и сам помощи просит. Если все выгорит, такие перспективы открываются – дух захватывает. Поэтому, почесав щетину, лениво ответил:

– Ну, с тобой так с тобой. Мне в общем-то все равно, куда идти, куда податься. Заодно выясню, что еще умею, помимо подрыва складов да меткой стрельбы.

Я улыбнулся и ткнул пятнистого кулаком в плечо:

– Веди, таинственный незнакомец!

* * *

Серьезным заданием был здоровенный железнодорожный мост. Самый крупный, по словам диверсанта, во всей округе. И по нему войска с техникой активно гонят на восток. Я-то, насмотревшись фильмов про войну, думал, что охранять его будут, как Березовского. С массой народа и стволов. Ни фига! Даже зениток не было. По обеим сторонам моста торчали только пулеметные точки. Караулка была в большом бревенчатом доме с той стороны

берега. В охране такого важного объекта принимали участие всего человек двадцать. А одномоментно на нем бдели по двое на пулеметах с каждой стороны, да еще пара часовых шлялась по самому мосту. Вот где фриц непуганый затаился! Хотя я слышал, что аж до конца сорок первого года здесь, в Белоруссии, путевыми обходчиками были сами белорусы. Те же, кто этим занимался и при советской власти. И машинисты также. Во всех захваченных до этого странах никаких партизан не было, и гитлеровцы не подозревали, какой сюрприз их ожидает в Союзе.

Когда мы с моим пятнистым товарищем шли по лесу, он попытался познакомиться. Представился Сергеем и протянул руку, выжидающе уставившись на меня. Но я не повелся на такую хохмочку. Руку пожал, но сказал, что имени, фамилии своей не помню. В отряде Сухова, чтоб как-то называть, назвали Ильей, вот и он может так же. Удовлетворенно кивнув, пятнистый отстал. Потом опять пристал, интересуясь, как я его шелковую тряпочку нашел. Ответил, что искать умею, вот и нашел, а чтобы закончить разговор, предложил способ добычи взрывчатки:

– Надо будет снаряды поискать на разбитых позициях. Да с них тол выплавить. Детонаторов у тебя хватает.

Я кивнул на его планшетку, где помимо детонаторов было еще метров пятнадцать шнура и щипцы для зажима его в гильзах. Серега даже остановился и удивленно глядя на меня сказал:

– Я все голову ломаю, где взрывчатку найти! Думал даже, саперов немецких поискать да на них налет сделать. А тут вон как! Ты точно шустрый малый. И головастый.

– Ну, дык! Могем кое-что.

Я пошел дальше, думая, как все-таки быстро меняется мышление человека. Уже через полгода то, что предложил, будет в порядке вещей. А сейчас даже диверсанта заставило удивиться. Правда, выплавлять ничего не пришлось. Под разбитым мостиком через овраг мы наткнулись на раскуроченную полуторку. Ее, видно, самолетом гоняли – вон, дыры видны в крыше кабины. Водила лежал тут же, уронив голову в ручей. В барахле, вывалившемся из кузова, помимо табличек «Осторожно, мины» и пустой тары был небольшой ящик с тротиловыми шашками. Вот как получилось. Серега думал немецких саперов пощипать, а попался наш. Пока напарник перекладывал тротил из ящика в найденные тут же вещмешки, я оттащил труп водителя к стенке оврага и начал засыпать его, обрушивая стенки доской от ящика. Поймал на себе одобрительный взгляд диверсанта. Похоже, он себе в голове какую-то отметку сделал. Хотя сейчас я работал вовсе не на публику. Сколько трупов уже повидал, сколько сам сделал, а этот водила чем-то зацепил. Надо было его похоронить. Может, в благодарность? Теперь не надо снаряды искать и тол плавить. Опасное это дело, как ни крути, ведь и рвануть может. Так что, может, и в благодарность – не знаю. Когда я закопал водителя, Серега подошел к получившемуся бугру и, вынув из автомата диск, вхолостую щелкнул бойком. Достав пистолет и подняв его вверх, поступил так же. Потом, подхватив раздутые вещмешки, мы двинули дальше.

Лежа в кустах и разглядывая мост, вспоминал, что мне известно про минирование таких сооружений. Вот здесь был пробел. Дядя Саша этому не учил. И во время моей службы тем более такого не было. Тут я Сухову в свое время приврал. Мосты взрывать не могу. Это же не склад рвануть или полотно железнодорожное. Тут расчет нужен. Без умения можно вагон взрывчатки извести, а толку не будет. Но Сергей уверил, что он знает свое дело. Только вот в охране заминка. Много их на него одного. Ну, тут уж я свое дело знаю. Дал гарантию, что когда он минировать будет, охрана ему не помешает.

Пошли на дело по уже проверенной схеме, в поздних сумерках. Маскируясь сначала в деревьях, потом в кустах и траве, добрались до пулеметной точки. До нее оставалось метров двадцать. Полежали, послушали. Фрицы периодически, каждые пятнадцать-двадцать минут, говорили по телефону. Непонятно только, с соседним постом или с караулкой. То есть показывали тем самым, что не спят и еще живы. Но скорее всего, просто действовали, как устав требовал. Положено через определенное время связываться, вот и названивали.

Бояться-то сейчас им нечего. Что русские в таком глубоком тылу могут им целенаправленную пакость сделать, немчуре пока и в голову прийти не могло. Поэтому в остальном службу тащили из рук вон плохо. За местностью не следили, а болтали между собой. Один даже курил. Вот и хорошо… Дождавшись, когда закончится очередной сеанс связи, взяли их в ножи. Было видно, что Серега мне еще не вполне доверяет. Точнее, не мне, а моим умениям. До этого-то он слышал только слова. Поэтому пытался подстраховать, но, увидев, как я вогнал тесак своему под подбородок, – успокоился. А вот теперь цигель, цигель! Правда, пока без ай-лю-лю. Счет пошел на минуты. Диверсанту, чтобы заминировать опору, надо было минут пятнадцать-двадцать. Как раз время между звонками на пост. Пару минут уже прошло, а нам еще двух шатающихся по мосту часовых снять надо. Серега взял на себя дальнего, я ближнего. Прошло все тихо. Потом он полез куда-то под ближнюю опору, а я, зацепив все наши гранаты, на скорую руку ставил растяжки чуть дальше середины моста. Не забыл, в лучших традициях современных подлых войн, подсунуть гранаты и под трупы часовых на мосту. А потом зазвонил телефон. Биомать! Я даже подпрыгнул от неожиданности. В тишине ночи телефон трезвонил, как пожарная сирена. Добежав до него, хрипло выдохнул в трубку:

– Халле?

– Дыр быр ферфлюхте быр!

– Халле? Вас? Вас? Фу! Фу!

Подул в трубку, изображая плохую слышимость. На той стороне голос был сначала раздраженный, потом в нем стали проскакивать тревожные нотки, а потом я бросил телефон и, подхватив пулемет, в несколько прыжков добежал до опоры моста. Вовремя. Дверь караулки распахнулась и оттуда как тараканы полезли гансы. Слышались вопли:

– Алярм! Алярм!

Будет вам сейчас алярм. Лупя короткими очередями, попытался загнать выскочивших обратно в караулку. Куда там! Ствол прыгал по металлическим перилам, и почти все уходило в молоко. Зато в ответ стреляли не в пример точнее. Банг! Банг! Банг! Несколько пуль со звоном ударило в металлические швеллеры, прямо возле головы. Фигасе, вот снайперы недоделанные, так и убить могут! Быстро поменял позицию и продолжил стрелять. А потом улегся на землю, утвердив сошки между шпал, так как немцы уже добежали до моста. Пулеметчик с той стороны молотил как сумасшедший. Пули звякали по железу, и рикошеты уходили вверх красивым веером. Но мне было не до красоты. Вспышки своих же выстрелов настолько слепили, что я не видел ползущих немцев и стрелял почти наугад. Бах! Ага, растяжки пошли работать. Значит, немцы добрались уже почти до середины моста. Бах! Бах! Где этот долбаный Серега?! У меня лента кончается. Перезарядить уже не успеваю. И тут он, не замеченный мной, вынырнул откуда-то сбоку и, пнув по ноге, крикнул:

– Ходу!

Давно пора. Бросив пулемет, рванул назад и вбок от моста. Сергей из автомата прикрывал, а потом побежал следом. Еще через несколько секунд так рвануло, что я, кувыркаясь, упал, и уши как ватой заложило. Потом поднялся и неторопливой рысцой, оглядываясь, двинул дальше. Было плохо видно, но, похоже, что ближний пролет моста весь рухнул в воду. На той стороне еще слышались вопли разобиженных фрицев и выстрелы, но нам уже это все было глубоко по барабану.

* * *

Хорошо просто валяться на траве. Солнышко светит, птички поют. Жрать хочется… Мне последнее время постоянно хочется есть. Прогулки на свежем воздухе очень способствуют аппетиту. Неожиданно пришла мысль – а каково было партизанам? У них же львиная доля сил, наверное, уходила на поиски пропитания. И только в свободное от добычи продуктов время они занимались своими геройствами. Я смахнул с руки мураша и сел.

– Ну хоть что-то ты помнишь?

– Да помню! Пельмени помню и мясо, жаренное на железных палочках, – м-м-м… как его?

– Шашлык, – машинально подсказал Сергей и потряс головой, пытаясь понять, как вообще с таким, как я, продолжать разговор.

Он уже минут сорок пытался вести допрос, оформляя его под дружескую беседу. Достал уже. Вопросики хитрые подкидывает. А я не ловлюсь. Если б знал теперешние реалии, то на чем-нибудь уже прокололся. Но их не знаю, и поэтому ему остается только удивленно поднимать брови. А когда в ответ на очередной вопрос ляпнул, что Англия – вроде союзник Германии, Серега аж подпрыгнул. Особенно его интересовала моя подготовка. Очень диверсанта удивило, как я обычными гранатами заминировал подступы. Ведь если б не эти гранаты, нас бы смяли очень быстро. А так фрицы не могли понять, что происходит, и сбавили напор. Еще интересовало то, что когда улепетывал от моста, с ходу перескочил кучу валежника высотой метра два. Типа, как это у меня получилось? А я и сам этому удивляюсь. Даже не заметил, как перелетел, ноги сами несли.

– Попробуй вспомнить, где же ты этому научился?

– Слушай! Я имени своего не помню, а ты с меня место работы требуешь. Надоел уже. Сейчас вон провожу тебя до линии фронта, и привет!

До линии фронта было, правда, километров сто пятьдесят, но этого я уточнять не стал.

– Так ты что? Со мной к нашим не пойдешь?

Сергей был удивлен и даже не скрывал этого.

– Ха! Может, я и контуженый, но не сумасшедший! Что на той стороне делать буду? Без документов и памяти? Это я сейчас тебе нужен. Поэтому нормально разговариваешь. А там сунут в кутузку и начнут жилы мотать. Я же шпион. Забыл?

Диверсант вился вокруг меня, как большая зеленая муха. Видно было, что хочет чего-то сказать и даже рот открывает, но потом передумывает. Наконец он принял решение и выдал:

– Ладно! Там видно будет. До линии фронта еще дойти надо. Дойдем, после и поговорим.

Он достал карту, и, сориентировавшись, мы пошли дальше.

По пути, в деревне, я выменял на Серегины часы продукты. На халяву нас накормить отказывались, аргументируя, мол, много таких шляется. На диверсантовы хватания за автомат пригрозили, что сейчас свистнут мужиков и те нам покажут кузькину мать. Так что с часами ему пришлось расстаться, и он долго бухтел о недобитых кулаках. Я сам, честно говоря, был несколько озадачен. До этого всегда кормили бесплатно. Наверное, хозяева жлобами оказались. А Серега объяснил, что эти области перешли к Союзу совсем недавно и крестьянство здесь темное до невозможности. Интересно, если б оно было светлым, значит, можно, тыча в нос стволом, забирать все, что понравится? Этого, конечно, вслух не сказал, а наоборот, согласными хмыканьями поддерживал возмущенное бурчание спутника. Потом мне надоела ходьба. Сразу после того как поскользнувшись, прыгая через ручей, потянул себе ногу. Не смертельно, но неприятно. Поэтому почесав затылок, выдал идею:

– Лучше плохо ехать, чем хорошо идти, – и предложил захватить что-нибудь на колесах. К примеру – мотоцикл.

Диверсант был против, дескать – сгорим моментально. Но я настаивал, аргументируя, что в лесу можем тоже быстро спалиться. Тем более мы уже раз видели, как группу наших окруженцев немцы с собачками, почти без стрельбы, выдавили из леса и, быстро обшмонав, погнали куда-то по дороге. В общем, уломал.

Байкеров поймали достаточно просто. Положив на дорогу веревку, которую я стырил на всякий случай у прижимистых крестьян, и присыпав ее пылью, стали ждать. Сначала никого не было, потом прошла пара машин. Потом опять никого. Серега даже начал бухтеть, что зря время теряем. Но тут появились они. Немцы сидели как Рэм и Ромул на волчице, друг за другом. Из люльки торчал бидон.

– Давай!

Мы натянули веревку у немцев перед носом, и их сдуло с мотоцикла, как ветром. Пока Серый добивал гонщиков, я осматривал средство передвижения, воткнувшееся в кусты. Все цело, только крыло помялось, и фара треснула. Выкинув пустой бидон (видно, фрицы решили за молочком смотаться), уселся за руль, сделав приглашающий жест:

– Транспорт подан! Эх, прокачу!

Диверсант уселся в люльку, кинув на дно кобуру с трофейным немецким пистолетом, и посетовал на отсутствие пулемета.

– Может, тебе еще и морду вареньем измазать? То вообще не хотел ничего, а теперь выделывается!

Настроение было хорошим, поэтому и зубоскалил без удержу. Серега хохму про варенье не слышал и тоже посмеялся. Потом, надев клеенчатый плащ и каску, я развернул мотоцикл и затарахтел по дороге. Пятнистый приятель сидел в люльке, накрывшись накидкой так, что только голова торчала. В общем, на первый взгляд, мы сразу не бросались в глаза, как наглые захватчики чужой собственности. Сначала, правда, я пугался встречных и попутных немцев, каждый раз по возможности прячась в кусты на обочине. Но со временем опасаться перестал, а наоборот – оборзел и катил нагло, иногда даже приветственно помахивая рукой. Ехать было действительно лучше, чем идти. Фрицы такого хамства не ожидали, и на нас никто даже не смотрел. А потом мы зарулили не туда. Видно, свернул не в ту сторону, и только минут через двадцать зоркий сокол Серега определил, что едем не по той дороге. Не на восток, а на юго-запад. Разворачиваться было стремно. Сзади нас подпирала колонна машин, за которыми катили мотоциклисты. Можно влипнуть, если сейчас крутиться начнем. Тут сзади посигналили, и я, скинув скорость, принял к обочине. Громыхая, нас обогнал одиночный грузовик, за которым шел БТР. Опаньки! В кузове грузовика за те несколько секунд, пока его не закрыл пылящий БТР, разглядел людей в нашей форме. Успел увидеть нашивки на рукавах и то, что некоторые были перебинтованы. А ведь, судя по количеству нашивок, это не лейтенантов повезли. Да и не стали бы лейтенантов в машинах возить. Пехом бы пустили. Видал я уже офицерскую колонну, на которой Сухов спалился. А здесь – полковники, как минимум. Вкратце обрисовав Сергею ситуацию, вырулил с обочины и, прибавив скорость, двинул за грузовиком. По этой дороге проехали еще минут десять, потом грузовик с БТРом свернули на перекрестке и сбавили скорость на ухабах разбитого проселка. Так, не торопясь, они ехали еще с полчаса и, доехав до небольшой деревни, остановились. Мы, притормозив, издалека наблюдали за дальнейшими действиями немцев. Похоже – приехали. Из броника вылезло человек восемь солдат, а из машины на землю сошли пятеро командиров в советской форме. Четверо были перебинтованы в разных местах. У кого голова, у кого рука, у кого плечо. Из кабины грузовика спрыгнул немецкий офицер и, подойдя к нашим, провел их в дом. Возле крыльца встал часовой, а остальные занялись как раз тем, что постоянно показывали в хрониках. Вопросов типа «курка, млеко, яйко», я отсюда не слышал, зато было хорошо видно, как фрицы воодушевленно гоняются за домашней живностью. Потом, добыв поросенка, его моментально зарезали, и двое, видно, наиболее подготовленных в поварском деле, начали колдовать над невинно убиенной тушкой. Глядя на это веселье, я предложил план, а Серега, покрутив головой, добавил свои коррективы и согласился.

* * *

Порося пах офигительно. Да и на вкус был очень даже очень. Мы расположились в кузове БТР, с аппетитом уплетая эту вкуснятину. Эх, фриц. Лучше б ты в шеф-повары пошел, а не в солдаты. Хотя, может, он и был на гражданке поваром. Вот им бы и оставался… Наших командиров отбили на удивление легко. Двоих немцев сняли в курятнике. Любители сырых яичек даже не пикнули. Потом я броском ножа ликвидировал часового возле двери, а Сергей тремя длинными очередями ухлопал остальных, которые сгрудились под навесом возле божественно пахнущего поросенка. Пока он стрелял, я

перекатом вкатился в комнату и прямым в челюсть успокоил немецкого офицера. Выглянув в окно и увидев, что Серега свое дело сделал, пригласил всех наших на выход. Пока они выходили, обыскал офицера. Забрал пистолет, документы, а в полевой сумке нашел пачку удостоверений. Как позже выяснилось, это были ксивы пленных командиров. Серега еще помогал им влезть в БТР, я уж смел все со стола вместе с брезентом, на котором был сервирован ужин, и сунул это в кузов. Убедившись, что все упаковались в бронированный гроб на гусеницах, прыгнул за руль и покатил отсюда подальше. Пока проезжали деревню, ни одного человека не видел. Только пару раз в окнах мелькнули белые пятна лиц. Конечно, дураков нет – под пули лезть. Но этим деревенским придется солоно. За то, что мы устроили, с них теперь спросится. Хотя, честно говоря, не помню, немцы сразу зверствовать начали или им время на раскачку надо было? Но все равно, этих селян было жалко. А дальше случилась неприятная история. Когда, отъехав километров на десять, остановился, все еще было хорошо. Пока ехали, Серега, сидя в кузове, уж не знаю чем развлекал командиров. И тут я влез в теплую компанию. Так скажем, со своим рылом – в калачный ряд. Согласен – несколько погорячился и нарушил правила субординации. Просто жрать очень хотелось, а запахи, доносящиеся сзади, до исступления доводили. Перед глазами не дорога была, а только нежно-золотистая корочка на хорошо прожаренном боку. Поэтому, рассчитывая познакомиться со спасенными в процессе ужина, только заглушив движок, метнулся к кузову и распахнул брезент со снедью. Несколько секунд молча оглядывал открывшееся великолепие, а потом, сглотнув слюну, предложил:

– Ну что товарищи – налетай!

И тут один из них, тот, который вообще не раненый, вдруг делает красную морду и начинает орать:

– Боец, ты что себе позволяешь! Как смеешь в таком тоне разговаривать со старшим комсоставом! Тут дивизионный комиссар присутствует! И что у тебя за форма одежды?!

Ого! А я уже и забыл, какие фрукты у нас в армии встречаются. Последнее время все больше с вменяемыми людьми дела имел. А тут этот гусь. Ну, сейчас я тебе разъясню, кто тут подчиненный и как надо с людьми разговаривать. Но разъяснить не успел. Пожилой мужик, лет пятидесяти, с большими звездами на рукавах и орденом Красного Знамени на кителе, тихо, но жестко сказал:

– Подполковник, немедленно прекратить!

И уже обращаясь ко мне, добавил:

– Вы нас извините. Сами понимаете, после той ситуации, в которой мы побывали, срывы неизбежны.

Пожав плечами, ответил:

– Бывает. Вы меня тоже извините, не заметил, что случилось.

Даже неудобно стало. Извиняется мужик, который вовсе не при делах, за какого-то мудака, что является его подчиненным. А может, даже и не является. Разбираться с наглым подполом расхотелось, тем более что мне вдруг стала понятна причина его ярости.

А случилось то, что к моему виду революционного матроса добавился яркий штрих. И где так штаны порвать умудрился, не знаю. Сзади висел большой лоскут, и я вовсю сверкал пятой точкой. То-то чувствую, как-то поддувать с тылу начало. Опять полез на место водителя. Где же я это видел? Ага, вот. Под вторым сиденьем был сменный комбез немецкого водилы. Почти чистый. Отойдя за кусты, переоделся, выкинув не только драные джинсы, но и пропревшую футболку. Комбез был большеват и от него несло не смазкой, как можно было ожидать, а хлоркой. Опять подошел к кузову. Напряжение уже спало, и все начали знакомиться. Пожилой оказался тем самым дивизионным комиссаром, которым меня подполковник пугал. Он протянул руку, представляясь:

– Степанов Андрей Яковлевич.

– Илья, м-м-м… просто Илья. – Я тоже представился, чувствуя себя глупо.

Хорошо, вмешался Серега:

– Я вам потом объясню, товарищ дивизионный комиссар!

Тот кивнул, с недоумением глядя на меня, и общее знакомство продолжилось. Серега оказался целым майором по фамилии Гусев. Надо же, почти угадал с его званием. Остальные были полковниками и одним говнистым подполковником, с которым я сцепился. Он носил олигархическую фамилию Ходорковский.

Поели. Предложили даже откушать жавшемуся к борту немецкому офицеру, которого прихватили с собой. Но он отказался, видимо, посчитав за издевательство. Конечно – челюсть у него минимум в двух местах была сломана. Потом, пока я дозаправлял броневик из канистры, краем глаза видел, как Гусев что-то рассказывает дивизионному, а тот удивленно качает головой, одобрительно поглядывая в мою сторону. Пока возился с заправкой, объедки ужина были выброшены, и мы уже в сумерках поехали на восток. Предварительно, правда, Гусев, бросив на землю штук десять мешков, предложил наполнить их землей и песком.

– Это корыто пулемет чуть не насквозь пробивает! – пояснил он свою просьбу.

А я-то думал, на фига он мешки со двора захватил, не картошку же собирать?

По пути спросил Сергея, что такое дивизионный комиссар. Он покачал головой и сказал, что это типа армейского генерал-лейтенанта. А Степанов, еще и член военного совета. Ну конечно, круче яиц, выше звезд. Немцы, наверное, уписались от восторга, когда такого чина живьем захватить получилось. М□да… Это мы удачно встретились. И мужик он вроде неплохой. Борзого подпола резко на место поставил. Так что сегодняшнее знакомство очень даже на пользу будет. Весь в радужных мыслях, я давил на газ, выжимая из неповоротливой колымаги все, на что она была способна. В узких полосках света из маскировочных фар проносились придорожные кусты. Один раз выскочил заяц и, пробежав метров триста перед нами, спрыгнул с дороги. Ехали мы так, ехали, и приехали. Почти всю ночь гнал, выбирая проселки. Устал как черт. У этого тарантаса ни о каком гидроприводе руля и речи быть не могло. Плечи и руки ломило. Один раз меня подменил Серега, но скорость тут же упала с моих сорока до жалких двадцати километров в час. Поэтому, отдохнув с полчаса, я опять сел за руль. А в утренних уже сумерках не разглядел немецкого поста. До этого как-то везло, и нам никто не попадался. А тут вылезло мурло, сразу напомнившее гаишника, и начало мне махать палочкой. Я, прибавив газу, попробовал его задавить (давно о таком мечтал). Смысла нам останавливаться не было. Машина в угоне, техпаспорта нет и водитель, то есть я, без прав. Сразу штраф, со смертным приговором. Но это все хохмочки. А вот если серьезно, за нами сразу рвануло три мотоцикла. Гусев, перетащив пулемет на задний борт, пробовал их отстрелить, но получалось плохо. БТР скакал козлом и прицелиться было невозможно. Потом сбоку показалась какая-то техника, стоящая в поле, и оттуда к погоне присоединились еще два гонщика и, что самое хреновое – БТР. С обочины какие-то дикие фрицы стреляли в нас, пытаясь попасть в стекло водителя. И попадали. Выбили сначала правое окно и почти тут же мое. Закрывать защиту было поздно, да и не разглядел бы я ни шиша в смотровую щель на такой скорости. Тут меня в первый раз ранило. В плечо как кувалдой влупили. Чуть руль не бросил. Рука сразу онемела, пришлось рулить одной правой. Ититская сила! Так я долго не протяну. Потом прилетело еще раз. Теперь попало слева в голову. Попало чирком, но я начал уплывать. Где же эта линия фронта?! По моим расчетам, мы должны были ее пересечь еще с полчаса назад. Или наши опять отошли? Ну тогда все, сливай воду, приехали. И ведь вообще сплошной линии фронта может и не быть. Сейчас там, где когда-то будет эта линия, все вперемешку – наши, немцы. Потом, чувствуя, что вырубаюсь, успел только сказать сидящему рядом полковнику:

– Руль держи!

И все…

Глава 4

…Плыву куда-то. Качает. Что-то не так получается, как эти долбаные зеленые человечки говорили. К себе обратно не попал. Или просто еще не помер? Тут очень издалека

донеслись голоса:

– Осторожнее, осторожнее с ним! Это очень важный раненый!

И голос чуть тише:

– Мы в курсе. Сам член военного совета им интересовался.

Ага. Похоже, план внедрения постепенно начал осуществляться. На этой мысли я опять потерял сознание.

Очухался на кровати. Хорошо, мягко. Потолок белый, простыни чистые. Рука с плечом замотаны бинтами. Башка тоже. Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве… а-а-а, не фиг первым в драку лезть! Вспомнив эту детскую кричалку, ухмыльнулся. Прямо про меня. Немного поерзав, попытался понять, что за дискомфорт мешает наслаждаться жизнью. Сел на кровати, покрутил головой – не болит. Попробовал напрячь привязанную раненую руку – не болит. Осторожно потыкал себя пальцем в замотанное плечо – не больно! Это что ж получается? Или я тут уже минимум недели две без сознания валяюсь, или на мне все как на собаке заживает. Ладно, разберемся. Сейчас о насущном, ибо понял смысл дискомфорта. В туалет уже припирает и очень сильно. Встал, огляделся – ага, вот они тапочки. Открыл дверь и вышел в коридор. По нему бродили люди в коричневых халатах. Воняло больницей. Возле окна, в конце коридора, человек пять курило. Похоже, мне туда. Двинул в сторону курящих и не ошибся – туалет был там. На меня поглядывали, так как в отличие от халатоносцев я был в одних солдатских кальсонах, но ничего не говорили. Вернулся обратно и опять сел на кровать. Тут распахнулась дверь – и в комнату влетело что-то мелкое, в веснушках и белом халате. Медсестра, увидев, что ранбольной встал, всплеснула руками и завопила в коридор:

– Зинаида Пална! Зинаида Пална! Он очнулся!

Потом, подбежав ближе, попыталась уложить на кровать. Не преуспела. Я уже належался. Тогда она начала тарахтеть, уже не трогая меня руками:

– Ой! А вас привезли, а у вас сложное ранение плеча! А Семен Лазаревич так хорошо все сделал! Он наш лучший хирург! А вы целых два дня спали, а Семен Лазаревич сказал вас не будить, что сон лучшее лекарство. И уколы я вам во сне делала.

Слова из этой кнопки вылетали со скоростью пулеметной очереди. В этот момент в дверях появилась женщина. Видно, та самая Зинаида Пална. Тоже в белом халате поверх формы. Подошла к койке и сказала, улыбнувшись:

– Ну здравствуйте, раненый!

После чего подсела рядом и оттянула мне веко. Я на всякий случай открыл рот и, высунув язык, сказал «а-а-а». Врачиха машинально заглянула туда, но потом хихикнула, сказав, что это не требуется. Потом, поинтересовавшись общим самочувствием, заставила меня смотреть за молоточком, водя его перед глазами. После этого повели на перевязку. Вот тут у них началась суета. Размотали сначала голову и начали цокать языками. Башку щупали и крутили, повторяя:

– Удивительно, удивительно.

А размотав плечо, сразу позвали Сигизмунда Лазаревича, то есть тьфу! Семена Лазаревича. Им оказался шустрый доктор в очках, похожий на Айболита. Он тоже долго мял плечо, бормоча уже надоевшее:

– Удивительно.

А я и сам удивлялся. Что творилось на голове, не видел, но вот на плече дырки не было, был только шрам, причем как минимум годичной давности. Молодцы, зеленые человечки! Вот так тело соорудили! На мне теперь не то что как на собаке все заживает, а гораздо быстрее. То-то, шарахаясь по лесам, обратил внимание, что царапины уже на следующий день исчезают. И комары меня не трогали. Но тогда особенно над этим не задумывался. А сейчас – вона как получается! Оханье докторов несколько охладила пожилая медсестра, протиравшая какие-то медицинские железки. Она сказала, что в двадцатых годах у них мужику пилой вообще два пальца отхватило, а он их позже вырастил. Потом хирурга позвали к раненому, и он убежал, а я был отведен в свою персональную палату. Руку с

головой, правда, на всякий случай опять замотали. Зачем, я так и не понял, но не сопротивлялся. А к обеду ко мне пришли. Сначала появился Гусев с незнакомым полковником. Они поздоровались, причем у Сереги был вид довольный и таинственный. Он, выложив на тумбочку три яблока и пачку папирос, отвалил на задний план. Полковник же, сев на табуретку рядом со мной, сначала поинтересовался здоровьем, а потом начал пытать на предмет просветления памяти. Причем пытал долго и изобретательно…

– Ты постарайся вспомнить, может, лица, может, места. Ну, что-нибудь. Может, город или площадь какую? Фонтан там какой-нибудь особенный или, может, море вспомнишь? Хоть малейшую зацепку дай, чтобы выяснить, кто ты!

Я отрицательно мотал головой на его вопросы, а на последнее предложение хмыкнул и выдал:

– Шпион я немецкий. Вон, Гусеву уже говорил.

Полковник резко наклонился ко мне и, зло хлопнув себя рукой по колену, раздельно сказал:

– Никому. Никогда. Так больше не говори. Хватит! Да если б майор за тебя горой не встал, расписывая твои подвиги и похождения, еще неизвестно, как бы все получилось! Он же как клещ в тебя вцепился. А я Гусеву верю. Умеет он в людях разбираться.

И уже остыв, откинулся назад, добавив:

– Знал бы ты, Илья, перед КЕМ за тебя поручиться пришлось. До сих пор удивляюсь, как вообще «добро» дали…

Потом поспрашивал меня еще немного и ушел. Но, как и Карлсон, обещал вернуться. Гусев, задержавшись на минуту, похлопал по незабинтованному плечу и сказал, что все теперь будет хорошо. И что в дальнейшем будем работать вместе. Он меня, мол, никому не отдаст.

А затем пришел невзрачный старлей с фотографом. Они поздоровались, после чего на меня напялили гимнастерку, и фотограф, сделав портретный снимок, моментально смылся. Старлей же, представившись следователем особого отдела, ведущим мое дело, достал тетрадь и, расположившись возле тумбочки на табурете, стал задавать вопросы. Почти сразу все застопорилось. Буквально с Ф.И.О. Уже на это я не ответил. Но старшой не унывал, а продолжал копать дальше с мощью экскаватора. Вот он, будь я шпионом, меня точно бы расколол. Это даже не Гусев со своими хитрыми вопросиками. Это зубр настоящий. Но и на этот раз меня спасло незнание реалий. Полным дауном, конечно, не прикидывался, а мои ответы, похоже, хорошо вписывались в общую картину человека, потерявшего память. То есть, например, кто является руководителем Советского Союза, я ответил. А вот на вопрос, кто сейчас партийный руководитель Белоруссии, пожал плечами. Так же пожимал на вопрос о фамилии командующего немецкими войсками на нашем направлении и его начальнике штаба. Следователь спрашивал, названия каких городов и стран мне знакомы. Какие языки знаю. Позадавал вопросы на разных языках. После каждого вопроса внимательно смотрел и слушал, что отвечаю. Ну и в том же духе. Мурыжил часа два. Похоже, сам устал. В конце я, уже задолбавшись отвечать, спросил:

– Ну что скажете, товарищ старший лейтенант. Кто я? Шпион?

– На шпиона вы мало походите. Скорее, диверсант.

Старлей улыбнулся одними губами и продолжил:

– И слишком уж ненадежен способ внедрения. Я склонен, скорее, думать, что вы советский командир, возможно, из осназа. Очень у вас подготовка специфическая. Поэтому и думаю, что командир, для бойца вы чересчур резвый. Да и возраст… Но мы вышлем ваше фото в архивы и постараемся все выяснить. Так что, счастливо оставаться.

Он встал, поправил ремень и, пообещав еще встретиться, вышел. А я откинулся на подушку, переводя дыхание.

Вечером опять пришли Гусев с полковником. На этот раз с ними была мощная Зинаида Пална и Айболит. Меня опять размотали, и доктор, тыча пальцем, быстро говорил:

– Вот видите? Видите? А ведь была сложная операция! Пуля кость задела! Я же ему

полплеча разворотил! А сейчас?!

Покосившись на плечо, я обнаружил, что шрам стал еще более бледным. Да что там более бледным. Его почти не видно было! Семен Лазаревич тем временем, подпрыгивая, продолжал:

– Если бы не я сам все делал, не поверил бы, что этот человек позавчера лежал у меня на столе! Но какая потрясающая скорость регенерации!

Доктор закатывал глаза и, причмокивая, щупал меня. Стало щекотно. Полковник выглядел несколько растерянным.

– Так он раненый или здоровый?

– Мы еще возьмем анализы, но сейчас могу сказать, что он практически здоров! А ведь предварительные обследования не показали никаких отклонений от нормы. Все было в порядке – большое количество лейкоцитов, но это соответствовало картине ранения и еще..

Тут доктор перешел на латынь, изредка разбавленную русскими словами, и я перестал его понимать. Наконец он выдохся, добавив:

– У меня были случаи быстрого заживления, но такого я еще не встречал.

Тут вступила молчавшая Зинаида Пална:

– А тетя Дуся рассказывала, что видела человека, который себе вообще потерянные пальцы смог отрастить.

Айболит, вскинув мушкетерскую бородку, тут же возразил, что в справочниках этот случай не отражен и документального подтверждения нет. Потом, видя растерянность врачихи, добавил, что всякое случается и многое наука объяснить не может. Полковник же, вычленив для себя главное, сказал:

– Если он здоров, то сегодня берите ваши анализы, а завтра мы его забираем!

И уже обращаясь ко мне, спросил:

– Плечо, голова не болит?

– Да уже с утра ничего не болит, как проснулся.

Он непонятно хмыкнул и, еще раз пообещав завтра с утра забрать, ушел вместе с Гусевым. А меня уложили на койку и начали тыкать иголками. Потом стучали молотком. Потом занимался приседаниями и мне мерили давление. Потом, потом, потом… Я уже стал выдыхаться – и тут наконец от меня отстали.

Наутро нарисовался Гусев. Радостный, как три рубля нашел. Он хлопнул на кровать пакет с формой и велел одеваться. Шедший за ним боец поставил сапоги возле кровати и удалился. Разорвав бечевку, я прикинул робу на себя. Вроде подходит. Гусев, видя мои сомнения, уверил, что будет в самый раз. Надел на себя. Действительно, все впору. Гимнастерка была без петлиц. На пилотке шел малиновый кант, но особенно меня вырубили галифе синего цвета. Это что, для маскировки? В траве меньше видно? Или чтоб в толпе гомиков не выделяться? Но я оставил сомнения при себе, что поделать, если сейчас такая форма одежды существует, и, намотав портянки, надел сапоги. Затянул ремень, собирая складки сзади. Гусев одобрительно кивнул и жестом предложил выдвигаться. Сам, кстати, в фуражке рассекает. А мне пилотку подсунул. Правда, фура у него тоже – с околышком малиновым. Это ж какой род войск? Явно не летчики – у тех синий. И тут я вспомнил! Следак, что меня допрашивал, в такой же фуражке был. Получается, что Гусев, ну и я теперь, соответственно, из НКВД. Пока соображал, мы вышли из госпиталя и сели в машину. До места ехали почти час, в эмке с крохотными стеклами. Блин, обзор был только чуть лучше, чем в немецком БТРе. Когда прикатили, Серега начал показывать свое хозяйство. Хозяйство было крохотным и располагалось в двух маленьких домиках. В одном обитались радисты и полковник с Гусевым. В другом – водители и бойцы охраны. Гусев сказал, что жить буду в его домике – койку для меня уже поставили. Так как полковник куда-то укатил, мы прошлись по поселку. В нем было десятка четыре домов и помимо нас располагались саперы и банно-прачечный отряд. Но они располагались в здании школы. Я, как о банных прачках узнал, тут же воспылал. Майор же, моментом охладил мою прыть, сказав, что все бойцы в нем мужского полу. Облом-с. Потом пообедали, и тут вернулся полковник. Серега мне еще

раньше сказал, что звать его Колычев Иван Петрович, а вот чем они занимаются, так и не ответил, конспиратор хренов. Дескать, полковник все сам расскажет. Вот полковник и начал рассказывать. Точнее, опять спрашивать. Для начала, оглядев затянутую ремнями фигуру, он сказал, что теперь я на человека стал похож. После чего приказал следовать за ним. Расположившись в комнате по соседству с радистами, Иван Петрович начал:

– Вот тебе документ на первое время, пока личность твою не выясним.

И протянул книжечку, в которой говорилось, что Найденов Илья Иванович является вольнонаемным сотрудником НКВД. Классные тогда документы были – даже без фотографии! Только вот, что за импровизации с фамилией? Я так и спросил.

– А чего ты хотел? Гусев тебя нашел, вот пока с такой фамилией и походишь. До выяснения. Хотя все может оказаться хуже, чем ожидалось. Централизованный архив в Москве только начали собирать. Многие из округов, туда даже копии личных дел еще не отправляли. К примеру, если ты был приписан к Западному особому военному округу, то там, при эвакуации многие документы просто уничтожали. Так же и с ПрибВО. Так что живи пока Найденовым.

А в основном он беседовал на предмет выяснения моих способностей. Очень его заинтересовал способ минирования гранатами. Вот и хотел узнать, что еще такого интересного я могу.

– Ну… знаю, как из двух гранат хитрую растяжку делать. Если на ней проволоку просто перерезать, то она все равно ухнет. Еще как из гранаты и стакана ловушку соорудить. Как при помощи дощечки с зарубками ночью из пулемета стрелять по целям. Как машину с помощью прищепки и сахара заминировать, чтоб не сразу взорвалась, а только через некоторое время. Да, наверное, много интересного могу, только не помню.

Пока я рассказывал, полковник кивал, а потом потребовал все это показать. Вышли во двор, и я показал.

– Ведь элементарные вещи! А я про такое даже не слышал! Тебе фамилию Хитров надо было вписать или Лисов.

Я аж подпрыгнул и сказал, что Лисов мне нравится гораздо больше, чем Найденов. Полковник посмеялся и пообещал, если пройду испытательный срок, выписать документы на Лисова. Мы пошли обратно в дом, а я все не мог успокоиться. Надо же! Знатоки человеков. Даже фамилию со второго раза угадать умудрились! М-да… Иван Петрович явно заслуживает уважения своей проницательностью.

Опять расселись за столом. Наконец Колычев начал говорить, чем будем заниматься.

– Немцы практически вышли к Днепру, появилась опасность окружения. За нами Могилев, и там сосредоточена большая группа наших войск. Но у противника очень много танков. В вашу задачу будет входить уничтожение всех более или менее крупных мостов, по которым они могут подтянуть эти танки для захвата города… Зараза! А в сводках говорят, что танки у немцев деревянные! По ним бы эти деревянные прошли!

Иван Петрович в раздражении отдернул гимнастерку и продолжил:

– Также, если получится, по возможности уничтожать их рембазы. Разумеется, действовать будет не одна ваша группа. А нашу зону ответственности покажу позже.

Полковник передохнул и, повернувшись к Гусеву, сказал:

– Понимаю, делом ты будешь заниматься не совсем по профилю. Когда сюда ехали, задача стояла совершенно другая. Но обстановка – сам видишь. Из-за этого возможного окружения каждый спец на счету.

Сергей кивнул. Я, чтоб не молчать, с умным видом спросил:

– А немецкие колонны атаковать не надо?

Командир весело посмотрел на меня и хмыкнул:

– А чего их атаковать? Потерь больших не нанесете, тем более если танковой колонне, а вашу группу засекут и уничтожат.

Тут влез Гусев:

– Сколько человек будет в группе?

– Шесть-восемь бойцов. Рацию в этот раз не дам. Пойдете дня на три. Ну и разнюхаете заодно, что там к чему.

Тут опять я взял слово. Уж если так лопухнулся с колоннами, надо было спасать авторитет.

– Да и танковую колонну можно хорошо прищучить. Людей вот только мало. Много ракет не утащим.

Полковник вопросительно поднял брови, и я продолжил:

– Если взять РС самолетные и расставить, замаскировав вдоль дороги, метрах в тридцати-сорока, то они очень хорошо танки проредят. Рассеивание на таком расстоянии можно и не учитывать. Направляющими к ним положить листы шифера. И запускать по проводу, издалека.

Иван Петрович расцвел в улыбке. От избытка чувств он даже хлопнул кулаком по столу.

– Вот! А говоришь, больше ничего интересного не помнишь! Для вас это, конечно, не пойдет, а вот в войска твою идею передам сегодня же. РС у нас хватает, вот только авиации практически нет.

Он на секунду помрачнел, но после сначала стиснул мне плечи и потом, отступив на шаг, сказал:

– От имени командования объявляю вам благодарность!

Я чуть было не ляпнул: «Служу России!», но вовремя поймал себя за язык:

– Служу трудовому народу!

Полковник, окинув одобрительным взглядом, сказал Гусеву:

– Вот! Память потерял, а как отвечать, на уровне инстинктов вбито! Сразу видно – наш человек. Ну, давайте, собирайтесь. Завтра вечером выходите. И еще, Гусев, все эти взрывы мостов – задача попутная. А в основном ты мне узнай, какие силы у немцев здесь и здесь сосредоточиваются.

Он ткнул пальцем в точки на карте.

– А то армейцы, если и притащат кого, так это максимум фельдфебеля, который только о своей роте и может сказать.

– Товарищ полковник! Так мне что, майоров с полковниками искать? И где я их ловить буду?

Гусев состроил жалобную морду, но на Колычева это не подействовало.

– Да хоть генералов! Я не обижусь. С тобой вон Илья идет. А он везунчик. Самого члена военного совета у немцев отбить умудрился.

И уже глядя в окно, добавил вполголоса:

– А везенье нам сейчас ох как нужно…

* * *

Я опять топал по лесу не один. Впереди сопит Гусев с проводником, за ним трое бойцов, из Могилевского полка НКВД, груженные, как кони. И все это шествие замыкала моя персона, тоже не налегке. На всех были навьючены мешки со взрывчаткой, как будто мы рейхсканцелярию будем на воздух поднимать. По мне, чем столько тащить, проще на месте найти или у фрицев позаимствовать. Они в эйфории сейчас пребывают, и их пощипать сам Бог велел. Еще автомат этот… ППШ был неудобен, как чирей в носу. Я-то привык к АКСу. Легкий, компактный, неприхотливый! Стрелять из него – одно удовольствие. Одной рукой за пистолетную рукоятку, другой за цевье, и поливай вволю! А здесь… За шейку приклада и за что еще?! Диск круглый, снизу держать неудобно – руку выворачивает. Сбоку же просто не удержать – выскальзывает. А перезарядка этого диска вообще песня! Поэтому я шел и бормотал послание Калашникову:

– Уважаемый Михаил Тимофеевич! Изобретите ваше чудо-оружие побыстрее. Просто мочи нет уже валандаться с этой финской недоделкой. Чухонцы точно свой «Суоми» нам как

провокацию подбросили, а Шпагин и рад стараться. Вы уж, деда Миша, не оставьте нас заботами своими.

Хотя какой он деда. Молодой пацан, который, возможно, недалеко от меня воюет. И сама идея создания оружия ему еще в голову не приходила. Тут я даже с шага сбился. А для чего, собственно, ждать сорок седьмого года? Все схемы и чертежи «калаша» я и сам отлично помню. Надо будет только обдумать, как их преподнести. Не сейчас конечно, попозже, когда патрон промежуточный изобретут. А изобретут его только в сорок третьем. М-да. Загвоздка. Но ничего, выкрутимся – главное идея!

Вообще, наш выход начался с интересного случая. Сидя за столом и набивая диск патронами, я машинально, под настроение, напевал под нос:

Мы выходим на рассвете,
над пустыней свищет ветер
И уносит нашу песню до небес.
Только пыль под сапогами,
с нами Бог и с нами знамя
И тяжелый карабин наперевес.

Тут Гусев навострил уши и заинтересовался, что это я пою. Пожав плечами, на всякий случай отмазался – мол, не знаю. Серега же, подняв палец, сказал, что это Киплинг.

– Еврей?

– Почему еврей?

Майор даже обиделся:

– Англичанин. Но стихи у него отличные есть. Только, что песни на эти стихи существуют, я не знал. И мелодия хорошая. Боевая такая.

И набивая свой диск, стал мне подпевать. Да уж. Надо поосторожнее с фольклором быть. А то вот так выдам, машинально что-то типа: «Товарищ Сталин, вы большой ученый…»

И далее по тексту. Не посмотрят, что контуженый. Моментом законопатят, следуя тому же тексту, в Туруханский край. Хотя мужики эти – что Гусев, что полковник – нормальные, но все равно, поберечься надо. А майор-то высокому не чужд. Киплинга знает. Я даже другими глазами на него смотреть начал. Не так уж он и прост, этот волкодав из НКВД…

Гусев остановился, вскинув руку. Все замерли. Вытянув шею, пытался разглядеть сквозь деревья, что его остановило. Ничего особенного. Он просто увидел подходящий мостик. Тот был перекинут через овраг, на дне которого бежала речушка. Я бы на него и не глянул, но потом, прикинув, что и как, мысленно одобрил майора. Овраг этот был длиннющий, как противотанковый ров. Рванув это сооружение, мы заставим немцев искать обходные пути или ладить новую переправу. Всяко-разно время они потеряют. После было еще два таких же моста. А потом, уже под утро, я увидел ЕГО. Немец стоял возле своего мотоцикла и, жуя колбасу, полкруга которой держал в руке, наблюдал, как несколько солдат выталкивают грузовик из большой промоины. На шее у фрица висел предмет моей зависти, еще из прошлой жизни. Не помню, как называется эта штуковина – не то горжетка, не то жоржетка, в общем, здоровенная бляха на толстой цепи. Мой знакомый такую прикупил за сумасшедшие деньги и сильно ею гордился. Никелированная, с фосфорными светящимися вставками, она производила сильное впечатление. А здесь такой же экземпляр на бесхозном фрице. Я подполз к Гусеву и зашептал ему в ухо…..

– Ты что, с ума сошел?

Серега ошарашенно уставился на меня. Ладно. Попробуем с другой стороны.

– Это ж фельдполицай! Он тут все окрестности пасет. Кто, куда, зачем едет – все знает. Во всяком случае, где находится штаб ближайшего полка, знает наверняка. А может, и дивизии. Мы туда сгоняем и на выбор, хоть майора, хоть полковника умыкнем. То-то Колычев довольный останется. Нам же – не слабо?

Я с надеждой смотрел на майора.

– Так бы сразу и сказал. А то бляха ему, видишь ли, понравилась!

Гусев быстренько расписал всем диспозицию, и мы приготовились. К тому времени машину уже вытолкнули и к любителю колбасы присоединился его коллега, который руководил спасением застрявшего транспорта. Тоже с бляхой! Вот везуха-то покатила! Колбасников взяли быстро и, отойдя на пару километров в сторону, начали их потрошить. Серега бодро лопотал по-немецки, но фриц начал кочевряжиться. Воротил морду и молчал, с вызовом поглядывая на нас. Выделывался он недолго. Прежде чем майор успел применить спецметоды, я придавил немцу точку на шее. Он заверещал так, что Гусев с переполоху его чуть не прирезал, хорошо, спохватился и просто заткнул рот. Давить пришлось еще два раза, и бляхоносец раскололся. Глядя на меня полными ужаса и слез глазами, он моментом отвечал на вопросы Сереги. Несколько раз, когда просили, показывал что-то на карте. Потом его поменяли на второго фельдполицая. Приданные нам ребятки из полка НКВД того уже достаточно разогрели. Даже не зная немецкого, они тоже пробовали его допрашивать, и я периодически слышал буцкающие звуки метрах в тридцати от нас. Поэтому, дойдя до понимающего язык человека, немец с облегчением вывалил все, что знал. Майор, покумекав с картой, подозвал остальных:

– Смотрите сюда. Вот город Горки. Тут у немцев штаб 46-го танкового корпуса. До него отсюда километров двадцать. Так что спать сегодня днем не будем. Пойдем вот так и так.

Серега пальцем прочертил предполагаемый маршрут. Да тут все тридцать пять километров получается! Но зато все по лесам. Нормально выходит. Только вот город… как там немцев отлавливать? Мы, в наших комбезах, среди домов будем как балерины на ипподроме. А кому сейчас легко? Вспомнив этот анекдот, хмыкнул и спросил у проводника:

– Город большой?

– Да одно название, что город. Скорее, деревня большая.

Потом боец по имени Валера кончил немцев, и Гусев, собрав всех, приказал:

– Из мешков все лишнее долой. Оставить по паре килограммов взрывчатки и патроны. Порядок передвижения – я с Семеном, – он кивнул на проводника, – впереди. Илья замыкающий. За мной, бегом марш!

И мы побежали.

…Лежим, разглядывая в бинокль эту большую деревню. И где тут их гнездо? Немцы шмыгают возбужденными макаками во всех направлениях. Приоритетного выделить не удается. Ясно только, что в хате штаб стоять не будет. Расположится или в школе, или в здании райсовета. Хотя, по словам Семена, тут еще и фабричная училяга есть, с подходящими помещениями. В общем, полные непонятки. Кому-то надо идти смотреть. На разведку, без вариантов, выпало идти проводнику. Он единственный из нас был в гражданке.

– Особенно на рожон не лезь. Посмотришь, где что у них располагается, и назад. С местными поговори – они подскажут. И патрулю смотри не попадись! А то тебя мигом скрутят. Без документов же. Знать такое дело, хоть бы паспорт с собой взял. Да ладно, чего теперь сожалеть!

Я краем уха слушал, как Гусев инструктирует Семена, а сам разглядывал в оптику окрестности. И тут увидел стайку пацанов с удочками, явно топающих к полувысохшему пруду, возле которого мы находились.

– Майор! Семена пока придержи. Тут самый надежный источник информации к нам идет.

И протянув бинокль Сереге, показал на рыбаков. Он так обрадовался, как будто букву в лохотроне угадал. Дождавшись подхода пацанов, свистом привлек их внимание. Толпа, побросав удочки, ломанулась в нашу сторону. Для разговора выбрали двоих постарше, отослав малышню к пруду, для маскировки. Щеглы, как обычно, знали все. Штаб был в здании райсовета. Рембат расположился в мастерских депо. Связисты – в помещении бывшего городского радиоузла, что был рядом с райсоветом. Вон там и там стоят

постоянные посты. А вон там, там и там – зенитки. Рассказывая, они тыкали пальцами в сторону города, уточняя расположение объектов. Попутно пожаловались на большую конкуренцию со стороны фрицев в бомблении садов и огородов. Как источник информации ребятня была бесценна. Одарив пацанов перочинным ножом и поблагодарив, отправили дальше ловить рыбу. Сами же отошли на пару километров в глубь леса и, выставив наблюдателя, завалились спать. Ночка нам предстояла веселая.

* * *

Луна, сука, светила вовсю. Мы с Гусевым лежали в густом палисаднике возле радиоузла. К штабу было не подлезть. Охраняли его хорошо, и попасться можно было моментом. А вот радиоузел, хоть и был рядом, как-то выпал из поля зрения караульных. Нет, его, конечно, тоже охраняли, но как бы заодно. Переговорили с Серегой и, решив, что начальник связи или его зам знают не меньше начальника штаба корпуса, задумали брать их. Пацанов – энкаведешников с проводником и остатками взрывчатки – отослали к мастерским. В час ночи они там должны будут что-нибудь подорвать. Хоть стенку, лишь бы шум был. И сваливать, не дожидаясь нас. Точку встречи обговорили и, разделившись, пошли на дело. До взрыва оставалось меньше часа, и мы теперь ломали голову, как выяснить, где спит местный фюрер связи. Понятно, что в самом узле, но вот где именно? Тут из задней двери на освещенное крыльцо вышел толстый фриц, держа в одной руке щетку, а в другой – китель на плечиках. Пристроив вешалку на ветку, жиробас, насвистывая, начал охаживать китель щеткой.

– Серега! Это денщик! Китель офицерский, а чистит рядовой. Он-то точно знает, где его хозяин спит.

Гусев согласился, но резонно возразил, что немца из-под лампочки брать стремно – караульный увидит. А если часового снимать, то офицера взять не успеем. Тревога раньше поднимется. Так и лежали, пока толстый, закончив свою работу, не зашел в здание. Вот гадство! И тут на втором этаже, в угловом окне, я заметил отсвет фонарика. Сначала не обратил на это внимание. Но потом в башке что-то как щелкнуло. Так-так. Получается, что упитанный подлиза поднялся на второй этаж и, не включая свет, чтобы не разбудить любимого хозяина, подсвечивая фонариком, повесил мундир. Потом свалил к себе. Вряд ли они с начальником в одной комнате живут. И по времени подходит. Как раз столько надо, чтобы не торопясь подняться и дойти до этой комнаты. Да, блин! Все равно не проверишь и деваться нам некуда, так что будем считать – угадал верно. Я пихнул в бок Серегу и зашептал ему свои наблюдения. Он поморщил нос, пошевелил бровями и тоже решил считать выводы верными. Только отсюда забраться не получится. Луна, как прожектор, освещала всю стену. А вот с торца – темно. И дерево очень подходящее присутствует. Ну я, как более легкий, на это дерево и взлетел. В густой кроне меня и черт не разглядит, тем более – часовой. Теперь с ветки на балкон. Дверь балкончика, по случаю жары, гостеприимно распахнута. Уже одной проблемой меньше. В комнату через окна попадало достаточно лунного света, поэтому сразу увидел объект поисков. Фриц тихо сопел в люле, и я сначала на ощупь проверил погоны у кителя, висевшего на вешалке. Биомать! Погон был без ромбиков, и по спине пробежал холодок. Что за херня, ну не рядовой же здесь дрыхнет? В отдельных апартаментах. Потом, поняв, что погон витой, успокоился. Майор. Очень даже соответствующее звание для начальника связи корпуса. Подойдя к кровати, ударом по кумполу провалил майора еще дальше в сон. Потом, помня наши мучения с Корпом из Гамбурга, начал его одевать. Напялил мундир, галифе… А за грязные носки, гадский папа, с тебя отдельно спрошу. Чистые, скорее всего, тоже где-то были, но я не знал, где. Поэтому брезгливо натянул ему на ноги воняющие «сырки», валяющиеся под стулом. Теперь сапоги. Ну, вроде все. Еще раз проскочил по комнате. Чисто, можно уходить. До взрыва оставалось семь минут. Чуть высунув фейс с балкона, я прищелкнул языком, давая Гусеву знак, что готов. Теперь в темпе! Сделав из простыней жгут, обвязал тело под мышками и выволок к

балконной двери. За минуту до взрыва Серега валит ближнего часового и цепляет под балконом тушку немца. Ждем… ждем… Время! Подхватив майора, перевалил его через перила. Перебирая простынный жгут, почувствовал, что немца внизу приняли. Потом скользнул вниз сам. Прыгать не хотелось – вполне можно было ногу свернуть. Тут потолки – не то что в хрущобах. Метра четыре с половиной в высоту. Гусев уже загрузился фрицем и стоял наготове. И тут бумкнуло! На западной стороне поднялось зарево. Вокруг начали просыпаться те, кто спал. А те, кто не спал, в частности часовые, развернули морды в сторону начинающегося пожара. Вот пока они клювом щелкали, за их спинами и проскочили до ближайших домов. А потом, как говорил поп из анекдота, огородами, огородами, смылись в противоположную от зарева сторону.

К месту рандеву мы опоздали. По договору должны были ждать друг друга ровно час, после чего выбираться к своим. Такой срок был назначен на случай поимки одной из групп немцами. В том, что они и мертвого разговорят, никто не сомневался, поэтому так жестко себя ограничили в сроках. А нас связист сильно сдерживал. Сначала долго в отключке был. Потом выделывался, не желая идти. После, конечно, рванул как миленький, но время мы потеряли. Шли всю ночь и часть утра. Фрицев в округе было на удивление мало. Гусев предположил, что им удалось форсировать Днепр и они вышли на оперативный простор. Вот их здесь и поубавилось.

К нашим мы выскочили на участке 747-го стрелкового полка. Его особисты быстренько связались с кем надо, и уже через час за нами пришла машина. По приезде домой Колычев забрал немца и укатил с ним. А мы завалились спать, предварительно выяснив, что наши ребята пришли еще ночью.

Спал как убитый, так как умотался за эти дни до невозможности. Пробуждение было хреновым. Проснулся оттого, что кровать подпрыгивала от дальних разрывов. Быстро оделись и рванули выяснять, кто там буянит. Оказывается, немцы бомбили расположение полка, стоявшего недалеко. А полковник объяснил, что вообще происходит. Оказывается, мы в глубокой жопе. То есть уже в тылу у немецких войск. Они действительно форсировали Днепр и теперь уже, на востоке от нас, развивали успех. По словам Ивана Петровича, наша оборона строилась, исходя из большой заболоченности этих мест. А тут, как в «Маугли» – грянула великая сушь. И все эти болотца и озерки пересохли. Вот фрицы по ним и прошли, как по бульвару, минуя наши войска и очаги обороны, которые как дураки ждали их на разных сухих пригорках и дорогах. Блин! Вообще с мозгами не дружат! Сначала наши генералы прощелкивают изменения обстановки, а бойцам приходится вручную изменять ландшафты, для того чтобы противник запутался. Потом вообще ложиться навечно в эти самые ландшафты из-за тупорылости командования. Меня всегда удивляло, откуда у нас столько мудаков в генералитете? Их ведь как специально выращивают. Во время войны, когда страна действительно находится в опасности, наверх, в результате естественного отбора, постепенно пробиваются по-настоящему грамотные и соображающие командиры. А вот в мирное время… Всех грамотных запихивают в глубокую дупу, и их места занимают толпы балбесов. И так до следующей войны, когда они, положив сотни тысяч солдат, опять уступают место толковым людям. И ведь от социального строя это не зависит!. Что при царях так было, что при Союзе. Да и теперь, когда от империи осталась только РФ, все обстоит так же. Может, дело в менталитете? Или в консерватории что-то поменять надо? Не знаю. Только вот не надо говорить про тридцать седьмой год и отстрел гениальных военачальников. Из мастеров своего дела там был только Фрунзе, который вообще раньше тридцать седьмого года помер. Ну, может быть, еще парочка соображающих. Остальные были как на подбор. Тот же Тухачевский – умудрился угробить миллионную армию в какой-то Польше. Там столько пленных было, что бравые польские жолнежи еще несколько лет тренировались в рубке лозы на военнопленных Красной Армии. За что потом, кстати, и заполучили Катынь.

Так что у нас сейчас задача была не разведка (разведывать было уже нечего), а диверсии в ближнем тылу немцев и вообще помощь в обороне города. До того времени, пока

не подойдут наши (что вряд ли) или до получения приказа об отходе. И мы с Серегой начали резвиться. Нам придавали то ополченцев, то ребят из полка НКВД, то разведчиков. Вместе с ними подрывали танки на ночных стоянках. Один раз даже угнали целенький Pz.III. Жгли машины с горючкой. Устраивали шорох среди немцев ночными обстрелами с тылу. Потом я как-то показал нашей пехоте, как можно рвать наступающие танки миной на веревочке. Просто, но каков эффект! Подтягиваешь мину под гусянку танка – и амба бронетехнике. Вообще, обороняли город яростно. Пацаны дрались, как в последний раз. Уж не знаю, откуда в городе взялось столько жидкости КС, но бутылками с ней забрасывали все, что шевелится и ездит. Вовсю использовали мой способ запуска реактивных снарядов с листов шифера. Позже к ним начали делать самопальные станки-направляющие и в упор били по бортам танков. Я не высыпался страшно. Каждую свободную минуту чертил детали к АК-47 и на всякий случай, что мог вспомнить, к ППС. Если меня ухлопают – это должно обязательно попасть к нашим. Показывая Гусеву стопку чертежей, ему крепко-накрепко это вдолбил. Он очень интересовался, что это, но я ответил:

– Вот как меня убьют – узнаешь! А сейчас отстань.

– Да типун тебе на язык, придурок!

Гусев тогда сильно на меня обиделся. И даже не столько, что ему чертежи не дали посмотреть, а оказывается, о смерти говорить – примета плохая. А он ко мне уже привязался. За боевого брата держал. А я, мол, веду себя как последний мудак. Извинившись, все равно показал ему не чертежи, а фигу. Но он не надулся, а даже повеселел, и мы опять разбежались по позициям.

Числу к двадцать пятому всей оставшейся компанией отдыхали возле штаба 388-го полка. Колычев, сидя в доме, что-то втирал радистам, а мы просто валялись на траве, бездумно глядя в вечереющее небо. И тут с этого неба на нас посыпались фрицы. Ну не прямо на голову, а чуть в стороне. Десантники, мать их. Сначала даже не врубился, что там происходит. Но через секунду дошло и поэтому заорал комендачам и артиллеристам, отдыхающим рядом:

– К ящикам этих сук не пускайте! К ящикам!

Фигурой я был уже достаточно известной, так сказать, примелькавшимся на всех участках обороны рационализатором и заводилой. Поэтому бойцы не стали пробовать подбивать парашютных немцев влет, как уток, а ломанулись к месту приземления больших ящиков, даже не спрашивая, что в них. А в них было оружие и патроны для десантников. Уж не знаю почему, у немецких летчиков были обычные парашюты. Десантура же – пользовалась последним писком немецкого гения. Скорость спуска такая, что оружие они вынуждены были сбрасывать отдельно от тела, чтобы это тело при приземлении не поломать. У парашютистов при себе был только пистолет. Конечно, плюхнувшись рядом с контейнером, достать из него оружие – минута времени. Но этой минуты мы не дали. Драка вышла знатная! В процессе массового мордобоя часть немцев ухлопали, часть пленили. Многие сбежали в лес. Фрицы успели вскрыть только один ящик с оружием, но им это, конечно, не помогло. Вовремя я вспомнил про эти контейнеры. Как раз перед тем, как сюда попасть, передачу видел. Они на острове Крит так же лопухнулись. И целое подразделение англичане взяли тепленькими…

После того как мы дали звездюлей десантникам, бойцы подогнали недобитков к штабу. Там уже стояли наш полковник и командир полка Кутепов. Оглядев немцев и вычленив обер-лейтенанта, его увели внутрь. Остальных загнали в сарай и выставили охрану. А тем же вечером было принято решение, что ввиду практически полного отсутствия боеприпасов надо прорываться к своим. Да уж. Это не фрицы под Сталинградом. Им там до последнего снаряжение сбрасывали. Нам же, за все это время патрона не скинули. Бойцы через два на третий с трофейным оружием рассекают. К своему – боеприпасов давно нет. Чем там наши думают? Стратеги, маму их со всех сторон! Ведь держимся крепко, силы на себя отвлекаем огромные, а вот никому не нужны оказались. И в ночь того же дня части 388-го и 394-го полков, а с ними остатки 172-й дивизии и 340-го артполка двинули в прорыв. Уже прорвав

кольцо, наиболее опытных оставили рвануть свежезахваченный мост через Днепр. По быстрому обтяпав это дело, мы с Гусевым и саперами двинули догонять уходящие войска. А остатки ребят, тех, кого не успели собрать или кто не знал о прорыве, держали город еще два дня…

* * *

Когда вышли к своим, наступили дни ничегонеделанья. Нас расположили возле штаба армии, который стоял в здании школы. Отоспались, а потом Колычев вызвал меня к себе.

– Ну давай показывай, что ты там чертил все время.

Сидя за учительским столом, он напоминал завуча, который сейчас будет иметь хулигана за выбитое стекло. Сразу такого вопроса не ожидал – и из меня вырвалось:

– Гусев, гад! Сдал все-таки.

– Ты на майора не наговаривай!

Иван Петрович пристукнул ладонью по столу.

– Он никогда никого не сдавал. За что и уважаю. Он мне просто на плацдарме все уши прожужжал, если вас обоих убьют, чтоб я эти чертежи забрал. Так что давай показывай – что там у тебя.

Я повздыхал и поплелся за планшеткой, в которой держал записи. Вернувшись обратно, положил ее на стол и сделал шаг назад.

– Ты садись, чего стоишь.

Полковник жестом показал на стул и сам, открыв чертеж, начал его рассматривать.

– Это пистолет-пулемет, что ли?

– Да. Простейшая конструкция. И в изготовлении должен быть дешев. Сплошная штамповка.

Дальше я начал выдавать ТТХ ППС, говоря, конечно, что это все по предварительным прикидкам. Колычев слушал, кивал, а потом сказал:

– У нас винтовок уже на всех не хватает. Заводы эвакуируются. А ты какой-то новый пистолет-пулемет хочешь ввести. Я, конечно, отдам чертежи знающим людям, но сомневаюсь, что хоть что-то получится.

– Так тут даже завода не надо! Пусть небольшой цех его шлепать начинает. Хоть в малых количествах. Для нас, для диверсантов! Нам такое оружие очень нужно.

Тут я несколько лукавил. Если кто ППС в руках подержит – никогда его не променяет на ППШ. Главное – пусть хоть несколько штук сделают, а там видно будет. Не зря ведь этот пистолет-пулемет Судаева считался лучшим ПП времен войны. И хорошо, что, начав делать чертеж АК, я одумался и его сразу сжег, а то сейчас бы вопросов много лишних возникло.

– А это что за головка?

Перегнувшись через стол, увидел, что Иван Петрович смотрит уже чертеж фаустпатрона.

– Это я придумал, когда мы эрэсами по танкам долбили. Ручной гранатомет. С надкалиберной гранатой. Можно фугасной, можно кумулятивной. По задумке, должен попадать в цель метров с пятидесяти. С такими штуками взвод пехоты танковую роту остановить сможет.

– А это?

– Это такая насадка на ствол пистолета. Выстрел с ней практически беззвучен получается. И вспышки почти не видно. Для нас очень полезная штука. И делается просто. Мне одну такую в мастерских за два часа сделали. Только я ее потерял, пока по окопам прыгал.

Колычев задумчиво покрутил головой, перебирая чертежи.

Рассказывая все это, чувствовал себя как на экзамене. Вроде и знаешь кое-что, но если препод не в настроении, зуб там болит или с похмелья, – завалит вмиг. Полковник же, аккуратно убрав чертежи обратно в планшетку, неожиданно весело посмотрел на меня и

спросил:

– А скажи-ка мне, Илья, что за хламиду ты на себя напялил и бегал в ней, пока бои за город шли? Бойцы ведь, на тебя глядючи, тоже стали подобное мастерить. Даже неудобно перед командирами было. В нашем уставе такой формы одежды нет.

М-да. С «лифчиком» я, возможно, погорячился. Просто достало уже все таскать на ремне. Да и защита неплохая получилась. Уже на второй день попросил одну бабусю местную мне его сшить по наброску, что быстренько ей нарисовал. Бабка не подвела – и разгрузка получилась на славу. Без липучек, правда, на ремешках и кнопках, но все равно классная.

Солдаты, действительно, глядя на меня, тоже стали делать себе жилеты. Особенно после того как я пулю шальную, на излете, грудью поймал. Так, только споткнулся, выругался и на глазах у изумленной публики просто вытащил развороченный магазин из кармашка и, показав его народу, выкинул за бруствер. Я тогда с немецким МР-40 бегал, избавившись от ППШ при первой же возможности. И его десять магазинов в разгрузке служили каким-никаким, а бронником.

– Это, товарищ полковник, разгрузочный жилет. В нем боеприпасы размещаются, гранаты, да все что угодно. Гораздо удобнее, чем на ремне все носить. Плюс он же является дополнительной защитой.

– Тоже сам придумал?

Я кивнул головой и развел руками, показывая, дескать, что поделать, так уж получилось.

Полковник, пожевав губами, неожиданно подтолкнул мне по столу лист бумаги и приказал сделать набросок разгрузки. После чего, тоже сунув его в планшетку, встал и, пожав мне руку, смылся. Полевую сумку так и не вернул – фармазон. Колычев, как выяснилось, покинул нас на целую неделю. И мы начали отсыпаться и отъедаться.

На третий день балдежа произошел примечательный случай. Я свои подозрительные синие галифе, вместе с гимнастеркой и двумя банками тушенки, отдал бабке-швее. Не то чтоб они ей были нужны, просто я от них избавиться хотел поскорее. Не мой фасон. И теперь ходил в солдатском х/б, поверх которого был натянут маскхалат. В этот день, по случаю жары, даже хебчик не надевал и, скинув верхнюю часть камуфлы, лежал возле стены нашей хаты, принимая солнечные ванны. И тут-то меня засек целый генерал. Худой, длинный, шустрый, он вырулил из-за угла дома и, увидев стриптиз, орлом подлетел ко мне.

– Встать! Это что такое! Что за внешний вид! Кто такой? Почему тут валяешься?!

В его вопле мне послышалось: «И встать, когда с тобой разговаривает подпоручик!»

Интонации, во всяком случае, были те же.

Еще один, из генералов мирного времени, тоскливо подумал я и, поднявшись, стал застегивать комбез. Только и может, что нарушение формы одежды пресекать. И везет мне на эти нарушения. То Ходорковский, теперь этот. Пока генерал, раздуваясь от ярости, как рыба-шар, смотрел в упор на нарушителя, к нему подскочил лейтенант. Видимо, адъютант. Летеха слегка отстал и теперь, догнав своего патрона, с ходу зашептал ему на ухо. Я расслышал только: «Люди полковника Колычева». И генерал сдулся. Даже взбледнул маленько. Было прикольно наблюдать такой резкий переход от начальственной гневной красноты к бледному онемению. Буркнув: «Извините», скандалист дал задний ход и срулил так же шустро, как и появился. Меня такой поворот заставил сильно задуматься. Что же собой представляет наша группа, если с ее бойцом генералы опасаются связываться? До этого на все вопросы о нашем подразделении Серега отвечал шутками или вообще отмазывался от ответа, переводя разговор на другое. Но сейчас он не отвертится!

Гусева я нашел на узле связи. Он занимался охмурением одной из телеграфисток. Небольшого роста, квадратненькая и некрасивая, она хихикала и, не отрываясь от работы, поощряла майора к продолжению ухаживаний. Вот блин! Еще одна загадка. Сколько в этом времени уже нахожусь, а ни одной красивой барышни не видел. И непонятно, чего в них не то. Все какие-то приземистые, на танкетки похожие. Если на мордочку еще ничего, то формы

феерические. Если худенькая, то на фейс такая, что глядя на нее, хочется прятать овес. Нет, я конечно, закрутил однодневный романчик, еще в Могилеве, перед началом крупных боев. Но без души, а так – скинуть давление в баках. По настоящему же красивых девчонок не видел. То ли макияж непривычный, то ли покрой одежды не тот. И голоса у всех или писклявые, или пронзительно громкие, как у торговок базарных. В общем, я еще находился в поисках. Поэтому, безжалостно оторвав Серегу от объекта вожделений, двинул с ним в лесок, для разговора. Отойдя подальше от чужих ушей, повернулся к майору и, глядя на него в упор, начал:

– На меня только что наехал дикий генерал. Как обычно, за нарушение формы одежды. Но как только узнал, что мой начальник Колычев, он моментом отвалил, еще и извинился. Как это понимать?

– Ну и что? Колычева здесь уважают. А НКВД еще и боятся многие. Так что ничего особенного.

Серега опять пробовал уйти от ответа, но я в него вцепился намертво и отпускать не собирался. Напомнил про боевое братство, про доверие между соратниками и про то, что все равно рано или поздно придется сказать. Гусев постепенно начал сдаваться. Мялся, жался, но информацию потихоньку выдавал. Оказывается, мы относились к какому-то хитрому отделу при комиссии партконтроля. Как это вышло и при чем здесь партконтроль, никто особенно не задумывался. А в его задачу входило докладывать о реальном положении дел непосредственно в Москву. Кому именно докладывал Колычев, я даже опасался предполагать. Майор на мой вопрос только показал пальцем вверх. А на вопрос, кому подчиняемся, сказал:

– Ну, командующий фронтом нас может только попросить о чем-либо. Но не приказать.

Так что наше непосредственное начальство обитало в таких заоблачных высях, что голова кружится. И этому начальству надо было знать, что действительно происходит на фронтах. Потому как до уровня дивизии шли реальные донесения. В армию уже уходили приглаженные. В штаб фронта, мягко говоря – искаженные. А в Москву чуть ли не победные. А уж в сводках Совинформбюро, что доносили народу, был полный бред, в корне отличающийся от реального положения вещей. Ну, сводки как раз понятно – пропаганда. А во всех других случаях шла брехня из-за страха. Лейтенанту или майору бояться было нечего. Они и так под пулями каждый день ходили. А вот полковнику или генералу уже было чего терять. За плохую новость еще у Батыя гонцу решку наводили, хоть он и был ни при чем. Поэтому за доклад об отступлении генерал мог лишиться не только места, но и жизни. Особенно, если он сам участвовал в планировании операций и знал, что отступление – результат его безграмотных решений.

А Ставке нужны были не приукрашенные сведения. Вот для этого и был создан наш отдел, люди которого терлись всегда недалеко от передовой. Ну и заодно оказывали помощь разведке и контрразведке на нашем участке фронта. Поэтому полковник и мотался по частям безостановочно, выясняя текущее положение дел непосредственно у командиров полков и дивизий. Потом он составлял аналитические записки и отсылал их наверх. А боевики вроде нас с Гусевым нужны были ему для уточнения ситуации в тылах немцев, охраны и вообще, как надежный инструмент для качественного выполнения работы.

Очень интересненько все получается. Надо же как я удачно попал. Ситуация нравилась все больше и больше. С этими мыслями, проводив Серегу обратно к телеграфисткам, опять пошел загорать.

Так, ничем не занимаясь, провел еще какое-то время. Колычев появился через четыре дня, к вечеру. По быстрому настучав всем по башке (для профилактики, наверное, чтоб помнили, кто командир), он вызвал к себе еще раз. Поморщившись, глядя на мою камуфлированную тушку, он приказал:

– Переодеться. Немедленно. За дверью ждет старшина, пойдешь с ним, он тебе все выдаст. И не вздумай опять форму какой-нибудь бабке сплавить!

Ого! Откуда он про бабусю знает? А я-то лопух – ни сном ни духом. Выходит, меня

пасли всю дорогу? Кто только – непонятно.

Полковник же продолжал:

– Переоденешься – немедленно ко мне. Через час вылет. Стой. Чуть не забыл. – И он протянул мне красную книжечку.

Уже рыся за старшиной, я ее раскрыл. Книжечка была удостоверением личности на имя Лисова Ильи Ивановича, старшего лейтенанта НКВД. Ни хрена себе! Я даже подпрыгнул. Вот это номер! Выходит, поверили?!

Через двадцать минут был у Ивана Петровича. Весь нарядный, как невеста. В новенькой форме и скрипящих ремнях. Чувствовал, правда, себя в ней неуютно. Еще не обмялась и топорщилась со всех сторон. Полковник уже гораздо более благожелательно посмотрел на меня, сказав, что теперь я на человека похож. Что они все к моему виду цепляются? И так не нравится, и эдак. Я хожу, как мне удобно. Тем более на войне. Уже в машине, по дороге на аэродром, набравшись наглости, спросил:

– А почему только старший лейтенант? Может, я капитаном был или вообще майором? И почему в петлицах целых две шпалы? Старшина ошибся, когда форму выдавал?

Колычев хмыкнул и, перегнувшись через сиденье, сказал:

– Старший лейтенант НКВД соответствует армейскому майору. Так что не выпендривайся.

И совсем другим тоном добавил:

– Сейчас летим в Москву. Все свои шуточки и кривляния брось. Буду тебя представлять начальству. Так что максимум серьезности. Смотри, не отмочи что-нибудь в своем стиле, а то знаю я тебя.

Он погрозил мне кулаком и закончил:

– Остальное расскажу, пока лететь будем.

Приехав на аэродром, сразу пошли к самолету. Я почему-то ожидал увидеть «дуглас», наверное, стереотипы сработали. Но, видно, поставки по ленд-лизу еще не начались, или просто на этом участке «дугласов» не было. Вместо него стояла огромная четырехмоторная лайба. Пулеметы у этого монстра торчали со всех сторон. Пока Колычев возле самолета беседовал с пехотным генералом, я отловил ближайшего летуна и поинтересовался маркой этого чуда природы. Летун, крайне удивленно глядя на меня, сказал, что это ТБ-3, и ускакал по своим воздушным делам. Тут появился еще один летчик и пригласил всех в самолет. Помимо нас летело еще человек восемь. Все в больших чинах. М-да. Комфортом тут не пахло, и я ерзал, пытаясь удобней устроиться на жесткой скамейке. Взлетали уже почти в темноте. Моторы ревели, самолет качало. И как полковник в этом грохоте хотел со мной поговорить? Видно, он и сам понял свой промах, поэтому, когда я жестом показал, что прогуляюсь, – только кивнул. Я сходил сначала к задним стрелкам. Но там было неинтересно, темно и сильно дуло. Тогда двинул к пилотам. Там тоже было темно, земли не видать, только звезды. Зато появилось развлечение – наблюдать за ярко фосфоресцирующими приборами и пробовать угадать, какой циферблат чем является. Единственное неудобство – дуло еще сильнее, чем у бортстрелков. А я-то думал – на фига нам среди лета тулупы выдали при посадке. Без этой безразмерной овчинной шубейки, наверное, вообще бы околел. А так – вполне терпимо, только глаза слезятся… Летели, наверное, часа два с половиной. Потом меня мягко попросили убраться на место, и самолет пошел на посадку. На аэродроме уже ждала машина. Я-то думал, как белых людей, повезут в гостиницу – ночь на дворе. Фиг я угадал! В теперешней Москве, как и в наше время, любили ночные тусовки. Поэтому мы поехали в известное здание на Лубянке. Это в котором раньше (если судить по анекдоту) располагался Госстрах, а теперь Госужас. Там Колычев, меня оставив, куда-то ушел. Пока я, стоя возле дежурного, разглядывал лестницу с колоннами и лепнину на потолке, он опять появился и объявил, что встреча переносится на завтра, мол, начальство сейчас занято. Ну и флаг в руки. Хоть отдохнуть после самолетной болтанки можно будет. Отвезли в какую-то мелкую гостиницу и оставили спать. Полковник же опять урулил по своим делам.

А ночью меня пришли арестовывать. Часа в три, только уснул, какая-то падла начала тарабанить в дверь. Они, может, и сами бы вошли, но я оставил ключ торчать в замке, и у ночных посетителей вышел облом. Встал и в состоянии крайнего раздражения подошел к мощной дубовой двери:

– Кто там?

– Откройте, НКВД!

Голос пребывал в уверенности, что как только я услышу магические буквы, то, повизгивая, рвану выполнять их указание. Но это же не длинноногая блондинка ко мне пришла, поэтому, не открывая, спросил:

– Чего надо?

За дверью, похоже, растерялись. Видно, первый такой случай в практике. Народ им, конечно, не рад, но уж двери распахивает моментально.

– Откройте немедленно! А то выломаем дверь!

– Начнете ломать – буду стрелять.

Мне стало весело. Кажется, это очередная проверка со стороны на этот раз высокого начальства. Только чего они добиться хотят? И даже если не проверка – максимум домой попаду, и все. До меня донеслось шушуканье, и потом обломленные гебисты известили:

– Лисов, у нас ордер на ваш арест. Открывайте по-хорошему!

– Ну вас на фиг! Хотите арестовывать, приходите в восемь утра, как и положено по правилам общежития. Милости прошу. А сейчас идите в жопу. Я спать хочу. Если опять тарабанить будете, стрелять начну сразу. В общем, до завтра, буратины!

– У нас приказ!

– Ваши проблемы. Сказал – утром, значит, утром.

И пошел досыпать. Больше меня ночью никто не тревожил.

Часов в восемь раздался деликатный стук. Я, уже одетый, подошел к двери и, распахнув ее, увидел не ночных посетителей, а полковника. Тот, поздоровавшись, прошел в номер и поинтересовался, как спалось на новом месте. Ответил, что замечательно, только ночью какие-то ухари меня арестовать хотели, но я их послал.

– Бывает, – туманно ответил Колычев и сказал, что сейчас принесут завтрак, а позже мы поедем на встречу. Завтракая, прикинул, что точно проверяли меня, удавы траншейные. В противном случае дверь вынесли – я бы и пикнуть не успел. Интересно, что было бы, если б открыл? Тогда наверняка обеспечил себе бессонную ночь А так вот сижу бодренький и слушаю наставление Ивана Петровича. Тоже – жучила тот еще. Ведь он заранее знал все. А сейчас сидит, будто ничего не произошло, и чай пьет. Позавтракав, опять поехали на Лубянку.

Там, в кабинете на втором этаже, нас уже ждали. Присутствовал мужик, весь в шитых звездах на рукавах, как новогодняя елка, и несколько субъектов гражданской наружности. Мужик оказался первым замом самого Берии, Кругловым Сергеем Никифоровичем. Остальные были из какого-то КБ. Я представился, и меня тут же потянули к столу, на котором были разложены чертежи. Гражданские атаковали со всех сторон. И то не так, и это не эдак. Правда, потом, во всяком случае по поводу ППС, пришли к мнению, что его, после проверки опытного образца и доработки, можно пускать в производство. Признали-таки паразиты, что он удобнее ППШ и ППД. А вот к фаустпатрону цеплялись так, как будто после его изготовления гранатомет им в ухо запихивать будут. И артиллерия, мол, малокалиберная лучше. И дальность у нее больше. И точность попадания выше. В конце концов я не выдержал, начав орать и размахивать руками:

– Где эта артиллерия была, когда пехоту танками раскатывали?! Полку придается пара батарей в лучшем случае! А их авиация и фрицевская артиллерия моментом в расход пускают! И остается пехота с голой жопой и бутылкой КС против бронетехники! А так в каждом взводе по нескольку гранатометов будет. Это как своя артиллерия. Даже если половина промажет, то другая половина так танки проредит, что ни о каком наступлении и речи быть не может.

Указал им и малую себестоимость фаустпатрона, и его простоту. Напомнил и о том, как РС использовали нестандартно, от безвыходности. А на вопрос о составе пороха в реактивной части гранатомета сказал, что я не химик, вот над этим пускай сами думают. Потом поговорили еще и, когда выдохлись, гражданских отпустили, а мы пошли на обед.

Поев, вернулись, но уже в другой кабинет. С секретарем перед дверями. Тот нырнул за дверь и, выйдя через минуту, пригласил заходить.

Мать моя женщина! Там, весь в пенсне и со звездами в петлицах, стоял хозяин кабинета. Колычев, вытянувшись, доложился. Я тоже встал по стойке смирно и офигел. Еще бы. Лицезреть главного палача всех времен и народов, как говорят теперешние демократы, не каждому дано. Берия поздоровался и пригласил к столу. Полковник вкратце доложил ему о нашей беседе с конструкторами, хотя я почему-то не сомневался, что Берии ее содержание уже известно. Потом нарком обратился ко мне:

– Скажите мне, товарищ старший лейтенант, откуда у вас такие обширные знания, причем в разных областях?

И я начал вешать лапшу на уши. Хоть подобный разговор заранее продумывал, но мандраж все равно бил. Это не Сухов, припертый обстоятельствами к стенке. Это фигура глобальная. И разговор наверняка пишется, для последующего разбора по косточкам. Засыпаться на какой-нибудь мелочи было бы обидно. Поэтому врал очень осторожно. Говорил, что после контузии на меня как находит что-то. Тот же автомат придумал вообще во сне. А гранатомет – после того как с РСами намучились. Причем эти озарения накатывают в основном после боя. В спокойной обстановке такого не бывает. И еще одно обстоятельство есть. Тут я как бы замялся, и Берия подбодрил:

– Вы не стесняйтесь. Говорите свободно.

– Видите ли, товарищ нарком, я могу события предугадывать. Когда мы с майором Гусевым на задание собирались, я откуда-то знал точную дату падения Смоленска. Вернулись, и точно – именно в этот день Смоленск был взят немцами. И вот опять…

Я снова замялся, и меня опять подогнали:

– Ну что ты, как девушка, смущаешься. Колычев про тебя говорил – отчаянной храбрости человек, а я смотрю и начинаю сомневаться.

Берия, усмехаясь, глянул на полковника и снова повернулся ко мне. Весело тебе становится? Ну тогда заполучи. Я вдохнул и сказал:

– Во второй половине сентября немцы возьмут Киев.

Веселье с Лаврентий Палыча сдуло моментом. Сразу стал серьезным. Встал и, играя желваками, прошелся по кабинету. Мы тоже вскочили и теперь, как магнитные стрелки, поворачивались вслед за наркомом. Потом он остановился и, уперев палец мне в грудь, сказал:

– Хорошо. Я запомнил твои слова. В конце сентября мы с тобой снова встретимся. Можете быть свободны.

И когда мы подходили к двери, добавил:

– Если на тебя опять что-то, как ты говоришь – накатит, сразу сообщай об этом Колычеву. Все, идите.

Мы козырнули и вышли. Фух. Аж взмок от таких бесед. По пути на аэродром Иван Петрович интересовался, почему ему раньше про предвиденья не говорил. Но я отмазался, сказав, что сначала времени не было, а потом как-то из головы вылетело. И вообще, может это только один раз правду узнать получилось. Колычев покачал головой и сказал:

– Ну кто тебя вообще за язык тянул? Провидец выискался. А если немцы Киев не возьмут в сентябре, что делать будешь, подумал?

– А что, меня расстреляют за дезинформацию самому наркому?

Полковник досадливо махнул рукой:

– Бред ты несешь. Кому ты нужен, тебя расстреливать. Уважение просто потеряешь, как трепач. И доверие. А уважение Лаврентий Павловича дорогого стоит. Ты думаешь, он каждого летеху к себе приглашает? Даже если тот автомат изобрел? А он о тебе с первого

дня знает. И поручился я за тебя именно перед ним.

Колычев замолк и, сгорбив плечи, посмотрел в окно. Потом, повернувшись ко мне, добавил:

– Немцы Киев вообще не возьмут. А если и возьмут, то гораздо позже. Там у нас мощнейший укрепрайон.

Помолчав еще немного, встряхнулся и уже веселее, глядя на мою печальную физиономию, сказал:

– Ладно. Почти приехали – вон аэродром уже. А там посмотрим, куда кривая вывезет.

Глава 5

Гусев встретил меня, как потерянного брата. Два дня не виделись, а он уже весь извелся. Майор, ржа как конь, похлопал по плечам, попытался щелкнуть по носу и, когда это не получилось, спросил:

– Ну как съездили?

– Нормально. Был облабызен или облабзан, не знаю, как правильно говорить, высоким начальством. Но это потом. А сначала заарестовать пытались, фантики плюшевые. Но были посланы и, скорбя, удалились.

– Бывает, – повторил Серега слова Ивана Петровича и добавил: – В Москве все не как у людей, там что угодно может случиться.

Потом поинтересовался, как в тылу вообще? Сильные ли изменения с городом произошли в связи с войной? Я рассказал о том, что видел. Вместе посмеялись над неудавшимся арестом. Потом майор выдал местные новости и почти без паузы предложил сходить к медсестрам в санбат.

– Там новенькие появились, может, кого по вкусу увидишь.

Соблазнитель, блин! Сходили – не увидел.

На следующий день нас послали забрать немецкого оберста, которого по недоразумению отловили пехотинцы. И наши, и немец, пребывали в сильном обалдении. Пехотинцы от такого неожиданного фарта. Фриц от того, как глупо попался. Он крыл всех и вся, периодически переходя даже на русский мат. Причем больше всего доставалось его адъютанту, которого в процессе задержания случайно пристрелили. Оказывается, им дали неверные сведения. Деревня Михино по всем их картам проходила как уже занятая войсками вермахта. Причем уже три дня как. Но то ли фрицы поторопились с картой, то ли наши неожиданно снизили темп отступления, а потом вообще вернулись назад. Факт остается фактом. Оберст, как последний лох, торжественно въехал в деревню на своей таратайке и подрулил к зданию сельсовета. А там как раз разведвзвод получал крупную дыню за отсутствие нормальных пленных. Дыня, это в смысле, не сладкий продукт семейства тыквенных, а вовсе даже наоборот. Увидев фрица, разведчики восприняли это как знак свыше и моментально реабилитировались перед начальством, взяв оберста живьем, ухлопав в процессе только шофера и адъютанта. Этих двоих вполне можно было взять живьем, но все так перевозбудились, что и оберст, в общем-то, остался живым чисто случайно. Так что теперь, под бодрую ругань немца, мы катили назад, по дороге, запруженной войсками и беженцами. Причем войск было всего ничего. В основном, гражданские, которые с огромными баулами шли по дороге, поднимая пыль. И тут появилась эта падла.

«Мессер», он же «худой». Вынырнув ниоткуда, сбросил бомбу, сразу накрыв тащившуюся в толпе полуторку. Люди, вопя и давя друг друга, начали разбегаться. А этот гад резвился, расстреливая гражданских из пулеметов. Заходил то слева, то справа, стегая по мечущейся толпе очередями. Мы наблюдали за всем этим паскудством из канавы, куда спрыгнули при первом звуке мотора самолета. Меня от злости аж подтрясывало. И вдруг, провожая глазами низко летящий самолет, уходивший на очередной вираж, увидел возле лежащей на боку и дымящей полуторки выпавший у нее из кузова ДШК. С виду пулемет был исправен, только щиток погнуло немного. Рядом валялась пара коробок с патронами. Я

рванул к этой крупнокалиберной дуре, даже не думая, что делаю. Успел только Сереге крикнуть, чтоб помог. Шустро заправив ленту, мы, кряхтя, взгромоздили пулемет на колесо полуторки. Удобно вышло – задний мост ей вмяло и колесо было метрах в полутора от земли. «Мессер», пройдя вдоль дороги, разворачивался на новый заход, уже поперек. Кажется, прямо на меня пер. В башке было пусто, только крутилась строчка из переделанного Онегина.

– И вот смотрю я, прямо в глаз, наводит дуло – прендераз!

Через планку прицела пытаюсь поймать пикирующий силуэт. Юркий, сволочь! Огонь мы открыли почти одновременно. Я видел, как у «мессера» заплясали на крыльях и на капоте огоньки выстрелов и влепил ему навстречу длиннющую крупнокалиберную очередь. Серега что-то орал, держа ДШК за колеса и пытаясь прикрыть ухо плечом. Ничего не слыша, я молотил до тех пор, пока пулемет не заткнулся. То ли заклинило, то ли патроны кончились. А ведь попал! Ей-богу, попал! Честно говоря, для меня самого это стало неожиданностью. Тут скорости такие были, что его в прицел поймать просто не успевал и стрелял – как бог пошлет, просто в направлении самолета. «Худой», пытаясь выйти из пике, сильно дымил. Вроде выровнялся, но потом, клюнув носом, пошел вниз. От него отделилась фигурка и над ней раскрылся купол парашюта. Бросив пулемет, прыгнули в машину и помчались к месту, куда опускался фриц. Пару раз чуть не застряли, но успели вовремя. Эта сука уже скинула парашютную подвеску и пыталась показать характер, стреляя в нас, но мне было по хер. Выбив пистолет, с удовольствием вмазал гитлеровцу в зубы. Потом сломал обе руки и, зашвырнув в машину, приказал шоферу ехать обратно к дороге. Люди там уже стали собираться, и над проселком стоял вой. Серега, когда мы уже подъехали, врубился, что сейчас будет, и пытался меня остановить, но я, молча показав на лежавших тут и там гражданских, выволок немца из машины. Пальнул несколько раз в воздух и, обратив на себя внимание народа, крикнул:

– Люди! Это тот, кто только что вас с воздуха расстреливал. Он ваш!

И влепив смачного пинка летчику, вогнал его в толпу.

Закурив трясущимися руками, стоял и молча смотрел. Оберст пытался что-то вякнуть, но Гусев его быстро убрал от меня подальше.

Я вообще-то не злой человек. Где-то даже добрый и сентиментальный. И если бы летун расхерачил так нашу военную колонну, просто пристрелил бы его сам. А может, даже и до особистов довез, все-таки немец был солдатом, как и все мы. Но вот беженцев расстреливать – это явный перебор… Солдаты так не делают.

Назад ехали молча. Немца тошнило, и мы периодически останавливались. Ишь ты, какой впечатлительный фриц попался. Понятно, что летуна на лоскуты разорвали, но ведь за дело. В Германии, когда союзнички города в пыль начнут стирать, такое вообще на государственном уровне поощряться будет. Геббельс лично по радио народ к самосуду призывал. И я его в этом поддерживаю. Дрезден, блин, в щебенку раскатали, а ведь там ни заводов, ни фабрик, вообще никакой военной инфраструктуры не было. Долбали исключительно по мирному населению. Навыки, наверное, нарабатывали, для последующих войн. Вот и летун этот вел себя, как американцы в моем времени. За что и получил.

Случай на дороге очень поспособствовал словоохотливости немца. Глядя на меня испуганными глазами и поминутно вытирая платочком лоб, оберст заливался соловьем. Правда, я почти не понимал, о чем он поет. Надо, похоже, плотно браться за немецкий, а то въезжаю в его быструю испуганную речь с пятого на десятое. Колычев же его понимал отлично и делал пометки на своей карте, иногда сверяя ее с фрицевской и задавая дополнительные вопросы. Кстати, за летчика выговора я не получил. Полковник, выслушав доклад, сказал только:

– Туда ему и дорога.

И на этом инцидент был исчерпан. Мы дальше продолжали заниматься своей работой. Бегали по немецким тылам, в промежутке отсыпаясь и флиртуя с девчонками. К этому времени я уже перестал быть привередой. То ли привык к виду местных красавиц, то ли

природа брала свое, но компанию майору составлял всегда. Колычев, обозвав нас с Серегой кобелями, похождениям не препятствовал. Предупредил только, чтобы к подъему всегда были на месте.

Позже, по моему совету, данному через полковника, в запасных полках стали практиковать обязательную обкатку бойцов танками. Бронетехники было мало, поэтому обкатывали в основном тягачами и тракторами, что, по-моему, один хрен. Еще брали наиболее авторитетных бойцов из пехоты и запихивали их в «броню», предлагая разглядеть что-нибудь во время движения. Было прикольно наблюдать, как потом они, размахивая руками, делились с товарищами, мол, ни хрена из двигающейся «коробочки» не видно! Когда это же говорили командиры – воспринималось совсем по-другому. А когда свой брат-боец рассказывает, то начинаешь верить. Так, постепенно, из людей выдавливали боязнь перед немецкими танками.

Хотя, конечно, выдавливалось с большим трудом. В смысле – боязнь с трудом, зато все остальное из них вылетало быстро и без задержек. Бывшие колхознички, едва завидев хоть что-то на гусеницах и с крестом, моментально разбегались, часто даже бросая оружие…

* * *

В тот день мы с Серегой сидели над картой, прикидывая маршрут очередной вылазки за немецкими связистами. Они очень понравились Колычеву как источник информации. А что – люди в основном интеллигентные, знают много, колются быстро, чего еще надо? Вообще, заметил, в технических войсках очень мало народу, готового до последней капли крови сохранять преданность делу фюрера и партии. А то мы как-то эсэсмана притащили. И чин небольшой – лейтенант, если на обычные звания переводить. Так он, паразит, мало того, что брыкался всю дорогу, за что был бит нещадно и не один раз, еще и устроил у особистов бучу. Сломал челюсть переводчику, начал драку со следаком. В общем, вел себя совершенно по-хамски. После, конечно, заговорил, но для этого его «мясники» минут тридцать потрошили. Так что связисты и еще раз связисты. На крайний случай артиллеристы, но они знают меньше…

В общем, пока мы мараковали с картой, с улицы раздался сакраментальный крик:

– Немецкие танки прорвались!

Кричали с привизгом и упоенно, будто любимую тещу встречали. Как мне не нравятся такие самонадеянные заявления. Тоже мне – знатоки танковых прорывов. Мы, конечно, из хаты выскочили и порысили в сторону околицы, за которой разрасталась стрельба. По звуку определил, били немецкие MG и наши винтовки. Из орудий никто не стрелял, хотя слышался звук чего-то механического. Добежал и посмотрел из-за дома. Мотоцикл, валяющийся на боку, рядом два фрица – уже дохлые. А дальше, в канаве, застрял БТР – Ганомаг. Он развернуться хотел, чтоб свалить, но не рассчитал маленько. Видно, это немецкие разведчики были. Сейчас такая мешанина на фронте творится, что и наши, и немцы периодически так попадают. Фриц с БТР молотил длинными очередями. Видно, больше с перепугу, чем по цели. Наши тоже, попрятавшись по буеракам, вовсю щелкали из винтовок, судя по судорожной частоте выстрелов, в белый свет как в копеечку. Интересно, они так долго воевать собираются? Судя по тому, что уже пять минут ничего, кроме суматошной стрельбы, не происходило – долго… Ладно, пора кончать эту развлекаловку. Я подлез к ближнему от Ганомага дому и, не высовываясь, вступил в переговоры:

– Эй, фриц! Тьфу! Дойче зольдатен! Капитулирен! А то ягдпанцергранатен захерачу! На размышление даю фюнф минут!

Фрицы во время моего монолога сначала саданули длинной очередью по дому, а потом прекратили стрельбу. Минуты через три из БТР выпала винтовка и над бортом показались две фигуры с поднятыми руками. Видно, мой пассаж с гранатой произвел впечатление. Или немецкий стал столь хорош, что гансы предпочли быстрее сдаться, чем его дальше слушать. Пленных уволокли, а я подошел к бойцам, разглядывающим БТР.

– Ну и какой Лумумба тут вопил про немецкие танки?

Бойцы отводили глаза, смущенно посмеиваясь.

– Эта хреновина называется бронетранспортер, или бэтээр. И из винтаря в борт прошивается влегкую.

Забрав у одного из них винтовку, продемонстрировал свои слова. Народ, увидев новую дырку в борту, одобрительно загудел. Как будто сами не видели, как их пули пробивали борта. Хотя, может, и не видели, стреляли-то, небось, не поднимая головы. Зато теперь они это точно знают. Вообще ребят можно понять. И недели не прошло, как прибыли из запасного полка, так что у них считай – первый бой. И закончился он хорошо – потерь нет, а наоборот, несколько убитых и пленных врагов. Такое очень сильно поднимало моральный дух. Пока бойцы и командиры осматривали застрявшую технику, я под шумок отвел валяющийся на боку мотоцикл в личное пользование. Он был почти целый, не считая нескольких вмятин и пары пулевых пробоин в люльке. Гордо притарахтев к нашей избе, похвастался трофеем, и мы с Гусевым опять засели за карту. А байк у нас сперли в эту же ночь… Не везет мне на транспортные средства.

Дни катились очень быстро, и дело понемногу шло к сентябрю. На фронтах был полный аллес. Фрицы перли, как наскипидаренные, и, обходя наши УРы, уверенно продвигались к Киеву. Колычев в последние дни на меня странно поглядывает, но ничего не говорит. Ждет, видно, что дальше будет. Ну, жди-жди. Да, кстати! Меня за меткую стрельбу влет по «мессеру» наградили. В торжественной обстановке дали почему-то медаль «За отвагу!». Хотя слышал еще в своем времени, что за таким образом сбитый самолет – орденом награждают. Наверное, все-таки вспомнили летуна, отданного толпе, и решили – медали хватит. Так что я теперь рассекал, сияя новеньким серебряным кругляшом. У Гусева, кстати, Красная Звезда за Финляндию. Что есть у Колычева – даже не знаю. Он свои регалии не носит.

* * *

Немцы все-таки взяли Киев. Только на четыре дня позже, чем это было в моей реальности. Похоже, что самим фактом появления я уже начал менять ход войны. И кажется, это только начало. Из изменений, какие еще произошли, так это то, что на фронт начали поступать брезентовые разгрузки и неожиданно для всех был смещен со своего поста Мехлис. Вот те раз. Это же скольким воякам он жизнь портил, до самой победы, да и после… Сталину как собака предан был. А тут сняли. Что там у них произошло, непонятно, но это случай, из разряда которых тоже моем времени не было. Если так дальше будет, то все знания истории можно смело спускать в унитаз. Хотя, если выйдет как думалось, после весны 1942 года они уже точно не понадобятся. Главное, харьковскую катастрофу не допустить. А там останутся, из всех знаний, только американцы, со своим ядерным проектом. Но их я приберегу на сладкое.

В конце сентября, как и было обещано, нас опять вызвали в Москву. Летели на этот раз на Ли-2. Земля и небо по сравнению с тем монстром, на котором пришлось трястись раньше. По уровню комфорта Ли-2, он же «дуглас дакота» в девичестве, напоминал современный пассажирский «курузник». То есть укачивало так же, но зато было тепло и не дуло. Москва встретила дождем. Толп добровольцев на улицах и баррикад я не видел. Это, наверное, позже все будет, когда фрицам до города километров сто пятьдесят останется пройти. А сейчас все тихо, только режим светомаскировки блюдут свято.

Поехали сразу к наркому. Знакомый уже секретарь доложил, и нас пригласили войти. Берия был не в духе. Когда мы зашли, он заканчивал трахать по телефону какого-то Горадзе. За что, я так и не врубился. Но Лаврентий Палыч пообещал в конце разговора поиметь не только злополучного Горадзе, но также всех его родственников, в том числе давно умерших и еще не родившихся. Надо же, как у нас в верхах беседы вести могут. Ротный, распекающий старшину за потерю вверенного ему имущества – просто пацан по сравнению с грозным

наркомом. Оторвавшись, Берия жестом пригласил садиться, и пока он барабанил пальцами по столу, остывая от предыдущего разговора, я пытался определить – стекла в пенсне плюс или минус? Минус. Выходит, у помощника тирана всех времен близорукость. Читает, наверное, много – вот глаза и посадил. А я-то думал, у него пенсне из-за старческой дальнозоркости. Хотя какой он старик? Крепкий мужик лет пятидесяти, не больше. Наконец он, успокоившись, заговорил:

– Ну что, товарищ Лисов. Вы со своим предсказанием попали в точку. Хотя эти, – он мотнул головой в сторону, – уверяли, что немец выдыхается и завязнет в УРах. Они оказались не правы. Поэтому я предлагаю вам войти в аналитический отдел, работающий при ГУГБ НКВД. Вы там будете нужнее, чем на фронте. И на этот раз к вашим словам будут относиться гораздо серьезнее. Что скажете?

Пипец, приехали. Я на этот момент был не готов оседать в штабах. Да и обстановка… Как правильно сказал Гусев – в Москве все, что хочешь, может произойти. Моча в голову стукнет, и арестуют, на этот раз всерьез. Да и характер у меня еще тот… А здесь ведь зубры собрались опытные. Сожрут, даже не из конкуренции, а по привычке. Тут опыт в аппаратных делах нужен. А какой из меня подковерный боец? Пулю в лоб противнику пустить – запросто, а вот интриги плести – опыта не хватит. Наверное, все-таки поторопился, когда в своих рассуждениях наверх вылезти задумал. С какающимся Сталиным себя самонадеянно сравнивал. Здесь же совершенно другой склад характера нужен. К этому времени я уже понял, что политик из меня – как из сантехника визажист. Чем самому высовываться на съедение, лучше прилепиться к тому же Лаврентию Павловичу и стать при нем типа доверенного советчика. Вот подсоберу достаточно бонусов, чтоб каждое мое слово слушалось им с огромным вниманием, тогда и посмотрим. А сейчас я лучше, согласно старой солдатской поговорке, поближе к кухне буду. Прокрутив это в голове, осторожно взвешивая каждое слово, ответил:

– Товарищ народный комиссар, что я с аналитиками делать буду? Эти озарения мне приходят, как я вам уже говорил, обычно после сильной встряски. После боя. Да и то не всегда. А здесь – какой бой? Максимум опять арестовать попытаются.

При этих словах Берия широко ухмыльнулся. Видно, ему понравилось мое поведение во время липового ареста. Я тем временем продолжал:

– А меня такие ночные подъемы не заводят, а только злят. Разрешите лучше с ребятами остаться. Толку больше будет. Если вдруг что-то опять почувствую – немедленно сообщу товарищу полковнику.

Лаврентий Павлович подумал, вертя в руках самописку, и вынес решение:

– Ладно. Так и сделаем. Ты только там поберегись. Не очень голову подставляй. Она теперь очень ценна для нас. И по поводу ареста – не обижайся. Такого больше не будет. Хотя недавно опять предлагали. За твои песни аполитичные.

Он опять усмехнулся и неожиданно спросил:

– Сам сочиняешь?

– Так точно! – нагло соврал я, приписав себе лавры Высоцкого.

– Ну, сочиняй. Стихи хоть и сомнительного содержания, но хорошие. Будут цепляться – скажи, я разрешил. И еще – завтра вы поедете на завод. Посмотри на свою выдумку в действии. А через пять дней я тебя жду.

И опять став серьезным, отпустил нас, напомнив, если что, немедленно докладывать Колычеву.

Выходя от него, пытался сообразить – зачем это он меня будет ждать? Причем, как я понял, даже без Колычева. Ничего не надумав, просто махнул рукой. Будет день, будет пища. Потом мы поехали смотреть новые автоматы, выпуск которых постепенно налаживали на одном из тульских заводов. Самое смешное, что обозвали его опять ППС. Так как я предложил идею, а в КБ ее конкретно доработали, то автомат назвали не по имени изобретателя (их слишком много получалось), а просто – пистолет-пулемет складной. Вещица получилась знатная, с хорошим боем и даже лучше известного мне прототипа. В

другом цеху собрали несколько глушаков с запчастями, сделанными по моей просьбе под немецкий «Вальтер Р-38». Этих «вальтеров» у нас с Гусевым скопилась целая куча. С каждой вылазки по тылам притаскивали минимум по паре штук. И дарили их, и презентовали в виде взятки (особенно хозяйственники всех рангов к таким трофеям были неравнодушны). Все равно несколько пистолетов в вещмешке всегда болталось. Остальные глушители делались под наган, который выпускали на этом же заводе.

Глушаки, конечно, и до этого были известны. Самый распространенный назывался прибор БРАМИТ. То есть братьев Митиных. Но он был громоздкий и совершенно другой конструкции. Поэтому мой – пошел на ура. С гранатометами пока буксовали. Никак он дальше двадцати метров прицельно стрелять не хотел. И летал по непредсказуемой траектории. Как грустно пошутил Колычев – их КБ гарантировало полную тайну полета гранаты. Люди бились и так и эдак, но пока ничего не выходило. Один из конструкторов, нервно куря и оглядываясь, раскололся, когда я на него наехал, мол, самого толкового из них загребли. Еще перед войной. Причем спеца именно по пороху и по взрывчатке. Жалобно глядя на меня, инженер говорил, что «органам», конечно, виднее, и взяли их главного изобретателя наверняка за дело, но вот теперь его головы просто катастрофически не хватает.

Вот не было печали. Где теперь искать их основного? Записав данные сидельца, пообещал узнать про него, наказав, чтоб сами не расслаблялись. Эта чудо-голова, может, давно в вечной мерзлоте мумифицируется. Уходя из КБ, все думал, в какое интересное время попал. Ведь поклеп на изобретателя наверняка кто-то из его коллег накропал, а теперь когда приперло, сами воем выть начали…

Я всегда поражался безвозмездным стукачам. Ну еще понятно, если б выгоду имели. Так ведь нет. Стучат из любви к искусству. Ведь и меня какая-то падла с песнями вложила. А пел только хорошим знакомым. Ребята с разведки просто тащились от песни «Батальонная разведка». Особистам же почему-то особенно полюбилась слегка мною переделанная песня Высоцкого «Я вам мозги не пудрю». Да и вообще, гитару беру только в кругу людей, которых уважаю. Хотя нет. Я вспомнил, как один раз паразит Гусев, под хорошую закуску, уболтал устроить небольшой концерт. Там как раз два незнакомых мне комиссара присутствовали. Один нормальный мужик и погиб геройски. Раненый, за пулеметом до последнего работал, пока кровью не истек. А вот липучий взгляд второго мне сразу не понравился. И хихикал он слишком ненатурально, подливая в стаканы самогонку местного разлива. Хоть репертуар выбирался по возможности нейтральный, а вот гляди ж ты – настучал. Сдал, сука, не задумываясь. Про него и раньше слухи ходили, а вот теперь – сам убедился. Ну, ничего. Теперь у меня карт-бланш от самого Лаврентий Палыча. А с тобой, комиссар полка, мы еще встретимся…

* * *

После осмотра нового оружия приехали в местный отдел гебешников, при заводе. Полковник ушел к тамошнему начальнику, а я трепался с дежурным. И вдруг дверь одного из кабинетов распахивается и оттуда спиной вперед вылетает здоровенный сержант. Через секунду, но уже мордой вперед, вылетел еще один жлоб в форме. Оба тельца, равномерно сползя по стенке, устроились на полу. Однако интересно тут люди живут. Бойко так и на полную катушку.

– Весело тут у вас, – сказал я офигевшему дежурному, лапающему кобуру.

Из двери, вслед за летающими служителями Фемиды, выскочил парень с разбитым лицом и шустро рванул в нашу сторону. Пока дежурный судорожно пытался вытянуть свой шпалер из кобуры, беглец, наклонив голову, так как руки были скованы за спиной, попытался смести меня с прохода. Щас! Я перенаправил его импульс в сторону, и этот шустрик, снеся перегородку и дежурного, затих на полу. В коридор уже выскакивали люди. Несколько человек, быстренько подхватив парня, отволокли в сторону. Потом занялись

пострадавшими, в чье число вошел и нерасторопный дежурный. Пока все устаканивалось, вышел на крыльцо покурить со знакомым капитаном.

Угостив его столичным «Казбеком», поинтересовался:

– Что, шпиона очередного поймали?

– Ворюга. Детали с завода таскал и на дому чего-то химичил. Взяли с поличным. Сначала вроде смирный был, а теперь, гляди-ка, раздухарился. Ну да ничего. Если его сейчас не прибьют, уму-разуму обучая, то все равно – по законам военного времени стенка этому паразиту обеспечена.

Я курил, вспоминая борзого беглеца, и думал, чем же он мне понравился. Дерзостью, наверное. Надо же, решился на сопротивление, причем в самом, можно сказать, логове местных гебешников. А теперь этого прыткого пацана просто к стенке прислонят. Мы в группу таких вот шустрых по крупицам собираем, а здесь их шлепают почем зря… И дерется он неплохо, вон как допрашивающих уделал, даром руки зацоканы за спиной были. Все-таки надо бы его повидать. Поэтому, раздавив окурок каблуком, спросил у капитана:

– Дашь с ним пообщаться?

– Хоть сейчас. Пойдем только побыстрее, пока ребята из него душу не вытрясли.

Успели вовремя. Парень лежал на полу, а ребята с хеканьем вышибали из него уже, наверное, остатки души. Капитан жестом прекратил веселье и приказал привести подследственного в чувство. Привели, облив водой из ведра и усадив на табурет, оставили нас наедине. Расхититель социалистической собственности сидел, покачиваясь и мотая головой, пытался стряхнуть воду с лица. А! Так он же до сих пор в наручниках. Когда я освободил ему руки, тот взглянул на меня и издевательски ухмыльнулся, показывая дырку свежевыбитого зуба. Крепкий пацан, его ведь до сих пор не сломали… Хотя буцкали на совесть. Поэтому, чтобы начать беседу, помахал ладонью у него перед лицом и спросил:

– Эй, земляк! Ты там как? Живой?

– Я-то живой. А ты, начальник, не боишься руки мне освобождать?

Он опять ощерился в улыбке и выплюнул кровь изо рта. Надо же, сколько экспрессии. Еще и на испуг берет. Битый арестант мне нравился все больше и больше. Поэтому я, тоже ухмыльнувшись и почесав ухо, сказал:

– Ну, бояться не боюсь, а вот опасаюсь, это да. Я же не знаю, на что ты способен. Хотя на рывок безграмотно пошел. Надо было не на таран меня брать, а от стенки оттолкнувшись, нырком в окошко за дежурным уйти. Тогда хоть и маленький, но шанс был бы. А так получается, попер буром и нарвался на более подготовленного противника.

Парень был удивлен моим монологом. Похоже, здесь с ним так не говорили. Пока он, хлопая глазами, переваривал мои слова, я спросил:

– Если б получилось свалить, куда бы делся потом?

– Да тут бы не остался. Ушел к фронту и ищи меня!

– К немцам?

У арестованного вздулись желваки на щеках, и он даже не сказал, а выплюнул:

– Вы, суки, по себе людей не судите! К нашим бы пошел! К любой части прибился, и хрен бы вы меня нашли. Вас ведь на фронт не заманишь. В тылу себе хари наедаете, только и можете, что без вины людей хватать.

– Ну, ты-то явно не невинная овечка. Детали тырил?

Парень шумно выдохнул и безнадежно, видно, уже не в первый раз, сказал:

– Не тырил. Пружину я сделал для патефона. Ее и выносил. А мастер, гад, меня заложил. Я ему морду побил да зуб выбил, еще летом, вот он и злобился. А тут такая возможность расквитаться…

– А морду за что? По пьянке?

– Сука он потому что. Про отца моего гадости плел.

Сначала парень (в процессе разговора выяснилось, что его зовут Леха Пучков) говорил нехотя, но потом разошелся. Выяснилось, что отец его в свое время работал на КВЖД, а когда китайцы отмели ее себе назад, на советском Дальнем Востоке. Кстати, там Леха и

научился разным приемчикам, у одного старого корейца. Жили себе не тужили, и тут отца перевели в Москву, в министерство. Радости полные штаны. Они всей семьей – отец, Леха и две его сестренки вселились в огромную трехкомнатную квартиру. Через год поступила в институт сестра. Еще через год сам Леха. А еще через полгода отца арестовали как японского шпиона. Как они ни бегали, отца упекли, а их поперли и из квартиры, и из институтов. Помыкавшись по знакомым, осели у дальней родственницы в Туле. Там с большим трудом устроились на завод. Пучков подался в слесари, а сестра его формовщицей. Мелкую определили в школу и опять начали жить. Только недолго. Мастер узнал, что Лешка – сын шпиона, и начал его изводить. Получив прореху между зубов, затаился на время и, выждав удобный момент, сдал с потрохами.

– А мне ведь повестка уже пришла. Работал последний день. Вот и решил, кто, кроме меня, этот патефон починит? На фронте убьют, и мужика в семье вообще не останется.

Пучков, видно, сам расстроился от воспоминаний, но потом, зло глянув на меня и опять сплюнув кровью на пол, сказал:

– Хотя тебе начальник, это все глубоко по херу. Жалко только вот так попусту гибнуть. Ну да ничего, в следующей жизни сочтемся!

Ха! Тоже мне, буддист малолетний выискался. Видно общение с корейским гуру не прошло даром. Старичок его, судя по всему, не только приемчикам хитрым обучил… Молча встав и выложив перед ним на стол пачку папирос и спички, я сказал:

– Сиди пока здесь. Часа через два за тобой приду.

Выйдя из камеры и наказав не трогать арестованного, побежал ловить Колычева.

Полковника получилось убедить на удивление быстро. Выслушав меня и задав всего несколько вопросов, он позвонил и все разрулил. Пока я шел за Лехой, меня, как Ивана Васильевича из одноименного фильма, терзали смутные сомнения. Как-то все очень гладко идет. И командир почти моментом согласился, и местные препон не ставили, когда он у них злостного расхитителя и дебошира захотел забрать. Понятно, что полковник – величина значительная и здешние гебешники против него не пляшут. Но сам-то он тоже моментом подписался на это предложение. Похоже, Петрович сверху получил дополнительные указания насчет меня. Причем уже давно. Самым сумасбродным идеям дается ход. А ведь другого, предложи он подобное, под трибунал без проблем запихнули бы. С этими мыслями подошел к уже знакомому мне отделу НКВД.

Подписав необходимые бумаги, я получил неудачливого несуна в свое полное распоряжение. Зашел к нему в камеру. Пучков, пока меня не было, смолотил всю пачку, и в помещении было не продохнуть.

– Блин! Как ты тут еще не задохнулся? Давай, подъем, любитель музыки, и пошли со мной.

Леха молча поднялся и, только когда мы прошли дежурного, начал удивленно крутить головой.

– Куда мы идем?

– Ты ж на фронт рвался? Вот на него и идем. Только сдуру сейчас рвануть от меня не вздумай. В этом случае даже я не спасу. Моментом лоб зеленкой намажут.

– Это зачем лоб зеленкой?

– А чтоб пуля, войдя в мозг, не занесла инфекции. Но сейчас, расхититель, твоя жизнь круто изменилась.

На его возражения, что он не расхититель, я махнул рукой и продолжил:

– Сейчас дуй домой и приводи себя в порядок. Через четыре часа встретимся возле военкомата.

И положив ему руку на плечо, добавил:

– Не подведи меня, парень.

Пучков пристально взглянул мне в глаза, кивнул и пошел вдоль кривого заводского забора. Не подведет. Это понятно. Парнишка-то не дурак, понимает, что такой шанс раз в жизни дается. Поэтому, даже не сомневаясь в нем, двинул в военкомат, забирать документы

призывника Алексея Михайловича Пучкова.

* * *

Через три дня я ехал в шикарной машине неопознанной марки. Еще две машины с охраной ехали сзади. Берия, сидя напротив на большущем, мягком, как диван, кресле, интересовался последними событиями и обучал меня политесу. А все потому, что ехали не на балет, а страшно даже сказать, к самому, блин, товарищу Сталину. Причем не в Кремль, а на дачу. На подъездах миновали три КПП, и машина, тихо шурша, подкатила к дорожке, ведущей к крыльцу дома. Встречающий нас подполковник мягко попросил оставить оружие у него. Надо же. А к Лаврентию Павловичу заходил, не разоружаясь. Ну да понятно – тут величина персоны совсем другая. Я вытащил пистолет из кобуры и отдал его вежливому охраннику. Потом, подумав пару секунд, достал еще один маленький браунинг из кармана. Из сапога добавил нож. И еще один нож извлек из чехла между лопаток. Берия смотрел удивленно, а полковник уже не вежливо, а настороженно.

– Теперь все.

Сдав все «железо», развел руки и повернулся, рассчитывая, что меня сейчас для верности обыщут. Фиг там. Просто попросили идти за сопровождающим. В самом доме нас передали другому телаку. На этот раз здоровенному майору-грузину. Показывая дорогу, он довел до двери и, постучавшись, открыл ее, пропуская нас вперед. Охренеть! Во мне, наверное, проснулись инстинкты, только этим можно объяснить, что глаза, увидев фигуру возле стола, округлились, а мозг дал команду телу. Сделав три строевых шага и вскинув руку к фуражке, рявкнул:

– Здравия желаю, товарищ главнокомандующий!

Только стоя вот так, с поднятой рукой, я очухался. Вроде бы разобраться – ну что мне Сталин? Человек, который помер больше чем за двадцать лет до моего рождения. А вон оно как получилось. Наверное, во взгляде дело. Сам-то он просто старичок небольшого роста, а вот глаза… Увидев этот взгляд, перестаешь считать его просто старичком. Человек, с таким огнем внутри, пожилым совершенно не воспринимался. Причем выражение глаз вовсе не звериное, или парализующее, как потом у нас писали. Наоборот. В глазах плавала смешинка.

– Зачем так громко, товарищ Лисов, мы же не на параде?

Сталин прошел по кабинету и, показав на стулья, добавил:

– Садитесь, товарищи.

Мы сели. Хозяин кабинета, еще немного походив с другой стороны стола и закурив не трубку, а папиросу из большой коробки, наконец начал разговор. Он поинтересовался моей жизнью на фронте. Автоматически отвечая, я не мог избавиться от ощущения неправильности. Блин! Брежнев – это брови. Горбачев – пятно на лысине. Ельцин – напыженное выпучивание глаз. А Сталин – это усы и трубка. Усы были, трубки не было! Вид вождя с лихо заломленной папиросой напрочь выбивал из колеи. Если он сейчас лезгинку танцевать начнет – наверное, даже и не удивлюсь. Правда, главком в пляс не пустился, а продолжал расспрашивать, что я о себе помню, как мне «приснился» ППС и насколько часто меня нахлобучивает мой кассандровский дар. Отвечая на вопросы, неожиданно вспомнил про «головастика» из КБ, где пытались сделать гранатомет. Вот возможность его с зоны вытащить, быстро и без особых проволочек! Поэтому, дождавшись паузы, пока Сталин (ну наконец-то) начал раскуривать трубку, сказал:

– Товарищ Сталин, есть один вопрос, который только вы сможете решить.

Вождь вопросительно поднял бровь, и я продолжил:

– У изготовителей гранатомета пока ничего не получается. Но есть возможность ускорить процесс. Дело в том, что их самого толкового специалиста почти год назад арестовали как врага народа. Его бы назад вернуть. Тогда у них сразу дела пойдут.

Друг всех детей раскурил-таки трубку и, подняв на меня глаза, спросил:

– Вы предлагаете отменить решение советского суда и выпустить этого врага на

свободу? Может быть, вы вообще считаете, что он был арестован безвинно?

Ого! А вот теперь у Сталина взгляд поменялся. И на вы ко мне обращаться начал, еще и с наездами. Не к добру это. Но отступать уже было поздно.

– Нет, не считаю. Я его и в глаза не видел, но знаю, у нас невинных не арестовывают. Просто этот человек нужен для дела. А враг он или нет, какая разница, если работу делать будет на совесть? Сейчас ведь война. Все довоенные разборки – это внутрисемейное, то есть внутригосударственное дело. Это все равно, как в детстве подраться с пацаном из соседнего подъезда. Для меня он, безусловно, на тот момент враг. Но вот если будет драка с ребятами с соседней улицы, то этот враг автоматически становится другом. В одном строю с ним биться будем. А сейчас на нас, если этим примером пользоваться, вообще зареченские напали.

Пока все это говорил, Иосиф Виссарионович, стоя ко мне боком, смотрел в окно. Потом медленно повернулся и сказал, растягивая слова:

– Детский пример, но вашу мысль я понял. Но ведь это создаст прецедент? Другие тоже захотят вернуть людей, говоря, что они незаменимые работники. А незаменимых у нас нет.

– Незаменимых не было до войны. Тогда время было подготовить смену. А сейчас каждый день может быть решающим. Немцы прут лавиной. А нашим людям просто опыта не хватает с ними справиться. Поэтому и предлагаю людей с опытом на места вернуть. Если враг закоренелый, то его быстро – что в тылу, что на фронте – раскусят. И по законам военного времени. Но таких, я думаю, немного будет. Сработает стереотип – ребят с нашего двора и заречных. Я сам, когда у немцев по тылам мотался, встретил бывшего белого офицера, отсидевшего уже свое в наших лагерях. Он сколотил небольшой отряд, человек в десять, и активно немцев молотит. Честно скажу – к власти он любовью не пылает, но за страну жизнь готов положить.

Во время речи Сталин в упор смотрел на меня желтоватыми глазами, а потом, повернувшись к Берии, сказал фразу на грузинском языке. Берия ответил. Вождь еще несколько секунд разглядывал меня и, пыхнув трубкой, выдал:

– Хорошо. Мы выполним вашу просьбу.

Тут его взгляд стал хитрым:

– Только вы готовы лично поручиться за этого химика? Что он сделает нужное нам дело и не сбежит?

– Готов, товарищ главнокомандующий! Даже если у него и не получится, у меня совесть чиста будет – я сделал все, что мог.

– А если он сбежит, знаете, что с вами будет?

Я уже устал. Беседовали мы второй час, поэтому сказал, что думал:

– Больше пули не дадут. А рано или поздно – все там будем. Так что для хорошего дела всегда готов рискнуть.

Сталину ответ, видно, понравился. Он, по слухам, под настроение и не такие дерзости мог прощать. Вот и сейчас, пожевав губами, улыбнулся и, ткнув в мою сторону мундштуком трубки, сказал:

– Мне нравятся смелые люди, не боящиеся рискнуть. И я подумаю над вашими словами насчет незаменимых.

После этого разговор опять пошел про меня. Обнадежив, что память может вернуться, Сталин вспомнил пару своих боевых эпизодов и минут через двадцать свернул разговор.

Когда уже ехали в машине, Берия затребовал данные на химика из КБ. Записав все, что ему продиктовал, он, положив блокнот в карман, сказал, что теперь, похоже, одним освобожденным дело не закончится. Теперь многие материалы будут пересмотрены. Ого! Если уж страшный нарком такое говорит, похоже, перемены грядут нешуточные. Он-то Сталина лучше меня знает, и все недомолвки и взгляды расшифровывает на раз. Похоже, Лаврентий Павлович что-то уже понял, что мне осталось непонятно, и готов к действиям. Ну и зер гут. У нас ведь столько сидельцев в лагерях парится. Причем помимо борзых, социально близких уголовников, куча действительно толковых людей. Да если хоть человек пятьдесят бывших комдивов освободят, это уже может поменять ситуацию на фронте. Ну а

ученых сколько на киче торчит? Они же на свободе оборонку ух как круто поднять могут! Под эти мысли, был довезен до гостиницы и там оставлен. А марку машины, на которой катались, я успел разглядеть – «Паккард». Страшная крутизна для этого времени. М-да… У Лаврентия Палыча явно губа не дура…

От всех этих бесед с сильными мира сего устал, блин, как последняя колхозная проститутка. Скинул в номере сапоги и завалился на застеленную кровать. Разговор с верховным, похоже, получился. Только вот фраза по-грузински не давала сразу вырубиться. Я ведь не зря в Закавказье жил. Немного тамошний язык понимаю. Чуть-чуть по-чеченски, чуть-чуть по-армянски. И по-грузински немного. Всю фразу, конечно, не понял, но даже те несколько слов, что были понятны, заставили задуматься. Так вот, вождь сказал Берии, дескать теперь он уверен, что я тот человек, о котором Вольф говорил. Вольф – явно немецкое имя. Что обо мне Сталину мог какой-то фриц говорить – непонятно. Причем явно положительное, это из общего тона понятно было. И почему Виссарионыч его вообще слушал? О личном советнике вождя с таким именем я не слышал и теперь пребывал в растерянности. Информации маловато для выводов. Может, он какой-то жутко засекреченный советник? Или типа Распутина при царе… Только вспомнил Распутина, аж жаром обдало. Вольф… Неожиданно, по ассоциации, вспомнил только одного известного человека, жившего в это время с таким именем в Союзе. Вольф Мессинг! Как сейчас бы сказали – экстрасенс. Причем очень сильный. И он к Сталину доступ имел. Гитлер, тот вообще на мистике повернутый был. Окружил себя целой толпой прорицателей. Общество целое создал, обозвав его «Наследие предков». За нашим вождем такого не замечали. Но за ним много чего не замечали. Секретность на уровне была. Мог Сталин быть мистиком? Да еще как мог! Обучение в семинарии даром не проходит. Интересно только, что же ему Мессинг про меня сказал? Ну, это узнать явно нереально. Зато теперь, вычислив таинственного Вольфа, я наконец заснул.

* * *

Трясясь в кузове под рваным тентом, переиначивал старую песню. Эх дороги, грязь да туман. Холода, тревоги и сплошная грязь. Блин! Мы еще в наше время жалуемся на плохое покрытие дорог! Тут его вообще нет. Грязюка страшнейшая. Вязнут машины, танки, даже тракторы буксуют. Наполеон Москву смог взять только потому, что на лошадях передвигался и более или менее смог дотащиться до города. Был бы он, как фрицы, на технике, не видать ему Москвы, как своих ушей. Нам просто с началом войны не повезло. Лето было страшно сухое, и немцы, весело подпрыгивая, смогли осуществить начало плана блицкрига. Были б дожди – дальше старой границы они хрен бы прошли. Вот и сейчас все влипло в грязь, с обеих сторон фронта. Наступление само по себе остановилось. Сверху дождь, снизу слякоть, какая уж тут война. Ничего, гансы. Скоро еще и морозы начнутся. Это вам не в Европах – плюс пять – уже холодно. А минус сорок не хочешь? Дороги, правда, станут проходимыми, но вот с теплыми шмотками у вас жопа. Еще немного продвинетесь и встанете намертво, морозя уши и носы. Потом даже медаль такую введут «За зимнюю кампанию», где изображены каска, как на могилке, и замерзший орел, сжимающий в заиндевелых лапах свастику. Она так и будет на жаргоне называться «Мороженое мясо». Но пока морозов нет и с неба просто льет холодный дождь. Немцы позавчера сделали последний рывок и, вляпавшись в эту кашу на дорогах, остановились. На этот раз, похоже, надолго.

Засунув нос в воротник шинели, прикидывал, какие помимо остановки немецкого наступления еще есть новости. Ведь за полтора месяца, что прошли после разговора со Сталиным, в стране явно происходили перемены. Малозаметные и глухие, но это, похоже, было начало. В армию, где мы сейчас находились, прибыло девять новых командиров полков из бывших сидельцев. А по всему фронту сколько таких? Даже не знаю. В тылу тоже свежеотпущенные головастики на месте не сидели. Тот мужик из КБ, Прохоров Федор Ильич, выйдя из лагеря, самым активным образом включился в работу. Результаты, правда,

пока не ахти, но граната уже летит по прямой, а не извилистым зигзагом. Шлеп! Холодная капля упала за шиворот и отвлекла от глобальных мыслей. Вот, биомать, супермены! В тылах у фрицев чудеса творим, а тент нормальный добыть не можем. Все – по приезде иду к снабженцам, и если по-хорошему не дадут, то стырю. А еще лучше из фанеры кунг сделаем и будем как белые люди ездить. Надоело уже мерзнуть и мокнуть! Вторую неделю на колесах живем. И сейчас – очередной раз меняем место дислокации, постоянно выпихивая машину из колдобин. До места назначения еще километров двадцать, такими темпами хорошо если к ночи доедем. Ну вот, опять встали… Снова вывалились из кузова и стали с помощью окружающих нас бойцов пихать машину. Достала уже эта слякоть!

* * *

Вжик, вжик! Бух! На секунду высунув нос из воронки, огляделся. Вжик! Да сколько же вас там! Только танков штук двенадцать. Правда, два уже хорошо дымят. И пехоты, похоже, – с пару рот будет. А нас тут от силы взвод. Да и как еще сказать взвод – щеглы, курсанты из пехотного училища, и какие-то степенные мужики из хозвзвода госпиталя. Блин! И свалить нет возможности. За нами этот самый госпиталь, сейчас спешно эвакуируемый. Вот попал! Сюда мы с шофером заехали по пути с завода, проведать Мишку Северова, парня из наших радистов. А на завод я мотался к гранатометчикам. Прохоров, спец реабилитированный, все-таки сделал невозможное. Гранатомет теперь уверенно бил на шестьдесят метров. Заряд пока только фугасный. До кумулятивного они еще не добрались. Но глаза Ильича горели, как у отца Федора, стырившего колбасу, и я не сомневался, что месяца через два будет и кумулятивная граната. Постреляли на полигоне – мне понравилось. Эти изобретатели, похоже, сами не ожидали такого эффекта и ходили с ошарашенным видом. Такой же вид имели и два генерал-лейтенанта из военприемки. Осмотрев развороченные катки Pz.III и перевернутое от взрыва орудие, они цокали языками и активно строчили в своих блокнотах. Когда же я захотел забрать несколько ящиков неиспользованных РПГ, приемщики грудью встали на их защиту. Дескать, секретное оружие, ну и все такое прочее. Один даже дулю в запарке мне показал. Щас! Не таких лопошили! Я на них наехал по всем правилам. Говорил, что имею устное распоряжение самого (при этом потыкал пальцем в небо) для испытания небольшой пробной партии, именно в силу ее секретности, в нашей группе. Генералы проследили за пальцем, пошушукались и дали два ящика. Крохоборы. Загрузив укупорки в кузов, покатили обратно. И тут я вспомнил про Мишку. Он словил осколок и валялся в госпитале. Думал ему привет передать и продуктов подкинуть, а то на госпитальном пайке ноги можно протянуть быстрее, чем от ранения. Передал, блин, привет…

На этот раз крик про прорвавшиеся танки был совершенно верен. В госпитале сразу поднялась суматоха, народ забегал – и попутно с эвакуацией стали быстро сколачивать команду смертничков для задержания прорыва. Набрали человек сорок из находящихся рядом. К курсантам и хозяйственникам добавились еще два расчета с 45-миллиметровыми пушчонками, у одной из которых было что-то не так с прицелом. Их сразу потащили устанавливать и маскировать на въезде в село. А я, отведя командира курсантов в сторону, коротко переговорил с ним. Решили во чисто поле не выходить, а встретить немцев на околице и постепенно отходить к домам. Так хоть не сразу всех положат. Потом перешел к насущному:

– Танки по нашему жиденькому заслону пройдут и не заметят.

Курсантский капитан кивнул и сказал:

– Деваться-то все равно некуда. Надо их хоть на полчаса задержать, чтоб госпиталь эвакуироваться успел. Я двоих курсантов уже послал – тут километрах в пяти пехота и танкисты стоят. Немного, правда, но все-таки помощь.

– Ну, они точно не успеют. А у меня есть одна штука. Как раз против танков. Во всяком случае, притормозим их. Только люди толковые нужны. Человек пять, которые от вида

немцев в штаны не наложат.

Капитан на секунду задумался, потом крикнул в сторону курсантов, которые тянули орудие за сараи:

– Окунев, Сергеев!

От толпы тянульщиков отделились двое и рысью подскочили к нам. Представились.

– Берите еще троих и поступаете в распоряжение товарища старшего лейтенанта.

Курсанты свистнули еще корешей, и мы подошли к нашей машине, из которой ящики были скинуты, а в кузов набивали раненых. Открыв первую укупорку, я вынул фаустпатрон и сказал:

– Глядите сюда, мужики. Это – фугасная граната. Летит уверенно метров на тридцать – сорок, в опытных руках попасть может и на вдвое большем расстоянии. Целиться вот так, нажимать сюда. После выстрела – выбросить. Главное, чтоб сзади стенки не было, а то вот отсюда нехилая струя пламени вылетает. Будет стенка – самого подпалит. Будет человек сзади сидеть – хана человеку. Целиться по каткам или в борт, глядишь, и проломит. До выстрела нос из укрытия не высовывать. Стрелять только наверняка и сразу залегать. Не смотреть, куда она попадет, а то самих осколками побьет. А теперь разбирайте гранатометы и мухой за мной!

Пацаны похватали фаусты, и мы рванули в сторону, откуда доносились выстрелы. Пробежал мимо наших, на ходу оценив грамотное расположение сорокапяток, и нырнул в овражек, огибающий село. Похоже, немцев уже кто-то пытается тормознуть, стрельба шла в километре от нас, но какая-то хилая. И орудий не слышно. Было видно, что немцы утюжат дальний конец поля, уже добивая сопротивляющихся. Эх! Было бы лето, можно в упор из травы танки расстреливать. А сейчас, по первому снегу, мы, блин, как на ладони видны будем. В идеале, конечно, в деревне встретить, из домов, но тогда пехота просочится мимо и раненые все равно накроются. Дождавшись, когда моя пыхтящая группа соберется вместе, стал распределять роли:

– Так, Окунев, берешь его – я показал на тощего курсанта в завязанной под подбородком шапке – и дуй вон к тем кустам. Не стрелять, пока танки близко не подойдут. Они ту яму огибать начнут и тебе борт подставят. Как пальнешь, сразу уходи к деревьям. Дальше ползком, вон видишь, бревна свалены?

Внимательно слушающий Окунев кивнул.

– Под бревнами затихаришься и лупишь второй танк. После сразу сваливай по низинке к нашим. Будет напирать пехота, танка не жди, просто сваливай. Потом в деревне его встретишь.

Я повернулся к тощему.

– Теперь ты. Как тебя звать?

– Курсант Балабуха!

– Ты не ори, а имя скажи.

– Иван.

– Слушай меня, Ваня. Твоя задача снять заглушку с этой стороны трубы и, отдав гранатомет, прикрывать Окунева. Плотно прикрывать. По уму пулеметчик тут нужен, но ты со своей винтовкой уж постарайся. Гранаты есть? – Он кивнул. – Вот гранатами и поработай. Но только если пехота близко сунется. Раньше времени себя не выдавайте. Пехота пусть вперед уйдет, к деревне. А вот танки – ваши. Но, считайте пацаны, реально жизни у вас – на один выстрел. А там как повезет… И еще – если сильно зажмут, пуляй из гранатомета хоть в небо, но чтоб целым он фрицам не достался. Ясно?

Курсанты синхронно кивнули.

– Тогда давай, вперед! И про заглушку не забудьте! А то звиздец обоим настанет.

Я хлопнул Окунева с напарником по шинельным спинам и занялся второй парой. Дав подробный инструктаж, что и как делать, отправил их на выбранную позицию. Потом, забрав половину груза у своего напарника, поинтересовался его паспортными данными.

– Курсант Олег Кушкин.

– Так, Олег. Мы сейчас с тобой быстренько пробежим вон до тех воронок. Ты будешь сидеть как мышь, а я прошвырнусь дальше. Если не вернусь, тогда уходи сам с этими трубами к оврагу. Один раз стрельнешь оттуда – и дуй к нашим. Там, между домами, точно еще кого-нибудь прищучишь. Все понятно?

– Так точно!

– Тогда за мной.

И мы, где пригибаясь, где на карачках, рванули в сторону воронок.

Обе пары гранатометчиков расположились в лесопосадке, с левой стороны села, метрах в трехстах от первых домов. Мне деревьев для укрытия не досталось. Справа были только жидкие кусты с мелким овражком, уходящим к деревне, и несколько воронок. Оставив в ближней к оврагу Кушкина с двумя фаустпатронами, я проскочил еще метров тридцать и, съехав в очередную яму от стакилограммовой бомбы, стал наблюдать. До немцев было метров шестьсот. Вырвавшиеся танки стали сбавлять ход, пропуская вперед пехоту. Правильно опасаетесь. Среди строений все преимущество танка теряется, и он превращается в большую мишень. Это очень хорошо в Грозном было показано. Пустили козлы-командиры танки без прикрытия и получили кучу жженой техники. Немцы явно умнее себя ведут. Сначала пехота чистит населенный пункт и, если натыкается на препятствие, которое сама уничтожить не может, подтягивает танк. Он делает свое дело, и пехота опять впереди него движется. Вот и сейчас фашисты действуют так же. Теперь бы только край цепи на нас не наткнулся. Пешие фрицы шустренько рысили вперед, а танки начали с коротких остановок вслепую постреливать по селу. Видно, хотели заранее обнаружить огневые точки. Точки не обнаруживались. Пушкари молчали, подпуская технику поближе. Гранатометчики с той стороны тоже ждали, когда танки покажут борта. С околицы начали хлопать винтовки, и фрицы наддали ходу. Нормально получается! Пехота проскакивала метрах в сорока от нас, ничего не замечая вокруг. Я снял заглушку с РПГ, высматривая наиболее перспективного бронеганса. А вот и он. Крайний танк со смазанным номером 24 на башне медленно въезжал в сектор обстрела. Остановился, бухнул из пушечки и опять пополз дальше. Опять остановился, поводя стволом. Пора! Встав на колено, я фуганул в него гранатой и сразу нырнул обратно. Шшших! Бабах! Ни фига себе взрыв! Высунув нос из воронки, оглядел дело своих рук. Башня у танка была наполовину сорвана с погона, и он, задрав ствол в небо, сильно дымил. Блин, какое же Прохоров ВВ в боевую часть запихнул, что обычным фугасом башню, считай, снесло? Правда, и танчик был так себе. Pz.II, с пушечкой 20 миллиметров. Из него никто не вылезал, похоже – кирдык экипажу. Пока фрицы не прочухали, кто у них так шалит, метнулся под прикрытием дыма к следующей коробочке. На этот раз для разнообразия это был Pz.III. Получи фашист гранату!

Высунувшись после выстрела, увидел, что гусянка у него порвана и катка как не бывало. А вот теперь – сваливать! Немцев, похоже, напрягла неизвестно почему взрывающаяся техника, и они обратили внимание на мою драпающую тушку. Еле успел нырнуть в воронку, как меня плотно прижали огнем. Вжик! Вжик! Один из танков двинул в мою сторону, полосуя убежище из пулемета. Что еще хуже, одна часть пехоты, ввязавшись в бой на околице, осталась там. А вот человек пятнадцать, видно, самых сообразительных, рванули ко мне. Шшших! Бах! Шшших! Бах! Похоже, заработали пары с той стороны поля. Пока фрицы отвлеклись на новую напасть, я выскочил из воронки и, петляя, рванул в овражек к Кушкину. На ходу оглянулся. Один танк на дальнем конце уже дымил, а второму сбило гусеницу, и он, крутнувшись на месте, остановился. Молодцы пацаны! Хорошо сработали! Теперь валите оттуда. Шшших! Бах! В борт крутнувшемуся танку влепилась еще одна граната. Видно, у него боезапас рванул, потому что корпус аж лепестками развернуло. А на месте нахождения гранатометчиков выросли несколько фонтанов разрывов. Блин! Говорил же – валите сразу после выстрела! А теперь, похоже, одной паре звиздец пришел. Сам я уже съехал в овраг к Олегу, ухватил предпоследний РПГ и высматривал преследующего меня фрица. Он, потеряв цель, остановился метрах в тридцати. Удачненько стоишь! Шшших! Бах! Не глядя на последствия выстрела, побежали в сторону поселка.

Хорошо, овраг в этом месте достаточно глубокий. Было слышно, как в винтовочно-пулеметную трескотню вступили сорокапятки. Некоторые танки, разворачиваясь к новой опасности, подставляли борта нашим противотанкистам. Ну, дай бог, и они кого-нибудь накроют. Сейчас до села добежим, и там можно будет последний выстрел использовать, а дальше – как повезет.

Дум! Дум! Это еще что такое… Оскальзываясь по обледенелому склону, вылез наверх. Дум! Дум! Опаньки! Возле дороги стояли два зенитных 76□миллиметровых орудия и резво лупили по танкам. Еще два разворачивались метрах в ста от них. Это очень вовремя зенитчики появились. Они сейчас здорово танки проредят. Правда, без пехоты долго не продержатся, но насолить немцам успеют. Я прикинул, что отсечь фрицев от орудий, имея один автомат и винтовку, не получится. Пока соображал, что же делать дальше, вдруг увидел, как человек пятьдесят всадников втягиваются в село с той стороны. И к зенитчикам, от дальней опушки, заткнув полы шинелей за ремень, бегут ребята в нашей форме. Ну, теперь, блин, повоюем! Теперь силы почти равные получаются. Толком повоевать, правда, не получилось. Немцам такие расклады совсем не понравились, и танки начали отползать назад. Правильно – половина из них уже горит, и панцеры, бросив свою пехоту, удирали. Пешие фрицы, видя такую подляну, тоже сначала заметались и потом рванули следом. А с фланга их продолжали расстреливать шустрые зенитчики.

* * *

– Какого хрена?! Я спрашиваю, какого хрена ты вообще туда полез?!

Колычев, похоже, был разозлен не на шутку. Во всяком случае, раньше я никогда не слышал, чтоб он так вопил.

– Хорошо еще конники Белова вовремя там оказались! А так бы и тебя убили, и оружие секретное немцам досталось!

Ну, про оружие – это он загнул. Вон, все восемь пустых труб вязаночкой лежат под столом. Я их после боя специально для отчета собрал. И незачем так орать. Хотя действительно беловцы очень вовремя там оказались. Еще бы минут двадцать, и нам точно хана. А их сунули закрыть прорыв, так что все очень удачно получилось. Полковник, когда наш водила без меня появился в расположении, чуть его не прибил. Тут же, взяв под свое командование танковую роту, оказавшуюся поблизости, повел ее на спасение, вот только не пойму, то ли меня, то ли секретного оружия. Успел к шапочному разбору. Фрицев шуганули хорошо, и я, уже собрав использованные трубы, искал транспорт для возвращения.

– Пять суток ареста! Нет! Десять суток!

Ого, как командир завелся. Гусева, когда тот попытался вступиться, вообще покрыл матом и выгнал. А теперь, распаляясь, мне сутки накидывает. Я стоял понурившись, всем видом показывая глубокое раскаянье.

– И не прикидывайся овечкой! Ишь, глазки он опустил! Больше без приказа – из расположения ни шагу!

И уже без крика, а как-то тоскливо добавил:

– Неужели ты не понимаешь, как важен для нас? Ты же диверсант, а не пехотинец. Это у немцев ты как рыба в воде. А здесь… Тебя вообще на фронт в этот раз отпустили под мою личную ответственность! А ты такое творишь.

– Товарищ полковник, случайно все получилось. Если б не госпиталь, я бы оттуда впереди собственного визга удрал. А так – деваться некуда было.

Петрович, похоже, начал остывать. Закурил и другим тоном, передразнивая меня, сказал:

– Деваться ему некуда было. Сколько, говоришь, танков из этой штуки подбили?

– Четыре танка. Два в хлам, еще два – ремонтнопригодны. Использовали восемь выстрелов. И это совсем без подготовки. Если заранее знать, результат может быть еще лучше.

– Заранее знать… Ладно, иди к Гусеву, он тебя уже заждался, а мне еще отчет писать.

Как чуть позже выяснилось, эти борзые фрицы, что прорвались в направлении госпиталя, прорвались не просто так. Их план «Тайфун» начал трещать по всем швам, и любимый фюрер впал в ярость. Немцы конкретно застревали на Можайском рубеже обороны. Наши, правда, тоже держались непонятно за счет чего. В дивизиях народу осталась едва треть. А где и этого не было. Пополнения не было тоже. Я-то знал, что из Сибири сплошным потоком идут войска, но народ об этом не догадывался и поэтому фигел от такого авангардизма командования. Как будто в Союзе люди закончились. Все вновь прибывшие в части были ополченцами из Москвы и Подмосковья. Им даже форму не выдавали. Сидели в окопах, кто в чем из дома ушел. А уж вооружены были, это полный сюр. С одним даже поменялся. Отдал ему почти новый ППД, три гранаты и наган за самый настоящий «томпсон». Я эту машинку с огромным диском видел только в старых фильмах. Именно из такой в картине «В джазе только девушки» прострелили виолончель. Поэтому устоять не смог. Вообще-то, вначале хотел поменять гангстерскую трещотку на один ППД, но где мне тягаться в торгах с половозрелым, да еще и напуганным евреем. Как он меня в процессе обмена заодно и из полушубка не вытряхнул, ума не приложу.

Так что теперь я счастливый обладатель раритета и предмета насмешек Сереги. Ну, пусть прикалывается, если хочет. А у меня уже собралась нехилая коллекция. «Маузер», «лахти», «зиг-зауэр», полицейский «вальтер» и крохотный «Браунинг № 5» с перламутровыми накладками на ручке. И хотя коллекционировал исключительно пистолеты, мимо «томпсона» пройти просто не смог… На фронте же опять начались нездоровые шевеления. Немцы, после того как их главный партайгеноссе поимел в извращенной форме весь свой генштаб, а потом, пустив пену изо рта, просимулировал бешенство, встрепенулись и передумали впадать в зимнюю спячку.

Наши плотно стояли на рубеже рек Лама, Руза и Нара. Поэтому фрицы, покумекав, решили, как нормальные герои, пойти в обход. Главные удары наносились на Клин и Рогачев с севера и на Тулу и Каширу с юга. Здесь уже сильно заволновался наш верховный. Причем настолько сильно, что я опять был выдернут в Москву. Беседа проходила на этот раз в Кремле. Сталин ходил мрачной букой, временами пытаясь раскурить неприкуренную трубку.

– Вы, товарищ Лисов, все-таки уверены, что враг не войдет в город?

– Так точно, товарищ верховный главнокомандующий! Насколько я вообще могу доверять своему предвидческому дару. Будет какая-то помощь с востока, которая остановит немцев. Может, войска из какого-нибудь резерва подойдут? Точно сказать не могу. Но немцы в Москву не войдут.

При этих словах Виссарионыч коротко глянул на Берию и кивнул головой. Ну, правильно. Откуда мне, простому старлею, знать, что с Дальнего Востока и Сибири сейчас вовсю гонят воинские эшелоны. По идее – это страшная государственная тайна. А сидящие передо мной еще и не знают, успеют ли эти войска вовремя. Сталина, похоже, мои слова успокоили. Во всяком случае, он прикурил наконец трубку и гораздо бодрее прошел по кабинету.

– А что вы еще чувствуете?

– Вы знаете, товарищ верховный главнокомандующий, мне кажется, немцы не только в город не войдут, а буквально меньше чем через месяц мы сами нанесем такой удар, что отбросим противника километров на двести пятьдесят от Москвы.

Потом, взяв мхатовскую паузу в несколько секунд, добавил:

– Да, точно. Я в этом уверен. И еще есть сведения, касающиеся лично вас.

Сталин поднял брови и подбодрил:

– Говорите, я вас внимательно слушаю.

– У меня такое впечатление, что в конце этого месяца немцы вас собираются убить. Чуть ли не десант в Кремль скинут… Мне так кажется.

Это я его предупреждал о будущем немецком десанте на Воробьевых горах. До усатого правителя фрицы, понятно, не добрались, но такой козырь иметь очень здорово. Пусть

теперь после уничтожения диверсантов думает, что это я его спас. Лишний плюс мне точно не помешает. Верховный замолк, глядя в окно и, видимо, что-то соображая. Вот кто действительно паузу держать может. Минут пять, наверное, молчал. Я стоял, стараясь громко не сопеть простуженным носом, но потом не выдержал и шмыгнул. Сталин обернулся на звук, оглядел меня и распорядился принести чаю. Потом прошел туда-сюда по кабинету и неожиданно спросил:

– Илья Иванович, почему вы меня зовете все время только «верховный главнокомандующий»? Вот Лаврентий Павлович, – он показал трубкой на Берию, – обращается ко мне «товарищ Сталин». Или Иосиф Виссарионович. Маленков так же говорит. Тимошенко, Жуков, все остальные. Только вы ко мне по должности постоянно обращаетесь. Я вам что, не нравлюсь?

Вот так пассаж! Интересно, что он этим хотел сказать, а главное совершенно не по теме? Добивается нежной и пылкой любви? На хрена ему это нужно? И на слова о покушении вообще никак не отреагировал. Все-таки полет мысли всех этих шишек для меня остается полной тайной. Но отвечать надо, поэтому, еще раз шмыгнув, сказал:

– Ну, по имени-отчеству обращаться неудобно, все-таки вы глава государства, а я старший лейтенант. Наглостью отдает. Сталиным вас называть можно, но это ваша гражданская… – чуть было не сказал кликуха, но вовремя поймал себя за язык, – гражданское имя. А мы люди военные, поэтому и называю вас верховным главнокомандующим. А насчет, нравитесь или нет, могу сказать, что я вас очень уважаю. Люди вашего уровня вообще крайне редко встречаются. Из исторических примеров только с Петром Первым сравнить могу. А когда побывал у вас на даче, уважения еще больше прибавилось.

Верховный слушал меня, благожелательно улыбаясь и кивая в такт словам. Когда я добавил про дачу, он удивленно поднял брови и спросил:

– Как это вам моя дача уважения прибавила?

– А просто я ездил со своим командиром на Кировский завод. Так там у его директора Зальцмана не дом, а хоромы целые. И обставлены прямо по-барски. Я думал, что все наши руководители так живут. А у вас когда побывал, понял, что далеко не все. Вы себе такого не позволяете. Вот уважения и прибавилось.

По мере того как я говорил, глаза у Сталина сужались и рука, в которой была трубка, сжалась в кулак. Но сказать он ничего не успел, так как принесли чай. Виссарионыч за секунду опять поменялся, став радушным хозяином.

– Садитесь, товарищи. Будем пить чай. А если Илья Иванович, не ошибся в своих… – Он слегка замялся. – …Предположениях, то скоро мы выпьем не чай, а хорошего вина, за победу наших войск в битве под Москвой.

Потом уже, провожая нас, сказал, обращаясь ко мне:

– Вы, товарищ старший лейтенант, можете называть меня по имени-отчеству. Это не будет наглостью.

Возвращаясь обратно к своим, я думал, что теперь Сталин из города точно не свалит. Он и в моем времени, оставался на месте, но здесь все идет немного по-другому. Вдруг рванет на запасной КП? Тогда Москве точно капут. И сибиряки не помогут. А Зальцмана очень удачно слить получилось. Вроде ненароком, к слову пришелся, но теперь ему покажут мать Кузьмы. Не мог я простить этому делавару ни махинации с военприемкой, ни то, что наши тяжелые танки в результате его действий оказались по своим характеристикам едва ли не хуже, чем Т□34. И ездили эти КВ с вечно слетающими гусеницами, клинящим движком и собачьей писькой вместо орудия. Одно только название, что тяжелый танк, правда, броня все же соответствует.

Прислонившись к холодной дверце, потихоньку кемарил, вспоминая высочайшее чаепитие. Ведь кому скажешь, с кем чаи гонял, не поверят. И под урчание мотора, несмотря на задувающий в какие-то щели ветер, уснул.

* * *

Через несколько дней после приезда Колычев ошарашил новостью:

– Собирайся в командировку. Полетишь в Ижевск. Твоих гранатометчиков туда переводят. Подальше от фронта. Будут строить большой завод.

– А я тут причем? Я же не строитель? Чего мне там делать?

От этого предложения полковника завис напрочь. Блин. Где тут связь между диверсантом и заводом, я не видел совсем. То есть видел, но только если этот завод на воздух поднять. Так и сказал Ивану Федоровичу. Он начальственным рыком отмел мои возражения, но потом объяснил:

– Там строителей и без тебя хватает. А ты, со своим нахальством и полномочиями, быстро все провернешь. Твоя идея была, с этими стреляющими трубами, вот теперь и расхлебывай.

Полковник улыбнулся, показывая, что это он так шутит, а когда я опять попробовал брыкаться, пресек все отмазки, сказав:

– Не я это придумал. Так что выполняй. Сейчас в Москву, там получишь инструкции и документы. А оттуда дальше – в Удмуртию.

И видя мою вытянувшуюся физиономию, подбодрил:

– Ты не пугайся. Это недели две-три, не больше. А может, и быстрее все сделаешь. Возвращайся, мы тебя ждать будем.

Вот, блин, работка подвалила! Меня что, за проныру-хозяйственника считают? И кто мог Колычеву такой приказ дать? Ну кто – понятно. От небожителей кремлевских идея исходит. Только вот зачем – неясно. Я поплелся собираться, попросив напоследок:

– Товарищ полковник, вы Пучкова пока сильно к немцам не гоняйте. У него бросок с левой еще плохо выходит. И ногу на вчерашней тренировке подвернул.

– Да не волнуйся ты, я знаю. Давай, иди уж!

Глава 6

«Себя от холода страхуя, купил доху я на меху я, но в той дохе дал маху я…»

Летели уже часа два. Меня с недосыпу укачивало и тошнило. Поэтому, чтобы не оконфузиться перед несколькими гражданскими, что летели со мной, я, кутаясь в большой тулуп, которые всем выдали перед вылетом, орал песни. Вроде помогало. Пол, во всяком случае, пока не испачкал. И до моего ора дела тоже никому не было. В салоне все гудело, хуже, чем в вертушке, поэтому для разговора надо было кричать собеседнику в ухо. Так что бесед не вели, а каждый занимался своим делом. Я вот, например, пел…

В Москве мне дали довольно странные инструкции – помочь максимально быстро выбить все необходимое для начала скорейшего производства «изделия „Гром“». Это так они гранатомет обозвали. Второе общеупотребительное название у него было РПГ-1. А первое дали, как у нас принято, для секретности.

Выяснилась еще одна вещь. Меня в Удмуртию посылали вроде как в ссылку. Берия, который сам меня инструктировал, сказал, что верховный, узнав о моем сольном выступлении при отражении атаки возле госпиталя, сильно ругался. И даже по-грузински. А это у него, оказывается, признак большого раздражения. Лаврентий Павлович добавил, что Сталин, зная о моей взаимосвязи между предсказаниями и встрясками, сказал, что от общения с нашими бюрократами встряска у меня будет не меньше, чем на фронте. И что б я минимум три недели не смел появляться в районе боевых действий.

Вообще, аргументация была такой же, как и у Колычева. Типа, ценная голова, большая польза и в немецком тылу как дома, то есть почти в полной безопасности. А вот на передовую больше ни шагу. Там, мол, шанс быть убитым возрастает непомерно.

Только сейчас начал осознавать, какая удачная была придумка связи между адреналиновой накачкой и ясновидением. А то законопатили бы меня за толстые стены и

выпускали только, чтоб выслушать очередное откровение. Но опасаются, удавы траншейные! Вдруг Кассандра от плохого отношения свой дар потеряет. Вот теперь и лечу в Ижевск, имея туманные указания и бумагу, которой Иоганн Вайс позавидовал бы. У него в аусвайсе весь зверинец расписался, кроме Адольфа Алоизовича. А у меня полный комплект. Красная подпись самого верховного есть. Так что оторвусь на всю катушку. Еще там, в своем времени, мне приходилось сталкиваться с оборзевшими до изумления чиновниками. Руки просто чесались отвернуть лукавые головенки этих мудаков. Тогда приходилось сдерживаться. Интересно, что сейчас будет, если начну стучать фейсом об тейбл особо наглого чинушу? Обязательно проверю. И ни хрена мне не сделают. А то, что такой встретится, ни малейших сомнений не возникало. Это племя даже дустом не возьмешь, и со временем они не меняются.

Один раз садились для дозаправки. Меня наконец перестало мутить, и я поспал. Соседи, похоже, были рады. Когда к шуму движков еще и чей-то ор примешивается, это не есть гут. Приземлились уже в темноте. Попутчиков забрал ожидавший их автобус, а меня, оказывается, ждала черная эмка. Вот блин! Дорос уже до персональной машины. Познакомившись с водителем, смешливым молодым пареньком, попросил его отвезти в гостиницу. Может, тут и принято ночью работать, но я так не привык. Хороший сон всегда был предпочтительней ночных бдений, ну конечно, если эти бдения не с симпатичной барышней. Знакомых особ женского пола тут пока не было, поэтому буду просто спать.

Наутро все и всех знающий шофер отвез меня к месту будущего завода. Там уже вовсю кипела жизнь, чего-то рыли, бетонировали, устанавливали. Под будущий завод выделили несколько огромных цехов, и сейчас их активно реконструировали. Руководил стройкой маленький толстенький человечек, которому для полного антуража не хватало только черной шляпы с пейсами. Но рулил он столь шустро, что я его моментально зауважал. Дав транды водителям, он тут же переключился на бетонщиков. Причем, насколько я понял, ЦУ давал грамотные, только иногда сверяясь с чертежами, рулон которых был зажат у него под мышкой. Разглядывая снующих людей и разной степени побитости полуторки, которые, как у нас принято, с матами, разгружали возле ворот цеха, неожиданно увидел знакомую физиономию. О, это ж Прохоров, спец, за которого меня Сталин поручиться вынудил. Подошел, поздоровался. Иван Ильич обрадовался встрече и тут же начал рассказывать последние новости. Он, оказывается, еще чего-то намудрил, и теперь граната из РПГ будет лететь дальше. Станки обещают установить уже на следующей неделе. Еще через неделю должны будут закончить ремонт стен и кровли. Ни фига себе темпы. Я вспомнил, как соседу шабашники строили дачу, и прибалдел. Понятно, что коробка здания уже была, но один черт, целый завод за три недели отгрохать. И развернуть производство из чуть ли не полукустарного в полноценно промышленное. В мое время или люди другие уже пошли, или просто на работу все забили, но о таких скоростях и не слышал….

На обеде Прохоров познакомил меня с шустрым толстячком – начальником строительства.

– Зусман Яков Семенович. Очень пгиятно с вами познакомиться, молодой человек.

Я не ошибся в национальной ориентации этого колобка. Теперь точно можно быть спокойным за сроки. Вообще народ не любит только глупых евреев. Даже не столько глупых, сколько хитрожопых. Причем это именно они считают себя исключительно хитрыми, пытаясь кинуть ближнего своего. Умный же еврей не только очень хорошо делает дело, имея свой законный гешефт, но и никогда не обделяет окружающих. Причем ни в коем случае не в ущерб качеству работы. В итоге все остаются довольны. В наше время примером такого умного еврея можно считать Абрамовича. И сам в шоколаде, и все, кто на него работают, в полном довольстве. Ну, это, правда, единичный случай – олигарх однако. А сколько безвестных тружеников куют свою копеечку вроде из ничего. Вот и этот наверняка сделает все качественно, в срок, еще и навар поимеет. Как это у них получается, для меня лично – тайна великая. Поэтому, уважительно пожав пухлую ладошку, я еще и поинтересовался, нет ли каких-нибудь проблем со строительством. Он сразу замахал руками:

– Что вы, что вы! Какие проблемы! У нас все как часики работает, можете не сомневаться.

…Сглазил, шустрик картавый. Через пять дней проблемы появились. Грустный Зусман сидел в своей будочке и что-то писал в толстой потрепанной тетради с клеенчатой обложкой.

– Кому сидим? Зачем не работаем?

Пребывая в хорошем настроении, я еще не понимал, почему половина работ на стройке встала.

– Закройте дверь, молодой человек. Дует.

Меня сей меланхоличный ответ насторожил, потому как первый раз видел этого веселого живчика в таком упадническом состоянии. Оказывается, нет бензина. Нигде.

– Вы представляете, – говорил пухлый начальник, трагически закатывая глаза, – даже мне, мне – Зусману, не удалось достать жалкой цистерны топлива! Говорят, в лучшем случае только через два дня.

Во, блин, косяк! Похоже, назревает встреча с местной бюрократией. Ну, держитесь, чинуши государственные! Взяв у Семеныча координаты точки добычи бензина, поехал туда сам. Препятствий в виде секретарш и прочих референтов я не встретил. Даже странно как-то. Целый начальник нефтебазы, а доступ к нему свободный. Может, на обед все свалили? Хотя и время не обеденное. Поэтому, постучав в дверь, просто вошел. За столом сидел худой мужик с серыми кругами под глазами и что-то писал. На директора он не тянул. Вид несолидный, нет барственной искры во взоре.

– Проходи, садись, – сказал мужик, отложил ручку и устало потер глаза. – Только если ты за бензином, то сразу скажу – нет. Даже если у тебя накладные самим наркомом подписаны. Слили все насухо. Только через два дня обещают.

Директор встал из-за стола и, хромая, подошел к сейфу, на котором стоял графин. Потом еще раз посмотрел на застывшего посетителя и добавил:

– Или ты по другому вопросу? Чего молчишь, старшой?

М-да… Я ехал на эту нефтебазу, рассчитывая помахать шашкой, нагнуть вороватого начальника, вытрясти из него необходимое и гордо вернуться на стройку. Сработали современные стереотипы – если госслужащий, то обязательно барыга. Этот на чиновника в моем понимании не походил совсем. Боевой запал исчез сам собой. Пришлось объясниться и отвалить не солоно хлебавши. Было на пару секунд искушение, чисто из хвастовства, показать мою бумагу, подписанную не каким-то там бензиновым наркомом, а самыми страшными людьми государства. Но этот мужик ее бы точно не испугался. Удивился бы, и все. И горючки от такой демонстрации не добавится. Поэтому понты кидать не стал, а просто, попрощавшись, вышел из кабинета.

Делать было совершенно нечего, поэтому, отпустив машину, я пошел прогуляться по городу. Забрел даже на местную барахолку. Размахом она совершенно не поражала. То ли дело у нас – толкучки занимают десятки квадратных километров. А здесь так себе – очень жалкое подобие. И торговали действительно барахлом. Какими-то патефонными иголками, самодельными свечками, картинами в облупившихся рамах, керосином в бутылках из-под лимонада, ношеной одеждой, в общем, туфтой разной. Пока щелкал клювом, бродя меж людей и разглядывая барахольные развалы, у меня захотели стырить… уж не знаю даже чего. Этот карман шинели точно был пустой и даже с дыркой. Вот через эту дырку я и сунул деньги в галифе, расплатившись за покупку массивного серебряного портсигара. Поэтому, когда почувствовал легкое шевеление, прихватил в кармане шаловливую ручку, резко повернулся, придавив пальцы ворюги еще сильнее и беря их на излом.

– Уй-уй-уй! – фальцетом завопил тщедушный штымп, приседая на корточки.

Подцепив его пальцами за косточку возле глаза и нижнюю челюсть, отпустил вывернутую руку и замер, соображая, что же дальше с ним делать. Был бы подросток, можно было дать подзатыльник и отпустить. Но это не пацан, и теперь я пребывал в некоторой растерянности.

– Э-э-э! Командир! Ты зачем инвалида обижаешь?

Мельком оглядев перекошенную от захвата морду карманника и не найдя на нем никаких признаков инвалидности, кроме разве что умственной, повернулся к говорившему.

Оба-на! Типичные братаны разлива сороковых годов. Широкие штаны, заправленные в сапоги, разболтанная походочка, распальцовка, и у каждого на шее кашне. «Уголки», в количестве трех штук, подвалили ближе. Один из них, одетый в довольно приличное пальто, худой и явно резкий, сверкнув фиксой, продолжил базар:

– Ты чо, глухой? Быстро, бля…

Договорить он не успел.

– Что здесь происходит?

Ну вот и местные стражи порядка. Шустро как подвалили. Наши обычно появляются только пострадавших забрать и бумаги составить, а эти, как джинны из бутылки, в секунду материализовались. Радетели инвалидов также в момент исчезли в толпе.

– Да вот, сам смотри, сержант. Ворюгу поймал.

Мент, мельком оглядев сморщенную физиономию карманника, расплылся в улыбке:

– Сазон, ты ли это? Тебе ж еще лет пять сидеть оставалось. Или побегать решил?

И уже обращаясь ко мне:

– Спасибо, товарищ старший лейтенант! Помогли нам. У вас время сейчас будет с нами пройти и этого субчика оформить?

Ни фига себе! Времени у меня вагон, но вот интересно, а если бы я сказал, что сейчас не могу? Попросили бы прийти в удобное время? А этот хмырь загорал бы на нарах в ожидании, когда у меня появится настроение на него показания давать? В таком вот духе и спросил у сержанта.

– Конечно, – удивленно взглянув на меня, ответил тот. – Вы командир Красной Армии, у вас своих дел может быть по горло. Чего ж вам под какого-то урку подстраиваться?

Охренеть. Я от такого оборота заколдобился напрочь. Вот это сервис! Находясь под впечатлением от милицейского обхождения, сходил с ребятами в ментовку. Там оформили задержанного, а меня еще и чаем напоили. Посидели, поболтали с дежурным. Он пожаловался, что у них много народу на фронт забрали, а бандиты, это почуяв, совсем оборзели. Глотая чуть подкрашенный кипяток, сочувственно кивал и думал, как получилось, что такие нормальные пацаны через жалкие сорок—пятьдесят лет выродятся в полных ушлепков? Такое впечатление, что разговариваю не с русским ментом, а как минимум с английским бобби. Такому даже в голову не придет крышевать бабок на рынке или получать мзду от местного ворья.

Когда вышел от гостеприимных стражей порядка, совсем стемнело. Машину я отпустил до завтра, поэтому потопал по ночным улочкам пехом. До гостиницы оставалось квартала три, когда за спиной услышал шаги и меня окликнули:

– Эй, военный! Не подскажешь, как на Советскую пройти?

Оглянувшись, увидел догоняющего меня мужичка. Может, я и глючу, но подходящий ко мне явно был из местных фартовых. Характерная походочка, нагловатая морда, только что пальцы не гнул на манер современных братков. Ну, по мне так лучше перебдеть, чем наутро мою холодную и ограбленную тушку найдут в канаве. Поэтому, повернувшись боком и не теряя его из виду, вытянул руку, показывая направление и медленно протянул:

– М-м-м… это там вроде вон…

Закончить не успел. В руке у вопрошавшего блеснул нож, и эта паскуда попробовал меня им в печень ткнуть! Угу… Плавали – знаем! От резкого удара локтем в переносицу мужик охнул и выронил нож. И в тот же момент из подворотни выскочила знакомая троица. Вот ведь неугомонные. Они меня, выходит, всю дорогу пасли. Интересно – что теперь предложат? Я эти натуры знаю. Им сейчас просто так резать меня не интересно. Им поговорить надо сначала. Поглумиться малость и только потом кишки выпустить. И действительно, фиксатый, держа меня на мушке вытертого нагана и кривя губы, процедил:

– Ну что, сука? Тебе ведь по-хорошему предлагали кипеж не поднимать. А теперь мой кореш у легавых сидит. За такое отвечать надо.

Пока он толкал речь, остальные двое, поигрывая ножами, приблизились почти вплотную. Эх, урки! Как говорил один персонаж вестерна, хочешь стрелять – стреляй, но не надо долго болтать. Я ведь тоже – вовсе не супермен. Пули зубами ловить не могу. Стрельнул бы бандюган из переулка, я ведь его даже не видел, и всех делов. Но дешевые понты, как всегда, подвели криминальный элемент. Резко уйдя с линии прицеливания и прикрывшись орлом в шикарном малахае, влепил тому кулаком в горло. Фиксатый среагировал на удивление быстро, успев всадить две пули в своего кореша, которым я прикрывался. Больше он палить не стал. Да и тяжело вести огонь с финкой в глазу. С пяти шагов я даже в темноте не промахиваюсь. Последнему бы ноги сделать. Но он, видно, еще ситуацию не просек, поэтому попробовал наскочить на шуструю жертву, размахивая ножом и вопя что-то матерное. Ну, как хочешь… Оставлять его в живых я не собирался. И так война идет, а тут еще всякая погань воздух портить будет…

Оглядев живописно раскинувшиеся тела, вытащил свежекупленный портсигар и с удовольствием закурил. Интересно, на этот раз сколько времени ментов ждать придется? В общем, сигарету выкурить не успел. Пяти минут не прошло, как по улице послышался топот бегущих ног.

– Кто стрелял? – спросил высокий младший лейтенант, подходя ко мне и окидывая место побоища заинтересованным взглядом. Его напарники грамотно держали улицу. Двое с винтовками проскочили до переулка, откуда вылез фиксатый с шоблой, а автоматчик сдвинул оружие так, чтобы в любой момент открыть огонь.

– Вон тот стрелял. У которого нож из глаза торчит. Напали, ограбить видно хотели, да не получилось.

Младшой проверил мои документы и, повосхищавшись подготовкой, послал человека за машиной. А меня отпустили! Да еще и поблагодарили! Нет. Сегодня я испытал шок еще круче, чем при попадании в это время. Просто представил себе картину: возвращается офицер (в нашем будущем, разумеется) домой. На него в темном переулке налетает местная гопота. Офицер их всех валит, может, даже из табельного оружия, и, дождавшись ментов, которые его еще и благодарят, спокойно идет дальше пить чай с плюшками. Ё-мое! И какое время теперь считать мрачным прошлым, а какое светлым будущим?! Да у нас офицеру проще было самому застрелиться, чем потом его за массовое убийство опустили бы на всех уровнях, выперли из армии и пожизненный срок на сладкое сунули. Я отлично помнил случай, когда беременная деваха пристрелила из ружья грабителя, впершегося к ней в дом. Дали три года, учитывая беременность и что она дома была, а не по улице с ружьем бегала… Вот сука! Ну когда у нас все поменялось? Ведь сейчас и менты нормальные. И чиновники, не скажу душевные, но хоть с пониманием относящиеся. И закон работает так, как надо, а не раком, как в моем светлом, блин, будущем!

Придя в номер, еще долго ворочался на кровати. Уснуть никак не получалось. Все сравнивал и сравнивал. Какие, в жопу, массовые репрессии?!. У меня вообще, геноцид в полный рост идет, а по телику педрилы песни голосят по всем каналам. Народ мрет так, что никакому Сталину и в страшном сне не снилось, а нам американосовские подсиралы лапшу вешают, мол, покайтесь, покайтесь в своем мрачном прошлом. У-у-у, суки! Сон вообще пропал. Встал, взял папиросы и закурил, сев на маленький диванчик. Сейчас бы водки выпить, может, тогда отпустит? Зараза! Никогда не был любителем пития, а теперь вдруг захотелось. Только уже под утро, сидя на этом самом диванчике, удалось закемарить…

Наутро встал злой и невыспавшийся. Еще и серая хмарь за окном не прибавляла настроения. Опять пошел снег, да еще с ветром. В моей хипповой комсоставской шинели задубел, пока дошел до столовой. И чего, дурак, полушубок не взял? Таскаться не хотелось, а теперь вот ходи, мерзни. В столовке народу было немного, и я сразу обратил внимание на трех парней в морской форме. Интересно, что мореманы тут, в степи, забыли? Видно, тоже командированные. Взяв пожрать, уселся за соседний столик и машинально, в пол-уха, стал слушать их треп. Парни весело ржали, а один из них, видно продолжая начатый разговор, травил о своих приключениях в Америке. Он туда в транспортном конвое ходил.

Рассказывал, что там о нашей войне народ толком и не знает. То есть портовые-то в курсе, кому и зачем грузы идут, а в городе, где он был в увольнении, люди о войне в основном и не слышали. Говорил, что их кока-кола – это типа нашего лимонада, только слишком сладкая, а вот американки, мордально, очень даже ничего. Видел негров, которые вовсе не выглядели угнетенными, а работали наравне со всеми в порту. Тут я даже несколько удивился. С ума сойти, оказывается негры в середине XX века еще и работали, а не сидели поголовно на пособии, как это происходило в конце того же века! Потом пошли обычные байки о похождениях за границей. Рассказывал, как они с солдатами из частей сопровождения грузов скорефанились. Говорил смешно, с прибаутками. Тут я на секунду перестал жевать, потому что услышал:

– А сержант их в таком открытом квадратном вездеходе сидел. Так он взял с сиденья маленькую рацию, вот не соврать, чуть больше телефонной трубки и сказал, чтобы еще пять упаковок привезли.

Мореманы опять заржали, а я даже жевать перестал. На секунду подумалось, что американос по сотовому говорил. Причем ведь сначала даже внимания не обратил на упоминание о телефоне. Секундой позже дошло – какая на фиг сотка?! А потом я чуть и не подавился. Рация! Как там ее, уоки-токи? Нет, они позже пошли. А эта вроде как называлась «хенди-токи». Во всех штатовских фильмах про войну обязательно присутствует эта труба, похожая на накачанную стероидами телефонную трубку. И радиус действия у нее солидный. Километров на десять точно берет. Блин! По такой вот рации в каждую роту хотя бы, насколько проще руководить войсками было бы! А еще лучше в каждый взвод. На фронте связь и карты значат не меньше, чем танковая дивизия, заначенная в резерве. Навидался я этой связи – что радийной, что линейной, – по самое не могу. Когда надо – она всегда отсутствует. Если линейная – то или осколками посечена, или изоляция нарушена и сигнал не проходит. Если радийная, то или помехи, или вообще не работает. Хотя тут, конечно, от подготовки радиста зависит. Тот же Мишка Северов, к которому я в госпиталь ездил, за рацией следил, как за невестой. Но таких, как он – шарящих в аппаратуре, – очень мало. В основном только и могут, что горестно взывать к эфиру:

– Дуб! Дуб! Я – Тормоз! Ответьте! Прием!

Да и громоздкие слишком эти ящики. Много с ними не побегаешь. А эта американская ходилка-говорилка – самое то! Я одно время даже вспоминал о такой рации, но думал, их только к концу войны изобретут. А если они уже есть – это другое дело! Теперь с начальства не слезу, пока в войска такие рации не пойдут. Пусть или у штатовцев закупают, или по лицензии здесь делают, или вообще тырят принципиальную схему, дополняют нашими ноу-хау и выпускают как свой – чисто советский, брендовый продукт. А то на фронте ходят дивизии кругами, орут в свой испорченный телефон и воюют по глобусу, потому как и карт нормальных тоже нет. Хотя что там – нормальных! Часто одна карта только у командира полка есть. Остальные ее перерисовывают, каждый в силу своего художественного таланта. У немцев, к слову сказать, с картами тоже не лучше. Используют размноженные карты еще немецкого генштаба, кайзеровских времен. Но у фрицев их хоть читать умеют. Наш же Ванька-взводный после трех месяцев училища только и может, что «ура» крикнуть и людей поднять в атаку. Поэтому и продолжительность жизни у советского командира взвода в среднем три дня. Чему за три месяца вообще можно научить? Всех кадровых положили в самоубийственных встречных атаках начала войны, вот теперь щеглов, сразу после десятилетки – в училище и на фронт. Ему только-только восемнадцать стукнуло. Какое там чтение карты? Какое тактическое планирование? Уже нормально, если лево-право не путает и по-русски понимает. Вот и суют таких, без связи и с самодельными картами, в которых черт ногу сломит, немцев бить. Хотя те, кто выживает, – бьют еще как! А с нормальной связью, что могут эти рации обеспечить, еще лучше бить будут. Решено! Я не я буду, если эти средства связи в нужных количествах не выбью!

Настроение заметно улучшилось и, доев завтрак, вышел покурить на улицу. Снег все так же шел, но зато ветер прекратился и вроде даже потеплело. Идти на стройку не было

никакой охоты, поэтому решил пробраться в цеха, где изготавливали ПТР. Была у меня насчет него одна задумка. Сначала, конечно, зашел к режимщикам. Главным там был целый майор НКВД. Точнее, полное звание было – старший майор НКВД.

Все-таки прикольные у нас сейчас чины существуют. Майор, насколько я помню, – это и так старший. А тут вроде старший вдвойне. Нет, чтобы просто подполковником обозвать, обязательно с выпендроном нужно. Хотя по армейским знакам различия он соответствует генерал-лейтенанту. Так вот, этот дважды старший меня сначала построил и послал. И тут наступил момент триумфа. С элегантной небрежностью я продемонстрировал свою грозную бумагу. Ей-богу, чувствовал себя Атосом, показывающим подобный документ кардиналу. Майор стразу стал сама любезность. Выскочив из-за стола, проявил личную готовность сопровождать меня в экскурсии по заводу и оказывать, так сказать, всяческое содействие. Извинившись и оставив меня на пять минут, супермайор после возвращения пригласил следовать за ним. Прогулявшись по цеху, с интересом посмотрел на процесс изготовления оружия. Захватывающие зрелище! Потом наметил будущую жертву. Жертва была крепким стариканом с седыми усами и солидным видом, к которому периодически подбегали за консультацией пацаны – фэзэушники. Дождавшись, когда очередной вопрошающий свалит, я подошел со своей просьбой.

А желание у меня было не запредельное. Хотел заполучить себе такое ружье в эксклюзивном, так сказать, исполнении. Дедок сначала покачал головой и выразил сомнение, но старший майор лично сбегал за главным инженером, и дело потихоньку пошло. Инженер сначала тоже задумался, но под пристальным взглядом особиста выразил готовность сотворить, что я у него просил. Только вот, конечно, не завтра.

– Завтра мне оно и не нужно. У вас еще недели две есть. Понятно, что такие изменения сразу не сделаешь. Тем более место крепления оптики я сам еще не готов показать. Ну и разумеется, сверхурочная работа будет простимулирована.

Тут все на меня так руками замахали, как будто я предложил Троцкого откопать и подселить в мавзолей. Ну, как хотите. Мое дело предложить. Попрощавшись с мастеровыми и разлюбезным майором, поскакал на барахолку. Во время моего прошлого визита я там хорошо пообщался с одним пенсионером. Он торговал театральными бинокликами, лупами, лампами для керосинок. Среди прочей мелочевки увидев подзорную трубу, я удивленно поинтересовался ее происхождением. Оказывается, этот старик сам ее сделал. И корпус, и линзы. Ну ладно корпус, это фигня, но линзы! До этого даже не предполагал, что на дому можно делать оптику! Правда, в процессе разговора выяснилось, что дедок не сами линзы изготовлял, а увлекаясь астрономией, просто имел большой их запас на дому. Вот сейчас я и шел к этому мастеру со своим важным и доходным для него заказом. Дед поначалу тоже пробовал брыкаться, но когда была озвучена сумма, покряхтев, согласился.

– Только слышь, служивый, я это дней десять делать буду, не меньше.

– Папаша, какой базар! Только чтоб качественно было и крепко. И еще – за скорость, если что, доплачу премиальные.

Оптических дел мастер еще покряхтел, а потом неожиданно попросил у меня документы. Вот те номер. Интересно, он меня за кого принял? Я продемонстрировал свое офицерское удостоверение, и бдительный старикан вроде упокоился. Договорившись, что подойду через неделю, узнать, как дела, с легким сердцем поехал на стройку к гранатометчикам.

Теперь дни полетели веселее. На заводе, где выпускали ПТР, стал вообще своим человеком. Каждый день приходил посмотреть, как продвигается изготовление моего заказа. Усатый дедок подошел к делу творчески и внес несколько предложений, до которых я сам не додумался. Одобрив такой подход, выбил по линии ОРСа доппаек всем принимавшим участие лицам. Народ был очень доволен. Правильно – голод не тетка, а на карточки особенно не разгуляешься. Через шесть дней пошел к изготовителю оптики. Мастер, увидев меня, обрадовался, но при этом странно косил в сторону. Заказ этот стахановец уже сделал, и я с удовольствием разглядывал мощный, качественно изготовленный оптический прицел.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант!

Обернувшись, увидел за спиной знакомого мента – сержанта.

– О! Привет, служба! Ну, как дела? Карманников на своем участке всех вывел?

– Да они как тараканы, одних выловишь – десять появятся. Только я по другому делу. В прошлый раз вы один протокол не подписали, поэтому можете с нами пройти, подпись поставить?

Странно как-то смотрит этот мент. Вроде и шутит, но глаза холодные, без смешинки. И напарники его стоят интересно. Как будто просто рядышком, но я-то вижу, что куда ни дернусь, они меня в момент блокируют. И шинелька ментовская на том, что справа, большевата будет. Как будто с чужого плеча. Интересное дело.

– Конечно, не затруднит, сейчас вот с продавцом расплачусь, и пойдем.

Когда сунул руку за деньгами, отследил, как напряглись менты. Да за кого же они меня тут держат? В прошлый раз так душевно пообщались, а сейчас смотрят, как Ленин на буржуазию. Отдав деду деньги и, как обещал, накинув за срочность, пошел конвоируемый, по-другому это не назовешь, в сторону знакомого отделения. Только в него вошли, меня крепко ухватили за руки, а сержант ловко забрал из кобуры пистолет. Я брыкаться не стал, ожидая продолжения. В виде продолжения обыскали и забрали документы. Тут на сцене появилось еще одно лицо в форме капитана НКВД. Окинув всех критическим взглядом, он приказал провести задержанного в комнату для допросов. Ну, блин, чем дальше, тем веселее. Я уже задержанный. Капитан уселся за стол и, кашлянув, спросил простуженным голосом:

– Товарищ старший лейтенант, потрудитесь объяснить, зачем вам нужен оптический прицел?

Тю! А я-то уж думал! Хоть и не особо опасался с самого начала, но дышать все равно стало легче. Прищурив глаза и глядя на гебешника особым чекистским взглядом, которому научился у ребят-особистов, задал встречный вопрос:

– С какой целью интересуетесь?

Капитан не повелся на такую подначку. Вдохнув, он сказал:

– Лейтенант, не придуривайтесь, а отвечайте на вопрос. Вы понимаете, чем это пахнет?

Сразу почему-то вспомнилось гоблиновское «Вот и в воздухе чем-то запахло».

Я цыкнул зубом и, не отвечая на риторический вопрос, попросил:

– Командир, ты вон на ту бумагу посмотри. Да вот эту, что в самом низу лежит.

Капитан открыл мощный документ и начал читать. Вот железный мужик. Только щекой дернул, даже лицом не взбледнул. Потом поднял на меня глаза и несколько секунд удивленно разглядывал. Видно, приняв какое-то решение и приказав охранять задержанного, быстро слинял минут на десять. Звонить, наверное, побежал. Вернулся уже с моим пистолетом и весь смущенно улыбающийся.

– Прошу извинить, товарищ старший лейтенант. Недоразумение вышло. Вот ваше оружие.

Пока я распихивал ксивы по карманам, кэп, все так же смущенно покашливая, объяснял:

– Ну сами посудите. Михаил Федорович, это у которого вы прицел заказывали, сразу к нам пришел. Его подозрение взяло – зачем командиру из НКВД оптический прицел? Если по службе – тогда почему у него заказывает? Нам эти подозрения показались логичными, вот так и получилось.

– Ага. Вы меня за немецкого шпиона приняли, который любимую снайперку профукал и теперь судорожно пытается восстановить подотчетное оружие?

Гебешник опять дернул щекой, видно, оправдываться ему приходилось нечасто.

– Ну, конечно, несколько утрировано, но подозрения были.

– Ладно, капитан, замнем! Единственно, совет хочу дать.

Он заинтересованно повернулся ко мне.

– У вон того, длинного, шинель милицейская не по размеру. Вроде мелочь, но в глаза бросилось. И взглядами они уж очень сверлят. Настоящий шпион моментом бы просек, что

тут нечисто. Спокойней надо быть и не фиксировать напряженно объект, а расфокусировать зрение немного. Тогда никто не насторожится, и они не только задержанного, но и что вокруг твориться, в поле зрения держать будут. И самое главное – вот это, – я выдернул нож, висящий между лопаток, и крутанул его перед глазами капитана, – они упустили.

Гебешник сначала рефлекторно отшатнулся, а потом заинтересованно спросил:

– В ножнах на спине висел?

И после моего кивка продолжил:

– Ну, я им устрою банный день. Хотя, с другой стороны, молодые, только учатся. И скажу – в общем, нормально у ребят получается. А тебе, старшой, – капитан улыбнулся и подмигнул, – спасибо за науку. Обязательно учту.

Распрощавшись с капитаном и крайне смущенными ментами, я поскакал на завод, грея громоздкий прицел за пазухой.

На проходной стоял дым коромыслом. Народ бегал, вопил, подбрасывал в воздух шапки и обнимался. Что тут происходит? Наши кубок УЕФА выиграли? Спросил пробегающего мужика с сияющей мордой, что случилось.

– Да ты что, парень! Не слышал? По радио передали – наши под Москвой в наступление перешли!! Немцы панически отступают! Большие потери гитлеровских войск!

Мужик, видимо, криком цитировал Левитана. Потом так же бессвязно что-то вопя, побежал дальше. Вона как получилось. Ну нынче Виссарионыч на коне будет. Теперь главное, чтоб он мои слова про будущую летнюю жопу мимо ушей не пропустил. А то загордится от побед и посчитает себя гениальным военачальником. Хотя, насколько его смог узнать, мужик он вдумчивый и мимо ушей не пропускает ничего. Вообще интересно получается, что я раньше знал про него? Ну был такой руководитель государства, который помог Жукову войну выиграть. Еще очень глухо говорили про культ личности. В учебнике истории про это – буквально пару строк. А вот году в девяностом, или даже немного раньше, как с цепи сорвались – кровавый тиран! Мировое пугало! Людоед! В тайных планах держал – весь мир захватить и чтобы ему христианских младенцев на ужин подавали, с легкой поджаристой корочкой. Или младенцев не ему, а Берии? Не помню уже. А в реальности я офигел от мощи этого человека. Столько информации в башке держать, это же уму непостижимо! Он ведь всех людей, с которыми только мельком встречался, помнит по имени-отчеству и вообще это за какое-либо достижение не считает! И решения принимает только предварительно выслушав специалистов. Причем разных и лучших. Потом только, вдумчиво переварив советы, выдает приказ. И не дай бог этот приказ не выполнят. Я ведь Брежнева и не помню – маленький был. Когда Горбач был, политикой не интересовался, а кто ею интересуется в девятнадцать лет? Зато Борю застал во всем великолепии. Помню, как он раздавал указы, на которые все забивали большой и толстый. Помню, что было мучительно стыдно, когда по телику показывали, как он Масхадова принимал. Тогда еще подумал – звиздец стране, если бандит может ТАК с руководителем государства говорить. Попробовал бы кто так говорить со Сталиным. Да никому даже в голову бы не пришло, что встреча на подобном уровне вообще может состояться. А даже если б и состоялась, то башку оборзевшего боевика, увенчанную папахой, вынесли из кабинета отдельно от тела. Представив себе картинку наезжающего на Виссарионыча бандита, я даже хихикнул и, пройдя на завод, пошел искать своего мастера-оружейника…

Глава 7

– Не пихайся!

– Осторожнее, братва, подходим!

– Наконец эта болтанка закончится.

– Тихо-то как, может, на берегу никого нет?

– А кто тебе нужен? Оркестр с цветами?

– Куда ты со своей железякой прешь?

Это уже мне. Квадратный краснофлотец, у которого «дегтярь», висящий поперек груди, смотрелся небольшой игрушкой, отодвинул меня в сторону. Баркас, стуча мотором, подошел почти к самому пирсу.

– Давай, давай! В темпе, мужики!

Повинуясь команде, все горохом посыпались на причал. Я, таща на горбу два ящика с патронами и в каждой руке по стволу, тяжело пробежал до конца пирса и сопя присел на песок, дожидаясь своих. Они тоже груженные, как лошади, рысили сзади. Было слышно, как в темноте кто-то споткнулся и налетевший на него от души выматерился. Ну вот и высадились. Блин! В Крыму зимой мне еще бывать не доводилось, все больше летом на отдых ездил. А сейчас в свете звезд холоднющее море действительно казалось черным. Наконец все собрались, и сопровождающий повел нас показывать место расположения. Вообще мы должны были встать при штабе 44-й армии генерал-майора Первушина, но потом что-то переигралось и теперь нас вели в штаб 9-й горнострелковой дивизии. Дошли, покидали амуницию и, пока радисты копошились со своими ящиками, двинули разведать обстановку. А обстановка была как на базаре. Народ бегал толпами, разгружая транспорты. В воздухе густо висел ор и мат. Свежеприбывшие части, построившись, шустро уматывали в сторону. Натужно ревели груженые ГАЗы и ЗИСы. В общем, шла обычная высадка войск. Вообще это, конечно, было круто! Первый раз за всю войну наши начали проводить такую мощную десантную операцию. И этот первый блин не вышел комом. Высадившиеся в Керчи и Феодосии войска так дали фрицам по сопатке, что те, полностью охренев от сверхнаглости русских, драпали, бросая личные вещи и народное немецкое достояние в виде техники и вооружения. Правда, в начале гитлеровцы плотно держались за Керченский полуостров, но после высадки наших в Феодосии, то есть у них в тылу, не выдержали и рванули так, что аж рубашки завивались.

Жалко только, самое интересное, то есть непосредственно десант, я пропустил. В то время в Москве опять встречался с ви́сокими руководящими товарищами. Сталин ходил гоголем и выглядел именинником. Ну еще бы! Первая реальная крупная победа. Блицкригу капут и контуженому Адольфу светит позиционная война. То есть то, чего он больше всего боялся. Хотя поначалу, для порядка, усатый вождь на меня наехал:

– Товарищ Лисов, вас что, за ногу к столу надо привязывать? И постоянно смотреть, чтобы вы опять фортель какой-нибудь не выкинули? Вас же, считай, с фронта на курорт отправили. Отдохнуть, отоспаться. Но не банды ловить и на месте их расстреливать! Если бы вы тогда погибли, это была бы очень глупая смерть.

Правда, я видел, что Сталин злится не всерьез, поэтому нахально ответил:

– Иосиф Виссарионович. Все под контролем было. Что б какая-то шушера советского диверсанта завалила – проще представить, что Черчилль похудел в одночасье. Из них никто дернуться даже не успел. Все за пару секунд уже лежали.

Вождь пыхнул дымом и, смеясь, сказал, что скорее земля остановится, чем этот английский боров похудеет. А потом затребовал подробностей ижевского мочилова.

Пока я рассказывал, Виссарионыч внимательно слушал, иногда от избытка чувств ударяя себя по колену рукой.

– А потом я попрощался с милицией и пошел в гостиницу спать…

Разведя руками и сделав невинную физиономию, я показал, что рассказ закончен.

– Молодэц! Все бы так действовали, у нас бандитами через пару месяцев бы и не пахло!

Сталин прошелся по кабинету, улыбаясь каким-то своим мыслям и покачивая головой. Н-да… Настроение у него, похоже, стало совсем фестивальное. Под эту лавочку на ура прошли мои предложения по рациям. Я с удивлением узнал, что даже у нас были подобные. РРУ-2 назывались, но после потери завода на Украине, где выпускали кварцы, производство остановилось. Теперь будут закупать и рации и кварцы у америкосов, плюс создавать свое. Оказывается, один из наших отпущенных инженеров-сидельцев разработал и предложил идею с частотной модуляцией, а вместо кварцев использовать какие-то керамические детали его же изобретения. И фиг немцы ее частоты отсканируют. Рация его конструкции получится

еще меньше, и радиус действия увеличится. Так что мои слова упали на уже подготовленную почву. Сидя у верховного, я все думал, как бы потоньше намекнуть на то, чем закончится наше победоносное наступление, если будем зарываться. Но не успел, Сталин меня опередил. Он сказал, типа наступление наших войск развивается успешно, но вот при потере Крыма может быть кирдык, и немцы нанесут удар с юга на Кавказ, к нефтяным скважинам. Что его штабисты просчитали ситуацию, и теперь для нас очень важным становится захват и удержание полуострова. Поэтому нашу группу перекидывают на это направление. Руководить же всем этим действом будет генерал Горбатов, которого перевели в Севастополь вместо погибшего под бомбежкой Козлова.

Вот так ни хренаськи себе! В моей истории Горбатовым там и не пахло. И Козлов вовсе не был распылен бомбами, а благополучно, на пару с Мехлисом, просрал Крым. Горбатов же был очень толковым командиром. Оттарабанив свои три года на Колыме, не только не сломался и не растерял последние мозги, а наоборот, будучи оправданным по всем статьям, гонял фрицев в хвост и в гриву. Опять получаются нестыковки с известной мне историей… Теперь уже всерьез стал задумываться, насколько моих знаний хватит, если они уже сейчас так сбоят? Тем быстрее надо про Харьков докладывать. Не откладывая в долгий ящик, попробовал вякнуть про возможную будущую катастрофу, если безостановочно на Украину попрем. Сталин меня выслушал и сказал, что обязательно это будет учтено при дальнейшем планировании.

А на следующий день, в самом Кремле, пожилой мужичок с козлиной бородкой, по фамилии Калинин, вручал мне орден Красного Знамени. Это они за отражение танковой атаки меня так решили облагодетельствовать. Награждаемых было много, и процедура затянулась. Отметив это дело халявным банкетом, через три дня был уже у своих, и теперь вот прибыл в Крым.

Несколько дней мы осматривались, а потом пошла плотная работа. Честно говоря, этот летний курорт зимой мне совсем не понравился. Было сыро и постоянно дуло. Еще и наши, продвинувшись километров на пятнадцать, уперлись в деревню Владиславовку, где румыны организовали мощный узел обороны. Мамалыжники держались на удивление хорошо. Ну правильно, в плен ведь их наши морпехи не берут. Ребята в черных бушлатах отрывались на румынах за их зверства, которые те творили при наступлении в Крыму и под Одессой. Даже фрицы были удивлены такой кровожадностью союзников. Эти соседи молдаван, не блистая особенно на военном поприще, активно выполняли полицейские функции, ударными темпами уничтожая пленных и мирное население. Только вот татар крымских не трогали. Те с немцами были вась-вась и крутили свои дела, часто помогая румынам в их нелегком деле тотального геноцида.

Сегодня мы уже принесли сведения и языка Колычеву, поэтому, располагая свободным временем, собрался испытать в деле свое чудо-ружье. Серегу или Пучкова с собой не звал. Я эту фузею в сложенном виде один свободно таскаю. Поэтому, сделав ручкой отдыхающим мужикам, пошел ловить попутку. Словил быстро. Боец на замызганной полуторке согласился подкинуть почти до передовой. Он как раз боеприпасы в третий батальон вез. А во втором батальоне у меня организовался знакомый снайпер. Игорь Капин, из потомственных браконьеров. Это я его так, когда уже скентовались, прикалывал… На самом деле он на Алтае в охотничьей артели состоял. С ним еще на Большой Земле познакомились. Парень всего два месяца воюет, а уже восемнадцать фрицев положил. Подтвержденных. И чем особо гордится – двух снайперов. Вот к нему в гости и собираюсь.

Грузовик во время езды дергался как припадочный. Непонятно, то ли бензин херовый, то ли карбюратору амбец скоро. Думал, не доедем. Но вот за поворотом показались дома поселка. Попрощавшись с говорливым водилой, пошел искать Игоря. Когда его нашел, он как раз заканчивал к комбезу ленточки маскировочные пришивать.

– Привет охотникам! В швеи переквалифицировался?

Капин белозубо сверкнул улыбкой в ответ и протянул руку.

– Ты же сам предложил ленточки нашить. Вот теперь и попробую, как оно получится.

Снега-то все равно нет. Вот эти нашел, вроде нормально по цвету подходят.

Я посмотрел на распущенные в лапшу куски мешковины и, кивнув головой, сказал:

– Ладно, бросай свое рукоделие и пошли. Ты место приглядел?

Игорь аккуратно воткнул иголку в моток ниток и, с хрустом потянувшись, ответил:

– А как же? Там сарай есть, удобно стоящий. Вот у него на чердаке и расположимся. Единственно, что думаю – не далеко ли от передовой получается?

– Ну, придем да посмотрим!

Снайпер захватил две плащ-палатки, и мы двинули к этому сараю. Стоял он действительно неплохо. До вражеских позиций было с километр. Самое то. Никому в голову не придет, что тут снайпер может себе лежку оборудовать. И для НП он низковат. Так что никто на него внимания не обратит. На всякий случай прячась за плетнями, нырнули в сарай и поднялись на чердак. Ну, чердак – это, конечно, громко сказано, но что-то типа второго этажа в этой хибаре было. Я начал собирать свою пушку, а Игорь расстелил на досках намоченный брезент. Это чтоб пожара ненароком не сделать и пылью от выстрела свое местонахождение не выдать. Уже пристегивая на место прицел, хранимый мной в жестком кожаном чехле, и выверяя его по меткам, услышал, как Капин, наблюдающий за вражьими позициями, удовлетворенно сказал:

– Ага! А вот и офицерик появился.

– Где?

Я тоже достал бинокль.

– Вон там, возле дома с розочками на ставнях. В бинокль смотрит.

– Вижу.

Сунув патрон в патронник, припал к ПТР. Через его оптику было видно еще лучше, чем в восьмикратный бинокль. Поле зрения только меньше получилось. Затаив дыхание, потянул спусковой крючок. БАХ! Выстрел в закрытом помещении сильно стеганул по ушам. Блин! Надо было в уши затычки сделать. Потерев ушибленное, несмотря на двойную пружину в прикладе, плечо, опять посмотрел в прицел. Вот блин, промазал! Правда, румын даже и не понял, что в него стреляют, и продолжал оглядывать наши позиции. Ну, вторая попытка. На этот раз целился метра на два выше него и, учитывая легкий ветерок, почти на метр в сторону. БАХ! Прилипнув к прицелу, пытался отыскать мамалыжника. Свалил он, что ли? Ух ты! Если и свалил, то только частично… Офицера не обнаружил, зато разглядел оторванную руку, лежащую возле валуна и до сих пор сжимавшую бинокль.

– Ни хрена себе!

Игорь пораженно крутил головой. Он-то все в свой артиллеристский восьмикратник от начала до конца видел.

– Ты его из своей дуры почти напополам разорвал! И на таком расстоянии!

– Могем, блин. Не зря же я ее сюда тащил!

Снайпер загорелся испробовать новинку сам и без особых трудов пощипал пулеметный расчет, который метров на сто ближе уполовиненного офицера, решил поменять позицию. М-да…все-таки постоянная практика в стрельбе по удаленным целям дает о себе знать. Я бы так не смог.

– Вот это вещь! А оптика-то какая! Все как на ладони видно. Цейсовская?

Капин, радуясь как ребенок, вопросительно посмотрел на меня.

– Самопальная. Дедок один супербдительный сварганил. А вообще эта хреновина, по задумке, не столько снайперская, сколько антиснайперская. Вражьи снайперы ничего и видеть не будут, а тебе главное его засечь. И хана гансу. Причем можно даже после каждого выстрела позицию не менять. Никому в голову не придет тебя на таком расстоянии выискивать. Только на приклад нужно хоть подушку приладить, что ли, а то лягается больно.

Потом мы постреляли еще немного. Ухлопали унтера, связиста и уполовинили расчет орудия во главе с офицером, которые сначала пытались спрятаться за щиток орудия и даже сразу не поняли, что его наша пуля прошивает влегкую. Мы долбали наугад сквозь щит и, похоже, зацепили еще одного. Когда до оставшихся дошло, что дело швах, они сыпанули от

своей пушечки, как тараканы. Нам оставалось только на это смотреть… По шустро движущейся мишени, да на таком расстоянии, никто работать бы не смог.

Так что испытания можно считать прошедшими успешно. Когда я собрал в чехол ПТР, Игорь вдруг стал очень официальным.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

Очень удивившись, спросил у него:

– Тебя что, выстрелами контузило? Или просто с глузду зьихал, как Ничипоренко выражается?

– Товарищ старший лейтенант, Илья, одолжите мне это ружье на время. Вы не волнуйтесь, я за ним следить буду лучше, чем за собственным! У вас же задачи совершенно другие, а я из него противника как белок щелкать буду. Хоть на неделю… Пожалуйста…

У просящего снайпера был такой уморительный вид, что я даже засмеялся.

– Бери. Только прицел береги.

– Да я… Да пуще глаза…

– Ладно, проехали. Потом расскажешь, сколько из него намолотил.

Отдав ружье и чехол с прицелом совершенно счастливому Капину, двинул искать транспорт для дороги обратно. Игорь меня провожал, всю дорогу рассказывая, как он будет ухаживать за оружием. Потом, уже уезжая, видел, как он порысил на позицию, которой мы отвели роль запасной. Видно, не настрелялся еще, хотя и у него, и у меня от этой пальбы на плече был здоровенный синяк.

* * *

А еще через несколько дней Колычев поставил нам интересную задачу.

– В общем так, товарищи. Вам предстоит совершить поиск и взять языка, я подчеркиваю, нужного языка, в глубоком тылу у немцев. Постарайтесь, нам нужен штабной, как минимум, дивизионного уровня. Ну и заодно сами посмотрите, что там и как.

Иван Петрович устало оглядел нашу троицу и добавил:

– Это личная просьба генерала Горбатова. Немцы перегруппировывают войска для удара по Севастополю, а разведка ничего не может выяснить. С нашего направления, возможно, уходят части, а куда они уходят и где будут скапливаться, сказать невозможно. А им на смену, по непроверенным данным вот-вот подойдет 170-я пехотная дивизия немцев. В 44-й армии на проверке этих сведений потеряли уже пять групп разведчиков.

Гусев, удивленно присвистнув, спросил:

– Немцы что, егерей сюда перевели, или у нас в штабах шпион завелся?

– Нет, все проще и хуже. Два разведчика смогли вернуться и рассказали, что, во всяком случае, их – перестреляли местные. Тут до самого Джанкоя татарские поселения. И крымские татары активно сотрудничают с немцами. Не все, конечно, но предателей очень много. Служат проводниками у врага, сдают им наши отряды партизанские, охотятся за окруженцами. Сволочи!

Полковник стукнул кулаком по столу, потом, расстегнув воротник гимнастерки и закурив, более спокойно продолжал:

– Можно было бы вас самолетом подальше завезти, но нет никаких гарантий, что вы и там не напоретесь на этих гадов. Да и местность там все больше степная. Даже уйти некуда будет, если прижмут. Думали к партизанам скинуть, но вчера отряд Борисова не вышел на связь. Похоже, их тоже накрыли.

У меня, пока слушал монолог полковника, появилась идея.

– Иван Петрович, а если мы в немецкой форме пойдем? Гусев по-немецки, как по-русски, болтает, да и я с Пучковым за это время в языке поднатаскались. Вряд ли татары будут в тонкости произношения вникать. Разживемся на той стороне транспортом и, как белые люди, с комфортом дня за два-три все сделаем.

Колычев задумчиво крутил карандаш, молча глядя на карту, а потом решился:

– Хорошо, я дам распоряжение. Форму и оружие вам подберут, а вы готовьтесь. Сегодня в ночь выходите.

Серега, в форме гауптмана, с железным крестом и медалью за французскую кампанию, смотрелся очень импозантно. Лехе досталась унтер-офицерская роба, а я стал рядовым вермахта, на мундире у которого были две нашивки за ранения и ленточка креста боевых заслуг второго класса с мечами. То есть смотрелись солидно и должны были внушать доверие. Во всяком случае, на первый взгляд. Второго взгляда постараемся не допускать, ибо чревато. Полковник, вышедший нас проводить, окинул всех взглядом и, когда уже попрощались, сказал:

– Хоть я в него и не верю, но – с Богом, мужики!

И мы, занырнув в кузов полуторки, покатили к линии фронта.

* * *

– Уй, бля-а-а!

– Леха, что там? Зацепило?

Я не мог оторваться от руля и только потому, что Пучков вскрикнул и пулемет замолчал, понял, что проблем у нас прибавилось. Но через пару секунд MG-34 опять замолотил короткими очередями.

– Нормально, старшой! Руку чуть царапнуло! – проорал Пучков, пытаясь перекричать шум мотора и грохот очередей. Серега, видно, опять потерял сознание, и теперь, оглянувшись, я увидел, что он съехал между сиденьями и его замотанная бинтами голова бьется на кочках о заднюю дверцу. А на рукаве у Лешки, чуть ниже плеча, расплывается красное пятно. Зараза, блин! Похоже, приехали. Что-то надо делать, и быстро.

– Леха, бросай пулемет и быстро за руль! Я сейчас выскочу, а вы быстро дальше валите!

– Товарищ старший лейтенант, вместе уйдем! Не надо оставаться!

– Ты что, бля, рядовой, приказа не понял?! Марш за руль!

Дав по тормозам, выскочил из машины и, пока Пучков занимал мое место, подхватил пулемет и побежал к здоровому валуну возле обочины. Машина, газанув, рванула вперед, а я, плюхнувшись возле камня и поправив ленту, приготовился встречать преследователей. Хорошо еще, что дорога шла, петляя между скал, и мою высадку фрицы не могли увидеть. Минуты через полторы они появились. Впереди цугом неслись три мотоцикла. Выцелив первого, дал короткую очередь, а потом длинно лупанул по остальным. Вот это другое дело! Это не со скачущей машины стрелять! Один байк на всей скорости влепился в скалу, второй, резко вильнув, свалился в глубокий обрыв, что шел за обочиной. А третьему, видно, попало в бензобак, потому что он эффектно рванул и, перевернувшись набок, проехал по инерции еще метров двадцать, где и остался лежать, чадя горящим бензином. Остальные поклонники быстрой езды, шустро сообразив, в чем дело, спешились за поворотом и принялись густо поливать мой валун пулями. Ну, это надолго. Если сейчас не подстрелят, то я до приезда отставшего БТРа их тут удержу. А там как повернется. Против немецкого колесно-гусеничного гроба у меня есть два аргумента в виде противотанковых гранат. Так что, если повезет, может быть, и его урою. Только вот куда потом самому деваться? В обрыв сигать – это верный кирдык. Если сразу ноги не переломаю, то меня сверху добьют. По скале выскочить тоже не выйдет. Я же не Карлссон, пропеллера сзади не имею, а тут не всякий скалолаз справится, да и фрицы клювом щелкать не будут. В момент дырок наделают.

А ведь как все хорошо начиналось…

* * *

Без проблем перейдя линию фронта, мы ночью проскочили километров двадцать, в глубь полуострова. Отдохнув и оглядевшись, уже днем вышли на дорогу. Там стояла

разбитая полуторка. Но все повреждения на ней были со стороны, обращенной к полю. С дороги она смотрелась более или менее целой. Вот мы и встали возле нее – типа этот трофей только что сломался. Дорогу в оба конца было видно хорошо, поэтому торчали там безбоязненно. В случае чего можно было укрыться в придорожных кустах. Что мы два раза и делали. Один раз, когда ехали два тентованных грузовика – хрен его знает, что у них там в кузове, может, солдаты? А второй раз даже жалко было упускать. Легковушка, прям как на заказ, в сопровождении мотоциклиста. Явно какой-то чин катил. Но в это время с другой стороны дороги показалась колонна, и мы только проводили лакомый кусочек жадными глазами. Часа через два наконец повезло. Четверо немцев на двух байках остановились по взмаху руки орденоносного Гусева. Трюк с поломанной машиной сработал. Фрицы до последнего ничего не заподозрили, и мы с двух сторон за считанные секунды накрошили их в капусту. Один мотоцикл запихнули в кусты, предварительно перелив из него бензин. На второй взгромоздились сами и с ветерком покатили по пыльной дороге к далеким холмам, виднеющимся на горизонте. Рыскали почти до вечера. С одной стороны, нам везло – никто не останавливал, а с другой – никак не получалось найти заказанного языка. Вечером уже заехали в небольшой татарский аул. Там все резко обрадовались. Глава местного самоуправления лично вышел встречать доблестного офицера вермахта. Я выступал в роли знающего немного русский язык и поэтому служил переводчиком. Главный аульный баскарма, путая русские и татарские слова, говорил о неземном счастье видеть у себя таких бравых солдат-освободителей. И очень сожалел о столь редких появлениях у него в поселке немецких солдат. Человек двадцать мужиков, вооруженных кто чем и представленных как отряд помощи полиции, радостно скалились и все норовили двумя руками, с полупоклоном пожать руку Сереге. Потом главный пригласил нас к себе в дом и там, в перерывах между поглощениями разных вкусняшек, преподнес Гусеву поднос, на котором лежала целая куча красноармейских книжек. Это, как он объяснил, были документы тех бойцов, которые имели неосторожность появиться вблизи поселения и были пущены под нож храбрыми помощниками нового режима. Серега, скаля зубы в улыбке, потрепал главного бая по щеке. Тот размяк, как барышня, и приказал принести еще пожрать. Блин. Я на какую-то секунду испугался, думая, что майор не выдержит и свернет шею гостеприимному хозяину. Но он сдержался и после сытного ужина нас наконец оставили в покое и уложили спать. Наутро, снабдив кучей вкусностей на дорогу, вышли провожать всем аулом.

– Суки! Суки! Всех под корень! Ни одна падла не уйдет! – рычал Гусев, когда мы отъехали от поселка. Он, сидя в люльке, крутил в руках полевую сумку, распухшую от красноармейских книжек, и крыл матом местное население.

Минут через десять мне это надоело, и я сказал:

– Слушай, Серега, а ты не задумывался, почему они на немцев работают? Может, им наши хуже немцев были. Может, настолько херово обращались, что они фрицев за освободителей считают?

Майор аж взвился:

– Какое там, херово обращались! Так же, как и со всеми остальными! Не хуже!

– Вот о чем я и говорю…

Гусев сначала меня не понял, а потом надолго задумался. Разговорчик, конечно, был очень скользкий, но я уже давно полностью доверял как Сереге, так и Лехе. Так что мог говорить без опаски. Хотя внутренне был согласен с командиром. Этот менталитет не переделать. Даже если б их Советская власть в жопу целовала, они все равно бы нас прирезать норовили при каждом удобном случае.

А уже после обеда наткнулись на жирного леща. Было на удивление тепло, и он катил перед нами в открытой машине, блестя на солнце оберст-лейтенантскими погонами. Подполковник по-нашему. Один, что называется, и без охраны. Водитель и летёха при нем – не в счет. Мы для проверки подъехали поближе и убедились, что глаза нас не обманывают. А вот теперь, пока на дороге пусто – в темпе! В пару слов выработали план действий, и я повел мотоцикл на обгон. Получилось как в кино. В тот момент, когда байк поровнялся с машиной,

Гусев и Лешка разом перемахнули в нее, за секунду вырубив пассажиров на заднем сиденье. Пока водила соображал, к чему такие нарушения ПДД, Серега влепил ему по кумполу и остановил автомобиль. Мужики упаковывали трофеи, а я, сняв с мотоцикла пулемет, закинул его в машину. Потом сел за руль и покатил в сторону жидкой рощицы, виднеющейся между холмами. Пока пленные валялись без сознания, мы их обыскали и получили жестокий облом. Подполковник, гад такой, оказался, оберштабсцалмайстером. Сейчас уже и петлицы разглядели. Действительно – финансист. Бухгалтер сраный! И в ящике железном, который Пучков монтировкой вскрыл, была куча рейхсмарок. Получку этот хмырь в части вез, судя по всему. Я, пребывая в полном расстройстве, сунул две пачки в карман. Машинально, наверное. Тут главный бухгалтер очухался и повел себя странно. Вместо того чтобы пугаться и колоться, он сразу сунулся к лейтенанту. Подпол, несмотря на связанные руки, бодал летёху головой и все называл его по имени. М-да. А с этим офицериком мы, похоже, переборщили. Голова лейтенанта безвольно болталась на свернутой шее. Из причитаний второго немца я понял, что это его сын. Даже не по себе как-то стало. Прямо-таки сцена семейного горя. От завываний фрица мы немного растерялись. А оберст, сообразив, что сынок-то помер, вдруг зарычал и, вывернувшись всем телом, выдернул из заднего кармана маленький пистолет. Бах! Бах! Бах! Я прыгнул двумя ногами вперед, валя бешеного папашу, пока он кого-нибудь не подстрелил. Когда поднялся, понял, что поздно среагировал. Гусев медленно заваливался назад, и лицо у него было все в крови.

– Серега, куда он попал? Ты не молчи, не молчи!

Но майор молчал. Я видел, как из-под волос ручьем бежит кровь. И на груди расплывается кровавое пятно.

– Пакет! Быстро!

Пучков сунул мне в руку индпакет, и я начал осматривать голову Гусева. Похоже, ему повезло. Пуля только большой клок кожи сбоку содрала. Ну и сотрясение мозга, само собой, заполучил. А вот с дыркой в груди было хуже. Гораздо хуже. Пулька ушла внутрь и непонятно, что она там натворила. Выходного отверстия не было, да и не могло быть, если из такой пукалки стрелять. Пока я бинтовал грудь, Леха обрабатывал голову. Замотав майора, как мумию, поднялся и подошел к немцу. Что-то мне не понравилось, как он лежал. Фриц уставился в небо раскрытыми глазами и не мигал. Приподняв его, чуть не расплакался от обиды. Ну надо же было так упасть! Немец приземлился затылком на чуть торчащую из земли верхушку валуна. И амбец. Причем всему амбец. И нашему поиску в том числе. Может, это и в корне неправильно, но жизнь Сереги для меня была важнее судьбы всего Крымского фронта. Поэтому, приняв решение свернуть поиск, грохнул до кучи водителя, и, загрузив раненого в машину, мы поехали к дороге. На душе было муторно. Гусев, симулянт нехороший, так и не приходил в сознание. Первый раз с нами такой облом приключился. И как Серега, при своем-то опыте, пистолет у фрица пропустил, ума не приложу. Наверное, полковничьи погоны немца его в заблуждение ввели. Не ожидал от такой шишки подляны. Ничего, пока все живы – все нормально, вот доставим майора к нашим и с Лехой еще раз сбегаем по языкам. Но, видно, что сегодня был точно не наш день. Минут через двадцать нарвались на передвижной пост фельдполиции. А ведь вчера ими и не пахло! Эти падлы прям как гаишники, сидят в кустах и выскакивают в самый неподходящий момент. Немецких гибэдэдэшников мы положили, но у них там оказалось гнездо. За нами ломанулась целая толпа, и вот теперь я имею то, что имею.

Фьють! Фьють! Возле уха опять свистнуло, я перекатился и на карачках шустро рванул на другую сторону валуна. Зараза! Штаны на коленях уже совсем изорвал от этих перемещений по придорожной щебенке… Фрицы как раз высунулись посмотреть, чего это вражий стрелок примолк, и пришлось загнать их назад неэкономной очередью. Звяк! Я с сожалением посмотрел на пустую ленту, выпавшую с пулемета. М-да. Отвоевался… Блин! Как-то все быстро закончилось. Даже БТР не успел подъехать. Конечно, у меня еще осталась пара гранат и пистолет, не считая ножей. Но из этого только подорваться или застрелиться. Ни того ни другого пока не хотелось. Выкинув пистолет в кусты, избавился и от ножей. Их

было жалко, но, справившись с жадностью, запулил оба своих тесака вслед за стволом. Оставил только крохотный, с кольцом вместо ручки, в надежде, что его не найдут. Потом размахнулся и, кинув пулемет на середину дороги, завопил:

– Эй, фрицы! Ком цу мир! Их капитулирен! – И уже тише добавил: – Не ссы, брюхоногие, не обижу…

Немчура посчитала мое выступление гнусной провокацией и не высовывала нос из-за скалы. Минут пять стояла тишина, нарушаемая только шумом приближающегося движка. Ветерок сдул запах пороха, и теперь вокруг пахло степью, сыростью и нагретым камнем. В наступившей тишине слышалось, как какая-то пернатая звонко чвиркала из кустов. Помирать расхотелось категорически, и, опасаясь, что с приездом техники фрицы меня уже особо слушать не будут, осторожно высунулся из-за валуна. Сразу не стрельнули, уже хорошо… Подняв руки, выпрямился во весь рост. Шинель осталась в машине, и теперь я медленно поворачивался, показывая себя со всех сторон, чтобы наблюдающие за мной немцы увидели, что у меня нет для них сюрприза в виде гранаты, воткнутой… ну, куда-нибудь. Торчал как тополь на Плющихе, минуты две. Даже начал опасаться, что они на меня просто не смотрят. Потом самый смелый ганс наконец высунул морду из камней. Держа на мушке, осторожно, семенящими шажками, стал приближаться. В это время поднялось еще человек шесть его кентов. Эти тоже целились в мою оборванную тушку, как во врага народа. Через несколько секунд к самому смелому присоединился унтер с пистолетом. Внимательно оглядев меня шагов с пяти, он наконец подошел ближе и в темпе охлопал по карманам и по туловищу. Отступив на шаг, он кивнул первому, и тот, гадский папа, засветил прикладом мне в живот, а когда я согнулся, добавил по башке. Ткнувшись носом в каменистую дорогу, думал, что на этом экзекуция закончится. Куда там! Как у Высоцкого было: «Целый взвод меня бил, аж два раза устал…»

Пинали с усердием, пыхтением и подбадривающими криками, а я совсем не брыкался, только прикрывал наиболее для меня ценные части организма. Только когда уже в третий раз с размаху попали по голове – отрубился.

Очнулся в кузове скачущей по проселку машины. Руки связаны, ребра болят, один глаз не видит вообще – заплыл напрочь. Пощупав во рту осколки нескольких зубов, выплюнул их вместе с кровавой тягучей слюной. Сидящий на лавочке фриц, видя это, весело заржал и, наступив на голову, ткнул меня мордой в кровавую кашицу на дне кузова.

– Генрих, перестань, а то не довезем.

Глянув зрячим глазом в сторону второго и оценив его габариты, подумал – хорошо еще этот по мне не топчется. Немец был здоров, как лось. Размер сапога, торчащего возле моего носа, наводил на грустные размышления. Тем временем мы продолжали катить по длиннющей крымской степи. Машину сильно трясло и лежать на дне кузова было неуютно. Правда, мысли устроиться поудобнее я отмел как оппортунистические. И так все болит, а начну копошиться, еще и на орехи добавят. Через час грузовик, взрыкнув напоследок мотором, наконец остановился. Гнусный Генрих, ткнув меня ногой, рявкнул:

– Эй, Иван! Давай, выходи!

Я с самым несчастным видом, кряхтя и охая, вывалился из кузова, восхищаясь сам себе, насколько хорошо стал понимать немецкий. Правда, пока как тот узбек – все понимаю, сказать не могу, но это явный прогресс по сравнению с летом прошлого года. Пока ворочался на земле, пытаясь встать на ноги, шестеро фрицев, попрыгав следом, пинками и тычками придали мне направление в сторону большой мазанки. Вообще, все вокруг было похоже на зажиточный хутор. Штук пять домиков, несколько больших сараев и масса деревьев. Пахло, как и положено пахнуть в деревне. Подгоняемый резвящимися охранниками, взлетел по крыльцу и очередной раз приложился головой. На этот раз о дверь, что вызвало приступ хохота у немчуры. Ну, это понять можно. Отходняки у них после боя. Живые остались, да еще и пленного отловили, чего ж не радоваться? В мазанке меня уже ждали. Сухой, подтянутый обер-лейтенант с вытянутым крысиным лицом и какой-то хмырь, явно из местных. Причем этот хмырь был настолько похож на Сталлоне, что я, раззявив рот,

потрясенно вылупился на него, за что заполучил еще раз по почкам от вездесущего Генриха. Пунктуальные солдаты выложили на стол перед обером все, что натырили у меня по карманам. Включая пачки денег, инстинктивно заныканные мной у денежного языка. Потом все очистили помещение. Остались только лейтенант, переводчик и двое конвоиров. А после этого начался допрос. Сталлоне был за переводчика. Переводил он, правда, своеобразно. Через каждые несколько фраз обязательно добавлял от себя хвалу Гитлеру-эфенди. Вот же хорек – липкие лапки! Ты еще офицера в задний карман лобзни, для полного счастья. Смотреть на лебезящего Рембо было неприятно. Еще очень сильно затекли руки, туго стянутые веревкой. А беседа с фрицами текла своим чередом… В начале допроса я несколько покочевряжился, за что был слегка бит. И вот теперь просто горел желанием сотрудничать с властями.

– Господин лейтенант! Я хоть и в войсковой разведке служу, но советскую власть тоже воспринимаю с трудом. Если вы сохраните мне жизнь, то готов еще предоставить очень важные сведения, по поводу готовящегося наступления под Севастополем.

Крысообразный фриц сначала отнесся к моим словам скептически, но я вешал лапшу в лучших традициях. Вроде бы узнал об этом случайно, когда ходил к земляку-связисту в штаб. Там, мол, стенки в здании тонкие, и пока земляк ходил за закуской, услышал разговор двух наших командиров. Правда, точную дату не знаю, но зато они называли направления. И если доблестный офицер Германии гарантирует оставить мне жизнь, то я готов показать на карте, где это все будет происходить. М-да… Размазывая слезы и сопли, рассказывал о массе детей, остающихся без кормильца. О том, как злобные командиры выпихнули меня из машины, чтобы я прикрывал их отход, угрожая в противном случае, если сразу сдамся, уничтожить семью. Обер глядел на меня с брезгливостью, но потом расстелил на столе карту и приказал развязать. Так кажется, что в общей паскудности пойманного меня, его больше всего убедили бабки, в количестве двух пачек, лежащие на столе. Про них пришлось тоже рассказать. Как мое начальство захватило в плен полковника с деньгами, и как он геройски отстреливался. Правда, ни в кого не попал и был сам убит. Нет, нет! Не мной! Его застрелил командир группы. А потом мы нашли деньги, и командир забрал их себе. Я только чуть-чуть успел незаметно взять… Когда мурашки в руках перестали бегать бешеными бизонами и я смог держать карандаш, мы склонились над картой. Только начал обрисовывать план вымышленного наступления, как во дворе послышался шум мотора. Потом там взлетел гомон голосов, затихший после команды «Смирно!».

Через минуту в дверях картинно появился высокий фриц в генеральском мундире. Все сразу вытянулись. Обер вообще аж приподнялся на носочках в порыве служебного рвения. Я на всякий случай тоже встал смирно, не зная, чего можно ожидать от этого чина. И откуда он здесь, на обычной базе фельдполиции, мог появиться? Генерал с деловым видом принял доклад лейтенанта, а потом заинтересовался мной. Крысомордый объяснил, мол, это русский разведчик. Взят в бою и обладает ценными сведениями. Летеха, изгибаясь, указал чину на карту. Тот, подойдя к столу, напялил монокль, и пару минут разглядывал карандашные линии. Потом фыркнул, сказав что-то вроде:

– Какая чушь!

И выпрямившись, подошел к окну. Постоял, покачиваясь с пятки на носок, а потом, повернувшись к обер-лейтенанту, приказал меня упаковать заново. Дескать, заберет пойманного разведчика с собой. Обер отдал приказ, и со связанными руками я опять был запихнут, на этот раз в броневик, стоящий во дворе. Потом, когда БТР дозаправили и солдаты набрали воды в канистры, мы крохотным кортежем покатили по степи. Впереди генерал на белом коне, то есть на крытой легковушке, а за ним броник с охраной. Снова пришлось сидеть на холодном полу, потому как на сиденье не пустили. Солдаты в количестве шести человек сначала пялились на меня, а потом завели разговор. Говорили, как и все армейцы, о доме, о бабах и о жратве. Вспоминали какого-то Гельмута, который обожрался консервированными сливами и теперь дристал дальше, чем видел. О том, что среди татарок попадаются довольно симпатичные, правда, совершенно дикие бабы, но

украинки все равно лучше. Говорили о хорошей природе Крыма и о том, как замечательно было бы здесь получить себе надел на побережье после войны. Сидя тихой мышкой в углу и выглядя совершенно сломленным, я допиливал метательным ножом остатки веревки. Этот самый ножичек – с кольцом вместо ручки, у меня так и не нашли. Да и мудрено было его нащупать в брючном шве. Тем более на заднице. Ну, не совсем, правда, на заднице, чуть выше, но обыскивающий меня его пропустил, забрав только брезентовый ремешок штанов, который прикрывал нож. Ехали уже минут двадцать, когда я допилил веревку и теперь ждал, пока руки обретут чувствительность. Вообще чувствовал себя на удивление хорошо. После дневных побоев другой бы пластом лежал, а у меня даже глаз заплывший открылся. Все-таки классная вещь – повышенная регенерация. Пошевелив плечами, подумал, что ждать дальше – стремно. Опять ведь можем до какой-нибудь фрицевской части доехать. И снова начнутся приставания местных контрразведчиков. Оно мне надо?..

Ну, начнем, пожалуй! Я выдохнул сквозь сжатые зубы и, не вставая, нижним хватом метнул нож в дальнего фрица. На возврате руки въехал локтем в нос ближнему. Потом, качнувшись на коленях, пробил кулаком в горло еще одному. Только тут оставшиеся трое начали слегка шевелиться. Один хотел влепить мне прикладом, но не преуспел. Перехватив винтарь, я перенаправил его удар, и приклад влетел в голову автоматчику, сидевшему напротив. Дернув оружие обратно, стволом ткнул в глаз его хозяину. Тот моментально отвлекся, прижав руки к поврежденному месту и упав на пол. А вот на последнего пришлось прыгать из очень неудобного положения. Этот гад уже был готов к стрельбе, и его автомат смотрел в мою сторону, правда, сильно подпрыгивая вместе с БТР на кочках. Блин! Впервые, пока летел к последнему автоматчику, лично увидел эффект растянутого времени. Видел, как собачка под его побелевшим пальцем продавливается, видел расширившиеся глаза и прыгающие губы немца. Кажется, увидел даже пулю, вылетающую из ствола, и тут все кончилось. По лопатке как плетью стегнуло, а я врезался в последнего фрица, и мы брякнулись вместе, возле заднего борта. Не обращая внимания на боль в спине, двумя ударами добил стрелка и повернулся к водителю. Тот сидел, уронив голову на руль. Похоже, что пуля, царапнув по мне, досталась шоферу. Вот ведь как бывает. Считай, подфартило. Хмырь за рулем был в моем плане самым слабым местом… Добив по пути ганса, держащегося за глаз, в два прыжка подскочил к водиле. Готовченко. Даже контрольного делать не надо. Все мозги на стекле перед ним. А БТР как шел так и шел, по прямой.

Со словами: «А куда он на хрен, из колеи денется?» я перевалил труп назад и, усевшись на его место, поддал газу. Легковушка успела уйти метров на семьдесят. Там, похоже, короткой очереди, чуть не прибившей меня, не услышали и продолжали катить как ни в чем не бывало. Как бы ее тормознуть? Там ведь кроме генерала только его адъютант и шофер. Можно, конечно, без затей остановиться и лупануть из пулемета. Загвоздка в том, что я не видел, где сидит генерал. Если исходить из армейских замашек, то старший машины сидит рядом с водителем. Но это же целый генерал. Обычно они сидят по-барски – сзади. Где же он, гад, расположился?! Ошибиться очень не хотелось. На фиг мне нужен еще один высокопоставленный труп? И соображать надо быстрее… Толком ничего не надумав, я начал давить на клаксон. Гудеть пришлось где-то с минуту, прежде чем легковушка начала сбавлять ход. Вот и славненько! Слегка обогнав ее, я в боковую амбразуру увидел генерала, сидящего на заднем сиденье. Вот и славно, трам-пам-пам! Из «люгера», добытого у заваленного мною унтера, в два выстрела оставил генерала в одиночестве. Несмотря на возраст, этот фриц оказался очень резвым. Мигом сообразив, что дело запахло жареным, он достал пистолет и начал стрелять в ответ. Я, периодически высовываясь из БТРа, поощрял генерала к быстрому расходу патронов, считая про себя выстрелы. Пять, шесть. Уй, блин! Чуть не попал – ворошиловский стрелок! Пуля пройдя впритирку к голове, шевельнула волосы. Семь, восемь! Работаем!

Вымахнув из-за укрытия, я пузом проехал по крыше машины и, брякнувшись на землю, распахнул дверь с противоположной стороны. Очень вовремя. Реактивный лампасник уже вгонял в пистолет новую обойму. Нырнув в салон и ухватив руку со стволом, бережно,

можно даже сказать, нежно пригладил фрица кулаком по лбу. Бил очень осторожно, много ли старичку надо? Правда, на старичка немец совершенно не тянул, но, на всякий случай, тут же проверил пульс у обмякшего генерала. Фу-у-ух! Живехонек, родимый! Прислушиваясь, нет ли машин на дороге, связал ценного языка. Потом галопом заскочил в БТР и отогнал его метров на пятьдесят за кучу камней. Вернувшись к машине, оценил маскировку. Поганенько, конечно, но сразу в глаза не бросается. Бросив на заднее сиденье пулемет, извлеченный из бронированного гроба, перетащил фрица вперед, по пути выкинув тела водилы и адъютанта в придорожные чахлые кустики. А вот теперь ходу!..

Полчаса – полет нормальный! За это время успел умотать с места захвата километров на двадцать. Уже совсем стемнело, и пришлось включить фары. Светили они препогано. Мало того, что были синего цвета, так еще и заклеены черной бумагой, с узкой прорезью. Ну да фиг с ним! Главное свалить удалось! С фестивальным настроением я катил в сторону побережья. Там скалы, там лес, если что – хрен найдут. Катил и от избытка чувств пел:

То неслись, то плелись, то трусили рысцой,
И болотную слизь конь швырял мне в лицо.
Только я проглочу вместе с грязью слюну,
Штофу горло скручу и опять затяну…

К этому времени пленный очнулся и теперь пялился на меня. Ну гляди, гляди. Для надежности еще в самом начале я его и к креслу примотал, так что теперь нежданной пакости не будет. Повернувшись к фрицу и оскалившись во весь свой уже щербатый рот, пропел прямо в его испуганно отпрянувшую физиономию:

Очи черные, как любил я вас.
Но прикончил я то, что впрок припас,
Головой тряхнул, чтоб слетела блажь,
И вокруг взглянул и присвистнул аж!

Блин! Увлекся и чуть не слетел с дороги. Судя по выпученным глазам генерала, Высоцкий и мой стиль вождения произвел на него неизгладимое впечатление. Во всяком случае, сидит, не дергаясь и не вякая. А еще через час дорога стала – полный отстой. Тут только на лошади, наверное, рассекали до меня. Не дорога, а просто направление. Но зато отчетливо пахнет морем. Выскочив за очередной поворот, чуть не сверзился с крутизны. Пародия на грунтовку кончилась, и вниз вела еле заметная в свете фар тропинка. Я вылез из машины и пошел разведать путь. Если проехать вверх еще метров сто по прямой, то там вообще обрыв прямо в море. А вот если по тропинке, то непонятно где она заканчивается. Не видно – темно слишком. Но показалось, что внизу мелькнул какой-то огонек. Не электрический, а как от свечки – красноватый. Интересно, кто тут сидит? Про татар-рыболовов я не слышал, остается предположить, что это все-таки русский поселок. Хотя никакого поселка вообще-то тоже не видно… Ладно, будем посмотреть. Проехав до края утеса, остановил машину возле обрыва. Здесь у нас будет конечная. Вытащив из машины генерала, я его стреножил и полез за портфелем, в который до этого еще не удосужился взглянуть. Так, что тут у нас? Карты в большом количестве, несколько запечатанных пакетов и мешочек. Ух ты! В мешочке лежали отобранные у меня вещи. Даже бабки щепетильные фельдполицаи себе не оставили. Все деньги тут. Распихав свое по карманам и навьючив на плечо пулемет, снял машину со скорости и начал толкать ее в обрыв. Хорошо пошла! Легковушка булькнула в скалы, торчащие из воды, с лязгом, но без взрыва. Ну да, это только в голливудских фильмах упавшая машина обязательно взрывается, а в жизни фиг там. Просто корежится, и все. Потом, подойдя к сидящему немцу, снял с него фуражку и, смяв ее в кулек, пальцем показал, чтобы он открыл рот. Вот тут лампасника прорвало. Правда, он не вопил, но шипел очень эмоционально, глядя из-под нависших бровей:

– Я генерал Ганс фон Зальмут! И требую обращаться со мной согласно моему званию! Если уж вы взяли меня в плен, то должны знать, что я теперь попадаю под все пункты Женевской конвенции.

Ах ты ж сука! Как наших пленных расстреливать, то ни о какой конвенции не вспоминаете! Видно, у меня сильно выражения лица поменялось, потому что генерал торопливо добавил:

– Я даю честное слово офицера, что не буду кричать или звать на помощь!

Ладно, хрен с тобой. На всякий случай, пригрозил, что если он вякнет, то я его даже не убью. Вырежу язык, выколю глаза и перережу сухожилия на руках и ногах. В таком виде и брошу, а сам свалю. Будет потом поклонник Ницше на одни таблетки работать. У фрица, судя по всему, было хорошее воображение. Побелев, он только кивнул, и мы пошли к тропинке.

Никакого поселка внизу не было. Были только сети на палках возле деревьев и древняя хижина. Вот от нее видно и уловил отсвет. Сейчас там, правда, было темно и тихо. Но только я осторожно подошел к двери, как она раскрылась и перед нами предстал сухощавый дед, с большим носом и черными с сильной проседью волосами. Он держал свечку и спокойно смотрел на нежданных гостей. Потом вздохнул и спросил:

– Вы мимо шли или прямо ко мне направлялись?

– К тебе диду, к тебе.

Дед опять вздохнул:

– Я так и знал… Слишком много было грохоту, чтобы вы просто прошли мимо…

После чего повернулся и зашел в дом. Дверь, однако, не закрыл, и я посчитал это приглашением. Внимательный дедок попался. Видно, услыхал, как машина булькнула с обрыва. Хотя тишина вокруг стоит, только море еле слышно шуршит прибоем, так что это не удивительно. Приготовив на всякий случай пистолет, я пихнул генерала вперед…

* * *

– Ну, может, хоть ма-а-аленькая лодочка есть?

Показав пальцами размеры предполагаемой лодочки, я сморщил просительную физиономию. Уже с полчаса уламывал деда подкинуть нам какое-нибудь водное транспортное средство. Дед не уламывался. Этот старый грек был уперт, как сто китайцев.

– Ну ведь на чем-то ты в море ходишь?!

– Слушай, парень! Я тебе двадцать раз сказал, что лодку немцы реквизировали!

Ага. Так я и поверил, старый козел, что у тебя в заначке ничего не припрятано. И слово-то какое знает – реквизировали… Какой-то он сильно продвинутый для обычного рыбака. Может, с другой стороны подойти? Угрозы я уже пробовал. Просьбы тоже, а если так?

– Хорошо. А предположим мы тебе заплатим. Круто заплатим?

Ха! Глаз грека заинтересованно блеснул, но потом погас. Дед кряхтя встал, потянулся и, набрав кружку воды из ведра, с ехидцей спросил:

– Чем заплатите? Рублями, что ли? Так зачем они мне нужны?

– Валютой, диду, валютой. Марками. Причем не вшивыми оккупационными, а настоящими рейхсмарками. Десять тысяч за один переход.

Грек немного подумал, видно, его терзали какие-то сомнения, и предложил:

– Покажи деньги.

Я продемонстрировал пачку, треща ею в руках. А ведь никакой это не рыбак. Замашки не те. Явно контрабандист, еще из старых, тех, которые, если судить по Багрицкому, таскали с Блистательной Порты коньяк, чулки и презервативы. Правильно, на фига ему рубли нужны. А вот марки в той же Турции на ура идут. И здесь начался торг. Грек торговался не хуже еврея, приводя массу аргументов и плотоядно кося на портфель. Наверное, думал, что он у нас бабками наполнен. Сошлись на двадцати тысячах, но с условием, что он довезет до

нужной точки. Вытащив из портфеля одну из карт, я показал эту точку на ней. Дед бурно возразил и согласился высадить нас только десятью километрами севернее. И деньги запросил вперед. Вот пердун старый, кровосос полосатый! Правда, там все равно уже наши стоят, так что просто дольше прогуляться придется. Контрабандист привел последний аргумент:

– И вам проще будет. Там место глухое, никого не бывает. Десант не высадишь, скалы кругом, поэтому военных нет. Я же бухточку махонькую знаю, тихую, там вас и сброшу… А где ты предлагаешь, всегда народу полно. С переполоху как вдарят по нам с берега, костей не соберем.

Этим он меня убедил, и мы ударили по рукам.

* * *

Шаланды полные ткемали… или кефали ? – А, не важно!

В Одессу Костя приводил,
И все биндюжники вставали…

Хорошо идем. Эта фелюга или шаланда, в общем, лодка под парусом, ходко шла, подгоняемая попутным ветром. Хорошо, что море спокойное, даже зыби почти нет, что большая редкость в это время года. Грек уверенно обращался со своим плавсредством. Правда, как он ориентировался, ума не приложу. Берега не видно, и на звезды старый контрабандист тоже не смотрит. Да и самих звезд почти не видно, небо в частых тучах. Но судя по моему компасу плыли на северо-восток, к нашим. Была глубокая ночь. Шли, наверное, уже часа три, и на мои настойчивые просьбы указать время прибытия дед только посылал в известное место. Оказывается, примета такая есть, как и у водил, – не загадывать. А еще через час лодка ткнулась носом в скалу, торчащую возле берега.

– Приехали, господа хорошие. Выгружайтесь.

На мою претензию, дескать, почему не до берега, старый хрен сказал, что там мелко и лодка может сесть.

– Да не скулите, глубина максимум до колена будет, даже жопу не намочите.

Соврал, прендегаст водоплавающий! Ну, Папасатырас олимпийский, попадешься ты мне еще! Я шел по грудь в холоднющей воде, держа над головой портфель с документами. Впереди меня на веревочке, привязанной к поясу, брел негромко ругающийся немец. Выкарабкавшись на берег, стуча зубами, отжались, и я погнал фрица вперед. Бежали, шли, шли, бежали, пока из кустов нас не окликнули:

– Стой, кто идет!

– Не идет, а бежит! Слушай, царица полей, я пароля не знаю, так что давай в темпе командира зови, а то мы сейчас околеем!

Для начала бдительный матрос, обидевшись на то, что его спутали с пехтурой, уложил нас на холодную землю. Минут через пять подошел сержант. Я к этому времени мог разговаривать только матом. Удивленно поглядывая на лампасы фон Зальмута, нас отвели к особисту. Зайдя в мазанку, в которой располагался особый отдел, с удивлением увидел знакомую еще по Могилеву физиономию.

– Генка, ты?!

– Илья, какими судьбами!

С этим парнем сотоварищи мы ходили добывать памятного майора-связиста. Тогда он старшим сержантом еще был. А теперь уже лейтенант. Начальник особого отдела полка. Растут, однако, люди! Особист завистливо ахал, разглядывая всамделишного немецкого генерала, а потом, договорившись со мной о непременной встрече, дал машину. В штаб 9□й горнострелковой, где мы располагались, приехали уже под утро. Первым делом, подталкивая Зальмута в загривок, рванул в нашу комнату. В сером свете, льющемся из окна, увидел

пустые койки, и аж сердце екнуло. Неужели мужики не добрались?! Но потом под одеялом усек дрыхнувшую тушку. Подскочил, вглядываясь в лицо. Точно – Леха! Тот открыл сонные глаза и уже через секунду взлетел вверх.

– Илья! Вернулся! Живой!

– Ты не ори. Где Гусев?

– Товарищ майор в госпитале. Ему уже операцию сделали. Сказали, все нормально будет. Если без осложнений, то через месяц к нам вернется. Там Колычев такого шороху навел, что Сергея теперь как генерала лечат.

– А сам что – сбежал из госпиталя? – Я сделал суровую морду и нахмурил брови.

– Да у меня пустяки, царапина. Пуля навылет прошла, и кость не задела. На перевязки только ходить надо и все.

Тут Пучков заметил стоящего возле дверей генерала и открыл рот.

– А… А… А это кто?

– Конь в пальто. Давай быстро одевайся и дуй к полковнику. Скажи, Лисов вернулся и языка приволок. Пусть поднимается. Я немца минут через пять в кабинет к нему приведу.

Глядя, как Леха путается в гимнастерке, помог ему одеться – все-таки рука у этого паршивца плохо действовала, и он ускакал. Потом вытряхнув немца из ватника, который ему дали вместо мокрой шинели заботливые мореманы, стал очищать мундир генерала щеткой. Надо же показать товар лицом, а то он в дороге какой-то замызганный стал. Без лоска. Хорошо еще монокль сохранился, вон веревочка от него в карман уходит. С моноклем Зальмут сразу будет смотреться стильно. Я хотел воткнуть эту стекляшку в генеральский глаз, но потом передумал. Он ведь его только для чтения использовал, когда на карту смотрел. Вдруг еще по дороге брякнется сослепу. Еще раз критически оглядев фона, повел его в кабинет Колычева, но довести не успел. Полковник несся мне навстречу, как вспугнутая антилопа, опережая резвого Пучкова шагов на пять. Подбежав, обнял. Потом отстранил на вытянутые руки и опять обнял. Я даже испугался, что наш обычно выдержанный командир сейчас начнет, как Брежнев, целоваться. А я этого не люблю. У меня ориентация совершенно другая. Поэтому, когда Иван Федорович очередной раз отстранился, я встал по стойке смирно и доложил:

– Товарищ полковник! Группа вернулась с задания. Потерь не имеем. Задание выполнено и даже перевыполнено.

С этими словами протянул ему документы фон Зальмута, который во время выражения полковничьих чувств терся сзади. Колычев сразу подобрался. Раскрыв зольдбух, он секунд тридцать смотрел на него, а потом поднял на меня совершенно круглые глаза. Потом посмотрел на генерала и несколько раз вхолостую открыл рот. Кашлянув, сипло спросил:

– Ты понимаешь, кого ты приволок? Ты, рассвистяй везучий, понимаешь кого?! Это же командир 30-го армейского корпуса! Этот случай теперь в историю войдет! Такого же просто не может быть!

Эк его проняло. Не может быть, не может быть… Ты еще настоящей фантастики не видел. Я хихикнул про себя и шутливо ответил:

– Товарищ полковник, я не понимаю ваших претензий. Вы заказывали не ниже дивизионного уровня. Этот вообще корпусного. Точнее говоря, армейского. Извините, Манштейн не встретился, пришлось брать, что было. Я вообще…

Договорить мне не дали. Колычев опять вцепился в меня и попытался-таки лобзнуть, гомосек тайный! Еле вырвался. Тогда он стал подпрыгивать и восторженно вопить:

– Героя! Как минимум! Я не я буду, если тебе Героя за это не выбью!

Интересно, что значит как минимум? У нас ведь выше просто ничего нет? Или заговариваться начал от восторга? Буйным полковника я еще не видел и поэтому опасливо отступил на шаг, отгородившись портфелем. Кстати о портфеле…

– Товарищ полковник, вот еще здесь полный чемодан документов. Карты, пакеты, схемы.

Иван Петрович, похоже, достиг своего потолка в восторгах, поэтому, когда я протянул

ему портфель, он довольно спокойно взял его. Заглянув внутрь, моментально стал, как обычно, очень деловым и, пожав мне руку, приказал отдыхать, а сам с немцем порысил куда-то в недра штаба. По пути только обернулся и приказал:

– Вечером никуда не сбегай. Будем отмечать удачное возвращение.

А вокруг уже вился Леха, выпытывая подробности моих похождений. Пока ребята из хозвзвода грели специально для меня баню, рассказывал Пучкову, что и как было. Потом всласть помылся, поел и пошел в госпиталь к Сереге, благо, день уже вовсю начался.

В госпитале было хорошо. Тепло, светло, но там меня все равно обломили. Точнее, сам обломился. Гусев был еще очень слаб и поэтому спал как сурок. А Иван Петрович, похоже, так накрутил персонал, что на пути в палату я не встретил никаких препятствий. Даже медсестру дали для сопровождения. Но все равно пообщаться не вышло. Поглядев пару минут на замотанную бинтами Серегину башку, будить сладко дрыхнущего товарища не стал, а только положил на тумбочку банку сгущенки и пистолет с подарочной монограммой, отобранный у Зальмута. Пистолет был истинно генеральский – маленький «Маузер HSc». Майору такой сувенир наверняка понравится. Да и не буду же я сутками возле постели дежурить, в ожидании того, когда Гусев говорящим станет. А так ему знак, что я не только вернулся, но еще и при хорошем улове. В виде сувенира еще хотел у Зальмута крест рыцарский отмести с шеи, но генерал лег на него костьми, вцепился руками и брыкался ногами. В общем, по этим тонким намекам понял – добром не отдаст. Да и не сильно нужно было… Вообще с этим командиром корпуса все не так чисто, как хотелось бы. Я, конечно, не знаток истории, но вот про этого фона и еще одного – генерала Гота – передачу видел. Типа, они были ярыми поборниками исполнения «приказа о комиссарах». То есть в их частях стреляли всех пленных политработников, со страшной силой. Наверное, поэтому и запомнил. Но дело не в этом. В той же передаче говорилось, что Зальмута именно в Крыму одолел страшной силы понос. То ли желтуха, то ли дизентерия, в общем, выбило нижний клапан настолько, что он всю Крымскую операцию в госпитале провалялся. А здесь, блин, как огурчик. Опять расхождения с моим временем поперли. Почесав в раздумьях стриженую макушку и не найдя никаких объяснений таким вот фортелям истории, двинул обратно к себе. По пути все отгонял мысль, что один человек, а именно я, во всем этом виноват. Ну, понял бы еще, если б с переполоху ядреную бомбу изобрел и ее году в сорок первом на фрицев скинул. Вот это было бы воздействие! А так ведь, как говорил товарищ Саахов:

– Ничего не сделал – только вошел!

С чего же тогда известную мне историю так колбасит? Даже голова побаливать начала от попыток понять все эти несуразности. Поэтому по приходе завалился спать, а ближе к вечеру пошел искать Колычева. Но он был весь в делах. Иван Петрович и еще несколько наших генералов и полковников вместе с Зальмутом крутились около карты. Похоже, с фрицем достигнут полный консенсус. Вон как идиллически – голова к голове – Колычев с фрицем приникли к столу. Пару минут полюбовался на редкую картину единения офицеров вермахта и Красной Армии. Потом командир на меня шикнул и от греха подальше пришлось оттуда свалить…

Отмечание моего возвращения началось уже поздно ночью. Была целая толпа. Знакомые, малознакомые и вовсе незнакомые чины все норовили похлопать по плечу и поздравить. Наш полковник сиял как самовар, как будто он лично лампасника приволок. Хотя, как командир, имел полное право для радости и гордости за своих подчиненных. В начале застолья меня заставили рассказать о своем последнем поиске. Потом пошли речи и тосты. Но, хотя была чисто мужская компания, народ, что радовало, себе лишнего не позволял. Все было чинно-благородно, но тут, как говорится, неожиданно подали чай. В смысле Леха не рассчитал силы в питии и перевернул здоровенную керосинку. Хорошо еще, там керосина только на донышке было. Получилось неудобно. Вроде как пьяные командиры чуть не сожгли напрочь здание штаба. Но, правда, не сожгли… Вовремя сориентировались и смогли потушить. Только спалили при этом пару одеял, плащ-палатку и попортили новые сапоги Пучкова. Я обжег себе обе руки и, пребывая в крайнем раздражении, разглядывал

волдыри. Гости быстренько разошлись, а в комнате, несмотря на открытые окна, воняло гадостно. И чем-то знакомым. Принюхиваясь, начал ходить кругами, соображая, откуда мне знакома именно эта вонь. И вдруг как по башке ударило – напалмом воняет! Ну, не совсем напалмом, но похоже. Да и не в этом дело! Ё-мое! Здесь ведь только фосфор для заливки по площадям используют. Его и сделать – сложно, и хранить – опасно. А так берешь просто бензин, гудрон и скипидар, и все – смесь готова! Можно для особой прелести еще и серебрянки добавить – вообще пирогель получится! А для поджига всего этого хоть тот же белый фосфор использовать, но уже в крохотных количествах. Я так возбудился, что даже забыл про боль в руках. Протрезвевший во время тушения пожара Леха тем временем, сидя на краешке кровати, виновато посматривал на меня и молчал.

– Подъем, золотая рота! Труба зовет! Давай, собирайся!

Пучков так удивился, что даже приоткрыл рот:

– Куда собирайся, ночь на дворе?

– Ну, здесь спать все равно не получится, вонизма стоит, а у меня идея появилась. Все равно уже подъем скоро – так что пошли к водителям.

Хотя и было немного неудобно, все-таки спят – перебаламутили водил и раздобыли бочку бензина. Сразу же договорились о машине. На трофейном немецком Бюссинге покатили к мореманам. Там разжились битумом и скипидаром. Меня вообще эти ребята поражают. Вот у кого всегда все есть. Блин! Попроси, наверное, колесо от троллейбуса – и то притащат. С другой стороны – бойцы отчаянные. Вроде компанейские, веселые балагуры, а дерутся страшно. И в плен не сдаются. Немчура их до дрожи боится. Особенно когда они в атаку идут. Ну тут бы любой испугался. У них в основном винтовки СВТ да АВС. И тесак на этих винтовках смотрится до охренения страшно. А уж когда в умелых руках, то страшно вдвойне. Так что у фрицев только один шанс спастись бывает – положить морпехов из пулеметов еще на подходе к окопам.

Так, вспоминая пацанов в бескозырках, мы катили в сторону аэродрома. Там у меня есть знакомые летчики-истребители, вот сейчас и будем договариваться об испытаниях. На аэродроме народ уже не спал. Или еще не спал, во всяком случае командир полка вышел посмотреть на ранних гостей.

– Здравия желаю, товарищ майор!

– Здорово, ранняя пташка. Что, опять мириться приехал? Так мы с утра не потребляем, у нас еще работы завались.

Летный майор, парень лет двадцати пяти, в кожаной куртке и с коротко стриженными русыми волосами, улыбаясь, смотрел на меня. Это он намекал на нашу первую встречу. Мы с Гусевым тогда познакомились сначала с официантками. А летуны взревновали. Слово за слово, в общем, когда майор прибежал, человек восемь сидели на земле с обиженным видом и травмами различной степени тяжести. Ну, про травмы я загнул – раскидывали драчунов с крылышками в петлицах очень аккуратно, можно сказать, нежно. Тогда и познакомились. Особист полка нас было попытался взять за цугундер, но его потуги разбились о наши мощные ксивы. Он бы и не дергался, но мы рассекали в бушлатах, под которыми никаких знаков различия видно не было. Так что тогда, обалдело глядя на Гусева, полковой молчи-молчи, впечатленный Серегиным званием, только смог покачать головой и сказать:

– Как же так, товарищи командиры? Как вам не стыдно?

Ну и летный полкач тоже добавил пару ласковых. Нам стало стыдно, поэтому вечером мы взяли канистру и приехали мирится. А потом еще несколько раз приезжали. Уж очень в летной столовой девчонки хороши были. Ну и с ребятами тоже скентовались. Особенно после того, как я очередной раз сплагиатничал у Владимира Семеновича песню. Выдал им под гитару – «Их восемь, нас двое», и летуны поплыли. Их командир – Герасимов – расчувствовался и полез обниматься, а остальные кинулись переписывать слова. А вообще нормальные мужики оказались, много интересного от них узнал. Ну и они от меня тоже. Вот и сейчас, спрыгнув из кабины, я начал рассказывать о своей идее майору. Тот сначала недоверчиво качал головой, но потом решил провести эксперимент. Про то, что работы

завались, – это он загнул, сегодня у них вообще вылетов не было – погода нелетная и поэтому, налив в ведро в нужных пропорциях бензину и скипидару, накрошили туда еще и гудрон. После чего сунули ведро в здоровенную кастрюлю с водой и поставили на огонь. За разговорами время подошло к обеду. Отведав от летчицких щедрот, опять пошли к ведру.

– Вроде готово…

Я, весь в сомнениях, помешивал палочкой густой кисель и соображал, то ли у меня получилось? По всем параметрам должен быть напалм. Хиленький, конечно, но все-таки… Потом летуны пожертвовали маленький термитный шарик, для поджога смеси, и испытание вступило в решающую стадию. Посмотреть собрались все. Даже механики с вечно красными, как у гусей, обмороженными лапками, побросали свои железяки и толклись за спинами летунов, вытягивая шеи. От греха решил жечь не все ведро, а перелить смесь в бутылку. И, как выяснилось, правильно сделал. Вместо мишени была стена разрушенного сарая из ракушечника. Так вот – когда бутылка разбилась о нее и все вспыхнуло, это надо было видеть! Черный, густой дым был такой концентрации, что народ начал разбегаться. И жар соответственный. Хоть и было холодно, ближе метров десяти к стене было подойти невозможно. И это с одной бутылки! Горело довольно долго. Сквозь дым было видно, что огненная клякса очень медленно сползала вниз, к земле. Зрелище впечатляло. Я перемещался вместе со всеми в сторону от ядовитой копоти, но даже кашляя, гордого вида не терял и многозначительно поглядывал в сторону командира полка. Когда все почти погасло и мы сходили умылись, сказал ему:

– Если такую штуку в количестве двухсот литров плеснуть на немцев, пусть даже с вышибающим зарядом в качестве зажигания, то квадратов сто пятьдесят—двести гладенькой и стерилизованной почвы обеспечено. А если туда еще добавить магния и какой-нибудь неорганический окислитель, то кружка этого – я показал на почерневшую стенку – танк прожжет. Даже твой связной кукурузник будет таким страшным оружием, что немцы, только его треск ночью услышав, будут бежать из окопов и блиндажей, теряя подштанники. Потому как ни один блиндаж от напалма не защитит.

Летун был поражен. Летун был впечатлен. Летун был готов к немедленным действиям. Связавшись со своим начальством, он рассказал о новинке. Начальство решило лицезреть это самолично. Минут через сорок прикатил полковник. Ха! Знакомая физиономия. Вместе пожар сегодня тушили. Полковник сначала удивленно разглядывал меня, идя навстречу, а потом, улыбаясь, выдал:

– Ну конечно – товарищ Лисов! А я все думаю, что за знакомый разведчик у моего комполка организовался? Это вас что – сегодняшний вечер на такую идею натолкнул?

– Почти. Точнее говоря, так точно – именно он!

Мне было неудобно за вчерашнее, поэтому постарался быстренько свернуть разговор в нужное русло. Взяв полковника под ручку, подвел к многострадальному сараю и продемонстрировал действие еще одной бутылки. Он тоже офигел от увиденного. После чего решили как можно скорее опробовать всю оставшуюся бочку в деле, расфасовав смесь по емкостям литров в пятьдесят. Полковник ходил, радостно потирая руки и приговаривая:

– Если погода позволит, то сегодня в ночь устроим румынам фейерверк! Наши ЛаГГи, конечно, с этой раскисшей каши не взлетят, а вот У-2 вполне поднимется…

Но я так и не дождался знаменательного вылета грозного кукурузника. Колычев по рации, что стояла у летчиков, вызвал меня в расположение. После Иван Петровича я опять зашел к вечно дрыхнущему Гусеву. Медсестра сказала, что Серега просыпался и, узнав, кто к нему приходил, так расчувствовался, что у него поднялась температура. Так что снова не получилось пообщаться с другом. А наутро приехал Герасимов. Блестя глазами, он возбужденно рассказывал, как лично ночью скинул на румынские расположения все емкости.

– Ты представляешь, за мной было просто море огня. А крики их даже с высоты слышал. На У-2 при планировании мотор почти не гудит, поэтому вопли снизу до сих пор в ушах стоят. – Майор передернулся и продолжил: – Сейчас двое наших умельцев твою смесь

начали заготавливать в больших количествах. Как там ты ее называл? Попан?

– Напалм. И если его в заводских условиях делать, с добавкой еще кое-каких веществ, то эффект будет гораздо круче!

– Куда уж круче!

Летчик покачал головой и, попрощавшись, пошел докладываться своему начальству о ночном погроме. Эк его впечатлило. Да, наверное, любого бы впечатлило не меньше. Ну, теперь держись, немчура! Как клопов выжигать будем. Одно только расстраивало, напалм был так прост в изготовлении, что фрицы максимум месяца через два будут знать состав смеси. Потом уже нам придется солоно. Значит, надо как можно быстрее и на всю катушку использовать эффект внезапности. Причем, наверное, поливать огнем не пехтуру, хоть это было бы и логично, а постараться уничтожить как можно больше вражеских самолетов на аэродромах. Потери, конечно, у нас будут страшные, но появится шанс лишить немцев господства в воздухе. Тогда они напалм пусть хоть вручную из клизмы плещут на нашу пехоту – большие потери в самолетах компенсировать быстро не получится. Написав очередную докладную записку, я пошел к Колычеву. А тот уже собирался послать за мной. Столкнувшись с порученцем в дверях, протек мимо него в кабинет к начальству. Иван Петрович, увидев меня, нехорошо улыбнулся и, не пригласив сесть, сам поднялся навстречу.

– Ну, здравствуй, орелик…

Блин! На этот раз что не слава богу? Я такие улыбочки знаю, сейчас за что-нибудь втык давать будет. Хотя за последний день косяков за мной явно никаких не прослеживается. Командир же, подойдя вплотную, аккуратно поправил мне воротник, а потом, ухватив за шиворот, начал трясти как грушу, приговаривая:

– До каких пор? Я спрашиваю, до каких пор я о твоих похождениях буду узнавать последним?! Я тебе командир или так – погулять вышел?

– Командир, товарищ полковник!

Осторожно отцепившись от буйствующего начальства, задал встречный вопрос:

– А что случилось-то? И если вы о том, что ночью с генеральской эмки свистнули ящик сгущенки, то сразу говорю – это не я. Да и ящик на благое дело пошел, в детский дом, что сейчас в школе расположился. Но все равно – это не я.

Похоже, удалось сбить Колычева с панталыку. Запал у него вроде кончился, и он теперь судорожно пытается сообразить, о чем это я вообще говорю.

– Какой детский дом, какая сгущенка? Ты мне мозги не канифоль! Отвечай – вчера к летчикам ездил?

Во вопросики подкидывает… Сам же меня вчера у летунов по рации нашел, а сегодня что, уже забыл? Или это риторический вопрос?

– Так точно!

– И что ты там сотворил опять? Что это за напал?

– Напалм, – автоматически поправил я.

– Да хоть запал! Почему все мимо меня прошло? Ты хоть понимаешь, дурья твоя башка, что мне пришлось с утра пораньше к ним конвойную роту посылать?

Эээ… я завис…

– Конвойников-то зачем?

– И не только конвойников, там еще и контрразведчики теперь всех шерстят. Ты понимаешь – всех! Всех, кто мог видеть, из чего и как приготавливается твоя дьявольская смесь, я приказал изолировать. А видела это целая толпа народу. Это же почти весь истребительный полк по моему приказу теперь сидит у себя в расположении и готовится к отправке в глубокий тыл. Одна надежда, что там их немецкая разведка не найдет. Ты хоть понимаешь, что значит такое слово «секретность»?

Вот, блин, попал… Про это я и не подумал. То есть подумал, но уже позже, когда все произошло… Ни фига себе, целый полк. Мне стало не по себе, и я спросил:

– И как же теперь быть? Еще пару дней такая погода простоит, а потом ведь ясно будет, высохнет все. Как же мы без авиации?

– Раньше надо было думать!

Полковник наконец сел за стол и закурил. Несколько секунд глядел на меня сквозь клубы дыма, а потом буркнул:

– Садись, чего стоишь.

Усевшись, я достал из планшетки докладную и положил ее перед командиром.

– Что это?

– Здесь указан состав смеси и ингредиенты для ее улучшения при производстве в заводских условиях. А то, что я сейчас сделал из подручных средств, – детский сад получился по сравнению с тем, что должно быть. Ну и еще кое-какие мысли…

– А раньше?! Раньше ты не мог мне все это показать?

Колычев опять начал заводиться. Тут уж и я не выдержал:

– Да я сам такого эффекта не ожидал! Иван Петрович, я ведь просто попробовать хотел, а потом уже вам докладывать! А про секретность и не подумал даже, в запале.

– Не подумал, потому что мозгов нет.

Но вроде командир начал успокаиваться. Видно, проникся искренностью моего вопля. Прикурив от окурка следующую папиросу, он начал читать докладную записку. Дочитав, встал и прошелся по кабинету. Повернувшись ко мне, уже вполне спокойно сказал:

– Ночью придут два самолета с новыми летчиками и техниками. Этой же ночью повезут на Большую землю местных летунов. Ты полетишь с ними. И полковник Середа с Зальмутом тоже. Из этого немца мы выжали все, теперь его нужно переправить в Москву. Середа повезет документы и наши выкладки. Будешь их сопровождать.

– А как доедут, мне сразу назад?

Колычев хитренько улыбнулся и показал мне дулю.

– Вас, разгильдяй, вызывают персонально. Так что там тебя встретят.

Потом, критически оглядев меня, добавил:

– И оденься нормально! Что это такое – красный командир, а вечно как шаромыжник ходит. Вот что ты с галифе сделал?

На провокационные вопросы я не отвечаю из принципа, поэтому только вытянулся по стойке смирно и козырнул:

– Есть одеться нормально! Разрешите идти?

– Иди!

И уже в спину пробурчал:

– А сгущенку генерал сам сегодня в детдом хотел отвезти…

Ну и я пошел. Н-да… неудобно-то как с летчиками получилось, да и со сгущенкой тоже… Блин, действительно, надо башкой думать, прежде чем что либо делать. Дав себе зарок на будущее, двинул искать новые брюки.

Вот мода, ё-мое! Скачет туда-сюда. А армейские кутюрье – напрочь сбрендили. С этими «кривыми штанами» вообще смешно получилось. Месяц назад, когда я приходил их получать, старшина занимался странным делом. Он, сидя в одних подштанниках, загонял проволоку в боковые швы брюк п/ш, лежавших у него на коленях. Сначала даже подумалось, что это имеет отношение к боевым наворотам, типа моего ножичка с кольцом. Но когда гордый Нечипоренко надел штаны и, повернувшись, как модель, продемонстрировал охренительную парусность своих галифе, я потрясенно застыл. Сталистой проволокой он подчеркнул лопухи на штанах и, теперь счастливо разглядывая получившийся кошмар, приговаривал:

– О це дило! О це гарно!

Дальше я просто не мог смотреть. Упав на пол, ржал так, что заболел живот. Наш суровый хохол, стоя босиком, был похож на принца Гамлета. Только тот рассекал в раздутых трусах с прорезями и колготках. А у старшины был вид, как будто он нижней своей частью попал под каток и эти надувные трусы сплющились. Диаметр Нечипоренки в районе задницы достигал полутора метров. Глянув на него еще раз, смог только подвывать на одной ноте и обильно плакать. Взволнованный Грицко сначала обеспокоенно подпрыгивал вокруг

меня, а потом подняв и оттряхнув, поинтересовался, зачем я вообще пришел. Уяснив, что надо, он вынес мне такие же парашюты. И на все вопли принести что-нибудь менее авангардное только настойчиво пихал их в руки, убеждая, что это и есть последний писк армейской моды. Так как я всегда ходил у старшины в любимчиках, он явно хотел меня приодеть получше. А теперь, думая, что вместе с памятью старший лейтенант Лисов потерял и мозги и поэтому не понимает привалившего счастья, всучил-таки это армейское чудо. Чтобы не обижать доброго Гриню, пришлось взять. После чего быстро пошел и лично их ушил, насколько мог, как это делали солдаты в мое время. А теперь вот Колычев цепляется. Фасон моих шароваров ему, видишь ли, не нравится…

Поразглядывал себя со всех сторон и, вздохнув, поплелся получать новую форму. Сначала добывал робу, потом полковник давал еще кучу ЦУ. Только отвязался от командира, сразу угодил в руки Середе. В общем, еле-еле успел в госпиталь заскочить перед вылетом. Серега не спал. Блин, а я уже думал, если и в этот раз дрыхнет, поступить с ним, как со спящей царевной, только наоборот. Попросить медсестру посмазливей смачно чмокнуть майора. На примете есть одна, как раз в его вкусе. Зуб даю, он от такого даже из комы бы вышел. Но к кардинальным мерам прибегать не пришлось. Гусев лупал глазами и вкушал ужин, когда я заглянул к нему в палату. Кстати, кормила его та самая симпатичненькая медсестра. Сергей, масляно глядя на сестричку, послушно открывал рот и чего-то трындел. Блин, сам ложку поднять не может, а туда же – Казанова недострелянный, охмурежем занимается. Потом он увидел меня и подскочил так, что перевернул миску с кашей. В общем, встреча удалась. Мы сначала, насколько могли, пообнимались, а после я рассказывал радостно улыбающемуся майору о том, что он пропустил, валяясь в госпитале. Потом Инночка, так звали медсестру, притащила гитару, и я дал небольшой концерт, а так как в палату начали набиваться люди, то вместе с инструментом переместился в коридор. Сидя в проеме двери, чтоб и Сереге было хорошо слышно, шпарил народу Высоцкого и попсу семидесятых. Раненые сидели тихими мышками, ловя каждое слово. Спел им и «Черные бушлаты», и «Подмосковные вечера», да вообще сегодня, похоже, был в ударе, поэтому меня, как Остапа Бендера, несло. А закончил, неожиданно даже для себя, исполнив «Темную ночь». Вот е-мое. Не хотел ведь ее петь, пока автор не сочинит. Ну и что теперь Бернес будет под гитару выдавать в фильме «Два бойца»? Опять получается, башкой не думал. Правда, было поздно… Медсестры поголовно шмыгали носами, да и многие раненые, задрав голову вверх, делали вид, что разглядывают потолок, чтобы не вытирать глаза. Но тут пришел лесник и всех разогнал. В смысле, главврач скомандовал отбой. Он давно уже стоял в конце коридора, привалившись к стене и слушая вместе со всеми. Сделав народу ручкой, я попрощался с Гусевым и собрался уходить, но тут меня поймал главный доктор:

– Извините, молодой человек, а чьи это вы песни пели?

Почесав кончик носа, осторожно ответил:

– Свои, а что?

– Вы понимаете, что это должны слышать многие люди, а не только ваши знакомые? Поверьте мне, я помимо медицины в этом тоже разбираюсь. Вот подождите…

Врач, вытащив из кармана листок, начал быстро писать на нем толстым синим карандашом.

Потом протянул листок мне.

– Вот здесь адрес и несколько слов от меня. Я слышал, когда вы с раненым майором разговаривали, что сегодня летите в Москву. Там обязательно загляните к этому человеку. Это поэт Владимир Агатов. Причем не просто поэт, а еще и пишет слова к песням. Он вам обязательно поможет пустить ваши произведения в жизнь.

Скомканно поблагодарив доктора и пообещав заглянуть к этому поэту-песеннику, побежал к штабу. Фух! Вовремя успел. Народ только-только начал загружаться в машину. Я уселся на любимое место – рядом с водителем, и мы покатили на аэродром. Там, стараясь не смотреть в глаза перебазирующимся летчикам, шмыгнул в самолет. И на лавке, возле квадратного иллюминатора, увидел Герасимова, который мрачно пялился в свое отражение

на темном стекле. Сначала его проскочил, но потом вернулся и, потоптавшись, сел рядом.

– Кхм… Игорь, ты на меня зла не держи. Кто же ожидал, что так получится?

Майор до того задумался, погрузившись в свои мысли, что только сейчас меня увидел.

– А, Лисов, здравствуй. Чего ты сказал?

– Привет, говорю. И говорю, чтоб зла не держал. И в мыслях не было – так вас подставлять. Ты уж меня извини…

– Да при чем здесь ты? У меня своя голова есть, а я вот тоже подобной реакции не ожидал. С утра контрики всех по разным углам развели и давай мурыжить. Как будто кто-то из моих орлов прямо сейчас к мамалыжникам рванет, с докладом о новом оружии. Я-то сразу за своих гавриков поручился, но где там! Просто приняли к сведению, и все. А теперь всех, по слухам, аж на Дальний Восток перебрасывают. Хотя эти, из контрразведки, так смотрели, что я не удивлюсь, если на Колыму всем полком законопатят… Чтоб наверняка было…

Герасимов вздохнул и отвернулся. Потом, опять повернувшись ко мне, спросил:

– А тебя что – тоже в тыл подальше запихивают? Как главного секретоносителя?

– Да нет, пока только в Москву вызывают.

Я не стал говорить правды, зачем лишний раз напрягать человека?

Самолет тем временем наполнялся людьми. Игорь же, посидев пару минут с закрытыми глазами, вдруг подался ко мне и сказал:

– И все-таки, как мы им дали! Как клопов жгли! И правильно наши режимом секретности озаботились. Не дай бог к этим, – он мотнул головой в сторону, – твоя смесь попадет! А так – мы же их просто пачками к немецкому богу отправлять будем. Не я, так тот парень, что мне на смену прилетел.

– Это точно!

Правда, дальше разговора не получилось. Самолет чихнул сначала одним движком, потом другим, и салон наполнился ревом. Мягко переваливаясь, Ли-2 развернулся и, слегка подпрыгивая на неровностях, начал набирать скорость…

Глава 8

А в Москве нас, как обычно, уже ждала машина. Квадратный подполковник, представившийся порученцем Лаврентия Павловича, рассадил всех и повез в город. Причем, что странно, меня довезли до гостиницы и оставили отдыхать, а Середу с Зальмутом увезли дальше. Ну, отдыхать так отдыхать, это даже хорошо. Первый раз за долгое время растянулся на чистых до хруста простынях и без звукового сопровождения в виде шума танковых дизелей и крикливых команд за окном уснул. Правда, не сразу. Оказывается, мне уже не хватало для спокойного сна – дальних разрывов, мата коменданта и храпа Пучкова.

Наутро проснулся от громкой трели звонка. Спросонья даже не понял, что это. Но потом добрел до телефона и взял трубку. Густой бас на том конце провода представился еще одним порученцем, на этот раз самого Сталина, и сказал, что через полтора часа за мной придет машина. Интересно – что, опять на дачу повезут? До Кремля-то пять минут ходьбы. Вон он – в окно виден. Пока умылся и позавтракал в гостиничном ресторане, данные мне на подготовку полтора часа прошли. И поехали вовсе не на дачу, а именно в Кремль. Сделав красивую дугу по площади, машина плавно подкатила к воротам. После проверки документов пустили внутрь…

Поскребышев, увидев нас, приподнялся и, указав на дверь, сказал, что меня уже ждут. Сопровождающий отвалил, а я, набрав воздуха для приветствия, открыл дверь. Но первым поздороваться не успел.

– Здравствуйте, товарищ Лисов.

– Доброе утро, Иосиф Виссарионович, здравия желаю, товарищ генеральный комиссар госбезопасности!

Это я помимо вождя поздоровался еще и с Берией, приветливо блеснувшим в мою сторону стеклышками пенсне. Надо же, Виссарионыч меня, оказывается, ждал, стоя возле

большого стола. И вопреки уставам поприветствовал первым. Что бы это значило? Но додумать мне не дали.

– Докладывайте, Илья Иванович.

Во даже как. Прям куртуазное общение, исключительно по имени-отчеству пошло. Хмыкнув про себя, встал по стойке смирно и приступил к докладу:

– Товарищ верховный главнокомандующий, группа майора Гусева порученное задание выполнила. В ходе выполнения разведки и поиска нами был захвачен командир 30-го армейского корпуса – Ганс фон Зальмут. При нем был портфель с картами и документами, которые мы также передали командованию. Также при проведении операции был уничтожен оберштабсцалмайстер 11-й армии. Казна армии, бывшая при нем, полностью передана командованию. При выполнении боевой задачи тяжело ранен командир группы майор Гусев. Больше потерь не имеем.

Пока я все это трындел, Сталин кивал в такт словам, а потом улыбнулся и, помахав пальцем у меня перед носом, сказал:

– Я сам виноват. Не докладывайте, Илья Иванович, а рассказывайте. Вот садитесь сюда и подробно рассказывайте, как вы совершили этот подвиг.

Ни хрена себе загнул. Сразу, блин, подвиг. Подвиг был, когда мужики под Могилевом практически без патронов в атаку ходили. И морячки-десантники в Керчи да в Феодосии действительно подвиг совершили, когда в одних тельниках да с винтарями на пулеметы шли, плацдарм отбивая. Ну да начальству виднее, поэтому я начал рассказывать слегка отредактированную версию. Вождь и Берия слушали внимательно, иногда в самых захватывающих местах хлопая себя по коленям и комментируя мои действия. Правда, в одном месте прервали. Это когда я рассказывал про встреченный нами аул. Вождь закурил и, повернувшись к главному гебешнику, сказал:

– Ты слышал? Поднос с красноармейскими книжками?!

Потом выругался по-грузински и продолжил:

– Такие сигналы нам поступают очень часто. Так что, Лаврентий, займись этим делом лично. Подготовь какие понадобятся документы и свои мысли на этот счет. После освобождения Крыма с ними надо что-то делать. Да и в Кавказских горах тоже неспокойно. Тревожные доклады из Чечено-Ингушской ССР идут. Так что по этому направлению надо еще больше форсировать наши усилия.

После чего, повернувшись ко мне, попросил продолжать. Ну, я и продолжил. Когда наконец выдохся, Сталин подошел и крепко пожал руку. А после, глядя в глаза, сказал:

– Пользуясь случаем, хочу быть первым, кто вас поздравит. Сегодня, указом президиума Верховного Совета СССР за мужество и героизм, проявленные при выполнении особого задания командования, вы удостаиваетесь звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. Также вы получаете внеочередное звание – капитана ГУГБ НКВД.

В принципе, к чему-то подобному я уже был готов, удивили только слова про внеочередное звание. Интересно просто стало, кто это про меня может сказать, что очередное, а что нет? Но теряться не стал, а рявкнул:

– Служу трудовому народу!

После этого меня поздравил Берия, а Виссарионыч, сев на стул и взяв в руки трубку, поинтересовался:

– Товарищ Лисов, а после такой встряски чего вы нам можете сказать о том, что нас ожидает?

О, про это еще как сказать могу! А то охренели напрочь. Тылы уже сейчас от наступающих войск конкретно отстают. Что дальше будет? А дальше будет Сталинград, если вовремя мер не принять. В том, что их смогут принять, меня уже терзали смутные сомнения. Насмотрелся уже на командиров. У нас в армии нормальные ротные да комбаты. Ну, может, еще командиры полков. Комдивы уже слегка тупенькие. А командармы да командующие фронтов, такое впечатление, – вообще на немцев работают. Того же Власова вспомнить.

Хотя насчет Власова пример некорректный. Обычный вышесредний генерал, награжденный, кстати, только за время войны орденом Красного Знамени и недавно совсем орденом Ленина. Он-то командовал как раз более или менее нормально, только вот его сунули во 2-ю Ударную армию, которая без продовольствия и боеприпасов должна была держать оборону. Интересно, чем? Голой жопой? Наш очередной гений тактики Мерецков поставил его части в такое положение, что после окружения армию просто размазали в волховских болотах. Солдаты там еще до окружения, бывало, мерли с голоду, такое снабжение было, что кору с деревьев ели. А уж когда окружили… Причем отцы-командиры даже после докладов Власова вовсе не спешили отводить его армию на соединение со своими. Бздели докладывать наверх о провале их гениального плана. И только когда уже было совсем поздно, такой приказ пришел. В итоге с этого приказа мы имеем Мясной бор… Это когда парней молотили изо всех видов оружия, а они шли как сквозь строй, по коридору шириной восемьсот метров. А сам Власов поступил, как поступили бы все карьеристы его времени, – взял и поднял руки. Он, конечно, мудак еще тот. Лучше бы застрелился, как его замы сделали. Но этот козел просто сдался. Правда, с немцами стал сотрудничать только после того, как его наши назвали изменником. Мол, сознательно угробил 2-ю Ударную и перебежал к фрицам. Это его начальники, просравшие армию, оставившие ее без всякого снаряжения и жратвы да еще требовавшие наступления, таким образом свою жопу прикрывали. Вот это Власова так возмутило, что он согласился на предложение гитлеровцев, что для него вполне закономерно потом закончилось виселицей. Я так считаю, что он получил по заслугам. Нефиг с врагами путаться. Но вот то, что рядом с ним должны были висеть те, кто армию слил и людей угробил, тоже считаю правильным. Только эти чудо-руководители остались на своих местах и дальше продолжали солдат класть почем зря. Именно Жуков повторял за кем-то из наших доисторических воителей козырную фразу про то, что бабы еще нарожают. Хрен вам во все рыло! Как сейчас, уже в мое время, выясняется – не хотят бабы рожать! Наверное, в них генная память работает. Не хотят, чтоб такие мудаки их детьми минные поля разминировали. А что – нормально. Танки денег стоят, да и техника разминирующая тоже. Солдат же ничего не стоит. Вот и посылали батальоны на смешанные минные поля, кто проскочил – считай, тому повезло. И только потом саперов, снимающих противотанковые мины. А вот уже за саперами шла техника.

И я начал выдавать усатому вождю свою версию событий. Сказал, что будет, когда мы зарвемся и немцы ударят. Даже на карте показал, как это будет. Сгустил краски. Сильно сгустил. В моей версии фрицы дошли Сталинграда и перешли Волгу. Когда же из-за бешеных потерь с Дальнего Востока сняли слишком много войск, туда ударила Япония. И тоже показал на карте. Прикрыв глаза, вещал как авгур, загробным голосом про упырей-генералов, готовых за звездочку на грудь или ромб в петлицу положить все население страны. Про карьеризм и вранье. Про то, что в результате потери грозненской и бакинской нефти самолеты практически перестали летать. Ну и танки, соответственно, ездить. В общем, обстановку нагнетал до предела. Сталин так впечатлился, что опять пробовал раскурить незажженную трубку. Берия ежеминутно протирал пенсне, при этом что-то записывая в большом блокноте. Это он что, меня конспектирует, что ли? Ну-ну. Когда закончил вещать, еще минуты две стояла тишина. Не верить мне сидящим передо мной людям резону не было. До этого говорил только правду, вот их и накрыло. А ведь они считали, что дела только стали налаживаться. Тут верховный наконец подал голос:

– А в ваших видениях не было хоть намека, как этого можно избежать?

– Вы знаете, товарищ Сталин, я видел несколько вариантов событий. Вам сейчас рассказал самый плохой. Он, так думаю, произойдет, если никаких мер прямо сейчас приниматься не будет. Был еще один вариант…

И начал рассказывать вторую версию событий. Как самолеты взлетают с раскисшей земли и перехватывают немецкие армады, идущие со стационарных аэродромов. А взлетают потому, что поверх грязи лежат металлические ячеистые ВПП. Как расстреливают генерала, загнавшего бойцов от большого ума атаковать позиции врага без артподготовки и разведки.

Как наши войска строят глубоко эшелонированную активную оборону. Именно активную. То есть не держат тупо удары в лоб, а сами маневрируют, отсекают и уничтожают наступающего врага. Как противотанковые орудия не растягивают по всему фронту, а собирают их в маневренные узлы обороны. Как бойцы с гранатометами жгут немецкие танки. Как снимают маршала, допустившего большие неоправданные потери. Трындел минут сорок, наверное. Раза три горло пересыхало так, что прикладывался к графину с водой. Виссарионыч во время рассказа задавал вопросы. На некоторые я пожимал плечами, на некоторые отвечал. Когда закончил, Сталин прошел по кабинету и, тяжело вздохнув, тихо себе под нос сказал:

– Как много нам придется менять… – А потом уже громче, обращаясь ко мне: – Хорошо. Я принял к сведению все, что вы мне сейчас сказали. А вот вы сами, без помощи, так сказать, – тут он усмехнулся, – потусторонних сил, что можете сказать? Неужели у нас в армии настолько плохо? Мне докладывают совсем другое. Существуют, конечно, временные трудности и промахи, но не настолько же.

– Разумеется, Иосиф Виссарионович, не настолько. Только я все время в войсках провожу и могу рассказать то, что видел своими глазами.

И рассказал. Про то, как штурмовики без прикрытия переправу пытались бомбить. Так до нее даже не долетели – всех положили. И как совершенно целые танки, только потому, что их погнали маршем и не озаботились снабдить топливом, – подрывали, чтоб врагу не достались. И как один комдив не поддержал своего соседа, который вырвался вперед. Причем не поддержал то ли из тупости, то ли из зависти. И дивизию соседа перемололи. А потом принялись и за второго, который без приказа в носу поковырять не может. Рассказал еще много чего.

Вождь только желваками играл, слушая, да периодически с Берией фразами по-грузински перекидывался. Лаврентий Павлович иногда кивал, иногда пожимал плечами и что-то записывал. Потом верховный жестом руки меня остановил.

– Я понял… Видите ли, Илья, ваши группы докладывают нам общую обстановку на фронтах. Те частности, о которых вы говорили, идут в докладах достаточно редко. Мы это изменим. Я так думаю, что даже из-за такого, на первый взгляд, мелкого головотяпства и непрофессионализма может произойти ваш первый вариант. Что ж, будем больше работать, чтобы быть в курсе всего. А сейчас у меня еще один вопрос к вам – что это за смесь вы придумали? Судя по докладу, что мне предоставили, это вообще – библейский огонь с небес или жупел какой-то. Это что – тоже из разряда озарений?

– Так точно, Иосиф Виссарионович!

И я начал рассказывать про напалм. Вождь, слушая меня, даже повеселел, только в конце спросил:

– А почему напалм?

– Вы знаете – я даже не могу сказать… само собой это непонятное слово в голове появилось…

– Ну ладно, напалм так напалм. Звучит достаточно грозно, хоть и непонятно.

А потом, повернувшись к Берии, приказал:

– Лаврентий, это очень сильное оружие. Тут режим секретности должен быть как с реактивными установками, даже выше. Так что займись.

Комиссар кивнул и опять застрочил в блокноте. Тут я вспомнил про летунов, которых ненароком подставил.

– Товарищ Сталин! Разрешите личную просьбу?

Дождавшись удивленного кивка, продолжил:

– Тех летчиков, что из-за меня сняли с фронта, куда денут? Они опасаются, что хоть и дали подписку о неразглашении, их все равно могут на Колыму отправить. Вот я и хотел сказать – это только моя вина и нельзя ли обойтись без крайних мер?

Виссарионыч даже рассмеялся:

– Вы что, Илья, нас за людоедов считаете? Ничего с ними не будет. Хоть сведения и

секретные, но вам могу сказать – на Чукотку они переведены. Нам союзники самолеты будут поставлять, так эти летчики их перегонять будут. Поближе к фронту. Ну а сами уже воевать не будут. Мы не можем допустить, чтобы человек, знающий секрет напалма, попал к немцам. А у летчика судьба такая, что в любой момент сбить могут над вражеской территорией. Так что они вам только спасибо должны сказать – теперь все живыми после войны останутся.

Покачивая головой и еще улыбаясь, Сталин подошел к столу и, видно, нажал какую-то кнопку, потому что через несколько секунд дверь открылась и зашел Поскребышев с папкой в руках. Отдав папку, он моментально смылся, а вождь извлек из нее маленькую красную книжечку. Точнее, корочку какого-то удостоверения. Открыв и почитав, что написано внутри, он поманил меня пальцем и, когда я подошел, протянул ее со словами:

– Есть мнение, назначить вас моим личным порученцем.

И видя, что я уже открыл было рот, жестом пресек возражения и продолжил:

– Вы остаетесь в группе Колычева и отныне будете не только моими глазами и ушами на своем участке фронта, как это было раньше, но также можете самостоятельно принимать решения, исходя из обстановки, или отменять глупые приказы, наподобие тех, о которых вы упоминали. Ну а если вам попадется такой комдив, который не поддержал своего соседа, как вы говорите его фамилия?

Я никаких фамилий не называл, но тут пришлось расколоться.

– Так вот, если вам попадется такой вот Дробенко, то вы можете привлечь его к суду военного трибунала. Или самостоятельно разобраться с ним, на месте.

Вот так ни хренаськи себе! Это кем же я теперь становлюсь? Никого привлекать к суду мне не хотелось. Тем более разбираться на месте. Хотя… с другой стороны, такие фрукты иногда встречаются, что их тут же шлепать надо, чтоб другие в живых оставались. Но все равно как-то не по себе. Становиться вот таким вершителем судеб было страшновато. Сталин же продолжал дальше быть Дедом Морозом, раздаривающим подарки.

– Вы после нашего разговора подойдете к товарищу Поскребышеву, он скажет – куда вам подойти за ордером. Так как память к вам не вернулась, а у человека должен быть дом, то мы решили, что квартира в Москве будет хорошим подарком Герою Советского Союза.

Офигеть! Надо же, на халяву хату в первопрестольной отхватил. Я про это даже и не думал. Зачем мне квартира, когда все время провожу на фронте? Но если так все повернулось, отказываться точно не буду. Теперь, приезжая, не в гостиницах кантоваться придется, а в личных апартаментах. Блин. А может, и не в личных, может, это комната в коммуналке будет? Хотя вряд ли усатый будет на мелочи размениваться.

Да ладно, схожу – увижу. После еще почти часа общения с вождем я наконец был отпущен. Только вот послезавтра мне следовало явиться в Кремль на награждение. И еще от щедрот был выделен аж десятидневный отпуск на обустройство. Во как! Получив у секретаря Виссарионыча адрес управы, где меня ждал ордер, поскакал туда. Город я знал фигово, хорошо еще хоть дали машину, которая довезла до места.

Главный раздаватель квартир – толстощекий шпак в сером полувоенном френче, который так любят напяливать на себя все закосившие от армии начальники, встретил меня, виляя хвостиком. Ему, разумеется, уже позвонили, и поэтому к моему приходу все было готово. Щекастый, изгибаясь, выдал все бумаги и выразил желание дать сопровождающего, который покажет мне местонахождение дома. Шариться в поисках нужной улицы по незнакомому городу не хотелось, поэтому благосклонно его желание удовлетворил. В сопровождение мне выдали мадам. Мощную мадам. Я обратил внимание, как пухлик на нее посмотрел, и сделал вывод, что он выделил в спутницы идеал своей красоты. Вспомнился фильм «Пятый элемент» и похожая ситуация. Это когда Брюс Уиллис, глядя на жену, предложенную ему генералом, твердо сказал – нет. Я же выделываться не стал, только подхихикивал полдороги. Остальную половину мрачно молчал, потому что мадам приняла мое хихиканье за заигрывание. Возле дома твердо пресек ее попытки показать квартиру и, распрощавшись, поднялся к себе. Открыв здоровенную входную дверь, только присвистнул.

Однако – хоромы. В коридоре можно было в футбол играть, такой он был широкий и длинный. И комнат было целых три, не считая кухни. Только вот на фига козе баян? Я тут только на уборке умру. Мне бы и однокомнатной за глаза хватило. Пока оглядывал комнаты, в дверь кто-то осторожно постучался. Оказывается, тетка – управдомша. Поприветствовав нового жильца, она объявила, что я могу получить по каким-то накладным мебель и посуду для обстановки. От такого подхода даже несколько заколдобился. Уточнил – на халяву мебель давать будут?

– Ну разумеется, товарищ военный. Вам же вместе с ордером накладные выдали. Вы их мне отдайте, и я все приготовлю. Сегодня же вечером вам то, что положено, завезут.

В голове мелькнуло – коммунизм, коммунизм начался, только я не заметил его прихода. Уже не удивляясь ничему, отдал ей бумаги. Лишь спросил:

– А что тихо так? Дом полупустой, что ли?

– Нет, что вы! Просто на работе все. У нас всего четыре квартиры пустые стоят – опечатаны. Хозяева – кто в эвакуации, кто на фронте. Да и когда все собираются – не шумят. Народ здесь солидный живет. Профессора, военные, музыканты известные.

В общем, потрындел с теткой, а закончилось тем, что она расчувствовалась, когда узнала, что я с фронта, и меня на чай позвала. Ну, с управдомом надо быть в хороших отношениях, поэтому ломаться не стал и пошел в гости. Жила она в соседнем подъезде в однокомнатной. Когда зашли, обратил внимание на шинель, висящую в прихожей. Шинель была не хипповая, а самая что ни на есть фронтовая. Кое-где порыжевшая, кое-где подпаленная. А за столом в кухне сидел парень. Увидев меня, он неловко приподнялся и уронил костыль, стоящий рядом.

– Вот зараза. Извини старшой, никак не привыкну к ним.

А парень-то – без ноги. Вон, штанина по колено подвязана. Сын, наверное, управдомши. Повезло тетке – хоть и инвалида, но дождалась. Правда, когда познакомились и начался разговор, выяснилось – совсем даже не сын. Ее дети вовсю воюют. А это сосед, Игорь Селиванов – профессорский сын. С ним вообще петрушка получилась. Два месяца назад на Игоря пришла похоронка, и его отец, только эту страшную бумагу прочел, так и умер сразу – сердце не выдержало.

– Мы Георгия Ивановича всем домом хоронили. Антонина Петровна, жена его, еще в тридцать девятом году скончалась.

Рассказывала тетка, утирая глаза платочком. А потом тетя Надя, так зовут нашего управдома, сделала то, что положено было сделать по закону. Так как квартира осталась без хозяев, она ее опечатала и соответственно доложила по команде. Хата пустовала недолго. Чуть меньше месяца назад в нее заселились новые жильцы. Бывший председатель облпотребсоюза из Львова, с чадами и домочадцами. А три недели назад нарисовался живой, хоть и не совсем здоровый Игорь. Тетя Надя сама начала бегать по инстанциям, пытаясь помочь Селиванову, но не тут-то было! Ее футболили в лучших чиновничьих традициях. Потом ходил сам Игорь. Его послали еще дальше.

– Ты представляешь, сидит морда поперек себя шире и говорит, что у него фондов нет. А когда я в третий раз к нему пришел, вообще милицией пригрозил. Это когда я на него орать начал. Этот гад мне заявил, что лучше б меня действительно убили, чем я сейчас буду у занятых людей время отбирать и еще права качать.

Я курил подряд пятую папиросу, глядя на этого летеху с орденом Красной Звезды на гимнастерке. Во рту было погано, на душе тоже. Чувствовал себя, как большой чайник, который уже даже не закипал, а бурлил. Ну, блин, козлы – считай допрыгались! Вот, оказывается, когда эти чиновничьи сволочи, что в мое время буйно расцвели, зарождались. Ну да я их рождение под корень, в самом начале пресекать буду, по мере сил. Благо, сил у меня сейчас для этого немеряно. Затушив бычок в переполненной пепельнице, поднялся:

– Давай, Игорь, собирайся, пойдем опять к этому широкомордому сходим. На этот раз вместе.

– Илья, смысла нет. Сказали, чтобы раньше чем через три месяца и не появлялся. Тогда,

может, комната в коммуналке появится.

Тут влезла тетя Надя:

– А он у меня пока поживет. Мы уже договорились. Не стеснит нисколько. Да и мне в радость, на него глядючи, хоть своих мальчишек вспоминаю…

– Я сказал, пойдем! Не фиг тут рассуждать.

Но Селиванов, которого не сломали немецкие танки и которого растоптали наши чиновники, только махнул рукой:

– Ты не думай, что твоя форма энкаведешная их впечатлит. Им плевать на все. Их только пулеметом пронять можно.

– А я их формой впечатлять и не буду. Я их широтой души впечатлю. До печенок до самых. И хватит сидеть! Одевайся быстро!

В общем, побрели мы с Игорем к его обидчикам. Можно было, конечно, смотаться к тому предупредительному шпаку, который все бы моментом развел, но мне этого не хотелось. Хотелось крови. М□да… На костылях летеха ходил совсем хреново, по льду они разъезжались – и приходилось его всю дорогу поддерживать, чтоб не брякнулся. Но все-таки дошли. Первым в кабинет пытался запустить Селиванова. Но секретарша была на стреме и встала на оборону начальника всей необъятной грудью. Я сунул свою гебешную корочку и прорычал в лучших традициях «душителей свободы»:

– Ты что, кор-р-рова? Не поняла, кто пришел? Север от снега очищать хочешь?

И пергидролевая мадамка сдулась. В кабинете за столом сидел удивительно мордатый тип. Действительно, такую физиономию, за три дня не объехать. Он удивленно поднял брови, увидев меня, но потом заметил Игоря и сморщился, как от зубной боли. Поднял в останавливающем жесте руку и пытался что-то сказать, но не успел. Сделав три быстрых шага, я слегка перегнулся через стол и с удовольствием влепил ему в ухо. Жиробас, по-бабьи охнув, улетел со стула в угол. И там я его начал месить и руками и ногами. Сдерживался, конечно, чтоб не прибить сразу, но было очень тяжело не удавить эту гадину. Бил молча. Типус, как ни странно, тоже сначала молчал. Только минуты через две смог один раз вякнуть. В открывшемся проеме двери мелькнуло белое лицо секретарши и пропало. А я, превратив напоследок губы начальника в вареники и выбив, как минимум, несколько зубов, поставил его возле стенки, придерживая одной рукой, а другой достал пистолет. Сделав шаг назад, выстрелил два раза так, чтобы пули прошли впритирку возле ушей. Мордатый обгадился и потерял сознание. Фу-у-у! Брезгливо сплюнув, посмотрел на потрясенного Селиванова. Он в самом начале даже попытался влезть и меня остановить, но одного взгляда было достаточно, чтобы лейтенант остался стоять возле дверей.

– Видишь, Игорь, как с ними надо? Просто показать широту души – они и впечатлятся. А ты говоришь – пулемет… И без пулемета жидким гадятся!

А еще через пару минут прискакали менты. Но я уже был готов. Показав старшему ксиву сталинского сокола, в смысле сталинского порученца, приказал привести засранца в чувство. Пока пытались добиться очухивания чиновника, сказал секретарше, чтобы она в темпе привела его зама. Потом подошел к лупающему на меня глазами пострадавшему.

– Ты попал, мужик. Ты конкретно попал. В лучшем случае, тебя ждет штурмовая рота. А в худшем – по законам военного времени…

И уже обращаясь к милицейскому капитану, добавил:

– Этот человек – пособник фашистов. То, что он махинировал с квартирами, – это мелочи. Но вот то, что он выражал сожаление о том, что советского командира, ветерана и орденоносца, немцы не добили, – это гораздо серьезнее. Это говорит о глубоко законспирированном враге, который не мог сдержать свою звериную радость при виде того, что его хозяева сделали с героическим командиром, – я жестом указал на офигевшего Селиванова, – и поэтому выдал себя. Вы понимаете, о чем я говорю?

Во как загнул. Аж сам собой загордился – чесал как по писаному. Капитан же меня еще как понимал. Мужик он, судя по всему, был не глупый и всю подоплеку дела просек. Но, видно, и у него подобные гады как кость в горле были, поэтому кэп такое начинание

всячески поддержал. С другой стороны, еще бы… не часто, наверное, ему с порученцами вождя общаться приходилось. Взяв у нас с лейтенантом координаты, менты убыли, уволакивая пахучего начальника. Я тем временем повернулся к его заму, который глядя на всю эту картину, стоял ни жив ни мертв.

– Надеюсь, ты – не пособник врага?

– Н-н-нет!

Зам так начал мотать головой, я даже заопасался, что она оторвется.

– Ну тогда ты, наверное, все понял?

– Да!

На этот раз зам поразил скоростью и частотой кивания.

– Ну и когда?

– Через три дня. Максимум через четыре товарищ командир въедет в свою бывшую квартиру.

– Ну вот и добре… И смотри, людей, что сейчас там живут, на улицу выкинуть не вздумайте – проверю!

Положив руку ему на плечо и ласково глядя в глаза, проникновенно добавил:

– Не подведи меня, дружок.

Зам опять начал свои устрашающие манипуляции с головой, и я, слегка его оттолкнув, повернулся к Игорю.

– Ну что, лейтенант, пошли. Через четыре дня за ордером зайдем и все. Кончились твои мытарства.

Полностью охреневший от происшедшего Селиванов отлепился от стенки, и мы пошли к выходу…

М-да… лейтенант проникся – по самое не могу. Тетя Надя после его рассказа тоже. Только поглядывать на меня стала с опаской. Но в процессе повторного чаепития постарался ее убедить в своей белой пушистости по отношению к нормальным людям. Вроде получилось. На следующий день мне привезли мебель. Шкаф, кровать, стулья и прочую посуду. Все было с номерками и цифрами. Блин, прям как в казарме. Критически оглядев привезенное, решил, что полной и добротной халявы все-таки не бывает. Ну да ничего – после войны обновлюсь, а сейчас и это сойдет. К вечеру же случился прикол. Даже без особого удивления обнаружил, что у меня начали отрастать выбитые в плену зубы. Причем все три сразу. То-то я думал – чего это десна набухла и чешется. Еще опасался, что зараза какая-то попала в ранку. Все оказалось проще. Весь вечер щупал появившиеся кончики зубов, до тех пор, пока язык не начало саднить, только тогда успокоился.

А еще через день был банкет по случаю награждения. С плясками и свистоплясками. В смысле не только выпить-закусить, но присутствовала еще и культурная программа. Сначала выступили джигиты – в черкесках и с кинжалами. Потом было что-то русское народное. Потом, по заказу одного из награжденных генералов (а нас таких, свежепредставленных, было человек двадцать), небольшой мужичок совершенно козлиным голосом спел песню про Финляндию. От его либретто у меня аж мурашки по коже побежали и отрастающие зубы начали чесаться совсем уж нестерпимо, но выяснив, что это такой стиль исполнения, в смысле голос – тенор, успокоился. Потом, когда вслушался в слова, офигел еще раз. Это была потрясающей наглости песня времен Финской войны. Начиналась вроде бы нейтрально и даже лирически:

Сосняком по откосам кудрявится
Пограничья скупой кругозор,
Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озер…

Потом пошли слова про танки, которые ломят широкие просеки и солнце на штыках. В общем, как обычно. Но вот услышав слова:

Много лжи в эти годы наверчено,
Чтоб запутать финляндский народ,
Открывай же теперь нам доверчиво
Половинки широких ворот… —

я подавился бутербродом и чуть не помер, хорошо оказавшийся рядом майор, с новеньким орденом Ленина и крылышками в петлицах, умеючи хлопнул по спине. Это они финнов в песне призывали доверчиво двери нашим войскам открывать! Суоми, наверное, послушав такой музыкальный шедевр, заложили несколько дополнительных дотов на линии Маннергейма и срочно обучили лишнюю сотню снайперов в ожидании освободителей. Прокашлявшись и поблагодарив находчивого летчика, я на всякий случай перестал вслушиваться в слова других песен. Во избежание, так сказать. А потом стало не до концертов. Сначала столкнулся с военинженером первого ранга. Ну и пошел разговор про танки. Так как инженер был плотно завязан на изготовление тридцатьчетверок, наехал на него по полной программе. И за то, что до 40 процентов потерь у нас – не боевые. Ломались эти машины даже быстрее, чем современные «Жигули». Бедные мехводы постоянно что-то вынуждены были менять и подкручивать. А расположение двигателя? Его что – специально вдоль воткнули, чтобы башню вынести вперед и центровку танка нарушить? Про расположение возле механика топливного бака упомянул отдельно и пожелал тому, кто это изобрел, карданный вал в филейную часть. Говорили и об отсутствии командирской башенки, и о слабости орудия. В конце концов военинженер меня послал и сбежал от дотошливого критикана. Ну и хрен с тобой, золотая рыбка. Видно, не в первый раз по этому поводу ему претензии высказываются… Налив себе в фужер вина, пошел бродить между столами, где познакомился и зацепился языками с Павлом Судоплатовым, который тоже был на этом банкете. Как-то раньше и не задумывался, а теперь увидел, что этот мужик – практически мой ровесник. Ну да, ему сейчас должно быть года 33–34. А такие дела ворочает – обалдеть!

В общем, сначала болтали обо всем понемногу, а потом я ему вывалил свои соображения по поводу организации подразделений глубинной разведки. Дал расклад, который начнет применяться только в сорок четвертом году. Партизаны партизанами, но когда дело касается серьезных вещей – они не пляшут. Тут профессионалы нужны. Он со мной по многим пунктам согласился. Мы говорили о том, как группы, выкинутые в глубокий тыл к немцам, километров на триста-пятьсот от линии фронта, снабженные продовольствием, боеприпасами и радиостанциями, будут действовать во вражеском тылу. Их задача после приземления будет состоять в том, чтобы следить за передвижениями войск противника по дорогам, вскрывать характер инженерных сооружений фрицев в глубине обороны, информировать командование о местах расположения пунктов управления, складов и баз гитлеровцев. Добываемые военными переводчиками сведения будут передаваться по радио командованию наших войск. Обсудили вооружение и экипировку. Я рассказал о предложенных мной новинках оружия. Поговорили о диверсионных группах, которые по наводке разведчиков будут эти самые пункты и базы громить. Общались минут сорок, сидя в уголке, пока нас не нашли и не выдернули для продолжения веселья. Но разбежались не сразу, сначала договорились встретиться назавтра и обсудить все в более спокойной обстановке. А потом меня отловил Лаврентий Павлович:

– Я слышал, что ты уже начал наказы Иосифа Виссарионовича исполнять, даже до фронта не доехав?

Попробовал объяснить ему суть дела, но нарком только махнул рукой:

– Мне все уже доложили. Правильно сделал. Только если мы их всех так пугать будем, то кадров у нас не останется. Но хотя ничего – другие дисциплинированней будут.

Ради интереса спросил о дальнейшей судьбе слабого на желудок чиновника.

– Ну, пособничество фашистам мы ему инкриминировать не будем, а просто снимем

броню и пошлем на фронт. Я так думаю, ему там мало не покажется…

И страшный генеральный комиссар мне лукаво подмигнул.

На следующий день, хоть и было слегка не по себе после банкета, опять встретился с Судоплатовым. Просидели над общей схемой почти до вечера, с небольшими перерывами, когда его выдергивали на доклады. Я добавил к сказанному свое, он свое – и стала получаться очень заманчивая картина. Павел так воодушевился, что предложил похлопотать о моем переводе в его ведомство, но я показал ему свою ксиву и сказал, на кого сейчас работаю. Разговоры о переводе тут же прекратились, и мы опять принялись за обсуждение…

А вечером пошел по адресу, данному мне начальником госпиталя. После того как я покрутил маленькую медную ручку звонка, дверь открыл чернявый парень среднего роста с солидным шнобелем. Грустно оглядев меня, он поздоровался и поинтересовался причиной визита. Протянул ему записку, и носастый, оказавшийся тем самым Агатовым, оживился. Пригласив войти, он поинтересовался, как там дела на фронте и как себя чувствует его старый знакомый главврач. Ответил, что и фронт воюет нормально, и доктор не кашляет, а потом, попив очередной чай со странной заваркой, которая в меня уже не лезла, пошли в комнату. Так как текстов у меня не было, а читать стихи, подвывая, как Ахмадулина, я не умел, то мне была вручена гитара. Шикарная цыганская семиструнка, которую быстренько перестроил под шесть струн, и вдарил роком по этому захолустью.

Правда, про рок я несколько загнул. Просто начал петь как военные, так и обычные песни, которые мне нравились и которые еще не были сочинены в это время.

Владимир сначала молча слушал, а потом, остановив музицирование, сбежал в коридор. Я, сидя в комнате, слышал, как он вопит в телефонную трубку:

– Никита?! Никита, ты не занят? Мы сейчас к тебе подъедем. Там сам увидишь. И услышишь тоже. Я же говорю – сам увидишь. Да. Да, конечно. Нет, через полчаса будем!

Потом импульсивный поэт отобрал у меня гитару и велел собираться, сказав, что сейчас поедем к Богословскому. По дороге все удивлялся такому совпадению.

– Представляете, мы в Москву приехали буквально на неделю – из Ташкента. Нас туда еще в сорок первом эвакуировали. Надо же вам было так удачно зайти! Завтра вы бы уже меня не застали.

Знаменитый Никита, которого я до этого видел только по телевизору и глубоким стариком, оказался худым парнем с шикарным, зачесанным назад чубом. Сам он был питерский, поэтому в Москве жил у знакомых, которые сейчас тоже были в эвакуации. Зато у них было пианино…

Я шпарил на гитаре, Богословский выдавал вариации на клавишных. Агатов тоже не сидел без дела. Он влет записывал слова песен. Парни были удивлены. Парни были потрясены. Салабонистого вида Никитка сказал, что я уникум и талантище. Только вот некоторые мелодии он бы сыграл несколько по□другому. Самое смешное в этом было, что по-другому он собирался обыгрывать в основном свою же музыку, правда, еще не написанную. Потом он показал, что имел в виду. Получилось прикольно. Песни звучали узнаваемо, но несколько необычно. Это было как… вот слово забыл, ну, на чем Киркоров в свое время погорел… А, вспомнил – ремиксы! Правда, «Темную ночь» оставил без изменений. Особенно, как ни странно, заинтересовались «Черным котом».

– Какая необычная трактовка, – говорил Никита, возбужденно подбирая нужные ноты на пианино. – Это не джаз, не блюз, но звучит очень хорошо, необычно…

«Это твист», – подумал я, отбивая ритм по боковой стенке инструмента, но ничего вслух говорить не стал. Послушали бы вы Элвиса Пресли – наверное, вообще в восторг пришли бы. А вот если б услышали что-то из современной попсы, точно – сразу бы всю ее под пулемет пустили…

Потом посидели просто так. Они рассказывали о своем житье в Ташкенте, я – про разные смешные случаи на фронте. За время беседы понял, что Богословский, оказывается, приколист еще тот. Даже не ожидал от мэтра такого, но потом спохватился – какой он на фиг мэтр? Щегол, моложе меня. Правда, талантище, несмотря на молодость, из него так и пер.

Мне даже неудобно было, что у него несколько песен свистнул. Ну да ладно – что случилось, то случилось. Перед уходом обменялись адресами. Они дали свой ташкентский, а я полевой почты. Договорились, что как только у меня что-то новое из стихов появится, сразу буду им отсылать, а они уже по своим каналам, если стоящее, – будут продвигать. Только вот как с мелодиями быть, так и не решили. Нот я не знаю, а письмом мелодию песни передать не получится.

На седьмой день своего отпуска пришел в здание на Лубянке. Отдыхать надоело. Устроив Селиванова обратно в его квартиру и проследив, чтоб мужику из Львова дали хату не хуже той, в которой он жил, я заскучал. Знакомых у меня в Москве не было, доисторические фильмы смотреть было неинтересно. Ладно бы еще старые чаплинские крутили, так нет – все больше про колхозников или выученные уже наизусть «Волга-Волга» и «Веселые ребята». Тех фильмов, что потом стали называть трофейными, тоже не было. Были еще так называемые военные киносборники, но их смотреть без смеха было нельзя. Когда один раз при просмотре этой агитки захихикал, меня чуть не побили возмущенные зрители. Спасло только то, что вовремя распахнул шинель, демонстрируя новенькую звезду Героя, и объяснение, что ржал над глупыми мордами фашистов. Кстати, к поэтам-композиторам появлялся без этой награды – на фиг мне нужен лишний ажиотаж. Да и саму звездочку я тогда ювелиру отдал, чтоб копию сделал. А то, при моем бардачном отношении к жизни, я ее, мягко говоря, профукаю, в смысле потеряю, и будет обидно… Остальные-то регалии – на гайках держатся. Их только вместе с гимнастеркой посеять можно. А звездочка к планке маленьким колечком крепится. Зацепился, и все – прощелкал награду. Я так свою отважную медаль посеял. Пока лазил по окопам, высматривая пути прохода, телогрейку скинул – жарко стало. Тут миномет долбить начал. В общем, пока кувыркался, медаль тю-тю, одна планка осталась. Так что лучше заранее подстраховаться…

Рестораны тоже не прикалывали. Нет, и обслуживание и количество блюд было на высоте, но вот в одиночку пить было непривычно. Ребят с фронта в кабаках я не видел – все больше тыловики и гражданские. А у нас с ними взгляды на жизнь уж очень сильно различаются. Так что один раз даже устроил дебош, с битьем морд, посуды и вызовом патруля. Бабы в ресторанах были либо со спутниками, либо чересчур шалавистого вида. На таких посмотришь и перед глазами вендиспансер с призывно открытыми дверями возникает… В общем, когда я пришел на Лубянку, Лаврентий Павлович хоть и был удивлен моим желанием прервать отпуск раньше, но отговаривать не стал, выписал направление, и через два часа за мной должна прийти машина, до аэродрома.

* * *

Чудо советского автопрома летело на сумасшедшей скорости, аж сорок километров в час. Честное слово, хотелось выйти и побежать. Такое впечатление, что так было бы быстрее. Да уж… эмка, это вам не моя бэха, которую до двухсот легко разгонял по автобану. Да и здесь не автобан. Шоссе, правда, не разбитое, но до автобана ему далеко. А с такой скоростью, как BMW, тут некоторые самолеты летают… Тем временем дорога, сделав плавный поворот, опять превратилась в прямую, и я увидел в паре сотен метров дальше стоящую у обочины такую же, как и у нас, эмку. Возле нее торчали двое. Один ковырялся в движке, а рядом с ним стоял второй, в командирской шинели, и глядел на нас. Я тронул за руку своего шофера:

– Тормози возле них. Поможем военным.

– Товарищ капитан, у вас до вылета полтора часа осталось.

Моему гебешному водиле, видно, было в облом выходить на пронизывающий ветер. Дело к весне уже идет, а ночью дубак стоит страшный. Да и днем вроде теплеет, но сильный ветер сводит все на нет, так что его нежелание можно понять.

– Тут езды до аэродрома – минут двадцать, успеем. Тормози, говорю!

Мы плавно остановились возле терпящих бедствие вояк. Я хлопнул дверцей и пошел к

ним, а жук-водила все ковырялся у себя на месте, думая, наверное, что, может быть, все само собой рассосется. Издалека поприветствовал стоящих:

– Здорово, мужики! Помощь нужна?

И только тут разглядел петлицы стоящего командира. Ого! Целый полковник на дороге валяется! И чтоб не давать поводов к придиркам, козырнул ему персонально:

– Здравия желаю, товарищ полковник! Капитан Лисов, следую на аэродром. Вам помощь нужна?

– Полковник Старинов, – представился тот, кто не копался в двигателе. – Тоже следую на аэродром, но вот видишь, крайне медленно. Мы тут уже минут десять стоим, хоть бы одна машина прошла, вы первые.

Но тут он нахмурился, видно, что-то припоминая, и спросил:

– А вы не тот Лисов, что командира тридцатого корпуса взял?

Ха! Слава героя гремит в веках! Меня уже в чистом поле узнают. Хихикнув про себя, тем временем пытался вспомнить, откуда я знаю фамилию этого человека. Что-то очень знакомое, но вспомнить не могу… Вроде вместе не служили, да и в штабах не пересекались. Но вот крутится в голове и все тут. Пауза слегка затянулась, и Старинов спросил:

– Капитан?

– Так точно, товарищ полковник! Тот самый.

Я мотнул головой в сторону машины и предложил:

– Вас подвезти?

– Конечно. Заодно по дороге послушаю, как ты Зальмута захватить умудрился. Может, и мне когда пригодится…

Полковник усмехнулся и подмигнул. А я, кивнув, подумал, что ему такое точно не светит. В таких чинах по вражьим тылам не бегают. Максимум, как наш Колычев, операции планируют. Странно, кстати, почему в своем времени я про Ивана Петровича ничего не слышал? Наверное, из-за места его службы. Таких, как он, лет на пятьдесят засекречивают, если не на всю жизнь. Знаю только одного шустрого полковника-диверсанта, о котором и книги писали и передачи делали. Изобретателя рельсовой войны и вообще всего, что с советским спецназом связано, – Илью Старинова…

Ё-мое! Фамилия с именем главного сталинского головореза как-то сами собой всплыли в памяти. Тут я так резко остановился, что попутчик чуть не налетел на меня. Осторожно посмотрев на полковника, уточнил:

– Извините, вы полковник Илья Григорьевич Старинов?

– Да, я Илья Старинов. А мы что, раньше знакомы были? Что-то не припомню…

– Нет, не знакомы, просто я много о вас слышал. И как вы в Испании тоннель подорвали, а потом франкисты гонялись за неуловимым Рудольфио. Да и о теперешних делах тоже…

С переполоху от встречи с живой легендой даже его испанскую кликуху вспомнил. Да и тоннель этот он лихо рванул. Про это Гусев мне рассказывал. Не называя фамилий (может, и сам не знал), говорил о нашем советнике, который под псевдонимом Рудольфио действовал. У фалангистов в Испании был тоннель, который они блюли, как несовершеннолетнюю сестру. Близко было не подойти. Тогда Старинов набил автомобильную покрышку взрывчаткой, поставил детонатор с замедлителем и сделал растяжку через железную дорогу. Паровоз зацепил растяжку и уволок колесо в глубь тоннеля. Тот был аж километровой длины, поэтому уволок далеко. Охрана зацепившийся за состав мусор благополучно прощелкала – это же не злобный диверсант с ножом в зубах и полными карманами тротила. В общем, когда все ухнуло, испанские фашисты целый месяц завал разгребали. И, соответственно, сидели на голодном пайке в боеприпасах и снаряжении. Другое дело, что поклонникам Долорес Ибаррури это мало помогло – все равно войну проиграли, но это их личные проблемы. Наши за них воевать на всех фронтах один фиг не могли…

Ого! А что это с полковником? Пока я пребывал в эйфории, выражение лица папы

советских диверсантов изменилось. Старинову такая осведомленность, похоже, не понравилась. Он встал полубоком и, положив руку на кобуру, настороженно оглядывал мою подпрыгивающую фигуру. Потом потребовал документы. Еще один бдительный проверяльщик. Хотя его можно понять. Подходит на дороге человек и начинает вспоминать совсекретные сведения. А может, и не секретные, я не знаю, но все равно извлек свое удостоверение и продемонстрировал напряженному полковнику. Потом объяснил, от кого знаю все это.

– Мне про этот случай мой командир рассказывал. А в Кремле Судоплатов сказал, кто такой Рудольфио.

– Хм… ты и с Судоплатовым встречался?

– И не только с ним. Товарищ полковник, может, поехали, а то холодно стоять.

Сев на заднее сиденье, мы покатили дальше, а Старинов начал выпытывать подробности взятия Зальмута. Пока я рассказывал про пленение лампасника, слушатель одобрительно кивал головой, попутно задавая вопросы. Да все больше очень толковые вопросы. И как именно оценивалось местоположение генерала в закрытой машине. И где прятал маленький нож и как контролировал грека-контрабандиста. Блин! Сразу видно – наш человек. Мы уже приехали, но, выйдя из машины и стоя с подветренной стороны здоровенного ангара, все делились мнениями. Я, помня его же высказывания, сказанные годом позже, выразил сомнение в целесообразности подрыва железнодорожного полотна. И риск для подрывников большой, и толку мало. Ремонтной бригаде заменить рельсу и сделать подсыпку – на два часа работы. А вот если рвать эшелоны, тут будет совсем другой эффект. Илья Григорьевич меня поддерживал, но объяснял невозможность этого тем, что у партизан не хватит сноровки это сделать:

– Идея, конечно, хорошая, я сам о таком думал, но для этих дел нужны подготовленные люди.

Кивнув, соглашаясь с его словами, я ничего не сказал о моем разговоре с Судоплатовым о создании разведдиверсионных групп нового поколения. Надо будет – тот сам скажет. Точнее говоря, конечно, скажет. А если вдруг наверху забудут о Старинове, то я всегда напомню. Такими людьми не разбрасываются. Он по части соображалки даже мне громадную фору даст…

Тут к полковнику подскочил похожий на медвежонка, из-за толщины комбеза, летун и уволок его к самолету. Мы только и успели попрощаться. А через двадцать минут и меня усадили в транспортник, который, порычав моторами, устремился в вечереющее небо.

Глава 9

– Ай молодца! Ну – герой!

Колычев крутил меня во все стороны, оглядывая регалии и похлопывая по плечу. Я к нему пришел представиться в связи с прибытием и теперь вместе с полковником радовался встрече. Потом он отправил меня отдыхать после перелета, на прощание сказав:

– После обеда ко мне. Буду вводить тебя в курс дела. А дела нам предстоят нешуточные.

Я, конечно, вякнул, что вовсе не устал и готов вводиться хоть сейчас, но Иван Петрович все равно меня отослал, сказав, что он не готов. К Гусеву было идти или слишком поздно, или очень рано, это как посмотреть, поэтому пошел спать. В кубрике застал ожидающего Леху. Я, когда прилетел, сначала к нему заскочил, и теперь он, порубав большими скибками хлеб и открыв пару банок консервов, сидел полностью одетый, изо всех сил выпячивая грудь. Оба-на! Бывший расхититель социалистической собственности молча, с горящими глазами, хвастался сияющей в свете лампочки медалью «За отвагу!».

– Ну, молоток! Поздравляю!

– И я вас, товарищ старший… ой, товарищ капитан, поздравляю!

Потом Пучков с детской непосредственностью начал разглядывать золотую звездочку

и орден. Когда мне это надоело, спросил:

– Так ты командира и свежеиспеченного героя всухую ужином кормить будешь?

Леха опять ойкнул и, нырнув под стол, извлек пузатую бутылку с импортной этикеткой. Ни хрена себе струя! Я взял бутылку, вчитался и потрясенно поинтересовался:

– Это же Курвуазье! А ну колись, ворюга мелкий, где ты его раздобыл?

Пучков на ворюгу не обиделся, а выкладывая шоколадку и мелкий зеленоватый лимон, от вида которого я еще больше обалдел, рассказал:

– Это ребята-разведчики со сто тридцать втогого полка. Они в поиске офицера взяли и трофеи прихватили. А когда про тебя узнали, ну, про награду, то одну бутылку подарили. Сказали, что когда приедешь и к ним зайдешь, еще чего-то тебе презентовать хотят.

– Вот и добре… Эх, жалко, Сереги нет! Сейчас бы вообще, душевно посидели!

Но и при отсутствии Гусева посидели тоже хорошо. Откуда-то среди ночи, узнав о моем приезде, нарисовались еще трое знакомцев. Мишка – наш радист, которого я в госпитале навещал, Прохорыч, командир комендантской роты, и Витя-длинный – особист из штаба армии. Приговорив с ними бутылку трофейного коньяка и выслушав поздравления и последние новости, разошлись баиньки.

А наутро первый, кто меня поймал, был бригадный комиссар Серюков. Он налетел на меня как ястреб на мышь.

– А, товарищ Лисов, здравствуйте! Вот вас-то я и ищу!

Комиссар лучился такой радостью, поздравляя с наградой, что я сразу заподозрил недоброе. Нет, конечно, и среди этих политических говорунов попадаются изредка нормальные люди. Но ключевое слово тут – изредка. В основном балаболы. Но, кстати, Серюков относился по моей классификации к более или менее нормальным людям. И на передовой хоть изредка, но появлялся, да и по жизни себя мудаком старался не выставлять. Поэтому нацепил приветливое выражение на физиономию и тоже поприветствовал бригадного:

– Здравия желаю, товарищ комиссар! А по какому вопросу я вам понадобился?

– О, это вопрос важный, можно сказать, государственный. Но нам, наверное, неудобно его будет в коридоре обсуждать, поэтому пройдемте в кабинет. – И широким жестом показал направление.

Ну, пройдемте так пройдемте. Я потопал, куда указали, напевая про себя по ассоциации появившиеся строчки про то, что в комнатах наших сидят комиссары и девочек наших ведут в кабинет. Интересно, что за вопрос государственный этот проводник идей придумал? Хотя у них все вопросы государственные, от отсутствия чайного сервиза на столе члена военного совета до освещения последней передовицы «Правды».

Но Серюков, как только вошли в помещение, что он громко окрестил кабинетом, сразу огорошил предложением вступить в ряды самой прогрессивной и руководящей. В партию то есть блатовал, фантик плюшевый! Странно… До него никто таких поползновений не совершал. Наверное, связываться не хотели, а бригадный решил рискнуть. Трындел, что понятие герой Союза и партия – это как близнецы-братья. Мол, как только я вступлю в ряды, люди ко мне моментально потянутся и станут равняться. Брать, так сказать, пример во всем. Тут он осекся, видно, вспомнив мои невинные шалости типа переправки машины с американской консервированной колбасой из столовой штаба в госпиталь и бития морды комиссару полка – стукачу. Помотал головой и уточнил, что теперь я, конечно, буду подавать пример дисциплинированного командира и своим поведением воодушевлять бойцов на беспримерные подвиги, но исключительно в рамках социалистической законности. И вообще быть членом партии – это до невозможности круто и почетно. Рулез, можно сказать.

Я слушал, радостно улыбаясь, кивая в нужных местах, удивленно делал брови домиком, когда комиссар в запале начинал чесать цитатами из классиков. В голове же крутилась неожиданно появившаяся мысль – почему раньше количество народа в армии все больше измеряли штыками да саблями. А сейчас исключительно членами. Я не Фрейд, но

ассоциации возникают странные. Серюков заливался соловьем, чем-то напоминая продавца с китайского рынка, впаривающего свой товар приезжему из глубинки лоху. Лохом быть не хотелось. Для себя я уже взвесил все за и против. Плюсов, конечно, было много. Но вспомнив занудные комсомольские собрания, на которых приходилось присутствовать, и толстую общую тетрадь, исписанную разными работами незабвенного Ильича, которые нас на первом курсе заставляли конспектировать, я покрылся нехорошим потом, и это перевесило все плюсы. Стать членом, если приспичит, всегда успею. Зачем себе раньше времени этот геморрой заводить. Поэтому самым невежливым образом прервал поющего комиссара. Тяжело вздохнув и разведя руками, сказал извиняющимся тоном:

– Не выйдет, товарищ бригадный комиссар. Я ведь не помню, что было со мной до войны, может, тогда в партии уже состоял. А быть двойным членом одной и той же организации – уставы не велят. Вот найдутся мои документы, и если там не будет учетной карточки, то первое, что сделаю, – вступлю в ряды. А пока, как крайне дисциплинированный человек, не хочу даже по незнанию нарушать существующих законов.

Моя наглая фраза про дисциплинированность настолько выбила Серюкова из колеи, что он несколько секунд только молча открывал рот. Потом начал агитацию заново, говоря, что ничего страшного нет, и такое нарушение, если оно вдруг имеет место быть, – берет на себя.

Но я уперся, и сошлись на том, что как только я дозрею, он непременно напишет мне рекомендацию. На том и раскланялись. Выйдя на крыльцо и подставив физиономию лучам уже ощутимо пригревающего солнца, думал, как быстро все-таки у нас колеблется генеральная линия партии. Ну и ее члены вместе с ней. Перед войной – это я из разговоров понял – главными продвигаемыми брендами в СССР были Сталин, Ленин и ВКП(б). Любое упоминание о Боге, истории (не связанной с партией), каких-то корнях пресекалось жестко и быстро. А вот с началом войны выяснилась интересная штука. Не хотел народ гибнуть за партию. За Ленина и Сталина тоже не хотел. Тем более что коммунисты отрицали царствие небесное, поэтому гибнуть было гораздо страшнее. Когда наверху в это врубились, то быстренько все переиграли. Войну назвали Отечественной, повыпускали всех оставшихся в живых священников и начали громкую пропаганду славных боевых традиций русского народа. В темпе стали выходить книжки и агитки про Суворова, Кутузова, Невского. Комиссары, как раньше трындели о фантастических успехах революционных вождей на боевом поприще, так и теперь с не меньшим воодушевлением проводили глубокие экскурсы в историю, чуть не до каменного века, сравнивая немцев с татаро-монголами и печенегами, а Сталина сотоварищи – с Дмитрием Донским и Иваном Калитой. Народ от таких резких поворотов несколько охреневал, но в общем относился к этим разглагольствованиям благожелательно. Про победы Суворова было слушать гораздо интереснее, чем про проведение решения очередного съезда партии в жизнь. И все-таки существующая сейчас власть, хоть и допускала ошибки и промахи в идеологической накачке населения, но работу вела мощную. Здешнее поколение двадцатилетних за советскую власть, в большинстве своем, готово было порвать на британский флаг любого.

Я вспомнил свое время и только хмыкнул. Нашим пионэрам студенческого возраста глубоко плевать вообще на любую идеологию. Прутся исключительно с анаши, экстази да с импортных музыкальных групп. Это если брать эстетов. Неэстетствующая молодежь интересуется водярой, клеем и группой «Лесоповал». Ну и обе группы активно интересуются девочками, что не может не радовать. Хотя пидарастежа, особенно среди эстетствующих, тоже хватает…

Некоторые из них уже считают, что Отечественную войну выиграла Америка, на Тихом океане. Ну еще Англия в Африке сильно дала фрицам прикурить. После чего полностью деморализованные гитлеровцы сами собой смылись с территории Союза, а наши войска (те, что остались после чисток кровавой гебни, в основном состоящие из штрафбатов и благородных уголовников) с песнями и плясками на американских же «виллисах» беспрепятственно доехали до Берлина. Про то, что все так думают, это я, конечно, несколько

загнул, встречаются вполне нормальные ребята, но они как-то теряются на общем фоне. А Россия, забившая в последние пятнадцать лет на любую идеологию, заполучит себе мощнейший геморрой в самое ближайшее время. Нельзя народ оставлять без какой-то объединяющей идеи. Клич – обогащайтесь – какое-то время проработал за эту идею, но был для большей части населения беспонтовым и благополучно зачах…

От этих философских мыслей отвлек Иван Петрович.

– О, Илья, уже отдохнул? Давай ко мне.

Придя к нему, был ошарашен новостью о наступлении. Оказывается, пока я прохлаждался в Москве, на наш участок были перекинуты четыре стрелковые дивизии, два танковых полка, а также увеличилась группировка штурмовой и истребительной авиации. В Севастополе тоже получено подкрепление людьми и боеприпасами. Разведчики пронюхали тылы немцев на предмет изменения обстановки, и через два дня начнется большой сабантуй. Но немцы, видно, предчувствуя неожиданную подляну, тоже активизировали своих разведчиков. За эту неделю было отловлено 12 групп фрицев и особисты накрыли три точки агентурных разведчиков.

Задачи нашей группы при этом наступлении остаются прежними, единственно, может быть, понадобится помощь войсковикам в проведении глубокой разведки.

– У них там тоже подготовленных людей хватает, но сам знаешь, удача в этом деле не последнюю роль играет. А на тебя, после случая с генералом, смотрят вообще как на символ фортуны в чистом виде. Так что если прижмет – будь готов.

– Всегда готов! – ответил я пионерским кличем с поднятием руки, чем вызвал ухмылку Колычева.

Но быстро став серьезным, он продолжал вводить меня в курс дела, которое осложнялось присутствием недружественно настроенного населения, что после наступления останется у нас в тылу.

– Пакостить ведь начнут. Одиночные машины и небольшие группы военнослужащих уничтожать. Диверсии проводить. Так что это тоже надо будет иметь в виду.

Угу… иметь в виду – они нас будут. Крымские татары здесь каждую тропинку знают. Они у себя дома. Тут или как Виссарионыч сделал – либо выселять всем гамузом в Казахстан, на что сейчас ни сил, ни людей нет, либо делать то, что наши делали во вторую чеченскую. Собирать старейшин, обещая им пряник, в виде амнистии для лиц, сотрудничавших с немцами, но не замаравшихся в крови, а также прочих послаблений. Например, выписать с восточной части страны несколько надежных и авторитетных мулл да разрешить строить мечети. Это всех так удивит, что на некоторое время крымские мусульмане станут безопасны. Причем безопасность подкрепить кнутом, в виде угрозы тотальных зачисток. А ввиду отсутствия или малого количества войск НКВД зачистки будут проводиться с воздуха и исключительно фугасно. Оставить им в аулах некоторое количество оружия для отрядов самообороны. Нарезать участки ответственности этим отрядам. И в случае ЧП на каком-то из этих участков спрашивать по всей строгости именно с данного конкретного отряда. Пусть сами спокойную обстановку вокруг своих поселений блюдут. Диверсий, конечно, будет хватать, но их количество снизится на порядок.

Приблизительно все это и выложил Ивану Петровичу. Он от такого предложения сначала выпал в осадок, но, потом подумав, все-таки решил, что это меньшее зло. С предателями можно будет и позже разобраться, а об этих идеях он доложит по команде.

Потом, когда Колычев меня отпустил, намылился к Гусеву. Правда, не доехал. Машины возле штаба стояли, но попуток не было, и полуторка нашей группы тоже куда-то делась, поэтому двинул пешком, рассчитывая поймать мотор по дороге. По пути, блин, вообще ничего не ловилось. Протопал быстрым шагом уже километров пять, а ни одна зараза не останавливалась. Знакомых водил не попадалось, а незнакомые четко следовали приказу, запрещающему подбирать попутчиков. Им на днях всем такой пистон вставили, до сих пор в себя прийти не могут. А все из-за будущего наступления. Так что никаких калымов в ближайшее время военным шоферам не видать. Но я не терял надежды и резво махал всем

проскакивающим грузовикам. Фиг вам. Тут хоть как вертолет руками крути – не остановятся. Тем более что форма на мне не устрашающая энкаведешная, а обычные пехотные петлицы на шинели. Наша группа вообще лишний раз не афиширует свою принадлежность к госбезопасности. У немчуры-то действует приказ по «Штабу Валле» – немедленно при встрече ухватывать всех советских командиров, начиная с полковника. Колычев-то у нас, по армейским меркам, как генерал-майор идет. Даже Серега со своим гебешно-майорским званием приравнивается чуть ли не к генералитету. Я помню, когда это узнал, обалдел настолько, что дня три изводил Гусева, обращаясь к нему исключительно на вы и переводя его звание в армейскую табель о рангах. Очень уж нравилось мне выдавать что-то типа:

– Товарищ комбриг, уберите на хрен свои портянки со стула – воняют!

Или:

– Товарищ полковник, если сегодня опять пойдете по бабам, то по возвращении восторженных песен не петь! Ваше перевозбужденное высшее командное либидо спать мешает простым рабочим войны.

Серега, правда, не злился, а мне влетело от Колычева, когда он мой очередной перл услышал. Причем попало не за несоблюдение субординации, а за нарушение секретности.

Под эти приятные воспоминания выскочив за поворот, увидел еще троих таких же голосующих горемык. Старлей и сержант с рядовым безуспешно пытались поймать транспорт. Подошел, поздоровался. Ребята оказались из свежеприбывшей дивизии и теперь двигались в рембат, за запчастями. Их машина поломалась по дороге, и они, рассчитывая поймать попутку, попали в ту же ситуацию, что и я.

Старлей оказался веселым парнем, все сыпал шуточками, рядовой подхихикивал, а сержант мрачно молчал, глядя на проскакивающие грузовики. Но потом и он развеселился, когда я рассказал анекдот про тещу. Мощно заржал, закидывая голову и показывая желтые прокуренные зубы. Колонна, проходящая мимо, сильно пылила по подсохшей дороге, и мы отошли чуть в сторону.

Я машинально улыбался, слушая очередной прикол старлея, а сам все пытался врубиться, что изменилось в окружающем мире. Вот буквально сейчас, только что, произошло нечто такое, от чего у меня волосы на загривке дыбом встали. Быстренько отмотал мысленно все назад. Байка старшого про бабку и танкиста? Нет… Анекдот про тещу? Тоже нет… Ржачь сержанта? Нет…

Стоп! Зубы! Мой кореш, тот, который бляху прикупил фельдполицайскую, тусовался одно время с черными археологами. Недолго, правда, но историй много интересных рассказывал. И вот одна из историй была про то, как один из копателей нарыл череп. Кинув на него взгляд, мимоходом заметил, что это черепок фрица. Кореш, который даже не думал, что по костям можно национальную принадлежность определять, – заколдобился. Черный снисходительно объяснил, что смотреть надо на зубы. Наши развлекаются семечками. Поэтому характерные выщерблины на зубах – треугольные. Немцы же грызут орешки. И зубы у них стачиваются по-другому. Кореш, помню, очень живо описал строение зубов черепка, я как будто сам это видел. И вот теперь у сержанта увидел такие же повреждения, как и на описываемом черепе. И что это может значить? С одной стороны, может и ничего. Мало ли кто как за полостью рта следит. А с другой…

Моя пятая точка, на предмет предупреждения, еще никогда не подводила, вот и теперь просто вопит об опасности. Колонна тем временем прошла, и дорога опять стала пустынной. Старлей решил прикурить и, вытащив зажигалку, начал ею щелкать. Огонька не появлялось. Тогда он ею потряс и, неловко двинув рукой, выронил зажигалку так, что она улетела мне за спину. Чертыхнувшись, сделал три шага и, обойдя меня, начал взглядом искать ее на каменистой земле. Смотря за действиями командира, я отвернулся от остальных. Но был готов. Поэтому, почуяв движение сзади, резко присел и с поворотом вогнал кулак в пах прыгнувшему на меня сержанту. Со страху влепил так, что он перелетел через голову и врезался в старлея, который тоже начинал движение в мою сторону. Зачерпнул горсть

щебня, ободрав при этом пальцы, и метнул камешки в голову рядового, который уже скидывал винтовку. И следом рыбкой прыгнул сам. Тот машинально прикрыл глаза от летящего в него мусора и не заметил меня. Врезавшись в бойца и прямым ударом свернув ему челюсть, добавил по ушам. Потом, даже не выпрямляясь и не оглядываясь, метнулся за небольшой придорожный валун. Вовремя! Пуля взметнула фонтанчик щебенки в том месте, где я только что был. Вот блин! Так и ухлопать могут! Валун был – только одно название. За этим камушком только голову спрятать. А жопа и все остальное наружу. Оберегая свою сверхчувствительную пятую точку от возможных повреждений, метнулся перекатом в сторону, на ходу доставая пистолет. Еще раз успел. Фриц, а теперь никаких сомнений не было, что это немцы, не думал, что я свалю пусть из-за ненадежного, но укрытия, и среагировал неправильно. Он выстрелил, пытаясь попасть за камень, а я практически в упор всадил ему в плечо две пули. Тут же подсек под ноги уронившего пистолет старшого и, слегка добавив ему по башке, огляделся. Так, рядовой лежит смирненько, прям как живой, только из уха кровь течет, да немигающие глаза уставились в небо. Звиздец котенку… Сержант, ухватив себя за мотню обеими руками, скрючился в позе эмбриона и тихонько поскуливал. Старлей тоже был в порядке, хотя и без сознания. Хм… Три – ноль в мою пользу. Отряхнувшись, связал живых противников их же ремнями. Потом оттащил тушки на середину дороги и, присев на неразгибаемого сержанта, закурил.

Интересно, чего они на меня набросились вообще? Судя по знанию языка, группа эта – вовсе не из простых будет. Таким полковника, а то и генерала взять – раз плюнуть. А я сейчас – обычный пехотный капитан. Хотя все логично – дорога пустынная, людей нет и одиночный командир, который сам напрашивается быть языком. Может даже, я и не первый был, кого они взять хотели, расколоть, а потом грохнуть. Даже, скорее всего, именно так – уж больно свободно себя чувствовали. Выкинул бычок и встал, прислушиваясь к дальнему шуму мотора. Через пару минут показалась машина – бодро катящая полуторка, в кузове которой сидело человек семь морпехов. Увидев неуставной натюрморт на дороге, гидросолдаты попрыгали из кузова, не доезжая до нас метров двадцать, и вскинули винтовки. Я помахал им рукой и спросил:

– Мужики, до штаба не подкинете? А то вон – ореликов в особый отдел сдать надо.

Мореманский каплей, подойдя ближе и удивленно оглядев пейзаж, поинтересовался, что случилось. В двух словах рассказал ему историю неудавшегося нападения. Он удивился еще больше:

– Ты хочешь сказать, что в одиночку троих диверсантов завалил?

– Одного. Двое тепленькие.

В подтверждение своих слов слегка попинал сержанта, и тот опять заскулил.

– Ну, пехота, ты могёшь…

Вспомнив любимый фильм, поправил его:

– Не могёшь, а мугешь.

Каплей только хохотнул, хлопнул меня по плечу, и мы, закинув в кузов всех троих фрицев, поехали к особистам.

* * *

– Ну ладно, коммунистов всех переловили да в лагеря запихнули, это понятно – от конкурентов надо избавляться. Но евреи вам чем помешали? Их-то за что пачками стреляете?

– Евреев стреляем? – переспросил Гельмут, удивленно вытаращил глаза и через пару секунд ответил: – Евреев мы не стреляем. По существующей доктрине они отнесены к унтерменшам, то есть расово неполноценным, и собраны в гетто. Для них существует ограничение на различные виды работ, список я не помню, помню, что начальниками производств они быть не могут. Но стрелять… зачем?

– Это я спрашиваю, зачем? Ваш придурошный фюрер, – при этих словах Гельмут

поморщился, – объявил, что изничтожит евреев как класс. Они ему что, любимую мозоль отдавили?

– Ничего ему не отдавливали. И такого он не объявлял. То есть объявлял, но насчет цыган, а не евреев. У вас, в России, всегда все перепутают. Цыгане – полностью асоциальная народность, их невозможно адаптировать ни к какому обществу, они всегда живут своей группой. Причем эта группа не признает никаких государственных законов и постоянно нарушает их. Гитлер дал три месяца сроку, чтобы их таборы ушли с территории Германии. Те, кто этого не сделал, в целях профилактики правонарушений были ликвидированы.

Интересно получается. Я даже растерялся. Об изничтоженных в профилактических целях цыганах слышу в первый раз. Про холокост, Бабий яр, Майданек и прочие страшилки по телику и в газетах безостановочно болтали. Мол, массовый геноцид евреев во время войны был. А про цыган я вообще не в курсах, как будто и не было ничего… Гельмут, видя мое удивление, добавил:

– Ты, наверное, уже заметил, что мы, немцы – пунктуальный народ. Была поставлена задача, чтобы ни одного цыгана на территории рейха не оставалось. Она была выполнена точно и в срок. Про немецких евреев такой задачи не стояло. Была бы – выполнили так же, как и с цыганами, но никому в голову не пришло ее ставить. Это же глупость – уничтожать собственных граждан, пусть даже и унтерменшей. Русские, белорусы, вообще все восточные славяне, да еще и целая куча других народов тоже считаются расово неполноценными, так что же их теперь – уничтожать? Тут никаких ресурсов не хватит, даже просто перестрелять такую массу людей.

– Так вы их не стреляете. Вы их «Циклоном-Б» травите, в концлагерях, в Польше.

– Хм…

Гельмут почесал кончик носа и задумался. Потом, видно что-то вспомнив, сказал:

– Ты, наверное, опять путаешь. «Циклон – Б» изобрел наш немецкий ученый, кстати, еврей – Фриц Габер. Давно, еще в начале века. Так его используют в качестве инсектицида – насекомых травят.

– Угу… насекомых, а заодно и людей в Освенциме.

– Освенцим – это вроде городок в Польше? А, вспомнил! Франц, – он кивнул в сторону кустов, где валялся дохлый эсэсман, – говорил, что там есть концентрационный лагерь. И в нем действительно очень много польских евреев. Которых, кстати, сами поляки активно выдают нашим командам. Так они просто работают, правда, на тяжелых, неквалифицированных работах. А что поделать, если по специальности они рейху не нужны? Зачем нам музыкальные и художественные критики? Журналистов у нас своих хватает. Писателей, поэтов и клерков тоже. Если человек умеет делать что-то руками – то он работает по своей профессии. Только очень мало есть евреев – слесарей или токарей. Я только двух таких за свою жизнь видел.

– Заткнись, мурло длиннохвостое.

Гельмут замолк на полуслове и, нахохлившись, глядел на меня. Вообще-то на мурло он походил мало. Весь такой, как их любил называть малахольный Адольф, – белокурая бестия. Только компактный. Ну да понятно – танкист все-таки. И вдобавок голубых кровей. В смысле не просто Гельмут фон Браун, а еще и какая-то ветвь ихнего королевского рода. Черт его занес аж из Африки в крымские степи. Он там у Роммеля служил и англичан гонял. А сюда приехал в отпуск, навестить своего брата-летчика. Вот и доездился…

А вообще все начиналось как обычно. Ну, не совсем как обычно – в этот раз мы наступали. Причем ходко наступали. Немцы не успевали подтянуть резервы, и наши войска, вырвавшиеся на оперативный простор, гоняли фрицев с румынами в хвост и в гриву. Сорок шестую дивизию немцев, которая выделывалась между Керчью и Феодосией, погнали в глубь полуострова и в районе Старого Крыма, неожиданно для всех – окружили. Правда, неожиданностью это было для фрицев, а для наших это был точный расчет командования. Наступление вели свежеприбывшие дивизии и те, кто стоял в обороне раньше, кроме «черных полков». «Черные полки» – это подразделения, собранные по национальному

признаку, оставляли в тылу выполнять полицейские функции. На передовой от них проку все равно не было. Вообще, какому умнику пришла в голову идея создавать чисто грузинские, армянские и азербайджанские части, ума не приложу. Это же нужно было дойти до такого кретинизма. Думали – они в окружении земляков воевать лучше будут. Ага, щас! Они чуть друг друга не поубивали, наплевав на немцев. Пришлось даже в темпе собранному трибуналу расстрелять несколько десятков буянов в разных полках перед строем. Потом быстренько развели подальше армян с азерами, сунув между ними, на всякий случай, грузинов, и оставили всю эту катавасию в тылу. Уж колонны с грузами они сопровождать всяко-разно смогут. Да аэродромы готовить к весенней распутице. Пусть ВПП лучше обкапывают, чтоб не размыло, чем между собой рубятся. Вообще, похоже, надо подкинуть командованию идею создания строительных батальонов. А то от таких вояк на передовой не то что толку нет – один вред. Правда, если их сильно разбавить другими народностями СССР – дерутся хорошо. Но собранные вместе представляют собой практически неуправляемое стадо. В общем, пока «черные полки» наводили порядок, оставшись в тылу, остальные войска шустро продвигались вперед. До Манштейна быстро дошло, что это жу-жу неспроста и может выйти боком. Он где-то выкопал несколько танковых батальонов и в лучших своих традициях попытался нанести фланговые удары, но получил жестокий облом.

Подвижные артиллерийские группы – это такая военная новинка, которая оказалась ему не по зубам. А ведь все просто, если подумать. Противотанковые орудия не растягиваются по всему фронту, а кучкуются на танкоопасных направлениях группами, с перекрытием секторов обстрела. То есть прорывающимся танкам противостояли не несколько ПТО, а несколько десятков противотанковых стволов. Тут хоть и степь, но вот оврагов, солончаков и промоин хватает. Так что, сопоставив данные разведки и рельеф местности, командование в кои-то веки сумело эти опасные направления перекрыть.

Потеряв большую часть техники, немцы ошарашенно откатились и больше не пробовали так баловаться. Решили сыграть на авиации. Тут у них более или менее получилось, но и наши летуны не ударили в грязь лицом. Почти пять дней в воздухе шла страшная рубка. Наши летчики сидели на наркоте – импортных тонизирующих таблетках фенамина, выдаваемых полковыми врачами для поддержания сил, но сумели отбиться. Потери у них были бешеные, зато в воздухе более или менее стало чисто.

А еще через неделю наступления пришла и моя очередь поработать. Зальмутовские наработки закончились, и Горбатову были нужны новые данные о телодвижениях немцев. Гусев еще был в госпитале, Пучков же, за день до выхода, внешним видом напоминал покемона – у него флюсом ночью так раздуло щеку, что он аж кренился влево при ходьбе. Я его забраковал и отправил в санчасть – лечиться. Леха чуть не плакал, говоря, что успеет починить до завтра зубы, но тут и Колычев был непреклонен, так что наш младший научный сотрудник был отправлен к зубодерам. А мне дали группу разведчиков из 132-го полка. Это как раз те ребята, что пузырь коньяка подогнали. Старший, что шел с группой, – старшина Бакулин, повадками похожий на неторопливого медведя, официально представился, и мы засели за карту. На этот раз поиск предстоял глубокий. Аж километров на пятьдесят в глубь оккупированной территории, поэтому заброска должна была быть с самолета. Из шестерых подчиненных мне разведчиков хотя бы с парашютной вышки прыгали почти все. Бакулин сказал, что он не прыгал, но видел, как это делают другие, и, мол, все будет тип-топ. Главное, чтобы на него парашют правильно надели, а дальше он не подведет. Скептически хмыкнув, решил поверить ему на слово… Потом прикинули, с каким оружием пойдем. У меня был верный ППС. У Бакулина и Кубенко ППД. Боец, удивительно соответствующий своей фамилии, – Стриж, таскался с трофейным МР-40. Я уважительно покосился на этого шустрого паренька. У немцев просто был такой бзик – при попадании к ним в плен нашего человека, если у него было трофейное оружие, такого расстреливали на месте и вне очереди. Наши, впрочем, в аналогичной ситуации, поступали так же. Так что Юрка, по всем параметрам – смелый пацан и живым в плен попадать не собирается. Еще в группе была одна снайперка – у немногословного Генки Петелина, а у остальных – винтовки. Ну и

соответственно пистолеты, гранаты, ножи – были у каждого.

Высаживались ночью. Слева, сплошным черным пятном был лесной массив. Это хорошо, будет куда юркнуть, если прижмут. Ветра почти не было, поэтому раскидало всех недалеко. Через двадцать минут к основной группе присоединился последний прыгун, и мы двинули в сторону леса. Отсидеться, осмотреться, да и вообще уйти подальше от места приземления. А еще через час, услышали далекое гавканье. Ёпрст! Неужели засекли? Ночью немцы обычно спят, но тут лают не просто деревенские собаки. Так гавкают немецкие овчарки, вставшие на след. Я уже этого бреха наслушался… Блин! И кто же здесь такой шустрый появился? Не дай бог егеря. Это такие волчары, что своего не упустят. От них хрен без потерь оторвешься. Мы наддали ходу, но лай не отдалялся. Точно, егеря… Только они могут ночью по лесам бегать. Да и леса здесь с гулькин нос. Сейчас выяснят направление нашего движения и вторую группу в засаду впереди кинут. А прут-то как резво. Похоже, какую-то из наших нычек с куполами нашли, вот и рвут жопу.

– Стой!

Я увидел впереди здоровенный муравейник и дал команду остановиться. Подойдя ближе, убедился, что это действительно не просто куча валежника, а именно муравьиный дом.

– Так, мужики, делай как я. Берете мурашей, выковыриваете их из муравейника и натираете ими обувь, особенно в рантах. Ну и по одежде пройдитесь.

Разведчики, может, и удивились, но вида не подали, тем более я сам первый начал горстями ухватывать из муравейника мусор вместе с насекомыми и, морщась от укусов, стал натирать ими сапоги. Через пять минут, разметав муравейник в прах, мы рванули дальше, но уже почти под прямым углом к прежнему маршруту. Бакулин, пыхтя сзади, все-таки задал вопрос:

– Командир… а зачем мы это делали?

– Собакам… след… сбивали… Муравьи, они… по всему лесу ползают… попробуй теперь нас… по запаху найти…

– Может, лучше… табачком?

– Не-е… не поможет.

Я отвечал, стараясь не сбить дыхание, и добрым словом вспоминал Капина. Это он своим браконьерским штучкам меня научил. Муравьиная кислота очень сильно запахи перебивает. Даже медведь, с его отменным нюхом, в этом случае человека не сможет учуять. Думает, наверное, своей лобастой башкой – мол, насекомые что-то развонялись – расползались… Ну, теперь остается только уповать, что Игорь не преувеличивал волшебные свойства мурашей… В крайнем случае применим испытанное средство – кайенскую смесь. Обычная смесь табака и перца, на собак действует убойно. Но если проводники не дураки – а среди егерей дураков не встречается, то как только первая псина заскулит, словив носом адский запашок, то остальных моментально уберут со следа и пустят метров через двести веером. Какая-нибудь гадина опять нас учует и двинет дальше. А у нас этой смеси не мешки. Всю дорогу не засыплешь. Так что для начала попробуем народное нетравматическое средство. Можно было бы, конечно, удариться в экзотику, и ноги волчьей шкурой обернуть, благо волки тут водятся, но все мы крепки задним умом. Не сейчас же охотой на серого заниматься? Блин! Опять споткнулся и чуть не упал. Ночью да по лесу бежать очень тяжело. Подсветка луны только ухудшала дело. Тени были ломаные, как от осветительной ракеты, и непонятно было, где ветка, лежащая на земле, а где просто тень. Гавканье, когда мы свернули, сначала приблизилось, а потом стало отдаляться. Еще минут через двадцать резвого галопа стало понятно – оторвались.

– Привал, нах! – прохрипел я и рухнул под дерево. Моя команда попадала рядышком, запаленно дыша. Блин! Каждый раз во время таких передряг зарекаюсь бросить курить, но все как-то не получается.

Через десять минут наша гоп-компания отдышалась, отплевалась, и, поднявшись, мы быстрым шагом двинули дальше. Мне все не давали покоя эти загонщики. То, что нас ждать

не могли, – это однозначно. Значит, слухачи засекли самолет и находившиеся рядышком егеря рванули на всякий случай посмотреть, не сыплется ли там что с неба. А какого хрена здесь делают эти ягдкоманды? Партизаны тут не водятся, местное население на немцев не дергается, лагерей для военнопленных, чтоб они беглецов ловили, – тоже нет. Зачем тогда егеря?

Один вариант упрямо лез в голову. При наступлении нам очень сильно досаждали фрицевские бомбардировщики. Частично их, конечно, наши летуны повыбили, но где-то у гитлеровцев есть замаскированный аэродром, с которого они и работают. Причем не стационарный, на стационарных пусто было. Наши истребители в поисках этих зловредных бомберов уже четыре звена потеряли, но ничего так и не нашли. Вообще – авиаразведку той части Крыма сделать не получается. Истребители фрицев, базирующиеся тоже неизвестно где, валят всех, кто пробует пролететь в район Бахчисарая. Немцы что-то тут скрывают со страшной силой. Может, этот тайный аэродром и прячут. С воздуха он наверняка замаскирован, и на земле, помимо роты охраны, вполне может быть и взвод егерей, который будет отлавливать непрошеных гостей. Ну, значит, осторожно будем ползать по округе, авось чего и увидим. Всяко-разно нам надо хорошего языка брать. Глядишь, заодно и тайную ВПП нароем…

И тут лес кончился. Вот так вот резко, без всяких переходов р-раз, и нет деревьев. Я даже растерялся. Куда теперь? В свете луны была видна обширная степь с далекими холмами. Не скажу, что голая, но вот мы почувствовали себя голыми. Тут уж хоть муравейник на голову надень, хоть весь в волчью шкуру влезь – не поможет.

– А вот теперь – ходу, мужики! Стриж, возьми рацию у Вовки, а то он уже запарился.

Юрка взял передатчик у нашего здоровяка-радиста, и мы опять перешли на галоп. Бежали гуськом, длинной растянутой цепочкой. Теперь, когда мы знали о присутствии в этом районе ягдкоманды, оставался один шанс от них оторваться – попробовать выскочить за зону их ответственности. Тоже, конечно, не гарантия, что они отстанут, но больше ничего в голову не приходило. Через три часа, таща по очереди тяжеленный ящик, по недоразумению названный рацией, упали в кустах, под холмами. Скоро рассвет начнется, а мы так умотались, что сил на дальнейшую беготню уже не осталось. Даже егеря уже были не так страшны из-за тупой усталости, поэтому, выставив наблюдателей, завалились отдыхать.

Так как проснулись сами, без посторонней помощи, значит – день уже начался хорошо. С вершины холма разглядели дорогу, проходящую километрах в пяти западнее. Там был и небольшой лесок, самой природой как будто созданный для удобной засады. Бакулин, кстати, туда было и намылился, но мы, как советовал вечно живой вождь, пошли другим путем. Замаскировались в чахлых придорожных кустиках, километрах в трех от леска, имея за спиной длинный овраг, уходящий к сопкам. Пропустили беспрепятственно несколько беспонтовых грузовиков и пару угорелых мотоциклистов. Конечно, на то, что сразу может повезти и ухватим офицера, я не надеялся, но хотя бы оглядимся. Через час наблюдения увидели колонну из четырех грузовиков. И хрен бы на них, но колонна тормознулась возле придорожного леска, и из машин горохом посыпались солдаты. Интересное кино… Фрицы быстренько выстроились в цепь и пошли к деревьям. М-да… туда они явно не за ягодами намылились. Похоже, по наши души. В то, что здесь еще кого-то могут ловить, да еще и такими силами – верилось слабо. Но эти фрицы на ягдкоманду не похожи. Обычная пехтура. Похоже, егеря предупредили окрестные части о приходе гостей – и наша задача усложнилась. Блин! Как говорил Олег Даль в одном хорошем фильме: «Я не могу работать в такой нервной обстановке!»

Но ему было проще – оделся и сбежал, а вот нам без языка бежать некуда. Реноме не позволяет. Придется уходить еще дальше. Дав знак остальным, осторожно отошли к оврагу и двинули по нему прочь. За день отмахали еще километров двадцать. Шли парами, перекатом. Уже к вечеру подошли к распадку между двумя большими холмами. Остановившись в кустах, долго оглядывали окрестности. Тихо. Только птиц и слышно. Первым пошел Яблочкин. Пройдя метров триста по совершенно голой, только с остатками прошлогодней

травы местности, он нырнул в кустарник на той стороне. Пару минут подождали – тишина. Следом двинула пара. Когда они отошли метров на двести, вдруг боковым зрением увидел блик на правом холме. Тут же припал к биноклю, взмахом руки тормознув следующую пару. Что это было? Ведь все уже осмотрел…

Ни фига не видно… Сопка… кустики… куча камней… Дерево… Может, там выход скальной породы слюдой на солнце блеснул? Опять кусты… камень… Стоп! Какой, в жопу, камень! Фриц в большом мешковатом комбезе, очень хорошо подобранном в цвет местности, пас нашу группу в бинокль. Тут как на волшебной картинке, когда знаешь уже, что искать, стали проявляться и другие фигуры. Только на этом бугре насчитал бошки и тушки троих. Да на соседнем еще двое. И это только, кого вот так сразу увидел. А сколько еще не увидел? И ведь ушедшим мужикам знак никакой не дашь! Передав бинокль Бакулину и кратко объяснив, куда смотреть, сам напряженно искал выход. Вот эти фрицы, похоже, и есть егеря. И выходит, мы крепко влипли. Как они нас вычислили, я особенно не задумывался. В принципе – не бином Ньютона. Тут степь голимая. Скрытных путей прохода не так уж много. Конечно, не может быть, чтобы они все перекрыли, просто, похоже, – нам крупно не повезло. Остальные места, наверное, контролируются солдатами, мы это на примере придорожного леска видели, а эти охотники за головами, выходит, засели на дальних выселках. Заняли, так сказать, господствующие высоты и теперь высоко сидят – далеко глядят. А ведь оторвались мы от них хорошо… Блин! Даже если сейчас мы рванем назад, не поможет. Они сначала перебьют ушедших в распадок, а потом займутся сбежавшими. И как бы тихо мы ни уходили – вычислят и прижмут к ногтю. Тут и наступающая ночь не поможет. До нее еще дожить надо. Остается маленькая надежда, что их здесь немного. И это скорее всего. Не будут они на один шанс ставить. Скорее всего, разделились на несколько групп. Человек по восемь-десять. С их выучкой этого вполне достаточно группу из пяти-шести разведчиков как хочешь поиметь. Значит, надо воевать. Выхода другого просто нет. Так-так. На этот распадок мы выскочили по промоине. Наверх все не поднимались… И когда парашюты прятали, заныкали их не кучей, а четыре штуки закопали, и еще три привалили под камнями, в небольшой речушке. Может, в этом выход? Они нас так резво преследовали, потому что наверняка купола нашли. Прикопанные. А вот в речке, даже с собаками – хрен бы они чего нарыли. Тогда одного – четвертого – надо послать предупредить мужиков, а мы втроем попробуем переиграть егерей на их поле. Причем необходимо их валить как можно быстрее. Наверняка ведь рацию имеют, волки позорные, и скоро пошлют сообщение о нас, если уже не послали. В двух словах объяснил диспозицию разведчикам. Бакулин вызвался идти предупреждать ушедших. Со мной остался шустрый Юрка Стриж и наш снайпер Петелин. Игорь вразвалку двинул вперед, как будто и не зная о фрицах, разглядывающих его в оптику.

Я же, за пару минут раздав ЦУ оставшимся, приготовил гранаты и парашютную стропу, которую таскал с собой. Была у меня одна мысль. Когда ходил к морпехам, там один ас гранаты с ремня швырял, как из пращи. Брал лимонку, вкладывал в ремень, выдергивал кольцо, так чтобы рычаг был ремнем прижат и размотав ее над головой, мог запулить подарок в амбразуру дота, метров с сорока. Я тогда так восхитился, что несколько дней развлекался старинной забавой, под руководством земноводного учителя. Правда, в целях соблюдения техники безопасности, по совету гуру, метал камни. И очень правильно сделал, потому как поначалу мог гарантировать только полную тайну полета булыжника. Он летел вверх, в сторону, и один раз даже назад, выбив стекло в стоящем метрах в тридцати грузовом ЗиСе. Водила с воплями прибежал разбираться, но, увидев мое звание, ушел, ворча о долбанутых командирах, которым нечем больше заняться. Потом начал кидать гранаты без запала. Ну и под конец перевел несколько РГ-42 без дополнительной металлической рубашки. Меткость, конечно, у меня была фиговая, в амбразуру точно бы не попал, но зато запуливал ее метров на сто в нужном направлении. С немецкими гранатами такой фокус не прокатывал – у них был терочный запал. А вот с нашими РГ и Ф-1 можно было поработать минометом. Что сейчас и собирался сделать. Приготовив четыре феньки, плюхнулся на пузо

и заработал руками и ногами… Петелин уполз в кусты справа, Юрка ужом ввинтился в чахлую поросль слева. Я вот тоже, получается, сейчас чуть левее уйду, там кустики почти до холмов доходят.

Минут за пять успел проползти метров сто. И тут вспыхнула стрельба. Немцы, видно, поняли, что больше никого не будет, и четверо русских, это все, что можно поймать. Не знаю, что именно там произошло, но первым заработал ППД. Потом вразнобой захлопали винтовки, наши и немецкие, на них накладывались деловитые перестуки автоматов. А после вступил в работу MG. Почти не скрываясь, рванул по кустам поближе. Скорость развил – чемпион мира не угонится. Юрка ушел еще левее – обходя холм и стараясь зайти с тыла. Пока он был еще достаточно далеко, я приготовился использовать свою карманную артиллерию. Как мог, выровнял дыхание и, осторожно вложив гранату в стропу, выдернул кольцо. Ну, не подведи, железяка! Первая лимонка с фырчаньем ушла к вершине. Бабах! Рванула чуть в стороне от места, куда целил, но это все равно. У нее радиус сплошного поражения – метров восемь. Тем более что ахнула еще в воздухе. Пока высматривал место второго броска, руки уже раскручивали стропу со следующим гостинцем. Бабах! Хотя по документам у этого типа гранат радиус разлета осколков двести метров, но я даже не пригибался. На собственном опыте уже убедился, что верить надо только своим глазам, а бумага все стерпит. Реально лимонка опасна метрах на тридцати-пятидесяти, а дальше осколок если и попадет в бушлат, то в вате и застрянет, не причинив вреда. Бабах!.. Бабах! Все – гранаты кончились, да и Стриж уже должен быть на подходе. А теперь – вперед! Пока, пыхтя, взбегал на холм, Юрка уже вовсю с кем-то воевал. Да и справа шла заполошная стрельба. Пулемет у фрицев, правда, заткнулся после второго взрыва моей гранаты и больше не возникал. Выскочив почти на вершину, в упор саданул очередью по напряженной камуфлированной спине немца с автоматом, который было прижал Юрку. Потом, присев на колено, огляделся. Наш курган, выходит, уже чистый? С той стороны распадка раздалась еще одна очередь и на большом камне я увидел фигуру старшины, который махал мне автоматом. Неужели и они всех порубили? Вот так дела… А говорили – егеря, егеря…

Похоже, фрицы думали, хоть кого-то из разведчиков захватить живыми, вот и протянули момент. А когда поняли, что дело швах, – стало уже поздно. Когда мы соединились, то выяснилось, что немцев на высотках было восемь человек. А девятый торчал возле машины, стоящей за холмами. Его-то Бакулин и снял первым. Когда он дотопал до нашего авангарда, то за минуту объяснил мужикам ситуацию. После чего, отойдя за деревце, разведчики спрыгнули в очень кстати подвернувшуюся промоину, которая была хорошо замаскирована какими-то колючими сухими кустами. А потом рванули во весь дух, рассчитывая, что фрицы их хоть на несколько секунд потеряют из вида. Так и получилось. Мужики, выскочив из промоины, двинули вверх, а старшина побежал дальше, думая обойти холм с тыла. Здесь и увидел одиночного немца и замаскированную машину. Особо не раздумывая, дал в него очередью. Тут все и завертелось. Вообще фрицы, похоже, ждали гостей несколько правее, там, где узкой полоской тянулись деревья. А когда засекли нас в распадке, было уже поздно перегруппировываться – могли себя демаскировать. Ну и, конечно, мой фокус с пращой, который заставил пулемет заткнуться. Этот пулемет, не оборви я его работу, всех бы положил на раз. Да и еще пару сильно покоцанных осколками трупов можно записать на мой счет. А Петелин – вообще супер. У немцев, что были справа, присутствовал свой снайпер – так он его вторым выстрелом снял. И все равно мы потеряли двоих. Бориса Ривкина и Серегу Амбарцумяна. Бориса достал снайпер, а Серого снял пулеметчик, когда он гранату собирался кинуть. И Бакулина в руку зацепило. Правда, очень утешало то, что рации у немчуры не было. Так что у нас есть фора и машина. Забрав своих убитых, пулемет и двух дохлых фрицев, загрузились в грузовик. Жмуриков немецких я решил забрать просто так – пусть потом те, кто придет, гадают – что с ними случилось и куда они делись.

– Ну что, командир, на север, подальше отсюда? – спросил свежеперевязанный Игорь.

– Да нет. От нас этого и ждут. А теперь мы на транспорте, так что двинем на юго-запад,

где высаживались. Такого нахальства немцы не предполагают. А у нас будет ночь и завтрашнее утро. Если за это время никого не найдем, будем уходить на северо-запад, в сторону Скворцово. Может, там повезет.

Отъехав километров на десять от места боя, остановились и похоронили наших ребят. Потом я и старшина, как сидящие в кабине, напялили на себя комбезы немецких жмуриков, которых позже скинули в большой овраг, проходящий метрах в ста от дороги.

А уже под утро наконец повезло. В серой предрассветной мгле увидели легковушку, сворачивающую с большой дороги на наш проселок. Без затей ее подрезал, выскочил из кабины, ругаясь по-немецки, и подбежал к водительской дверце. Шофер, похоже, обалдел от такого нахальства – мало того, что я нарушил ПДД, еще и ругаюсь, поэтому даже не брыкался, когда рывком вытряхнул его на дорогу. А в салоне «Опеля» было лепо… Рядом с водилой сидел оберштурмфюрер. Старший лейтенант по-нашему. А на заднем сиденье, в жопу пьяные, полулежали гауптман и толстый мужик в летной форме, звания которого было не разглядеть. Эсэсман тоже трезвостью не отличался. Вообще, из нутра машины разило, как из винной бочки. Бакулин со своей стороны выдернул обера, даже раненая рука ему не помешала, а я, свернув головенку шоферу и открыв заднюю дверцу, в два замаха погрузил алкашей в нездоровый сон. Игорь то же самое проделал со своим. Потом закинули живых в кузов, а водилу в легковушку, за руль которой уселся Кубенко. Он единственный, кроме меня, мог управлять машиной, и наша мелкая колонна, уже не особо разбирая дороги, взяла курс строго на север. Когда совсем рассвело, нашли во чистом поле замечательный овраг. Дорог рядом не было, поэтому, подыскав подходящий съезд, загнали в него машины и, по возможности закидав их чахлыми кустами, остановились на дневку.

После обеда, когда языки очухались и протрезвели, начал потрошить пленных. Эсэсман оказался из какого-то охранного подразделения – замом ротного. Мелкий гауптман – танкистом, аж из Африки. А вот толстый мужик-майор был начальником штаба того самого летного полка, который очень хорошо смог замаскироваться. Вот и повезло наконец, а то я начал уже сомневаться. Привык, понимаешь, что у меня здесь все с полпинка получается, расслабился и поэтому вчерашний и позавчерашний облом все-таки сильно выбил из колеи.

Проскочив в допросе пленных по верхам, начал заниматься ими всерьез. Первым был эсэсовец. Колол его жестко. Очень жестко. Аж самого воротило. С одной стороны, ну что такого особенного может знать обычный ротный или, в данном случае, его зам? Даже если и принадлежит к элитным войскам. А с другой стороны, мне надо было произвести впечатление на летного майора. Уж он-то многое знает. Или видел. Или слышал, поэтому сильно портить его шкурку было не с руки. Оставался еще танкист – но он какой-то совсем мутный. Говорит, что из Африки в отпуск к брату-летчику сюда приехал. Тоже мне, нашел Гавайи, отпускник хренов. В общем, когда я только начал потрошить оберштурмбанфюрера, он еще огрызался и пытался гордо молчать. Ну, и ругался, само собой. Только через десять минут эсэсман уже визжал и кололся. Как я и предполагал, знал он немного, но и это было неплохо. Во всяком случае, о подходе к немцам тяжелого артдивизиона и почти целой пехотной дивизии из резерва нашим было неизвестно. А потом еще немного надавил на черного, и он кончился. Задергался весь, пустил пену изо рта и сдох. Зато майор впечатлился, по самое не могу. Он сидел далеко и не мог слышать нашего разговора, но все прекрасно видел. Поэтому, когда занялся им, он был готов к безоговорочному сотрудничеству. Выдал все, что знал. И место расположения секретного аэродрома в том числе. Подтвердил о приходе резервов. От себя даже добавил, что по слухам, на помощь к Манштейну с севера резво идет танковая дивизия. Назвал известные ему места узлов обороны. Ну да я и сам знал, что немцы уцепились за шверпункты на линии Симферополь—Джанкой—Перекоп. Майор также сдал место и время удара, при выходе из окружения 46-й дивизии, которая еще трепыхалась в районе Старого Крыма. Он об этом знал, потому что их полк должен был поддерживать этот прорыв. А самое главное, оказывается, фон Левински скрытно заполучил себе аж два танковых полка, и теперь немцы желают показать нам мать Кузьмы, ударив с севера и с юга танковыми клиньями. Причем основной состав этих полков

не беспонтовые Pz.II, а вполне грозные тройки и четверки. Вот, оказывается, что они тут помимо аэродрома прятали… Ай, как нехорошо получается. И времени – всего четыре дня осталось. Убрав трусоватого майора в сторонку, собрал остальных разведчиков и на карте показал, что именно выпытал у языков. Это я на всякий случай. Мало ли что по пути приключится. А так – данные знают все. Выезжать решили в ночь, поэтому, опять оставив наблюдателя, народ завалился отдыхать. Радиста озадачил – сразу после побудки надо готовить станцию. Перед отъездом всю полученную информацию зашлю Колычеву. Прямо сейчас было стремно – пеленгаторы не дремлют, а бегать по ровной, как стол, степи больше не хотелось. Да и ребятам поспать не мешает. А так – после выхода в эфир тут же по машинам и ходу! Несколько минут посмотрел на раскладывающего свои причиндалы радиста и занялся гауптманом.

Он еще десять дней назад геройствовал в Африке – англичан плевками гонял, а сюда, как уже говорил, приехал в отпуск. Тут у него брат-летчик. Только вот братана на прошлой неделе подранили конкретно и его эвакуировали в тыл. Так что танкист обломался. Зато командование полка, где его брат служил, встретило африканского героя хорошо. Устроило ему экскурсию по здешним злачным места. Вот и докатались…

А потом фриц неожиданно перешел на русский. Он говорил с небольшим прикольным акцентом, но вполне понятно. Как наши прибалты, когда они еще из Союза вовсю соки давили и были братьями навек. Ого, какой вражина образованный попался! Мне встречались немцы, которые по-русски могли через пень-колоду общаться, но такого продвинутого вижу в первый раз. То, что он не с Восточного фронта, было заметно еще до того, как я в его документы вник. Уж очень круглые глаза были у фашистика. Хотя, как позже выяснилось, в партии он не состоял. Ему – потомку королевского рода – членство в партии, как выяснилось в процессе разговора, было в падлу.

– Так ты у нас из Гогенцорлен… Гогентоллерн… блин!

– Нет, я из рода Гогенштауфенов. Тоже королевский род, правда, Гогенцоллерны были более известны.

– Ну и флаг тебе в руки. По мне так хоть из Пинчер-Карликовских все равно, ты уже труп. Как говорится, кто с мечом к нам придет, тому дубиной голову и проломим.

Я сознательно пугал мелкого гауптмана, но он не повелся. Только вскинул подбородок и сказал, что, мол, не привыкать. Целая куча его предков тоже полегла на поле битвы.

– Ну, до поля битвы тут далеко, а тебя как барана – просто финкой по горлу и в овраге оставим.

Фриц побледнел, но философски заметил, что если бы он выбирал способ убийства, то выбрал бы, без сомнения, пулю, но чего можно ждать от унтерменша, поэтому и финка сойдет. Вот тут у нас разговор и соскочил на расово неполноценных, евреев и прочих недочеловеков. Потом трепались о политике. Гельмут был приверженцем Бисмарка и считал, что фюрер слегка ошибся, сунувшись на Восток, но во всех других случаях его гения не отрицал. Рассказал, как они там в Африке воюют. С перерывами на завтрак, обед, ужин и дневную сиесту. Блин! У них там не война, а черт те что! Сначала долго гоняются друг за другом, а потом, если не настало время дневного отдыха, вступают в радостную перестрелку. И силы в этой Ливийской войне участвовали – просто смешные. Меньше, чем у нас в Крыму, войск задействовано. Они там, наверное, всех противников в лицо знают. Гауптман еще рассказал вообще фантастическую, с моей точки зрения, историю. Как он со своим отрядом захватил небольшую английскую колонну в два грузовика и джип. Так вот, с командиром этой колонны у них нашлись какие-то общие знакомые, и Гельмут англичан отпустил, забрав только грузовики и отдав им джип, чтобы джентльмены не перегрелись в пути. Вот суки! А как эти англичане в мое время все перевернули! У них же в учебниках истории так и говорится, что захват Тобрука, этого замшелого фунфыря, среди бескрайней пустыни, и был коренным переломным моментом во Второй мировой войне. Поубивал бы…

Зато в ответ я рассказал африканцу про наши реалии. Про расстрелы его соотечественниками наших раненых. Про сожженных заживо жителей деревень. Про десятки

тысяч умерших с голода в концлагерях солдат Красной Армии. Про массы партизан, которые активно действуют у фрицев в тылу. Про то, что наши заводы, эвакуированные на Урал, уже начали гнать в полном объеме свою продукцию, и теперь вермахт умоется. Фриц херел и не верил, но я, когда хотел, мог быть убедительным и сыпал фактами, названиями и датами, которые, само собой, не являлись секретными.

Гельмут во время моего монолога сильно помрачнел и заткнулся напрочь.

– Вот и смотри, Гельмут из рода Гогенштауфенов, что Германии светит, когда мы к вам придем? А то, что мы придем, – даже не сомневайся. У вас с наскока сломать Союз не получилось, и теперь будет позиционная война. Готов к ней твой любимый фатерлянд? Реально сам подумай, а не на Геббельса опирайся. Этот худой звиздун, даже когда бои уже на Унтер-ден-Линден идти будут, все по радио будет трындеть о скорой победе и о вундерваффе. А пацаны и старики из фольксштурма, набранные уже после тотальной мобилизации, с гранатами будут бросаться под наши танки, зная, что после того, что здесь, в России, сотворили их сынки да папаши, пощады не будет никому.

Мелкий танкист, слушая меня, взбледнул еще сильнее, чем когда я угрожал его зарезать.

– Ты так говоришь, как будто все заранее знаешь. И слова-то какие придумываешь. Я немец, но таких слов и не слышал. Чудо-оружие, народное ополчение…

– Услышишь еще. Только поздно будет. Когда ваш главный пропагандист первый раз скажет про без пяти двенадцать – можешь смело доставать ствол и стреляться… А насчет того, что заранее знаю, это ты в точку попал. – Я ухмыльнулся и продолжил: – У меня бабка колдунья была. Вот от нее дар и достался.

– А что такое – без пяти двенадцать?

– Ну ты, царская морда, даешь – может, тебе еще и карты генштаба быстренько нарисовать? Доживешь – сам узнаешь.

– Как я узнаю, если ты меня зарезать хочешь?

– Да передумал я тебя в расход пускать. Вижу – человек ты не глупый, еще и с массой влиятельных родственников. Через год-полтора до тебя дойдет, что Адольф Алоизиевич крупно накосячил. И ты захочешь помочь своей стране. Вот тут – меня и вспомнишь. Мне тоже эта мясорубка, что идет, и еще более крупная, что нас ожидает, не нравится. Да и Дрезден с галереей жалко…

Гельмут недоуменно потряс головой:

– При чем тут Дрезден?

– А его союзники с землей сравняют. Американцы, англичане и французы с вами поступят еще хлеще, чем с индейцами на Диком Западе. Массовый геноцид немцев. Версальский мир вам слаще меда покажется. В той части Германии, что им отойдет, – немцев практически не останется. Вы же лягушатников да лимонников так напугали, что они решат от таких соседей совсем избавиться. Даже бывшие эсэсовцы будут в нашу зону оккупации сбегать. Ну, это те, кто не успел в Аргентину свалить. По ним лучше десять лет в Сибири и домой, чем в концлагерях, на шахтах Рура, за два года сгорать…

Вешал лапшу на уши «африканцу» самозабвенно. Заливался соловьем, давая немного реальных фактов, а потом, беря их за основу, выдавал совершенно другие прогнозы. Фриц слушал, недоверчиво улыбаясь, но это было все равно. Я вовсе и не рассчитывал, что он мне поверит. Но, как говорилось в старом анекдоте – мысли, мысли-то останутся! А с его связями, когда он увидит, что дела пошли совсем херово, реально что-то предпринять.

Может, у нас получится свой, просоветски настроенный Штауфенберг. Теперь бы его еще убедить, что советская оккупация лучше американской. И я начал заливаться в этом направлении. Говорил, что Сталин видит Германию не оккупированной, а свободной и не сателлитом, а союзником. Прошелся по идеям Бисмарка. Попугал злобными французами и лукавым Даллесом. Трындел до тех пор, пока Гельмут не спросил:

– Ты, командир, меня вербуешь?

Он меня так обзывал, потому что свое Ф.И.О. я ему не говорил – много чести будет, а

на вопрос, как меня называть, ответил, чтобы звал командиром.

– Да на хрена ты мне сдался – тебя вербовать! Да и как? Ты мне сейчас все, что хочешь, пообещать можешь, и привет. Просто хочу, когда ты сам увидишь, что я прав, не сделал какую-нибудь глупость, а посоветовался бы со знающим человеком. То есть со мной.

– И как ты себе это представляешь?

– Да очень просто – напиши письмо в Цюрих, на центральный почтамт, до востребования на имя… – Я на секунду задумался, а потом выдал: – Иоганна Вайса. Ну, типа, это твой знакомый старинный. И там напиши, как тебя найти. Сможешь же, если приспичит, письмо, минуя цензуру, отправить?

Гельмут кивнул, а я, подстраховывая нашего, еще неизвестного мне связника, добавил:

– Только смотри, голубая кровь. Захочешь биться до конца, за папу Гитлера, хрен с тобой. Можешь писем не писать. Но вот если напишешь и сдашь человека в гестапо, я тебя из-под земли найду. Точнее, даже не тебя сначала – а всех твоих родственников. Так что не обижайся потом.

Танкист выслушал все это молча, только потом спросил:

– Командир, а ты кто? Я не верю, что ты обычный армейский разведчик.

– Правильно не веришь, я же тебе говорил – я колдун. Ты про Тибет что-нибудь слышал? Ну вот видишь, какой молодец. А про Шамбалу? А ты поинтересуйся. Я вот, например, оттуда. Очень интересное место. Сейчас вот русским помогаю, потому что так надо. А ты, кстати, потом поинтересуйся, почему у вашего любимого фюрера одно яичко. И что это значит с эзотерической точки зрения, тем более для мужика. Сам многое поймешь…

Во как загнул. Немного мистики, особенно дубовой тевтонской натуре, не повредит. Пусть потом соображает – я так шутил, или вправду все это… Тем более что я и сам не знаю, что с этой самой эзотерической точки зрения мои слова значат. Но тут поступил, как наши различные шаманы и прорицатели действуют. Напустил тумана и замолк на полуслове. У человека натура такая – он сам все остальное нароет и додумает. Тем более что одноячный фюрер – это факт. И факт для него, наверное, неприятный. Лучше бы у Адольфа руки не было – все приличней. Глядя на задумчивого немчика, поднялся, потягиваясь, и ткнул Гельмута в точку за ухом.

Фриц мягко свалился на бок, а я стал поднимать бойцов. Пока радист настраивал рацию, все думал, почему не поступил гораздо проще и не завалил этого отпрыска голубых кровей? Может, потому, что он не впал в панику при виде ножа? Так эсэсман тоже поначалу держался хорошо. Скорее всего, это был какой-то неправильный фриц. Не остервенелый, а наивный, что ли… со странными понятиями о теперешней войне. Мне такие еще не попадались, наверное, поэтому и не пришил. Радист уже настроил свою шарманку, и, передав данные, быстро попрыгали по машинам, загрузив майора и вырубленного гауптмана в кузов. Когда отъехали километров на десять от оврага, сгрузили Гельмута недалеко от дороги и покатили дальше.

Через линию фронта проскочили тихо. Да и линии как таковой еще не было. Наше наступление застало гитлеровцев врасплох, так что с их стороны были только укрепленные узлы обороны и практически все. Сплошных окопов здесь не рыли. Позиционная война как-то неожиданно перешла в маневренную. Немцы от такой прыти русских сначала опешили, но теперь, как выясняется, собираются показать, что в маневренной войне они нам только небольшую фору дали.

Хотя… Горбатов мужик головастый, воюет хорошо. Главное, чтобы у войск выучки хватило. А ее почти нет. Черные полки я даже не рассматриваю. Те – отдельная песня. А вспомнил я обычную часть. В пехотный полк прибыло пополнение. Так двое земляков из новоприбывших решили соревнование на смелость устроить. Один выскочил на бруствер и, пульнув в сторону немецких окопов, спрыгнул обратно. Второй сделал то же самое, только стрельнул, дергая затвор, два раза. Потом опять первый – но уже сделал три выстрела. Мне удалось застать финал этой истории. Увидел, что какой-то псих, выскочив из окопа, стреляет в немцев, а потом – бац! С дыркой в башке сваливается на дно траншеи. Я такому подходу к

ведению боевых действий удивился, и с ротным (мы как раз с ним шли, передок осмотреть) подошли к убитому, которого уже окружили бойцы. Там и узнали, в чем дело. Узнав, резко обозлился! Мало того, что ума не хватает воевать нормально, так еще и мозгов нет во время затишья себя поберечь. Сержанта, который все это видел и не остановил, – на хер, рядовым в штурмовую роту на месяц. Взводному, который таких сержантов держит, – выговор с занесением в грудную клетку. А в самом начале до остальных бойцов довел, что рядовой Митяев погиб позорной смертью и именно такая формулировка будет в похоронке. Соответственно, его семья фиг получит, а не пособие. Такую подляну родственникам Митяева я делать, конечно, не собирался, но бойцов эта угроза заставила сильно задуматься.

– Вы же, блин, толком стрелять не умеете, только гоношитесь друг перед другом! Выучку свою повышайте, а не понты дешевые колотите! Он же свою родню пришел защищать, а ни одного фрица даже не убил. И из-за собственной дурости. А теперь Вася или Петя будут за него воевать. А сколько у нас таких, что гибнут вот так – впустую? Даже не из-за нашей дурости, не из-за командирской, а по собственному идиотизму. Я бы понял его скачки, если бы он на бруствер выпрыгивал, а вы все, весь взвод, любопытствующего немца, что на его трюки вылезет посмотреть, на мушку взяли бы. Ну или просто его циркачества прекратили, если самим неохота ничего делать. Вот ты, папаша…

Я кивнул коротко стриженному седому бойцу, который, как и все, смущенно отворачиваясь, слушал мою речугу.

– Ты же взрослый человек. Эти-то ладно – пацаны, у них еще детство в жопе играет. А ты же мог предполагать, чем это все закончится. Видишь, сержант не мычит, не телится, так своей властью, просто как старший по возрасту, одернул бы молодых придурков… А вообще армия, она тогда силу представляет, когда бойцы не делятся на семейки и землячества, а друг за друга горой стоят. Когда более опытный вот таких салабонов на путь истинный направляет да хитростям военным учит…

В общем, закатил тогда монолог минут на двадцать. А сам потом задумался. Я ведь все это время на генералитет наезжал… Собрались, мол, валенки, да людей гробят. Но ведь они, что называется, плоть от плоти остального народа. Просто тупость генерала имеет гораздо более масштабное выражение. Он за тысячи отвечает и тысячи же положить может. Боец же несет ответственность только за себя, и сегодняшний случай, не проходи я мимо, так и остался бы рядовым происшествием. Максимум, в узком кругу, сослуживцы обозвали бы Митяева дураком, на том все и забылось. До следующего раза… Вообще правильно у нас говорили, что солдаты те же дети, только с большими херами. Даже у взрослых мужиков в армии башню сносит, что говорить о пацанах восемнадцатилетних. Да плюс еще наш русский фатализм на все накладывается. Это разные англичане воюют осторожно и осмотрительно, строя планы и оберегая себя на после войны. Наши же считают, что раз пошла такая пьянка – режь последний огурец. Мол, если призвали на войну, то в такой мясорубке шансов выжить очень мало, а на миру и смерть красна. И ведут себя те, кто посмелее, – соответственно. Ну а те, кто потрусливей, умудряются перед двумя фрицами с ручным пулеметом батальоном окапываться начать. М-да…

* * *

В общем, неслись мы на двух машинах по широкой степи, и нас никто не тормозил. Один раз только выскочили несколько немецких солдат наперерез, чего-то вопя и стреляя в воздух. Я так думаю, они нас за своих приняли и криками пытались предупредить – ты туда не ходи, снег башка попадет, совсем мертвый будешь. Потому что еще километра через два по нам ударил нестройный винтовочный залп и из кустов и ячеек полезли люди в советской форме. Дав по тормозам, вывалился из кабины, тут же начав крыть матом, аж горло сорвал:

– Эй, пехота, вашу бога душу мать, через три коромысла да шпинделем по башке! Трам тарарам трах тах!

И еще секунд на двадцать великорусским. Если бы я начал вопить, типа – не стреляйте,

свои – точно, с перепугу да в темноте – ухлопали бы. А так сразу понятно – действительно свои. Бойцы аж заслушались. Прибежавший сержант, окинув взглядом нашу пеструю компанию, несколько дольше остальных поразглядывал пленного майора и без особых проволочек, дав в сопровождение троих бойцов, отправил нас в штаб батальона. Оттуда после проверки двинули до дому. Там нас уже ждали. Колычев и штабные после получения радиограммы развили бурную деятельность и теперь, когда я явился с языком сам, фрица у нас забрали и потащили трясти более профессионально. Правда, сначала выслушали мой доклад. Узнав про вербовку особы царских кровей, командир только головой покрутил. Уточнив, как было дело, сказал, что вербовщик из меня, как из валенка колун, но все равно – исправить уже ничего нельзя, и, может, что-нибудь да выгорит. А потом наша группа, приняв после баньки за удачное возвращение, пошла отдыхать.

Наутро же я узнал, что на полуостров командование закинуло еще две стрелковые дивизии и танковую дивизию полного состава из резерва. Причем дивизии-то были – загляденье. Одна – 4-я гвардейская, которая под Ельней в том году отличилась. И вторая – ей под стать. Сформированная не из новобранцев, пороха не нюхавших, а из бойцов после госпиталей, которые хоть воевать научились. А какая экипировка! А вооружение! Первый раз отметил такое количество гранатометов в одной части. И то, как взводы делили на штурмовые группы, тоже первый раз увидел. Очень многие бойцы были вооружены новомодными ППС. У всех нулевые заводские разгрузки. И морды почти у всех были соответствующие. Даже выражением лица эти бойцы отличались от виденных мной, полоротых новобранцев. М-да… Такие, точно, дурное ухарство на радость фрицам показывать не будут. Но больше всего меня поразило то, что в каждой дивизии было помимо обычных несколько зенитно-самоходных батарей. И каких батарей! Это были спаренные ЗУшки. Увидев первую, я даже обалдел. Сначала показалось, «шилка» едет. Эта зенитная установка была сделана на базе Т-70, с увеличенной колесной базой. Потом, конечно, понял, что до «шилки» данному самоходному чуду далеко. Но все равно – изделие впечатляло. Особенно для теперешнего времени это был большой прорыв. Я поинтересовался у Колычева, неужели это завод № 8 наконец разродился нормальной продукцией? Оказалось – фиг. Это свежеотпущенные инженерно-образованные враги народа, нюхнув пьянящего воздуха свободы, начали выдавать на-гора разные интересные идеи, опережающие года на два-три свое время. Техники, правда, было немного, на базе танка ЗУшек был всего десяток, остальные на полуторках, но лиха беда начало. И конечно, эти автоматы даже сравнивать было нельзя с имеющимися на вооружении маломощными счетверенными «максимами»1.

А самое главное – у каждого ротного была малогабаритная рация! Лендлизовская, но Иван Петрович сказал, что наши очень скоро наладят свое производство. И тут же выдал мне такую же. Оказывается, нам их тоже прислали. Нам, это в смысле нашей группе, было выдано восемь раций. Остальные разошлись по штабам дивизий и полков. А потом я увидел танки из пополнения и очередной раз завис. С виду обычные Т-34-76, но с командирской башенкой! Я просто знаю, как она много значит и какие потери наша мазута несла из-за плохого обзора, поэтому чуть в пляс не пустился. Неужели оборонщики наконец стали и о людях задумываться, а не только план гнать? В общем, в этот день впечатлений была масса, и все положительные.

Горбатов тем временем, имея данные о намерении немцев, уже выводил войска в места сосредоточения. Пронюхав все, я поразился грандиозности его замыслов. А собирался он ни много ни мало, прорвав оборону гитлеровцев на линии Джанкой—Перекоп, отрезать в Крыму 11-ю армию Манштейна. Если у него все получится, то не то что Сталинграда не будет, не будет даже Харькова. Немцы все силы бросят на вызволение своих солдат из мешка. Непривычные они к окружениям и в этом случае моментально впадают в ступор. Как бы потом наши не хвалили гитлеровских вояк – дескать, и выучка, и дисциплина были отменные, но при резком изменении обстановки они так же, как и все, терялись и начинали делать глупости. Только шло нарушение каких-то их планов, фрицы напоминали зависшую винду, которую только ресетом реанимировать можно было. Ресетом в немецком случае

являлась истерика Гитлера. Генштаб, взбодренный воплями фюрера, начинал искать решение проблемы и, как правило, находил, но к тому времени, может быть, уже поздно.

Главное теперь, чтобы наши не подвели. Я имею в виду снабжение. А то как обычно – войска вырвутся вперед, а тылы отстанут. Потом будет закономерное окружение и уничтожение вырвавшихся нахалов, оставшихся без снаряжения и жратвы…

* * *

Дни до начала немецкого наступления летели стремительно, но похоже, что мы успевали. Мало того, что за это время развели войска согласно диспозиции, так еще и, загнав в горы 46-ю немецкую дивизию, гвоздили ее и с суши и с моря, невзирая на резко возросшую активность гитлеровской авиации.

С этой авиацией тоже интересно получилось. Сам наблюдал, как девятка «юнкерсов» настроилась штурмовать полк на марше. В чистой степи колонны представляли собой лакомую мишень, и фрицевские летуны уже, наверное, капали слюной в предвкушении. Привыкли, суки летучие, что у нас, как обычно, с зенитным прикрытием крайне туго, и, неторопливо выстроившись в круг, приготовились бомбить расползающиеся во все стороны при виде них машины. Вот первый, включив ревун, клюнул носом и пошел вниз. Тут ему как дубиной в лобешник – нанась! Четыре ЗУшки в восемь стволов разнесли ведущего в клочья. И еще пару бомберов, не разобравшихся в ситуации и нырнувших за первым. Оставшиеся шестеро испуганной стайкой воробьев шарахнулись в сторону. Потом, правда, взяли себя в руки, попробовав навалиться снова, но уже без души и, потеряв еще два самолета, побросали бомбы где придется и отвалили. Причем один самолет сбили зенитчики, а еще один завалили пехотинцы, которые не лежали жопой кверху, спрятав головы, а гвоздили из всех стволов по воздушным целям. Правда, это я узнал позднее, а тогда просто видел, как один самолет, вроде летящий в стороне от огня зенитчиков, вдруг, не выходя из пике, сильно задымил и влепился в землю. Вот что значит народ действительно обстрелянный и умеющий воевать. Нам бы таких еще три-четыре дивизии, и судьба армии Манштейна была бы предрешена. Ну да глядишь, и сейчас управиться получится. Сегодня еще раз успел заскочить в госпиталь к Гусеву, который вовсю шел на поправку и даже порывался сбежать со мной. Но бегун из него пока хреновый, поэтому, отговорив Серегу, поехал собираться. Мы перебазировались ближе к линии фронта. Завтра начнется общее наступление и там видно будет, как карта легла. От этой операции многое зависит. Если она удастся, то известный мне ход войны поменяется совершенно. И кроме Манхэттенского проекта, который надо будет обязательно прикрыть, у меня в загашнике не останется ничего, кроме своих мозгов да уже совершенно приблизительного знания послевоенных реалий…

Глава 10

– Мочи козлов!

Азартно матерясь, я отбросил пустой тубус гранатомета и опять схватил пулемет. Фрицы перли, как народ за водкой в горбачевские времена. Причем, похоже, перед атакой для поддержания общего тонуса организма они граммов по триста шнапса приняли, в нарушение всех уставов. Вообще такое в первый раз встречаю, обычно пьяными в атаку ни наши, ни немцы не ходят. А тут видно сильно припекло… Ну да были бы трезвые, давно бы очко сыграло и откатились. Вон, только на этом участке восемь танков и бронемашин с крестами густо дымят. А пехота все лезет.

– Ара, не спи, диск давай!

Чернявый горбоносый боец сунул мне в руку снаряженный диск, а сам опять плюхнулся на дно окопа и принялся забивать следующий. Ну хоть такая помощь от него есть, уже хорошо. Во всяком случае, делом занят, а не бросив винтовку и забившись на дно окопчика, активно клянчит у господа спасения. Конечно, и среди личного состава черных

полков были смелые люди, но основной своей массой воевать они не желали категорически. Я так думаю, по большому счету им было по барабану, кто выиграет– русские или немцы. Для них-то все равно ничего не изменится, поэтому героизма и стойкости от этих солдат ожидать было даже странно. А все песни и заклинания партийных вождей о нерушимой дружбе народов, по большому счету, так и остались просто заклинаниями. Не зря же в царской армии практически не было солдат с восточных и южных окраин империи. Русские цари внутрисемейный расклад в стране понимали, выходит, гораздо лучше теперешних генеральных секретарей…

* * *

План окружения в Крыму 11-й армии, как и все планы, дожил только до первого выстрела. Потом события стали разворачиваться сами по себе. Нет, на севере все было нормально. Мы сумели остановить удар танковой дивизии и теперь развивали успех. Причем остановили, как в кино. В район Джанкоя были переброшены три дивизиона реактивных минометов, которые и вдарили буквально за полчаса до начала наступления немцев по сосредоточению их войск и техники. Ну а дальше в дело пошли пехотные дивизии и танковая бригада. А здесь, на юге, дело застопорилось. Немцы сумели прорвать нашу оборону и чуть было не вырвались на оперативный простор. У этого хитрожопого фон Левински в заначке оказались вовсе не два танковых полка, как мы предполагали, а гораздо больше. Сколько – непонятно, но только за первые три дня боев намолотили около сорока танков. Если бы не гранатометы, прошли бы фрицы, как на параде. Но сейчас то, что не достреляла ствольная артиллерия, добивала пехота. Немецкие танкисты уже ближе двухсот метров к нашим окопам и не подходили – ученые стали. Поддерживали своих издалека. Но все равно – было тяжело. Все свежие войска мы перебросили на север, так что здесь сейчас выгребали последние резервы – хромых, косых, писарей и штабных. Даже «черные» части отвлекли от стройбатовских и полицейских работ и сунули затыкать прорыв. А также здесь, на юге Крыма, впервые применили заградотряды. Это здорово повысило боевой дух диких полков, которые раньше резво отступали, стоило увидеть мелькнувший на горизонте немецкий танк. Но теперь, попав в такие вилы, гордые горцы довольно неплохо держали оборону. Ну правильно – немцы в горячке боя в плен брать не будут, просто ухлопают. Назад тоже не побежишь, вот и стали проявлять магомеды да гоги если не массовый героизм, то хотя бы стойкость. Мы попали на участок именно такой обороны. Свалить вовремя не успели, фрицы нас окружили, поэтому я с Пучковым и водителями рванули на передовую, которая неожиданно оказалась в пятистах метрах от расположения. Горячие сыны Кавказских гор уже успели окопаться и теперь густо пуляли в сторону немцев, правда, не поднимая головы из нарытых ямок. Хорошо, подошли два батальона 173-го полка с батареей ПТО и целой кучей гранатометов. Чуть позже подкатили две ЗУ, на базе ЗиСа-5. М-м-м-м… Как они молотили… Немецкие танки мы уже повышибали, и теперь, стоя в тылу, метров за триста от наших окопов, они просто выкашивали наступающих. Потом немецкая артиллерия нащупала позиции одной зенитки, и разрывы снарядов начали вспухать возле грузовика. Видно, что-то повредили в нем, потому как второй, подскочив и взяв на буксир начинающую дымить ЗУшку, резво уволок ее за деревья. Еще через десять минут появилась шестерка Ил-2. Я, честно говоря, чуть не обделался, когда увидел, что они на нас заходят. Вовремя сообразил, завопил дурниной:

– Ракетами наш передок обозначьте! У кого ракетница есть, стреляйте!

В нескольких местах по линии обороны нашлись командиры, выпустившие несколько ракет в сторону немцев. Штурмовики, поддернув нос, с ревом прошли над головами и начали долбать по отступающим фрицам. На втором заходе пустили эрэсы куда-то за холм. Оттуда почти сразу мощно грохнуло и повалил дым. Ха, похоже летуны накрыли фрицевскую артиллерию. И действительно, артобстрел наших позиций прекратился. Моментом стало легче дышать. Народ, пока выдалась передышка, начал усиленно ввинчиваться в землю.

Нацкадры, глядя, как бойцы 173-го полка роют траншеи, тоже принялись соединять свои стрелковые ячейки в единые окопы. Ну и правильно – маневр получится лучше и не так страшно одному в ямке сидеть, когда даже соседей не видно и кажется, что весь вермахт только на тебя прет. Хотя, честно говоря, пока их командиры не начали пинать, к рытью не приступали, предпочитая только смотреть. А ближе к вечеру пришло еще одно пополнение. Глядя на этих бойцов, только рот раскрыл. То, что у них было немеряно РПГ, это ладно, но у них были бронежилеты! Не такие, конечно, как у нас, а цельным панцирем. Они так и назывались – панцирная пехота. Стальной нагрудник, который только пулеметная или винтовочная пуля может взять, и то, если в рикошет не уйдет. А против автоматных, они же пистолетные – держит очень хорошо. Да все с автоматическим оружием. Делились на классические пятерки – два автоматчика, пулеметчик, гранатометчик с помощником. Это я все узнал у ротного из подкрепления. Глядя на еще дымящиеся танки, он только присвистнул и спросил:

– Жарко было?

– Да нормально… вовремя ребята из 173-го свои трубы притащили, да ЗУшки очень хорошо помогли. Отчаянные мужики – выскочили почти на линию окопов и давай фрицев поливать. Правда, одну машину у них подбили. Ты там проходил, не видел – как они?

– Видел – в движке копаются, вроде чинят чего□то.

Потом старший лейтенант рассказал, как вообще обстоят дела. Оказывается, их в Крым аж с Дальнего Востока перекинули. И не только их.

– С нами еще танковая бригада разгружалась…

– Салабоны или обстрелянные?

– Не знаю, не говорил с ними, но по повадкам – бывалые.

Это хорошо, если бывалые. Это значит, на наше направление техники подкинули, и теперь гадский Левински, наверняка предок известной в наше время минетчицы Моники, получит по рогам. Тут по рации со мной очередной раз связался Колычев:

– Как там у вас?

– Нормально.

– Тогда хватит воевать, бери Пучкова и давай обратно ко мне.

– Понял, сейчас будем… а что там у вас за стрельба была?

– Придешь – сам увидишь. Отбой связи…

Оторвав Леху от беседы с земляком, пошел в расположение штаба. Ого! Тут, выходит, тоже повоевали. Уткнувшись в сарай, стоял вонюче дымящий Pz.III, а метрах в тридцати от него Ганомаг SdKfz.251 с развороченным движком. И фрицы лежали довольно густо. Штук тридцать трупов насчитал, пока шел. Да, блин, неплохо штабные повоевали… Если бы эти нам в тыл ударили – неизвестно, как бы оно повернулось. А так, похоже, они нарвались на ту ЗУшку, которую чиниться отволокли. Да и комендантская рота тоже во фланг им вовремя ударила… Зайдя к полковнику, я поскользнулся на гильзах, усыпающих пол, и вытаращил глаза. Иван Петрович вид имел бравый и воинственный, несмотря на перевязанную руку. В комнате сильно воняло порохом, а в окне торчал пулемет. Выходит, наш начальник не только аналитические записки писать умеет…

– Командир, вы как? Сильно ранило? – Я кивнул на бинты.

– Ерунда, царапнуло. – Колычев махнул здоровой рукой, а потом неловко попытался прикурить. Я щелкнул своей зажигалкой, и Иван Петрович, с удовольствием затянувшись, откинулся на спинку стула. Выпустив дым, он пожевал губами и сказал:

– Конечно, рано еще говорить, но похоже, немцы выдохлись. Даже не столько выдохлись, сколько опоздали. С нашими вовремя подошедшими резервами им уже ничего не светит. Тем более сегодня ночью в Евпатории был высажен десант. Правда, без танков, но зато с артиллерией. Так что это у них, – он показал подбородком в сторону окна, – была последняя попытка. И на севере, во встречных боях, наши прорвали оборону и дошли почти до Каркинитского залива.

Ну, про прорыв обороны и разгром танковой дивизии фрицев я и раньше знал. Но вот

то, что так шустро будет идти наступление – не ожидал. Этот самый залив находится в северо-западной части Крыма, а это значит, что колечко практически замкнули. Теперь бы не получилось, как с тем мужиком и медведем, но похоже, командование очень большое значение уделяет событиям в Крыму и поэтому без штанов нас не оставит. На всем, что плавает, густо перебрасывают с Большой земли войска. Так что шанс задавить Манштейна стал не просто большой, а почти вероятный.

Похоже, усатый вождь убедился, что японцы крепко завязли с амерами в Тихом океане и в ближайшем будущем наступать на нас не собираются. Вот и стал снимать дивизии с этого направления. У джапанов, правда, в Китае почти миллионная Квантунская армия трется, хотя нет, их там тысяч шестьсот сейчас. Это где-то 15–16 дивизий. В Маньчжурии да в Корее размазались вдоль границы и ждут, когда немцы нас придавят. До этого бздят нападать, сыновья, блин, священного ветра, помнят, небось, как их в двадцатых годах с нашей территории вышибали даже не регулярные войска, а партизаны. Да еще и командующий Дальневосточным фронтом, Апанасенко Иосиф Родионович, развил там просто бурную деятельность. Мало того, что он с нуля создавал дороги от Хабаровска аж до Восточной Куйбышевки, так самое главное, комфронта совершенно без помощи из центра взамен забранной у него на Западный фронт дивизии создавал новую. Причем на месте дислокации старой. Вот где был настоящий второй фронт!

На все вопли разобиженного Гитлера, типа почему медлите и не нападаете на СССР, японцы вполне резонно отвечали, что ни одной дивизии не покинуло своего места дислокации. А при существующем сейчас раскладе сил нападать на Союз для них явное самоубийство. И как бы фюрер не брызгал слюной, доказывая, что десятки тысяч военных переброшены с Дальнего Востока и вовсю долбят вермахт на западе, япошки, шевеля губами и загибая пальцы, пересчитывали оставшихся и посылали своего союзника в дупу. Мол, брешете, партайгеноссе! Все на месте! А то, что вам дают прикурить, так это ваши проблемы. Как только погоните русских, так и мы в войну вступим!.. У немцев же сейчас облом за обломом. Так что обрыбятся япошки. Да и с техникой у них не густо. Вспомнил свое охренение, когда услышал название их самолета, и ухмыльнулся. «Мицубиси»… надо же. Тогда еще подумал, что если и танки у них – «Панасоник», а пушки «Тойота», то такую технику подрывать просто рука не поднимется…

За окном загудело, и я, высунувшись, увидел колонну танков, не меньше батальона. Разных шмакодявок типа Т-60 или прочих пуленепробиваемых БТ среди них не было. В основном тридцатьчетверки и три КВ. Колонну сопровождали две зенитные спарки на базе Т-70. Ну, блин, наконец-то. Похоже, командиры взяли за твердое правило – без зенитного сопровождения ни шагу. Нет зениток – двигайся ночью, а в противном случае, если колонну раздолбают с воздуха, то пославший ее загремит под трибунал. Это правило ввели недели две назад и уже успели одного комдива, который его нарушил и угробил батальон пехоты таким макаром, осудить, разжаловать и в штурмовую роту сунуть. Остальные стали дружить с головой и действовать по уставу. То есть без прикрытия – ни-ни.

А потом все завертелось очень быстро. Мы сначала перебазировались в центральную часть Крыма, а потом вообще в Красноперекопск. Севернее был только Армянск, за который наши уцепились зубами и отражали все попытки фрицев вызволить свои полураздолбанные дивизии. Остатки 46-й пехотной сдались еще на прошлой неделе, и теперь сводные отряды охотников вылавливали по горам тех немцев, до которых еще не дошло, что война для них уже закончилась. А основную часть 11-й армии прижали к западному побережью и гасили со всех сторон. Немцы, правда, держались стойко и часто контратаковали. Новоивановка пять раз переходила из рук в руки. Да и через залив заботливое командование подкидывало им боеприпасы, хотя флотские это дело пресекали по мере сил. Фрицы, как обычно, пытались сунуть на поддержку своих избиваемых войск авиацию. И это у них даже вначале получалось. Такое впечатление было, что самолеты они со всего Восточного фронта собрали и кинули против наступающих войск. В налетах участвовало по двадцать-тридцать машин. Тут уж никакое зенитное и истребительное прикрытие не помогало. У нас просто столько его

не было.

Потом вдруг напряжение спало. А еще через два дня мы узнали, что в районе Ленинграда Особая Ударная армия под командованием генерала Черняховского, прорвав кольцо блокады, отбросила немцев от города где на тридцать, а где и на пятьдесят километров.

Вот те нате! Какой на фиг Черняховский? Он же дивизией в это время командовать должен? Вроде только через три месяца генералом станет. А тут целая армия. И куда Власов делся? Кто теперь предателем работать будет? Похоже, теперь предать у него не получится. Глядишь, еще и героем заделается. И термина – власовцы, тоже не будет. Хотя хрен его знает, как оно теперь повернется? Может, появятся какие-нибудь петровцы или баграмяновцы? Ну да там видно будет.

Фрицы теперь все силы бросили против свежеиспеченного генерала Особой Ударной. Но, правда, насколько я знаю историю, Черняховский – очень грамотный командир. И людей берег, и операции тщательно продумывал. Причем тот же супер-пуперный Жуков и рядом не стоял. Если нового командарма наши сейчас без снаряжения не оставят, не видать немцам новой блокады Ленинграда, как своих ушей. Ну да Питер от нас далеко, а в Крыму, чтобы прекратить ненужную дискуссию, верховный сделал финт ушами. Немцы-то сначала окруженцев по морю снабжать хотели, но наши катерники это безобразие быстро прекратили. Тогда к делу подключился толстый Геринг со своим люфтваффе. Тут у фрицев стало получаться несколько лучше. Правда, стационарных аэродромов у них не осталось и поставки по воздуху компенсировали только самое необходимое, и то в минимальных количествах. Вот тогда-то все и произошло. Я очень удивился, увидев на нашем аэродроме штук двадцать огромных старинных бомберов. На подобном, только переделанном в пассажирский, в начале войны, помню, в Москву летал. Вот странно… Думал, что этих тихоходов еще в прошлом году всех повыбили. Ан нет. Собрали по закоулкам. И охраняли их не бойцы БАО, а чуть не батальон НКВД. Когда спросил у Колычева, к чему эти излишества, он ответил, что окруженных немцев собираются гасить моей новинкой. Каждая из этих медлительных лайб могла нести тонны по две напалма. Разведка уже выдала им цели, и авианаводчики доставлены по местам. Так что все готово для применения локального ОМП. А в том, что это оружие массового поражения, я и не сомневался. Это не бочку двухсотлитровую с кукурузника слить на вражьи позиции. Тут ведь такой эффект получится, что будь я зеленым, сразу пошел бы и застрелился, потому как в этой части Крыма отдыхать несколько лет нормально не получится. Экологии, так сказать, будет нанесен охренительный урон. Что останется от фрицев после такой обработки, даже затрудняюсь сказать.

ТБ-3 сделали шесть ночных вылетов… Причем шестой случился только потому, что до них не успели довести приказ отбоя. Немцы долго раскачивались, и фон Левински выступил с идеей капитуляции поздним вечером, чем обрек свои войска еще на один огненный дождь. Да уж, досталось немцам по полной. Тут даже не количество потерь роль свою сыграло, максимум, может быть, пара тысяч за все это время попала под огонь, а именно вид смерти. Слухи в армии быстро расходятся, да еще и после каждого налета на соседние позиции скидывались тысячи листовок, призывающих к сдаче. В противном случае обещалось залить огнем все вокруг. Сработал психологический фактор. Если бы с ТБ сыпались обычные бомбы, то потерь, быть может, у немцев даже больше было. Но это новое оружие, да еще и такое страшное…

Вообще, все новое у противника сильно пугает. Когда первый раз использовали реактивные минометы, которые впоследствии стали называть «Катюши», так разбежались не только немцы, на которых обрушился огненный шквал, но и русские. Наши, как я понял, – на всякий случай. До пехоты ведь никто не довел, что это новое советское чудо-оружие. А завывало очень страшно, и поэтому быстро-быстро сваливали обе стороны. Не знаю, что там было у немчуры, но троих красных командиров за панику отдали под трибунал…

Ну а сейчас никто из фрицев не мог предположить, сколько в действительности у нас смеси, да еще и то, что противопоставить налетам они ничего не могли, сыграло свою роль.

Ночных истребителей у них было мало, и почти все они базировались в Германии. Зенитки же медлительным гигантам наносили минимальный ущерб. Я сам видел, как днем латали машину, на которой было более двух сотен пробоин, но она без проблем добралась до своего аэродрома. А каждую ночь сидеть и ждать, на кого с неба польется огонь, было выше человеческих сил. И пусть точность налетов была просто отвратительная, но немцы сломались. Ночью не спать в ожидании жуткой бомбардировки, а днем подвергаться все более усиливающимся ударам с земли было невозможно. Тем более что наши после спонтанно возникшей паники сумели взломать оборону немцев и вырвались к ним в тыл.

Меня потом напалмовая вонь с неделю преследовала, когда мы, следуя за наступающей пехотой, съездили на бывшие немецкие позиции, попавшие под последний удар, посмотреть, как это все действовало. Даже запах моря и наступившей весны не смог перебить запах бензина и паленого мяса. Впечатления были незабываемые. Уж насколько за этот год привык ко всему, но вид обгорелых домов и оборонительных сооружений, заваленных жареными трупами, подействовал даже на меня. Фрицы тоже впечатлились. До невозможности… Позже среди пленных увидел несколько связанных людей. На вопрос: «Зачем?» конвоир ответил, что это психи. В смысле, сошедшие с ума после ночных налетов. Правда, их из общих колонн быстренько извлекали, грузили в машины и куда-то увозили. Так думаю, что явно не на лечение… И это только буйных. Сколько было тихо помешанных – никто не знал.

Я же, захваченный новой идеей, засел за новые наброски. К творчеству меня сподвигли виденные пехотинцы в панцирях. Цельный железный нагрудник с намудником – это, конечно, круто, но вот полноценный броник – это еще лучше. Панцирь только перед защищает, да и неудобен он. До этого только мысль мелькала бронежилеты предложить, но ее откидывал. У немцев-то в основном винтари и пулеметы, броник такую пулю не держит, зачем же лишнюю тяжесть таскать. Но теперь вот подумал – у них ведь и автоматов масса появляется. Да и от осколков такая вещь хорошо помогает. И если в нормальные (в моем понимании) бронежилеты одеть именно штурмовые подразделения, то это сильно может снизить потери атакующей пехоты.

* * *

А еще через две недели всю нашу группу во главе с командиром и уже вернувшимся Гусевым загрузили в самолет и отправили в Подмосковье. Точнее, в Балашиху. Там создавалась школа инструкторов. Приказано было этих инструкторов обучать. Причем не только нам. В четырех школах, созданных по Союзу, зубры диверсионно-разведовательной работы должны были передать свой опыт почти полутора тысячам курсантов, которые после обучения и сдачи практических экзаменов сами становились инструкторами. По новой доктрине командования земля должна была гореть под ногами у немцев на оккупированной территории. Теперь наши войска будут стремиться не опрокинуть передовые части фрицев и рывком выйти чуть не к старой границе, а во избежание окружений и охватов двигаться планомерно, подтягивая тылы и делая упор на маневренную оборону. Удары наноситься будут только тогда и на тех участках фронта, где обескровленные непрерывными диверсиями и терактами немцы будут оставаться без самого необходимого. И упор будет делаться не на захват как можно большей территории, а на уничтожение или пленение живой силы противника. Как сказал Берия на совещании:

– Чем больше мы их набьем здесь, тем меньше останется нам работы в Германии.

За основу были взяты стариновские выкладки ведения такого рода боевых действий. Вот где мужик умный! Мне до него как раком до Китая. Блин! Если бы нохчи, во время чеченской войны, использовали его наработки, тут не то что о победе нашей армии не пришлось бы говорить, а наоборот, о полном ее поражении.

В задачу формируемых групп входило и уничтожение эшелонов противника, атака и уничтожение его колонн, освобождение военнопленных из концентрационных лагерей и препятствие немцам в угоне наших людей в Германию. Формирование на основе таких групп

новых партизанских отрядов и поддержка городского подполья. Да всего не перечислить! Главное, чтобы немцы снимали дивизии с фронта и пускали их на защиту своих тыловых объектов, чем должна была воспользоваться наша армия. Оговаривалось все – и связь, и взаимодействие групп между собой и теми частями Красной Армии, на участке которых будут действовать диверсанты. Была обещана даже поддержка с воздуха! То есть шесть-семь групп, слившись в одну, при поддержке авиации вполне могли бы разгромить штаб армии и потом, опять разделившись, скрыться с места боя. Потери в новообразованных частях ожидались, конечно, большие, но брать туда собирались только добровольцев. М-да… Это не истребительные отряды, где Космодемьянская действовала… Тут отдельные хаты жечь не будут. И пару раз выстрелив по обозникам, полдня по чащобе сваливать тоже не будут. Народ собираются дрессировать очень серьезно. Вот только интересно – что же из всего этого получится? Получив все материалы и инструкции, разъехались по местам новой службы. Но перед этим, сославшись на свое очередное озарение, встретился с Владимировым. Его КПВ я знал не очень хорошо, но точно знал, что он над ним работать начнет только в сорок третьем году. Крупных калибров нам конкретно не хватало, и даже то, что я вспомнил, надеюсь, должно будет ему помочь изобрести свой пулемет гораздо быстрее.

А потом началась плотная учеба, обмен опытом и преподавательство. Это было еще хуже рейдов по тылам. Уставали все, как последние сволочи… Спать получалось по четыре-пять часов, не больше. Правда, кормежка была от пуза. Только тренировки все калории сжигали напрочь. И так неделя за неделей. Через полтора месяца я сбросил килограммов шесть, но зато по резвости стал превосходить борзую. Как-то раз, заметив в высокой траве молодого зайца, мы на пару с Пучковым его загнали! То есть ушастый устал быстрее, чем мы!

Гусев от большей части тренировок на выносливость отлынивал, отмазываясь возрастом, но зато, обучая инструкторов рукопашке и тактике, превосходил всех. Из меня, например, учитель получался так себе. Сталкиваясь с тупостью, я моментально зверел, и люди пугались, замыкались, теряли речь, и добиться прогресса было уже невозможно. Серега же мог терпеливо раз за разом объяснять то, что непонятно.

Потом отметили майские праздники. То есть, конечно, не 1 и 9 мая, а пока только первое. По случаю праздника было полдня выходных. Да еще Пучкову дали звание сержанта ГУГБ НКВД, что соответствовало армейскому лейтенанту. Так что отпраздновали и день солидарности, и новые кубики одновременно.

Правда, меня все время сильно напрягал факт советского безудержного наступления. А именно, обстановка на Юго-Западном фронте. Во всяком случае, Барвенковский выступ уже существовал. А вот на Южном фронте обстановка складывалась совершенно другая, чем в мое время. Крым оставался полностью наш, невзирая на все попытки немцев захватить его обратно. Еще и более пятидесяти тысяч пленных после весеннего разгрома немцев под Симферополем и Джанкоем грели душу. И то, что все свои соображения по поводу наступления на Харьков и последующих за этим наступлением событиях я уже давно высказал верховному. Не тупой же он, чтобы наступать на ясно обозначенные грабли. Да и в войсках все сильно изменилось. Например, специальным приказом был введен категорический запрет на ношение командирской формы на передовой. Теперь что взводный, что ротный совершенно не отличались от рядового. Та же форма, та же пилотка, и только количество геометрических знаков в петлицах отличало их друг от друга. Отошли в прошлое все эти нарукавные шевроны и шитые звезды. Немецкие снайперы, наверное, фигели от полного отсутствия советского командного состава, который расшитыми петухами до этого периодически мелькал в их прицелах. И вообще, как до нас довел Колычев, – сейчас выходит масса дополнений к боевому уставу. Раньше-то в нем говорилось, что командир должен был личным примером воодушевлять бойцов в атаке. Ага! Такой подарок врагу… Лови на мушку того, кто первым выскочит из окопа и начнет размахивать пистолетом, а потом вали его. Особенно когда на нем фуражка и он весь в нарукавных нашивках, хоть и

полевых. Так и выбивали взводных в первые же секунды. Теперь с этим будет покончено. Сейчас бойцов будут подгонять сержанты, а командир сзади, за общей цепью, будет следить за развитием боя. Да еще много нововведений было. На гражданке такие революционные изменения не прокатили бы. А армия – более гибкая получается структура – не можешь, научим, не хочешь – заставим. Тем более что в новом уставе были и такие вещи, как наказание за уклонение от принятия решения. Тогда бы тот же комдив Дробенко, не поддержавший без приказа своего соседа, автоматически заполучил на всю катушку, не дожидаясь, пока его действия не дойдут аж до Сталина. А комполка Иволгин, который вовремя среагировал и своим полком задержал продвижение мехкорпуса немцев, дав возможность развернуться дивизии, не попал бы под трибунал (который после вмешательства Горбатова его полностью оправдал), а получил бы орден за своевременно принятое правильное решение. Тем самым поощрялась здоровая инициатива. Хочется какому-нибудь командарму взять к седьмому ноября городок и получить очередное звание с орденом за это – да ради бога! Но вот если в результате плохой продуманности и необеспеченности будут огромные потери и этот городок даже в тактическом плане никому не нужен, да и удержать его сил не останется, тогда загудит этот командарм в лучшем случае в свежесозданные штрафные батальоны. Этим наказывалось не только бездействие, но и дурная инициатива. А то взяли моду – в армии насаждать гражданские порядки. Бывшим председателям горкомов и обкомов, которые во время войны стали комиссарами и членами военных советов, очень грели душу повышенные социалистические обязательства и лозунги типа – пятилетка за три дня. Вот они и клали людей тысячами к какой-нибудь дате, или чтобы лишний раз выслужиться. Теперь-то хвосты прижмут.

А у нас в школе пятого мая были выпускные экзамены. Учебно-практические… Инструкторы в сжатом виде и быстром темпе показывали то, чему научились. Настоящие экзамены, правда, у них не мы, а немцы принимать будут. Тем более что далеко не все останутся преподавателями в Балашихе. В основном наши бойцы убудут на фронт, чтобы действовать там. Часть будет работать самостоятельно, подбирая себе в группы и обучая новых бойцов, часть вольется в состав конных корпусов, которые планируется использовать для глубоких рейдов. А что – лошади бензин не требуется, а мобильность у нее, особенно по нашим дорогам, выше всяких похвал. Хрен поймаешь, что называется. И регулярная часть Красной Армии в немецком тылу – это гораздо круче того же Ковпака, который со своим отрядом так давал фрицам прикурить, что был объявлен личным врагом Гитлера…

Но и на экзаменах порезвились вволю. В поимке курсантов участвовал полк НКВД и молодежь из контрразведки. Это они своих салабонов на наших обучали. Пять дней все активно гонялись друг за другом. Правда, будущие диверсанты из террор-групп, как стали называть наши маленькие отряды, оказались на высоте. Выполнили все задания и, что характерно, никого из них поймать так и не смогли. НКВД и контрики получили великую дыню, а нашим зачли экзамен и после небольшого банкета отправили по местам.

Но перед этим опять имел беседу с верховным. На этот раз даже без Лаврентия Павловича. Меня привезли на знакомую дачу и на этот раз без процедуры разоружения провели в кабинет. Вообще-то я сам на эту встречу напросился. Пора уже было рассказать о том, что американцы готовят. Сразу, правда, докладывать об очередных озарениях не получилось. Сталин долго расспрашивал о способах применения террор-групп, о возможности их взаимодействия с родами войск, о настроениях личного состава. Я сначала даже потерялся. Ведь уже все было говорено-переговорено. Но потом понял, что Виссарионыч или еще не принял окончательного решения, или наоборот, уже принял и теперь просто собирает побольше информации для его подтверждения. Выслушав очередной раз все доводы, он покивал головой и неожиданно, как это у него всегда получалось, сменил тему:

– Скажите, Илья Иванович, мы вам дали широчайшие полномочия карательного и надзорного органа на фронте, а вы своей властью сняли только двух полковых комиссаров и одного командира дивизии. Хотя на прошлой встрече говорили о негативном положении дел

с командным составом. Как это вышло? Вы плохо работаете или проявляете излишний либерализм?

Сталин начал прикуривать трубку и при этом хитро поглядывал на меня. Во блин, вопросики подкидывает – сразу и не ответишь. Слишком уж много чего я понял за последнее время, поэтому и не решал такие серьезные дела кавалеристскими наскоками. Постаравшись как-то упорядочить доводы, начал отвечать:

– Никак нет Иосиф Виссарионович! Излишнего либерализма за мной никогда не было. Просто получив такое право, начинаешь задумываться о том, почему этот человек так поступил. Из-за тупости или неопытности. Кто он– дурак, желающий выслужиться любыми путями, или вдумчивый командир, который просто совершил ошибку. А самое главное – кем его можно заменить. И в девяноста пяти процентах из ста понимаешь, что или человеку просто опыта не хватает, или что любая замена будет только хуже. И только пять процентов командиров совершенно не соответствуют своей должности. Ему максимум взводом командовать, а не дивизией, и то под присмотром хорошего ротного.

Как-то более стройно у меня свои мысли донести не получилось. Ну действительно, не рассказывать же о своей растерянности, когда, приготовившись снимать идиотов при больших шпалах и ромбах, я столкнулся с практически полным отсутствием их замены. Да и дураки оказались не такими уж и дураками. Кто-то выполнял недальновидный приказ, не смея отступить от его буквы, элементарно из страха. Кто-то из-за неумения правильно оценить обстановку. Кто-то вообще пытался самоустраниться от управления войсками, напившись до зеленых соплей у себя в штабе, опять-таки из страха ляпнуть в приказе что-нибудь не то. А этот страх в основном происходил все из-за той же неопытности, да и слишком свежи были в памяти массовые аресты комсостава перед войной непонятно за что. Это бодрости и оптимизма тоже не добавляло. То есть принцип «кто не совершает ошибки – тот не работает», здесь практически не действовал. Все со страшной силой боялись совершить ошибку и предпочитали вообще ничего не делать. Шевеления начинались, только когда очень сильно припекало и было уже поздно. Правда, с введением дополнений к уставу, все несколько может сгладиться. Да и опыт со временем появится… Так как Сталин продолжал молчать, глядя на меня и ожидая продолжения, я, вздохнув, вывалил все эти свои мысли, опустив, конечно, часть – про чистки тридцатых годов. Усатый вождь опять кивнул и, наставив на меня мундштук трубки, сказал:

– Вы сильно выросли, товарищ Лисов. Мы вначале опасались, как бы вы не наломали дров, и даже проверяли все ваши решения о наказаниях. Но я рад, что в вас не ошибся. Теперь вы понимаете мои слова о кадрах?

Что там говорил Виссарионыч о кадрах, я не знал, но на всякий случай кивнул. Верховный походил по кабинету, а потом, резко повернувшись ко мне, спросил-таки, что там у меня в предвидениях было. И я начал рассказывать про атомную бомбу…

– Одна бомба заменяет несколько тысяч тонн взрывчатки?!

– Так точно, Иосиф Виссарионович! Даже одиночный самолет может быть смертельно опасным. Но не это самое главное. Наибольший вред приносят последствия такого взрыва. У выживших людей портится кровь, и они продолжают умирать уже после самого применения бомбы. Умирать будут даже за десятки и сотни километров от места взрыва, там где пройдет дождь или ветер, который принесет зараженные частицы. Причем гибнуть будут не только люди, но и растения и животные.

Блистать незнакомыми для него терминами я не хотел и поэтому втирать про радиоактивные осадки и вторичные последствия ОМП предпочел своими словами. Верховный проникся. Забыв про трубку, он долго глядел в окно, а потом, не поворачиваясь, глухо сказал:

– Это страшное оружие. И если оно будет только у одной страны, то она может диктовать свои условия всему миру. – И после небольшой паузы добавил под нос: – А эти убеждали – дезинформация…

Потом встрепенулся и, повернувшись, спросил:

– А в Германии, не ведут подобные исследования? Вы про это что-нибудь можете сказать?

– Ведут, товарищ Сталин. Но они еще в самом начале. Америка же сможет года через два сделать готовый продукт.

Порывшись в памяти, начал выдавать фамилии всех, кто принимал участие в Манхэттенском проекте. Правда, всех – это сильно сказано. Вспомнил только Оппенгеймера. И на всякий случай добавил Эйнштейна. Он тоже на вояк работал, поэтому лишним не будет. А со стороны немцев сказал про фон Брауна. Уверенности про него не было, он вроде ракетами занимался, но больше я просто никого не знал… Первый раз на моем веку вождь чего-то начал записывать во время разговора. Закончив писать и положив карандаш на стол, Сталин поднялся. М□да… Сильно человека нахлобучило. Он даже сутулиться начал. Сейчас на него глянешь – точно старичок! Бесшумно походив вдоль стола, он остановился прямо передо мной. Что-то его сильно колбасит. Я даже волноваться начал. Оспины стали ярко видимыми, а странного желтоватого цвета глаза, наоборот, потускнели. Даже осенью сорок первого он гораздо лучше держался и выглядел. Порассматривав меня в упор секунд двадцать, Сталин опять начал ходьбу вдоль стола. Набегавшись, он поинтересовался, не хочу ли его еще чем-нибудь «обрадовать». Я, в общем-то, хотел, поэтому рассказал про то, что скоро у немцев появятся тяжелые танки. По-настоящему тяжелые, с чудовищной броней, против которой наши тридцатьчетверки и КВ не пляшут. Виссарионыч слушал внимательно, а я в общих чертах выдавал ему то, что помнил о «Тиграх» и «Пантерах». Когда начал повторяться, он меня прервал:

– Когда, вы говорите, возможно появление этой техники на фронте?

– В конце лета, начале осени этого года… И еще одно, Иосиф Виссарионович… Не знаю даже, насколько это нам нужным окажется, но у меня твердая уверенность, что американцы расшифровали основной японский код. И возле каких-то островов то ли Мулдей, то ли Мидей японцев ждет крупнейшее военное поражение.

Я пожал плечами, показывая, что моя последняя фраза про специально перевранный Мидуэй, возможно, была такой мелочью, что заострять на ней внимание верховного даже как-то неприлично. Но вождь очень заинтересовался:

– А вы, товарищ Лисов, можете сказать, когда это произойдет? Хотя бы приблизительно?

– По ощущениям очень скоро. В самом начале лета… Точнее не могу сказать, все очень расплывчато…

Сталин черкнул еще несколько строк в блокноте и, так как я иссяк на новости, то, побеседовав еще минут двадцать, отпустил служить дальше…

Глава 11

– Эх, ноги мои ноги! Уносите быстро жопу!

Приговаривая про себя эту волшебную мантру, шустро перебирал вышеупомянутыми конечностями, проламываясь сквозь густой подлесок. За мной стайкой кабанов ломилась вся группа. Все шесть человек. Знатно мы эту колонну подловили! И уйти красиво получилось – без потерь.

Пока наши успешно сдерживали в районе Барвенково удары 6-й полевой армии с одной стороны и армейской группы «Клейст» – с другой, я проводил мастер-класс. После учительствования нас, как и обещали, не стали удерживать в тылу, а опять кинули на самый горячий участок. Юго-западный фронт, Харьковское направление. Фрицы таки приступили к выполнению своей операции «Фредерикус-1», но, во-первых, она началась почти на месяц позже, чем в моем времени, а во-вторых, ее ждали. Срезать Барвенковский выступ у вермахта никак не получалось. Натыкаясь на глубоко эшелонированную оборону, они вязли, теряя людей и технику. А тут еще советские диверсанты в невиданных количествах начали шалить у них по тылам. Первые две недели немчура не могла понять, что вообще

происходит. У них взлетали на воздух склады с горючим и боеприпасами, непонятно кто уничтожал фуражиров и прочих тыловиков. Партизан в тех местах они почти всех повывели и теперь терялись в догадках. Причем эти пакости творились и в ближнем тылу, и на глубину до 200 км. А вот после ликвидации опорного пункта фельджандармерии и уничтожения армейских ремонтных мастерских, где были подорваны восемнадцать почти починенных танков и вырезан весь личный состав, состоящий из высококлассных специалистов-ремонтников, фрицы окончательно взбесились. Две дивизии, вместо того чтобы усилить армейскую группу в районе Славянска, были брошены на поиск и ликвидацию неизвестных злоумышленников. Две дивизии против пятидесяти человек, для этого стоило стараться! А вот теперь я показал народу, что и с армейскими колоннами даже небольшим группам можно с успехом бороться. Им, конечно, на учебе про это рассказывали и показывали, но сейчас, так сказать, они увидели все в натуре. С вечера заложив фугасы на обочине дороги и в нескольких больших лужах прямо на ней, мы расположились в подлеске на возвышенности, имея перед собой длинный овраг, а за спиной лес. Пропустив несколько больших колонн, мы наконец дождались того, что надо. Восемь грузовиков с солдатами и три танка. К грузовикам прицеплены орудия на больших металлических колесах. Гаубицы куда-то тащат. Ну, дальше нас не дотащат. Первыми заложенные фугасы проскочили мотоциклисты, ехавшие в головном дозоре. Потом прошли грузовики. Когда вся эта воняющая не нашим бензином хрень вошла в сектор поражения, мы, широко открыв рот, крутанули ручки на взрывных машинках. Бабах был такой, что у меня оглохло правое ухо. Плюнув на временную однобокую глухоту, я вместе со всеми с колена фуганул из гранатомета по танкам. Два из них, во всяком случае – внешне, выглядели почти не пострадавшими и заполучили каждый по три гранаты в бок. У одного сразу поотлетали катки, и он чадно задымил, а вот второму удачно ударившей гранатой сорвало башню. Шесть грузовиков просто сдуло с дороги, и теперь они густо дымили, валяясь на обочине. Еще два дымили не меньше, но оставались на колесах. Тенты на них догорали, и никакого шевеления не было. Для верности полоснули несколько очередей по кузовам. От разбитой колонны по нам, что характерно, вообще никто не стрелял. Стрелять начали проскочившие мотоциклисты, вернувшиеся назад. Эта пара байкеров была или очень смелая, или очень глупая. А может, просто не дошло, что происходит. Мы им и ответили – в два пулемета и четыре автоматических ствола. Даже снайпер поучаствовал, когда последний оставшийся в живых ошалевший ганс залег за своей тарахтелкой. Пройдя еще раз огненным шквалом по разбитой колонне, развернулись и быстро понеслись в лес. Вот так. Семь человек завалили не меньше полусотни солдат, три танка, два мотоцикла и вывели из строя батарею тяжелых гаубиц. В начале войны, как помнится, такой счет полку не зазорно было иметь. А теперь получается – крупный выигрыш в пользу горстки более подготовленных бойцов. Дальше, конечно, будет тяжелее. Немцы – не дураки и будут придумывать контрмеры, но на каждую их хитрую попу у нас найдется свой болт с винтом. Сейчас же гитлеровцы, ошарашенные безобразием, творимым у них в тылу, будут поднимать все новые и новые части и вместо отправки на передовую кидать войска на защиту тыла. А тут еще верховный, когда после выпуска собрал всех заинтересованных лиц на совещание, пообещал наших инструкторов направить в уже существующие парашютно-десантные части. Там и так ребята достаточно подготовленные, а после учебы станут вообще асами. Сталин их готовил для будущего наступления, но решил, видно, переиграть, сказав, что если наши группы покажут достаточно хорошие результаты, то десантура будет брошена на выполнение аналогичных задач. Результаты у нас пока получаются просто замечательные. Немцы даже продуктовые колонны сопровождают тяжелой техникой, не говоря уж об остальных. А сегодняшний случай показал, что и танков для сопровождения мало будет. Они теперь меньше чем батальоном передвигаться вообще перестанут. Вот интересно, и что из этого получится? Никакая война, конечно, спецурой не выигрывается, победу добывает простой пехотный Ваня, но вот то, что мы ему жизнь значительно можем облегчить, сильно радует.

Проскочив до леса, разобрали заныканные в кустах велосипеды и дальше уже не пехом,

а на колесах покатили по лесным тропинкам подальше отсюда. Эти велики мы удачно захватили, когда по пути сюда наткнулись на небольшой обоз в четыре подводы. Возницы на них были непуганными или оборзевшими до невозможности. Всего десять человек, что в свете творимых событий было просто вызовом нашим террор-группам. Наведя моментальный кирдык нахальным оккупантам, мы быстренько помародерничали по подводам. В трех были продукты, а в последней два больших бидона с керосином и восемь велосипедов. Педальные средства были как новенькие, видно, их где-то подшаманили в ремонтных мастерских и теперь везли в войска. Поэтому, пристрелив лошадей и полив как следует продукты из бидонов, мы зацепили все велики и радостно покатили прочь. Потом, километра через два, сбросили лишний в небольшое болотце и резвее закрутили педали.

Я всегда говорил – лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Вот и сейчас, добежав до своей захоронки, диверсанты не хрипели прокуренными легкими, уходя от раздолбанной колонны, а, как белые люди, с ветерком уезжали с места диверсии. В самом деле чем мы хуже тех же финнов, которые во время войны активно использовали такие двухколесные средства передвижения. И именно по лесам. А в Карелии леса еще более густые и буреломные, чем на Украине. Поэтому катили по крохотным тропинкам, видно, протоптанным каким-то зверьем, со всем комфортом. Иногда только, в самых хреновых местах, спешивались и вели велосипеды рядом. Отмотав километров десять, остановились перекусить и оглядеться у крохотного озерца. Выставив дозорного, вскрыли банки с консервами. Американскими консервами. Вкусная вещь эта консервированная ветчина – китайская тушенка из моего времени и рядом не стояла. Поделив банку с Митяем, я ножом цеплял здоровенные куски мяса и вспоминал, как, первый раз услышав ее название, полностью обалдел. Всегда считал, что эта свинина называлась у нас «второй фронт». И в книгах так говорилось, и в фильмах. Поэтому помню, когда расторопный Пучков притащил эти консервы и вывалил их на стол, я уже открыл рот, собираясь блеснуть эрудицией. Не вышло… Гусев, глядя в пространство, сказал:

– Задолбал уже этот спам!

Я выронил нож и молча плюхнулся на стул, глядя на Серегу совершенно круглыми глазами. Потом хрипло прокашлялся и уточнил:

– Что задолбал?

Мысли в голове путались. Гусев ну никак не походил на засланца во времени, которого вконец достала реклама, ежедневно рассылаемая по «мылу». А может, это у меня уже крыша поехала? Или я что-то не так расслышал?

– Спам, говорю, этот надоел уже. Борща охота.

И Серега показал пальцем на консервы. Проследив за его пальцем, я помотал головой и спросил:

– А почему спам?

И продвинутый Гусев объяснил, что эти консервы именно так и называются. Их делали из свинины, и по-английски это звучало как Spiced ham. То есть ветчина со специями. Сокращенно – спам. Успокоившись, начал вскрывать банку, мысленно дивясь древности компьютерных терминов. Хотя еще пара таких вот потрясений, и я заикаться начну…

Пока обедали, читал английские надписи на банке и вспоминал слова Трумэна. Этот будущий главный мудак, в смысле президент Америки, сказал, мол, если будет выигрывать Германия, то мы будем помогать Союзу. А если Союз возьмет верх – то Германии. Это в смысле, пусть они побольше народа поуничтожают друг у друга. А мы в сторонке постоим и наваримся на этом хорошенько. И чего же можно ждать от таких вот союзничков? Они и второй фронт-то открыли, лишь бы не допустить Красную Армию еще дальше в Европу. Да и открыв его, обсирались постоянно. Как немцы их глушить начинают, так амеры о помощи вопят. А наши вынуждены без подготовки кидать измученные войска в очередное наступление. И опять у Иванов бешеные потери на радость всем. Зараза! Да я сейчас к тем же немцам, наверное, лучше отношусь, чем к нынешним заокеанским друзьям! Со злостью запулив очередной кусок мяса с ножа в воду, поднялся под удивленным взглядом Митяя и

закурил. М-да… Пора прекращать злобствовать за едой, а то и язву наработать можно…

Доев, мы утопили мусор в озере и, убрав следы своего пребывания, приготовились к выходу. Но перед тем, как сесть в седло, вытащил рацию. Через три минуты сеанс связи. В каждой группе была такая же ходилка-говорилка, сделанная уже русскими спецами, в Питере. «Север-2» называется. До этого ходили с импортными. Тоже вроде ничего, но вот дальность у них хромала. Наши умные головы в Питере забабахали по размерам такую же, но с большей дальностью и меньшим энергопотреблением. По лесам радиус их действия с закинутым на дерево антенным удлинителем был километров пятнадцать. Связь длилась всегда не больше 40–60 секунд. Нас скорее всего, конечно, пеленговали, но группа после этого резво уходила с места передачи, и пока никто не спалился.

– Восемь. Здесь Колдун, кто на связи?

– Сорок шесть. Здесь Перст. Плотно зажали в квадрате двенадцать—тринадцать, по улитке три. Уходим в тринадцать—тринадцать по улитке девять. Потерь нет, но уйти тяжело, на хвосте – до роты. Вызвал горбатых.

– Понял.

Выключив рацию, прикинул по карте, где прищемили хвост группе Перста. Блин! Слишком близко он подошел к расположению тяжелого артиллеристского полка фрицев. Мы тоже рисково сейчас работали, но он вообще оборзел. Черт его туда понес… Это же всего десять километров до передовой. Там и патрулей, и войск немеряно шатается… Местность, конечно, пересеченная, но если возьмутся за диверсантов всерьез, то накроют. А в том, что гонять будут до посинения, сомневаться не приходится. За все это время у немцев получилось накрыть всего две наши группы. Причем, по агентурным данным, живыми никто им не достался. Этим данным, правда, можно не очень доверять – фрицы тоже мастера дезу подсовывать, но вот в ребятах я был уверен. И в том, что таблицы кодов связи вместе с рациями успели перед смертью уничтожить и что только тяжелое ранение последнего из оставшихся в живых могло помешать ему покончить с жизнью. Но как только он очухается в плену и если руки не связаны, то убьет себя тут же.

Вообще в террор-группах все было очень жестко, если не сказать жестоко. Своих раненых, конечно, пытались вытаскивать, но если сильно зажимали и приходилось отрываться, то раненых просто приходилось добивать. Как немцам из фильма «А зори здесь тихие». И все бойцы были готовы к такому повороту. Это только в кино группа разведчиков тащит на носилках своего тяжелораненого, теряя людей и по пути героически выполняя задание. В жизни же в таком случае просто все гибли и задание оставалось не выполнено. Так что никаких соплей… Приходилось прыгать через себя, но действовать по жестокой правде войны. Да и сам раненый понимал это. У каждого была маленькая таблетка с отравой, и чтобы не провоцировать товарищей на то, за что они будут всю оставшуюся жизнь себя казнить, раненый принимал ее сам. Правда, только в безвыходных ситуациях. Если же группа имела возможность уйти с тяжелым грузом, народ жилы рвал, но своих не оставлял…

Зараза! Персту, похоже, трындец подкрался… Мы ведь действовали в основном километрах в тридцати—сорока от линии фронта. Ближе к передовой заскакивали пошалить и свалить. А Перст выпендриться решил. Начал работать в дивизионных тылах. Вот ему тут же на хвост и упали. Хотя он парень сообразительный, да и группа ему под стать. Может, и вывернется. Хотя шансов почти нет…

Как последнюю возможность для отрыва, он сейчас будет использовать горбатых. Это так наши штурмовики Ил-2 называют. Одно звено из ШАПа, по задумке командования, работает на нас. И радист у них в штабе сидит с мощной рацией. Наш радист, который слушает эфир. Он и сообщит о вопле Перста. А там уже как повезет: или помогут, или не получится. Один раз, правда, в схожей ситуации они, можно сказать, с того света вытащили диверсантов Гека, он же Леха Пучков. Его гнали целой ротой. Тот тоже попался километрах в двадцати от передовой. Но сумел еще на подлете скорректировать штурмовики, у ведущего которых была такая же, как у нас, рация в кабине, и те эрэсами и напалмом превратили роту в паникующий полувзвод. Правда, работали так рисково, что один из бойцов террор-группы

получил осколочное ранение плеча от реактивного снаряда, а второму сильно пожгло бок. Слишком маленьким было расстояние между охотниками и дичью. Но свалить сумели все и раненых вытащили. Летунам тогда, по ходатайству нашего полковника, всем по Красной Звезде дали. А старшему группы, сумевшему ювелирно выйти на цель, – Боевик. Орден Боевого Красного Знамени. Мы их потом хотели в спирту утопить, но Андреев – командир отдельной эскадрильи, резонно заметил, что они сейчас всем нужны и в полку сухой закон. Только положенные сто граммов и все. Мол, нечего провоцировать летчиков. А то в самый ответственный момент датые летуны могут получить не очередную награду, а трибунальскую пулю или зенитный снаряд. Согласившись с резонами, все равно одарили наше воздушное прикрытие трофеями и тремя бутылками французского коньяка. Подарки были благосклонно приняты, и теперь остается только уповать на то, что они и Персту так же помочь смогут. Хотя я помню еще в детстве слушал рассказы сослуживцев отца, прибывших из Афгана. Там они всегда сильно ругались на крайне плохое взаимодействие между авиацией и нашими спецгруппами. То есть, выходит, Пучкову просто невероятно, сказочно повезло. Большой вопрос – повезет ли так же Персту.

Вообще все только начиналось, и в дальнейшем, когда будет такой же гон, убегающие диверсанты могли бы выходить в квадрат, где их будут ждать четыре-пять групп, заранее оповещенных и прибывших туда из своих зон ответственности. А почти сорок человек подготовленных ребят вполне могут из устроенной засады ударить по роте или даже батальону. После чего, оставив ошарашенного противника, пытающегося сообразить, откуда здесь у русских такие силы, опять растворяться в украинских лесах и перелесках. Правда, так часто делать не получится, чтобы самим не нарваться на крупные силы, но на то и мозги даны, чтобы каждый раз перед выходом новые варианты отрабатывать.

А вообще-то у наших групп сейчас идет просто тренировка. Жесткая, кровавая, но тренировка. Основной задачей все-таки будет перед наступлением наших войск вносить полный хаос в немецкие тылы. Причем армейского уровня. Уничтожение артиллерийских и ГСМ складов, наведение паники в резервных подразделениях, конечно же, диверсии на железных дорогах и мостах. Пока народ из террор-групп просто принюхивался к территории, на которой придется действовать, намечал себе будущие цели и просто набивал руку. О наступлении же говорить не приходилось. Будет просто здорово, если удастся удержать немцев на сегодняшних рубежах. Чему мы своей работой, пусть несколько не характерной для нас, и способствуем. Тот же Перст вовсе не из идиотизма полез громить тяжелую артиллерию немцев. Авиация до нее добраться не могла – слишком сильное прикрытие и зенитное, и с воздуха у них было. А проблем этот полк нам доставлял немеряно. Вот и решил, выходит, проявить героизм. Хотя это дело явно для самоубийцы. Но, с другой стороны, ребята подобрались такие, что за общее дело, не задумываясь, готовы голову сложить. В моем времени с таким поведением была уже больша-а-а-ая напряженка. А здесь не то чтобы в порядке вещей, но очень сильно присутствует.

Крутя педали, вспомнил, как в Крыму, когда немцы еще вовсю давили, увидел пулеметный расчет. Отступающий батальон уходил на юг, а они спокойно, по-хозяйски оборудовали точку меж больших валунов. Я тогда еще поинтересовался:

– Эй, мужики, вы что, Манштейна вдвоем остановить хотите?

– Ну, не остановить, а задержать могем. Пока вы во-он на тех холмиках как следует не закрепитесь.

– Так вас командир в заслон поставил?

– Нету у нас командира. Вчерась последнего взводного убило. За старшего сержант Липнев остался. Молод он ишшо нами командовать. Да и остальные – пацанва сопливая. Вот с Иван Силантьичем и решили шанс им дать – еще пожить. Пока мы здесь немца придержим, ребятки окопаться смогут нормально. Глядишь, и удержаться.

Потом говорливый первый номер поинтересовался, нет ли у меня курева. Я выгреб из портсигара все папиросы и протянул ему. Седоусый пулеметчик взял только четыре, а остальные вернул, сказав:

– Нам больше без надобности. Правильно, Иван Силантьич?

Второй номер молча кивнул и, взяв у него две папиросы коричневыми пальцами, одну сунул за отворот шапки, а вторую с удовольствием понюхал. Потом, шмыгнув носом, глянул сначала на дальние курганы, над которыми уже видна была пыль, а потом на меня и сказал:

– Ты, парень, иди уж. Вон немец пылит. Не ровен час, не успеешь.

Но вот так сразу уйти не мог. Топтался на месте, как конь, и не уходил. Что-то говорить этим далеко уже не молодым мужикам было лишним. Они приняли решение, причем правильное решение, и все слова теперь были пустыми. Не благодарить же их от лица командования? Это даже не пошлостью попахивало бы, а вообще свинством. Но и просто повернуться не мог. Потом меня озарило:

– В общем, так, мужики, давайте ваши адреса домашние.

Смертных медальонов, где были адреса и фамилии, я у них не просил. Очень мало бойцов заполняли смертники, считая это крайне дурной приметой, поэтому, вытащив огрызок карандаша и блокнот, приготовился записывать. Первый номер с шикарными седыми усами остро взглянул на меня и, понимающе кивнув, продиктовал свою фамилию и адрес. Записав координаты обоих, аккуратно положил блокнот в карман и, сняв шапку, молча поклонился дядькам:

– Простите нас, мужики… и спасибо вам.

Потом повернулся и побежал догонять своих. Много я до этого видел всякого. И панику, когда бойцы, выпучив глаза, выпихивали своего же товарища из тесного окопчика, и героизм, когда молодой совсем пацан со связкой гранат ложился под танк. Но вот этих спокойных и основательных мужиков запомню на всю жизнь. Потом часто примерял на себя их поведение и не мог найти ответа – смог бы так же? Не в ажиотаже боя, когда адреналин только из ушей не лезет, а вот так, осознанно, не торопясь и точно зная, что второй жизни в запасе нет. Даже самому себе ответа дать так и не получилось…

Вдалеке послышался шум моторов, и мы, спрыгнув с великов и запихнув их под кусты, двинули в ту сторону. Метров через триста лес начинал редеть и видна была дорога. По ней шла здоровенная колонна. Штук двадцать наливников, танки, БТРы и просто грузовики с солдатами. Похоже, очередное пополнение идет. Сколько немчуры набежало… Где же мы вас, сволочей, хоронить будем? Хотя сейчас, конечно, этих пропустим. Слишком уж крупные силы катят. Лучше поищем что-нибудь попроще, мы не гордые. Это вот когда кавалерийский корпус перед нашим наступлением тылы фрицев начнет громить, тут, конечно, оторвемся. А сейчас, отпустив колонну, думали шмыгнуть через дорогу дальше. Не вышло… Не зря во всех мемуарах описывалось, что форсирование больших дорог – самое опасное дело. По этому шоссе постоянно кто-то мотался. Незамеченными проскочить не получится. А заметь нас хоть кто-нибудь, было бы как с Перстом – моментом сядут на хвост и начнут гонять… Поэтому отошли подальше в чащу и встали на дневку. Ближе к вечеру отошли еще километров на пятнадцать западнее. Педальные средства передвижения, правда, пришлось бросить. Лес стал другой, и мы их больше тащили на себе, чем ехали. Зато нашли замечательный проселочек и остановились в ожидании непуганых лохов. Ждать пришлось недолго. Солнце уже село, и мы сначала услышали надсадный гул нескольких машин, а потом увидели отсвет маскировочных фар на дороге. Три грузовых фургона. Без сопровождения. Хамы просто! Грузовики шли медленно, хотя дорога была сравнительно нормальная. И чего они еле тащатся?.. Ну, наконец-то втянулись в сектор обстрела.

Вовка Крутиков, по кличке Малыш, фуганул из граника по первой машине. Я от него был метрах в двадцати и, прежде чем уткнуться в землю, увидел при вспышке выстрела такое, что завопил, срывая горло:

– Не стрелять! Отставить!

Пулемет успел тукнуть короткой очередью и замолк. При свете горящего грузовика стали ясно видны красные кресты на бортах остановившихся двух машин. Блин! Санитарную колонну накрыли… Меня не то чтобы терзали угрызения совести, но расстреливать раненых считалось совсем не гут. Мудаки, конечно, присутствовали и с той, и

с другой стороны фронта, но нормальные солдаты старались с ранеными не связываться. Максимум могли просто равнодушно пройти мимо. Но очень часто сердобольный мог и бросить индпакет истекающему кровью врагу. Разумеется, не во время боя… А бывали случаи захвата госпиталей или ПМП. Как с нашей, так и с немецкой стороны. Бывало и так, что озверевшие во время боя солдаты не останавливали себя и крошили всех. Но гораздо чаще врачей и раненых не трогали и даже централизованно подкидывали какие-нибудь лекарства. Все равно они уже считались военнопленными. Но вот что заметил – если немцы не пожалеют наших в полковом медицинском пункте, то наши обязательно сравняют счет. И наоборот. Быть открывальщиком очередного такого счета мне не хотелось. Поэтому, встав за дерево, крикнул по-немецки:

– Не стрелять! Старший колонны, выйдите из машины.

Секунд через тридцать из кабины последнего грузовика спрыгнула тоненькая фигурка. Я пригляделся… Баба! Правда, не в халате, а в куртке и форменной юбке. И это старшая? Выйдя из-за укрытия, пошел ей навстречу. Пацаны, не высовываясь, страховали от разных неожиданностей – вдруг тот же водила с грузовика героизм ненужный проявить захочет? Не доходя пару шагов до меня, немка остановилась. Ух ты, какая фройляйн! Цвета глаз не видно, но понятно, что большущие. И фигурка очень даже ничего. Деваха молча смотрела на меня, и поэтому решил не затягивать:

– Что за колонна, куда направляетесь?

Старшая после небольшой заминки ответила на неплохом русском:

– Это санитарные машины, неужели не видите красный крест? Везем раненых в тыл.

Вот те раз! У фрицев что, пошла мода на изучение языка противника? Причем как чисто чешет. Акцент, конечно, есть, но слова произносит внятно и четко, не то что Худайбергенов из хозвзвода, который вроде и по-русски говорит, но ни хрена не понятно, чего же он хочет. Тем лучше, теперь не надо долго фразы в уме конструировать, так что можно перейти на родной язык. Поправив автомат, сделал официальную морду и двинул речь:

– В темноте символика медицинской службы была не видна. От лица Красной Армии приношу свои извинения за случившееся. Это недоразумение. Неизбежная на войне случайность. Мы поможем вам убрать грузовик, и вы сможете продолжить путь.

Ф-фу! Какую фразу замутил, в лучших традициях героев Дюма. Барышня, пока я говорил, настороженно замерла и даже вроде дышать перестала. Поняв, что на месте ее резать не собираются, спросила:

– Я могу посмотреть, что с разбитой машиной, может, там не все убиты?

Ха! Смелая немчура. То есть не то чтобы смелая – даже в темноте видно, как ее трясет, но вот что такое врачебный долг – со страху не забыла. Или девку просто заклинило? Такое тоже бывает. Хотя голос, хоть и дрожащий, но не истерический, может, действительно о раненых печется… Кивнув, ответил:

– Конечно, только сначала предупредите своих людей, чтобы не делали глупостей.

– Один момент.

Врачиха крутнулась на месте и, подбежав к оставшимся целыми санитарным машинам, что-то сказала. Потом вернулась. Смотреть на подбитый «Бюссинг» было бессмысленно. Граната попала между кабиной и фургоном. Кабину вообще сорвало, и она валялась в стороне. Фургон же чадно догорал задней своей частью. Передней просто не было. Чтобы не тянуть время, спросил:

– Во второй машине много тяжелораненых?

Немка подозрительно посмотрела на меня, но поняв, что отвечать придется, сказала:

– Двенадцать человек.

– Тогда, пожалуйста, возьмите людей и придерживайте раненых, пока я буду этой машиной сталкивать грузовик с дороги.

Повернувшись к своим ребятам, крикнул:

– Грач, Волк – в кузов. Помогите врачихе.

Потом, выгнав шофера из машины помогать остальным, осторожно подкатил к чадящему грузовику и, подцепив его сзади, сдвинул ближе к обочине. Даже без особой встряски. Выпрыгнул из кабины и опять подошел к немке:

– Можете следовать дальше.

И, не удержавшись, добавил:

– Неужели вы старшая?

– Старшим был гауптман Хольц. Он был замечательным хирургом. Вы его убили…

Ах ты стервь нерусская! Боится до дрожи, но еще и претензии высказывает. Я цыкнул зубом и, нехорошо улыбнувшись, ответил:

– Так вас сюда никто не звал. Сидел бы Хольц в Германии, резал больных и оставался живой до старости. Но немцам захотелось пойти на Восток. А здесь идет война на уничтожение. И прощать мы вас начнем, только когда Берлин возьмем.

Врачиху во время этого монолога опять начало крупно колотить. Даже жалко стало. Да и оставлять о себе впечатления грубого ночного убийцы раненых не хотелось. Поэтому уже другим тоном спросил:

– Откуда вы так хорошо наш язык знаете? Или в концентрационном лагере с русскими военнопленными работать пришлось?

Про концлагерь ляпнул специально, чтобы ее встряхнуть. В лагерях-то только врачи из СС служат, а эта – обычная клистирная трубка из вермахта. О, получилось! Девчонка перестала трусить и обозлилась:

– Я давала клятву Гиппократа и никогда не пошла бы служить в лагерь! А язык знаю, потому что у меня мама в России жила и уехала в Германию еще до вашей революции.

– Так у вас мать русская, и вы получается – фольксдойче?

– Моя мама немка! И в роду у меня все немцы!

Ишь ты, как ее пробрало, – усомнились в расовой чистоте, и аж глаза засверкали. Или это по привычке – гестапо-то, небось, за родню из России ее как грушу трясло? Скорее всего, именно так, уж больно реакция неадекватная. Ну да это не мое дело, поэтому козырнув сказал:

– Я бы про то, что ты немка, орать не стал. Нечем тут гордиться. Особенно после того, что здесь сотворили… Но сейчас можете ехать – дорога свободна!

И повернувшись, нырнул в темноту леса. М-да… Теперь бежать отсюда надо очень быстро. Фрицам, чтобы доехать до стационара, не более получаса понадобится. А еще через час здесь будет слишком людно. Мы уже удалились метров на шестьсот в глубь чащи, когда я услышал далекое завывание двигателя. Похоже, в санитарной колонне только сейчас пришли в себя и, поняв, что расстреливать из темноты их не будут, продолжили движение.

Еще через три дня мы вышли к своим. На карте у нас было много чего интересного, плюс притащили, уже по традиции, майора-связиста. Пока группа отдыхала, писал отчет о проделанной работе. Наиболее интересным был, конечно, вновь создаваемый немцами большой склад ГСМ. Очень хорошо замаскированный, он охранялся так, что мы решили и не соваться туда. Тем более что и жратва, и боеприпасы подходили к концу, а гранатометы вообще закончились. Так что теперь, нанося на карту расположение наиболее вкусных мест, я готовил для нашей авиации большое поле деятельности. Тем более что пока мы шарились по тылам, немцы продолжали вгрызаться в нашу оборону. Прорывов еще не было, но вот место своей дислокации мы опять поменяли. Теперь расположились в большой деревне Глуховская. Тут же был и штаб армии. За окном постоянно кто-то вопил, раздавая ЦУ, и непрерывно мотались курьеры и делегаты связи. Шла обычная армейская жизнь. Тут мое внимание привлек шум разборки.

– Ти чиво, пилять, принес? Это не мацони, а фуйня! У, чимо тупорылье!

С интересом высунувшись в окно, я увидел, как на заднем дворе нашей хаты звероватого вида майор-кавказец наезжает на лопоухого бойца. Тот стоял с котелком в руках и, виновато моргая, переминался с ноги на ногу. Майор меня не видел и продолжал воспитательную работу:

– Я сказал, ти последний дом должен идти. Там мацони настоящий делать. А это – фуйня!

Боец вздохнул и уже, видно, не в первый раз заныл оправдания:

– Товарищ майор, не было там никого в последней хате. Соседи сказали – уехали они. И корову увели. Я и взял у других…

Майор хлопнул себя по мощным ляжкам и завопил:

– Ти совсем тюпой, это не мацони, это молоко! Я твой мама ипал!

С этими словами смачно заехал несостоятельному молокодобытчику по морде. У того только ботинки с обмотками в воздухе мелькнули. С размаху грохнувшись возле покосившегося тына, боец опрокинул на себя котелок и затих. М-да… Реалии нашего времени.

Вообще мордобой в Красной Армии был очень распространенным явлением. Тромбили народ активно, в соответствии со званием. Маршал мог сунуть в рыло генералу, генерал – полковнику, полковник – майору, ну и так далее. Вот наоборот – совершенно не допускалось. Поднявшему руку на старшего светил трибунал. Недавно как-то подрались старлей с капитаном. Не поделили ротную медсестру. Миром решить, чьей она ППЖ будет, не смогли, вот и понеслось. Дело замять не успели, вмешался замполит, и старлей загремел на полгода в штрафбат. А сейчас я наблюдаю совершенно рядовое явление. Кулачное воспитание младшего по званию. Причем, ввиду отсутствия демократической общественности и комитета солдатских матерей, такое воспитание считалось самым надежным. Обычно, правда, таким макаром гоняли на боевой учебе, для лучшей доходчивости и последующего сохранения жизни. Но бывало и так, как наблюдал сейчас. Уже собрался вернуться к своим делам, но майор, не удовлетворившись одним ударом, начал пинать скрючившегося бойца. Я покрутил головой – эк его на мацони растараканило. Видно, исстрадался без кислого молока. Озверел совсем сын Кавказа, как бы не прибил пацана. Похоже, надо вмешиваться.

– Эй, майор, ты там потише! Покалечишь ведь бойца.

Пышущий гневом детина обернулся и, увидев в окне всего лишь капитана, с ходу меня послал. Дурачок, однако. Не знает, кто тут живет… Выпрыгнув через окно, присвистнул, привлекая внимание, и выдал:

– Ара, я твою маму того – фьють-фьють!

– Чито?!

Нет, все-таки не зря я жил на Кавказе. Во всяком случае, как с полпинка завести этих горячих парней, знаю хорошо. Вот и сейчас – метод заводки работает без сбоев.

– Чито?!

– Ху то! Я твою маму, папу, дедушку, бабушку и даже собаку того…

И показал руками и бедрами, что делал с его домашними и живностью.

– А-а-а-р-р-р!

Грузин, взревев, кинулся на меня. Ну, чисто бык. Вот и поиграем в корриду. Сделав шаг в сторону, позволил сыну гор всей массой влепиться в стену хаты. Бум! Из-под крыши посыпался соломенный мусор. Майор отлепился от препятствия, мотнул головой и опять пошел в атаку. Силен, однако… Я опять шагнул в сторону, поставив подножку. Бум! Теперь мусор посыпался с дерева, в которое врезался неугомонный мститель. Из окна появилась заинтересованная физиономия Гусева, который, видно, только что пришел. Серега мигом оценил и мокрого бойца, и стоящего на карачках майора. Ухмыльнулся и спросил, устраиваясь в окне поудобней:

– Все резвишься?

– Ага… Ты, кстати, не знаешь, что это за хмырь?

Я кивнул в сторону вставшего майора. Лоб у него был разбит, и струйки крови стекали на лицо. Гусев пригляделся и ответил:

– В автобате его видел. Вроде там службу тащит.

Весь пыл горячего горца уже прошел, но отступать он пока не собирался. Покачиваясь

и раскинув руки, опять пошел на меня. Вот упертый! Поймав руку, взял уже вялого майора на болевой. Тот слегка подергался, а потом глухо сказал:

– Пусты. Как мужчина дэрись!

Ага, сейчас… Так ему и ответил:

– Если я с тобой, орел горный, драться начну, то через три секунды ты уже со своими предками беседовать будешь. Так что угомонись, и пойдем к бочке – умоешься.

Грузин еще раз сделал неудачную попытку вырваться и так же глухо сказал:

– Ти зачем такой слова гаварыл?

– А что, нельзя? Или какой-то обычай нарушил?

– Да нарушил… нэлзя такой про мать говорыть.

Рывком развернул его к себе, ухватив за плечо так, что он поморщился, и прошипел прямо в окровавленную морду:

– Так что ж ты, сука, себе такое позволяешь? Не нравится, когда только ваши обычаи нарушают? А наши, значит, можете как хочешь иметь? Хер тебе в глотку! Не нравится, когда посторонние говорят, что твою мамашу имели? А бойцу, которому ты морду чистил, думаешь, понравилось, что ты про его мать сказал?!

Майор расширившимися глазами смотрел на меня, не понимая, почему я впал в такую ярость. Подумав, осторожно ответил:

– Так русский все говорят – про мать.

– Не так говорят! Они просто матерятся, не имея ввиду чью-то конкретную мамашу. А ты или язык лучше учи, или ругайся на своем родном. Живее будешь. Не все такие добрые, как я, – свернут головенку за нарушение НАШИХ обычаев и привет! Понял?

Кавказец закивал, а я подумал, что все эти выходцы с окраин страны очень ревностно блюдут только свои законы. И государство их в этом активно поддерживает. Может, и нам наконец вспомнить о своих? Та же кровная месть у славян была очень даже распространена. За убитого родича брали или головой обидчика или вирой, если род слабый был. Зато ни одна падла не могла косо посмотреть или, глумясь, выдать про сексуальную связь с твоей родней. Хотя скорее всего – уже ничего не получится… Отучили наш народ, что можно за себя постоять. Еще с татаро-монгол. А потом каждый последующий правитель целенаправленно выжигал эту черту… Хотя до конца ни у кого так и не вышло. Русский может долго терпеть наезды, но потом так рванет – мало не покажется! Я вон тоже, считай на пустом месте завелся, когда про обычаи услышал, и чуть не удавил этого ухаря. Уже остывая, сказал:

– Ладно, иди морду сполосни, а то вся в крови.

Выпустив впавшего в грусть драчуна, подтолкнул его к бочке, у которой мы обычно мылись. Пока пошатывающийся майор умывался, я курил, наблюдая за ним, а потом поинтересовался:

– С чего ты вообще так на бойца накинулся?

– Я сэгодня дэвушку прыгласил. А после контузыи плохо получается. Мацони випью – все харашо. Нэт мацони – дэвушька нэдовольна будэт. Мнэ стидьно будэт.

М-да… уважительная причина… Правда, я несколько не понял связи между кисломолочными продуктами и потенцией, но с контуженными чего только не бывает. Вот и этот – бзик словил. Ну да я не психотерапевт, поэтому, выпроводив расстроенного, с огромной шишкой на лбу Казанову, собрался идти в дом. Правда, перед уходом он остановился и, потоптавшись, сказал:

– Ты извыны, что ваш обычай нарушил… Я тыперь на свой язык только ругаца буду.

Хм… правду говорят, что у нас все люди нормальные, только жизнь хреновая. Вот живой пример, этот самый майор – вроде и дикий, как мамонт, но человек с понятием. Поэтому только махнул ему рукой, сказав:

– Проехали!

И пошел дописывать донесение.

Вечером стало ясно, что произошло с группой Перста. То есть известно стало раньше,

просто, закончив бумажную работу, только сейчас спросил про него у Гусева. Хоть я и не их командир, но все равно волновался за ребят. Серега молча махнул рукой и достал флягу со спиртом. Понятно… Выпили, не чокаясь. Потом спросил у глядящего в пол и задумавшегося майора:

– Как это случилось, уже известно?

– Немцы его на лысую сопку выгнали. Их там даже больше роты было. Парней зажали намертво. В живых тогда только Комаров и Андрюха Голиков оставались. Да и то оба раненые. Вот когда горбатые подошли, Андрей и сказал об этом, а потом вызвал огонь на себя. Немцы от них уже метрах в сорока были… Штурмовики там все с землей перемешали…

Посидели, помолчали, вспоминая ребят, ну а минут через двадцать, выпив еще по одной, собрались и пошли на день рождения к капитану Михину – командиру комендантской роты, отличному парню, весельчаку и балагуру, который, как и все мы, пока был живым.

* * *

А потом потянулись обычные, как их называют, боевые будни. Немцы буксовали, пытаясь срезать Барвенковский выступ на юге. На севере, в районе Питера, у них тоже был облом за обломом. Черняховский крепко держался, часто контратакуя немецкие и финские войска, поэтому ни о какой блокаде и речи сейчас не было. Враг топтался где в сорока, а где и в семидесяти километрах от города. Налеты авиации, конечно, были, но вот надписи на стенах домов типа: «Эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле», похоже, уже не появятся. И Кировский завод работал на полную катушку. Так же, как и Сталинградский, кстати. Только эти два танковых завода, работающие на полную мощность, полностью обеспечивали потребность войск в технике.

Уже июнь месяц, а фронт стоит. В мое время Паулюс где-то на подходах к Волге был. А сейчас они и про Кавказ не мечтают. То есть, конечно, мечтают, но вот не зря говорят о том, что мечтать не вредно. В конце мая в тылу наконец-то прошло испытание гранатомета с кумулятивной гранатой. Прохоров, похоже, довел взрыватель до ума, и теперь у нас есть что противопоставить тяжелой технике немцев, которая скоро массово появится в войсках. Отголоски этого появления уже налицо. Колычев довел до нашего сведения слухи о начале производства в Германии каких-то тяжелых танков. Всем известные Pz.III и Pz.IV и рядом, мол, не стояли. И хоть это еще не проверенные сведения, но надо быть готовыми ко всему. Ну дык… Знаю я, что это за новые танки. Pz.VI. Выходит, не зря я с верховным беседу имел, агентурная разведка уже подсуетилась… Так что теперь жди появления всей серии кошек на фронте. И «Тигры», и «Пантеры» скоро будут тут резвиться в больших количествах. Наши тоже клювом не щелкали, и, как сказал полковник, уже пошла разработка тридцатьчетверки с новым орудием. Да и возобновили выпуск 57-миллиметровых ПТО ЗИС-2, снятых было с производства в связи с избыточно большой бронепробиваемостью снаряда. Я сначала вообще не мог понять, почему их выпуск прекращали, но многомудрый Серега объяснил, что использовать это ПТО против существующих сейчас танков и БТР – это все равно что мышей гранатой гонять. В данном случае поговорка, что кашу маслом не испортишь, себя не оправдывала. Для этого орудия просто не было достойных целей. С существующими отлично справлялись гораздо менее дорогие в производстве сорокопятки. М□да… опять все в деньги упирается…

Кстати про деньги. Наша разведка накопала такой факт, что американосы имеют акции в немецкой промышленности. Те, когда им Союз выкатил ноту протеста, отмазались, мол, это еще довоенные вклады и вообще инициатива частных лиц. Ну ничего, дай только с фрицами сейчас разобраться, у нас тоже появятся частные лица, которые японцам горючее гнать будут. Вот тогда янки и попляшут. Особенно если учесть, что за их атомщиками уже ведется слежка. Наши решили, кого можно – выкрасть, кого не получится выкрасть – грохнуть. Причем все делается руками латиносов из Коминтерна. Фиг амеры потом хвосты найдут…

Так что не будет у штатовцев ядреной бомбы к сорок пятому году в любом случае. А продолжающаяся война с Японией их сильно отвлечет от общемировых претензий.

Еще прошел слух, что в армии будут вводить погоны! Или осенью, или ближе к зиме, когда общее наступление начнется. Сталин решил, что в Европах армия должна выглядеть достойно. Да еще и плюс вековые традиции… То есть теперь убоищного вида петлицы канут в лету. Почти на год раньше, чем должны. И командиров будут называть офицер. И бойцов – солдаты. В новом уставе, кстати, уже прописаны старорежимные «так точно» и «никак нет». До этого мало кто так отвечал, это считалось пережитком царской армии. Говорили просто «да» или «нет». А теперь без оглядки на старых коммунистов (которых, кстати, очень хорошо чистками повывели) вводят новые порядки. И еще в связи с тем, что общий накал боев даже не сравнивался с теми, что были в моем времени, то армия могла себе позволить проводить полный курс молодого бойца в новых дивизиях, формируемых в тылу. И полностью их обеспечивать техникой и вооружением. Часть из этих соединений шла на фронт, а из оставшейся части формировали резервные фронты для поддержки и усиления войск, когда наши наконец начнут генеральное наступление. А в то, что оно не за горами, верили уже все.

Немцы, похоже, начали выдыхаться. Они, конечно, представляли собой грозную силу, и если бы наше командование хоть чуть зазевалось, опять бы перехватили инициативу, но такого шанса им никто предоставлять не собирался. Поэтому на всем протяжении советско-германского фронта после яростных оборонительных боев наступало затишье. Если фрицы ничего до начала осени не придумают, то все – пишите письма. Вояки из них зимой довольно посредственные, и в силу чисто погодных условий слово будет за нашим командованием. Русские зимой всегда были традиционно сильны. Так что я прикидываю, не сейчас и не осенью, когда все превратится в слякоть, а именно с первым морозцем вся эта махина придет в движение. Только не из-под Сталинграда, а из-под Харькова. И великое танковое сражение под Курском, похоже, не состоится. Если оно и произойдет, то уже в другом месте, а сам Курск к его началу будет у нас в глубоком тылу.

Глава 12

Дни тянулись за днями, и чем дольше ничего не происходило, тем больше я убеждался в правильности своих предположений. Летом наши еще не решались наступать, обучаясь и копя силы, а немцы при всем напряжении просто не могли сломить нашу оборону. Ни в мае, ни в самом начале июня…

Советские войска, зарывшиеся в землю, наглядно демонстрировали главному немцу его основной ночной кошмар – позиционную войну. При таком раскладе Германия, даже подкрепленная промышленностью всей Европы, однозначно оказывалась в проигрыше. Интересно – в последнее время очень часто наши разведчики стали притаскивать языков, которые оказывались вовсе не белокурыми арийцами, а какими-то чехами, мадьярами, хорватами и даже поляками. Когда же приволокли эсэсовца-гнома, ростом 160 сантиметров, не больше, я понял – дела у фрицев пошли вовсе не так, как рассказывает Гиммлер. Раньше-то эсэсманы были богатыри. Все под два метра. У них даже ограничение по росту было, не ниже 170 сантиметров. А этот мозгляк, которого притащили, непрерывно кашлял и глядел на всех заплывшими конъюктивитными глазами.

А раз притащили сразу двух немцев. Те были здоровыми и бойкими. Еле, говорят, взяли их. Так при допросе Мишка Фридман, который жил в Вильно перед войной, их раскусил. Литовцами оказались, суки! Мало того, что при отступлении наших войск из Прибалтики эти гады в спину стреляли и зверствовали над ранеными да пленными красноармейцами, которым «повезло» попасть к ним в руки, так теперь еще и врагу служить пошли. Помня кичливые эсэсовские парады в этих сраных странах Балтии в 2000-е годы, после допроса лично вывел языков в расход. Эти двое уж точно не пройдут, гремя крестами, парадным маршем, глумясь над памятью всех моих знакомых ребят, павших в эту войну. А

демократическая Европа не будет их втихаря поддерживать, делая постную морду и разводя руками, мол что поделаешь – борцы за свободу идут. Демократы… как немцам помогать, так они были первыми. Те же чехи совершенно добровольно и с рвением снабжали немцев техникой и боеприпасами. За всю войну ни одного акта саботажа на чешских заводах не было. До трети фрицевского автомобильного парка было чешского производства. А во Франции правительство Виши чего стоит? Хотя те же галлы, все-таки сопротивление оказывают. У них даже маки действуют. Это вроде партизаны. Правда, такие партизаны – смех один. Плевок на спину немецкому патрулю считается диверсией. А уж выстрел из кустов по проходящей в паре километров от стреляющего колонне приравнивается к подвигу. Действительно сопротивляется только Югославия. Там братья-славяне, бегая по горам, дают прикурить и немцам, и их подручным – усташам. Это хорватские фашисты себе такое название придумали.

А так как современная мне Европа очень любит фашистов всех мастей и ненавидит славян, то те же албанцы в Сербии за активное сотрудничество с фашистской Германией вот-вот получат полную самостоятельность. В ООН уже сколько времени собираются протащить закон, дающий им право на суверенитет. Ну конечно – заслужили…

Нет, у России только три союзника реальных – ее армия, флот и ракетные войска стратегического назначения. Пока они у нас есть – никто нам не нужен. Все другие будут только кровью моего народа добывать себе победу. А потом Ваню ототрут в сторону и воспользуются ей, как будто его и не было.

То же 9 мая. Почему «демократы» его отмечают 8 мая? Нам втирают, что из-за разницы во времени. Хрена лысого! Просто немчура подписала акт о капитуляции в ночь с 7-го на 8-е мая. А вот наших позвать на это мероприятие союзники «забыли»! Был только так называемый свидетель с нашей стороны – генерал Иван Суслопаров. Только потом, когда возмущенный Сталин, узнав про это, рявкнул, они задергались и сделали дубль капитуляции, который мы и видим в хронике. Поэтому все и происходило поздно ночью. Поэтому и подписывал документ только Жуков. Вот и вышло, что у них своя победа, а у нас своя…

В середине июня всех ошарашила новость – в районе Ржева наши начали наступление. Блин! Усатый вождь что – головой ударился? Или у него, как он сам говорил «головокружэниэ от успэхов»? Летом наступать у нас точно еще не получится. Опыта не хватит… Но сейчас по радио сообщили, что силами двух фронтов, Калининского и Западного, были нанесены удары по сходящимся направлениям. Сводки гремели победными реляциями. Взяли Духовщину и Ельню. До Смоленска было уже рукой подать, когда торжественный голос Левитана несколько потускнел. Сводки опять стали мутными, все больше говорящими о массовом героизме советских солдат, чем о названии населенных пунктов. А что это значит? Это значит – жопа! Все уже отлично знали – как только перестают упоминать название городов и других населенных пунктов, а начинают говорить о направлениях, это значит немец опять попер. И действительно, через два дня Колычев нас собрал и рассказал о действительном положении вещей. М□да… Интересно, кого на этот раз верховный себе в советники выбрал, что так лоханулся? Ведь на последней встрече с ним об этом и разговора не было… Хотя, с другой стороны, может он просто решил забить на слишком осторожную Кассандру и начать жить своим умом? Хрен его знает. Да и я, выходит, погорячился, когда предположил, что фрицы начали выдыхаться. И доходяга эсэсман – вовсе не показатель. Они мало того, что сумели отбить все наши поползновения, но еще и сами ударили так, что уже взяли Юхнов и Козельск на юге и подходят к Торжку на севере. Судя по всему, убедившись, что Южный фронт им не по зубам, решили опять намылиться на Москву. А наша разведка благополучно прощелкала сосредоточение их войск на центральном направлении. Теперь все резервы, что были подготовлены для будущего наступления, будут брошены на ликвидацию прорыва. Опять начнется суета, беготня и штурмовщина. Войска с ходу будут кидать в бой, забывая о разведке и воздушном прикрытии. Блин! А ведь в моем времени этого наступления не было. Был харьковский облом и поход к Сталинграду. А вот второго похода группы «Центр» на столицу не

присутствовало. То-то будет весело, если немцы сейчас Москву все-таки возьмут! Хотя вряд ли… Слишком большие резервы мы накопить успели… И все равно – напряжение чувствовалось. Почти все террор-группы были переброшены с нашего фронта громить растянувшиеся коммуникации немцев на центральном направлении. А это значило, что оставшиеся должны были действовать за себя и за того парня. Чтобы фрицы у нас расслабиться не могли. И мы действовали! Рвали склады и мосты, уничтожали колонны и малые группы. Один раз даже совместными силами трех групп уничтожили самолеты на аэродроме. Правда, при отходе были большие потери. Но зато так досаждавшие нам бомбардировщики летать уже не будут. Причем дело не только в самолетах. Мы умудрились уничтожить почти всех летчиков и часть техников, из-за чего и задержались с отходом. Так что теперь пускай фрицы новеньких присылают. Или недоученных (хотя у них с учебой дела нормально всегда обстояли), или незнакомых с этой местностью. Пока они въедут, что здесь к чему, их и пощипать смогут хорошо, да и наши в окопах легче дышать смогут.

Только вот этот героический поход нам вышел боком. Точнее, не нам, а мирным жителям, живущим под немцами. Фрицы в последнее время все чаще начали практиковать взятие заложников. Обычно после налета партизан появлялась зондеркоманда и начинала выступление. Наугад выхватывались люди, после чего их демонстративно расстреливали. Немцы этим пытались достичь двух целей. Во-первых, была надежда, что среди расстрелянных окажутся друзья, знакомые или родственники партизан, совершивших диверсию. Боязнь, что в следующий раз твой отец или брат попадет под такую чистку, должна была заставить будущих диверсантов отказаться от задуманного. Ну и вторая причина – запугать мирное население, чтобы и мыслей не было строить козни оккупантам и якшаться с диверсантами. Вот и в этот раз, хотя тевтонские сволочи и знали, что аэродром громили вовсе не партизаны, взяли в заложники около двухсот человек и через три дня расстреляли их. Об этом стало известно от харьковской агентуры. Ну что ж. Как там говорил кто-то из марксистских классиков– на террор мы ответим еще большим террором. Тем более что от той же агентуры стало известно о приезде в город Альфреда Функа. Председателя, блин, оккупационного верховного суда. Вот и обсудим с ним, как нехорошо стрелять гражданских. Надо только обдумать все нормально. Чтоб фрицы получше впечатлились. Напрочь отбить у них всяческое желание брать заложников. Два дня мараковали, как провернуть дело. Потом мы с Серегой пошли докладывать Колычеву наш план. Он сначала, выслушав его, изумился и даже покрутил пальцем у виска. Но мы были так настойчивы и убедительны, что Иван Петрович в конце концов сдался. Сказал только, что если нас убьют, назад чтоб не смели возвращаться. Это значит, пошутило начальство, заботу проявляя. Поэтому, получив карт-бланш, разбежались по нужным местам. Гусев в армейскую многотиражку и в рембат, я к снайперам. Точнее, к антиснайперам. С моей легкой руки стали создаваться целые группы стрелков, вооруженных ПТР с оптикой. Мой браконьерный друг, которому я в конце концов подарил свой эксклюзивный ствол, так его разрекламировал, что эта огромная дура стала очень популярна. Ну не то что бы очень, но в каждой дивизии было по пять-шесть человек, которые активно использовали ПТР для борьбы с вражескими снайперами, для поддержки наших снайперов и, конечно, для пополнения своего боевого счета. В артмастерских на выбранное из десятков и сотен противотанковых ружей одно, самое лучшее, им ставили либо немецкие трофейные, либо отечественные прицелы, и снайперы выходили на охоту. Причем весьма результативную. Но прежде чем отправиться к ребятам, я специально немного задержался. Колычев, уже успевший опять сесть, удивленно посмотрел на меня и спросил:

– Что тебе еще? Или ты и Гитлера решил до кучи пристрелить? Ну чтобы два раза не бегать? Давай рассказывай.

– Нет, Иван Петрович. Фюрера мы оставим на сладкое, а сейчас я у вас хотел бы узнать– есть в нашей конторе яд замедленного действия? Ну чтобы умирали только дня через три? И чтобы действовал через кожу, а на свету желательно полностью распадался.

Полковник даже глаза прикрыл и затих. Потом поднялся, прикурил и, страдальчески

морщась, покачал головой:

– Господи… Яд-то тебе зачем? Тем более такой хитрый.

Что-то в последнее время наш командир, атеист до мозга костей, при общении со мной все чаще и чаще Бога вспоминает. Наверное, не к добру… Но отрава мне нужна была для дела. Хорошего или плохого, даже не берусь судить. Но в свете творимого немцами беспредела, наверное, все-таки хорошего. Отстрел генералитета и нижних чинов – вещь, конечно, достойная и увлекательная. Но вот я сильно сомневался, что немецких вояк этим так уж сильно можно запугать. Имею в виду до такой степени, что они заложников брать перестанут. Скорее наоборот… А чем можно напугать карателей из зондеркоманд? Или слегка охладить их пыл? Сколько ни думал, лучше чем уничтожение немецкого гражданского населения в ответ на уничтожение нашего, ничего не придумывалось. Бомбежки – не спортивно, да и сил у нас таких сейчас нет. Засылать группы в Германию – это вообще в порядке бреда. И вдруг я вспомнил развлечения разных Аль-Каид в мое время. А в частности, письма с «таинственным белым порошком». Вот оно! Только без порошка. Мы все-таки не Паниковские и чтим конвенции. После каждой массовой казни наших мирных жителей отправлять в Германию (по самым разным каналам, хоть даже с армейской немецкой почтой, ходы можно продумать) письма, открытки, извещения, на бумагу которых будет нанесен яд. Причем все это будет в конвертах, поэтому через почту они пройдут, не оставляя следов. Адреса можно брать хоть из записных книжек у пленных. Обмен домашними координатами в армии еще никто не отменял. Что в нашей, что в немецкой. У каждого фрица в блокнотике уж точно пара-тройка адресов армейских друзей есть. Вот от них и будем отталкиваться. Так, скажем, на кого бог пошлет. И после каждой акции устрашения у нас засылать пару-тройку тысяч таких заряженных писем в Германию и Румынию. Нехай тоже повеселятся. И листовки фрицам и мамалыжникам скидывать, в которых объясняется, за что на их родню дома напал неожиданный мор. Можно даже слегка мистику ввернуть, мол, это главный русский колдун порчу насылает за творимые в России зверства. Хотя над текстом листовок пусть специально обученные пропагандисты думают. Мне кажется, ситуация, когда оккупанты будут точно знать, что каждая акция, проведенная здесь, конкретно аукнется у них дома, все-таки сильно охладит их пыл. Сам такой каратель, может, смерти и не особенно боится, но зная, что, грохнув этого русского или украинского гражданского мужика, он, возможно, подставляет под удар свою мать или ребенка, сильно заставит задуматься. Да и в обычных войсках солдаты тут же возмущаться начнут. Дескать, мы честно в окопах бьемся, а разные тыловые деятели своими действиями наши семьи под удар подставляют. Эти мысли я и довел до Колычева. Полковник внимательно выслушал и сказал, что идея интересная. С душком, такого, мол, от меня не ожидал, но весьма перспективная. И сегодня же по ВЧ он выйдет с ней к руководству. Вот и хорошо. А насчет того, что душок присутствует, я и сам знал… Но не мы это первыми начали, а теперь только в отмах идем, поэтому особых угрызений совести не чувствовал. Да что там особых, я их вообще не чувствовал, особенно зная то, что эти падлы в Одессе сотворили. И поэтому с легким сердцем после беседы с Иваном Петровичем двинул в землянку «тяжелых» снайперов, чтобы подыскать добровольца на еще одно хорошее дело. До того, что важных шишек можно из винтаря с оптикой валить, в моем времени додумались только в шестидесятых. А здесь я еще разок подтолкну прогресс…

* * *

Было как раз время обеда, и так как день был теплым, но не жарким, снайперы не сидели в землянке, а, валяясь на травке, совершали прием пищи. Если говорить по-простому, жрали, стуча ложками по котелкам. Еще одного стрелка с помощником не было. Видно, заработался или цель вкусную заприметил, вот обед и пропустил. Но тот, кого я держал на примете, был на месте. Вячеслав Еремин– здоровенный бугай, в руках у которого даже ПТР не смотрелся чрезмерно большим. Он вначале был снайпером в морской пехоте, а после

ранения попал в пехоту обычную. Но и здесь демонстрирует всяческое превосходство гидросолдат над всеми остальными. Парень он резкий и за словом в карман не лез, так что я с ним скентовался еще в мае, когда только сюда попал. С остальными был знаком шапочно, так как они представляли собой классический вариант снайпера-одиночки. Немногословные, замкнутые, они беседовали только со своими помощниками, во всех других случаях предпочитая отмалчиваться. Да и староваты они были для задуманного. Поэтому, пожелав кишкующемуся народу приятного аппетита, я уселся на траву возле Славки. Его второй номер, белозубо улыбнувшись, тут же сунул мне свою ложку. Вот что значит воспитание… Помощник Еремина, Жорка-одессит, был еще тот оторва. На гражданке нахватался у уголовников, которых в Одессе хватало, разных блатных понятий. А попав в часть, начал гнуть пальцы, выдавая себя за крутого уркагана. Ну и нарвался. Ребята посмотрели на понтующегося сопляка и дали ему крепкой транды. Неуемный Жорка решил завоевать авторитет с другой стороны, всячески демонстрируя свою храбрость. То не торопясь продефилирует по брустверу на глазах у всех, то в знак презрения начнет немцам задницу демонстрировать. А уж о том, что при обстреле надо пригибаться, и речи быть не могло. Сержант поглядел, поглядел на такое дело и, поняв, что внеочередными нарядами дела не решить, а пацана жалко, отправил его в обоз. Тут Жорка и скис. Вокруг были солидные степенные мужики, годящиеся ему в отцы. Понтоваться не перед кем, поговорить особо тоже. Попробовал было сбежать на передовую, но тут уже старшина пригрозил прилюдно выпороть, и шустрый одессит совсем пал духом. Вот как раз, когда он лошадям хвосты крутил, тогда и заприметил огромного Славку. Худой и маленький, Жорка принял его, наверное, за Большого Белого Бога. Во всяком случае, все свободное время начал ходить за снайпером и, открыв рот, ловить каждое слово. Еремин мелкого сначала шугал, а потом начал подкидывать разные специфические задачи. Проверял и память, и наблюдательность. А потом, сделав для себя выводы, договорился о переводе неожиданного почитателя к себе в группу. Тут уж одессит и развернулся. Обычно шебутной и говорливый, он мог часами лежать с биноклем, замечая малейшие изменения, происходившие у немцев на переднем крае. А уж лучшего корректировщика вообще было тяжело найти. Славка, который был старше своего второго номера лет на семь, учил Жорку жизни, выбивал из него блатную романтику и вообще занимался воспитанием.

Вот и сейчас, приняв у него ложку и поблагодарив кивком, я, как не менее воспитанный человек, сделал несколько гребков и отдал ее обратно, жестом показав, что сыт до невозможности. Подождав, когда парочка доест, сказал Еремину:

– Дело есть. Отойдем, поговорим?

– Поговорим, – согласно кивнул Большой и, потянувшись, направился за мной.

Отойдя за остов разбитой машины, остановился и, вытащив папиросы, предложил Славке. Тот, солидно взяв одну, лихо замял мундштук и прикурил. Я решил особо не рассусоливать и предложил в лоб:

– На ту сторону сходить не хочешь? В хорошей компании.

Большой задумчиво сплюнул и спросил:

– А у вас что, свои стрелки закончились?

– Своих хватает, но они другим заняты будут. Тут нужна будет твоя фузея. Очень издалека работать придется, так что не боись, в рукопашную драться не надо.

Славка ухмыльнулся:

– А когда я боялся? Просто одно дело по передку ползать и совсем другое за линию уходить. Внове это для меня, как бы не подвести вас. Бегун из меня еще тот…

– А бегать и не придется. Доставим на место с комфортом, стрельнешь разок и спокойно уйдем.

– Да я завсегда рад помочь. Только от Герасимова добро получить надо.

– Твой командир никуда не денется, считай, он согласие уже дал, дело за тобой.

– Ну, я же сказал, что согласен. Когда выходим?

– Завтра вечером. Так что сегодня со своим мелким приходите к нам. Там и поговорим,

что и как.

Кивнув на прощание, пошел к Герасимову ставить того в известность, что забираю его людей. Я бы и сам мог, конечно, поработать из ПТР, но тут как ни крути навыки нужны. Еремин из него каждый день пуляет и уже асом стал. А я и промазать могу на такой дистанции. Это же не винтовка. С винтарем мне равных, конечно, нет, а вот ПТР все-таки не мое. Даже в Крыму я из него чаще мазал, чем попадал. А у нас реально только один выстрел будет, максимум два. Потом все фрицы начнут бегать, и останется только быстро свалить.

Вечером все сидели над карандашной крокой. На ней условно было обозначено месторасположение казарм, где разместилась охранная рота СС. По данным разведки, Функ должен зайти в их расположение. А что бывает, когда крупная шишка, старый наци, обладатель золотого партийного значка и звания оберфюрера СС прибывает в воинское подразделение? Причем не просто воинское, а именно охранных отрядов? А это значит, что в честь старшего товарища будет небольшой блиц-парад и ответная длинная речуга. Про подготовку к параду нам стало известно из достоверных источников, там даже трибуну стали строить, а про речугу – это уже мои домыслы. По собственному опыту знаю, что генералитет молча с таких мероприятий не уходит. Минимум минут десять соловьем разливается. А эти казармы, сделанные буквой П, находятся на окраине города. Практически в окружении частного сектора. Метрах в четырехстах от них стоит старая водокачка. А вот уже почти в километре – небольшая церквушка, откуда и предполагается работа снайпера. Фрицы-то в первую очередь на водокачку ломанутся, где их будет ждать крупный облом. Про церковь никому и в голову не придет. Если судить по крокам, то место расположения трибуны очень хорошо должно попадать в сектор огня. Хотя, конечно, наверняка можно сказать только прибыв на место. Ну выходит, прибудем и скажем…

* * *

Солнце сравнительно недавно встало, но уже ощутимо припекало. Мы с Пучковым торчали в развалинах какой-то пятиэтажки часа четыре. Патрули сюда почти не заглядывали, поэтому ховались только от немногочисленных местных жителей. Мало ли что у обывателя на уме? После массовых взятий заложников гражданское население, как бы оно ни симпатизировало Советской власти, активно сдавало фрицам всех партизан и диверсантов. Их можно было понять– жить-то все хотят, и нет никакой гарантии, что при ближайшей облаве тебя не поставят к стенке раздраженные очередным терактом оккупанты.

Сейчас у нас была своя задача, поэтому одетые в гражданку, мы наблюдали за домом бургомистра. Вчера этот хмырь, я имею в виду бургомистра, чинно выполз из дома, небрежно кивнул на приветствие многочисленной охране и, усевшись в машину, убыл на работу. Подпольщики говорили, что он своим привычкам не изменяет. Под немца, наверное, косит, морда продажная. Всегда ровно в полдевятого выходит к поджидающей его тачке и без пяти девять подъезжает к зданию комиссариата. Причем близко к нему не подойти – на выходе охрана из немцев и местных полицаев. Возле комиссариата вообще жопа. Патрули, внутренняя охрана и плюс расположенные неподалеку казармы. Хрен бы на эти казармы, я его в упор из пистолета стрелять не собираюсь. Издалека сниму суслика мокроногого. И путь отхода тоже есть. Совершенно не аппетитный, но надежный. После убийства бургомистра сваливать будем через канализацию, благо люк в нее прямо за нашим полуразваленным домом находится. Пацанчик из харьковской агентуры заранее разведал дорожку по ней. Как он сказал, объясняя нам дорогу:

– Пойдете по стрелкам, а где битые кирпичи сложены кругом, повернете направо, а потом налево. Там и выйдете возле речки. Заодно и помоетесь… – И добавил задумчиво: – Даже не знал, что люди столько срут. У меня сапоги почти новые, яловые, разлезлись от дерьма, что там плавает…

До этого я как-то не лазил по городским клоакам, поэтому самонадеянно плавучих какашек не испугался и посчитал этот путь отхода наиболее оптимальным. Тем более что

сегодня весь день у оккупантов пойдет очень насыщенно и бегать они будут как в попу ужаленные. Функ речь толкать будет явно раньше девяти, потому что в полдесятого он уже должен быть в комиссариате. Про это нам тоже подпольщики сказали, у которых в управе барышня работает, имеющая доступ к нужной информации. Поэтому первым будет работать Большой. Рации мы не задействовали, чтобы фрицы не запеленговали, и о результатах его работы я рассчитывал узнать из нарушения бургомистром Крамаренко своих привычек. У городского головы точно есть телефон, по которому его сегодня пораньше выдернут. Ну еще бы не выдернули– убийство оберфюрера не каждый день происходит. Пока Леха наблюдал в бинокль, я накручивал на СВТ глушитель. Еремин с Жоркой с сегодняшней ночи торчали на колокольне. Кстати, как и предполагал, гладко было на бумаге, а в реальности точно в секторе обстрела росло дерево и трибуну с торчащим возле нее караулом было видно только с верхушки колокольни. Не то что бы Большой с Мелким вылезли на маковку и маячили со своей пушкой возле креста, но вот помост из нескольких досок, возле колокола, под кровлей, пришлось сделать. Причем я как-то в своих планах совершенно упустил настоятеля церкви. Думал, заброшенная она будет. Щас! Благо отец Михаил оказался нашим человеком. Мало того, что у него сын был в Красной Армии, так еще и племянник работал на подполье. Кстати, именно племянник нас на эту церквушку и вывел. Михаилу оккупанты тоже стояли поперек горла. Причем в основном из-за того, что поддерживали униатскую церковь, а те, в свою очередь, активно давили русскую православную. При других раскладах помощи от него мы бы не дождались. Ну да, особенно если учесть, что именно его приход был закрыт Советами еще в сороковом году. Вообще, Отечественная война и отношения разных народов в ней оказались гораздо более запутанными, чем нас учили в школе. Так что только межконфессиональная рознь и сыграла нам на руку.

А лучше всех из нас устроились Гусев и Марат Шарафутдинов – наш подрывник. Оба отлично болтали по-немецки, а у Марата был еще и ярко выраженный баварский акцент. Это он в детстве рядом с немецкими эмигрантами пожил, вот и сказывается общение. Так что теперь выряженные в немецкую форму, подкрепленную хорошими документами, эти двое работали с комфортом. Ну еще бы – офицеры-фронтовики гуляют отпуск по ранению в ближайшем большом городе. А то что более молодой из них, чем-то похожий на испанца, вдумчиво заминировал водокачку, куда в первую очередь ломанутся разобиженные убийством шефа эсэсовцы, никто, разумеется, и предположить не мог. Но начиненная взрывчаткой водокачка была даже не главным сюрпризом. Шарафутдинов был вообще подрывником от бога и после разговоров со мной умудрился соорудить что-то вроде МОНки! Они были, конечно, гораздо более громоздкими, чем в моем времени, но Марат гарантировал сплошное направленное поражение после срабатывания, не менее 20–25 метров. Так что теперь он грамотно расположил их вокруг водонапорной башни, заранее прикинув, куда ломанется после ее взрыва основная толпа фрицев. Был, конечно, шанс, что подорвется кто-то из гражданских, но небольшой. Закладки делали ночью, в комендантский час, а утром все уже должно произойти. Да и мирное население за это время отучилось шляться по городу без надобности. Немцы этого не любили…

Так, время восемь. Эсэсовцы на нашем объекте позавтракали и минут через пять соберутся на плацу. Функ долго задерживаться не будет, и думаю, минут через пятнадцать все и произойдет. Я глотнул из фляги теплой водички и спросил у Лехи:

– Ну что там?

– Тихо пока. Полицай у немца что-то спросил, а тот его видно послал. Баба с ведром из дома вышла…

– А наш незалежный друг проснулся?

– Да, на балкончик выходил. Воздухом, видимо, подышать. И машина его уже подъехала….

Эх, какой непуганый руководитель сейчас живет! В наше время такого и представить тяжело. На балкон подышать выходили, только отгородившись от всех забором метров пять высотой. А этот в полной безопасности себя чувствует. Ну-ну. Я с кряхтением потянулся и,

взяв винтовку, подошел к пролому в стене. Там уже было слегка расчищенное от битых кирпичей место и, скинув кургузый пиджачок, улегся на пол, предварительно полив остатками воды из фляги перед собой, чтобы случайная пыль от выстрела не выдала наше местоположение. Потом начал разглядывать в оптику место будущего веселья. До дома было метров четыреста, поэтому в обычную четырехкратку было все отлично видно. Машина стояла очень удачно – под углом ко мне. Крамаренко всегда ездил сзади и справа от водителя. Вот и сейчас я заднюю правую дверцу видел как на ладони. А еще минут через пять все и началось. Самостийный бургомистр выскочил из дома на десять минут раньше, чем обычно, на ходу надевая пиджак. Значит, ребята сработали как надо.

Крамаренко заполошенно подскочил к машине, не обращая внимания на вытянувшуюся охрану. М□да… ну и морда… Галстук сбился, на физиономии растерянность и такое выражение, как будто у него одновременный понос с кашлем. Плюхнувшись в машину, он что-то крикнул водителю, потому что машина резко рванула с места. В этот момент я и спустил курок. Бургомистр дернул головой и откинулся на спинку. А водила вообще ничего не заметил, судя по тому, что «опель» даже не замедлил ход. Вот и славно, трам-пам-пам! Что значит хороший глушак и открытое окно! Ну еще то, что Крамаренко не раскинул мозгами по всему салону, наверное, ввиду отсутствия таковых, а помер быстро и чисто. Сняв глушитель и прицел, сунул винтовку под одну из куч строительного мусора, в изобилии валяющегося на этаже. Пучков тем временем слегка посыпал нашу лежку кайенской смесью. Собак на хвосте не боялись, но вот из пакости не хотели, чтобы даже место, откуда был выстрел, фрицы нашли.

А потом мы спустились в канализацию… Как там кричал тот контуженый майор? «Я эту маму ипал!» Ну кто меня за язык тянул? Зачем вообще вспомнил об этом говнопроводе?! Изящного решения захотелось! Вот и хлебнул изящества по самое не могу. То-то пацан разведчик так странно на меня смотрел… Уже минут через десять пути Леху бурно срыгнуло на кучу чего-то мерзко воняющего и увенчанного раздутым трупом крысы. То есть вокруг воняло так, что глаза слезились, но эта куча смердела вообще запредельно. Я продержался дольше…. Вырвало только тогда, когда сволочная крыса, в этот раз вполне живая, плюхнувшись откуда-то сверху, подняла целый фонтан брызг, большая часть из которых пришлась мне на физиономию. Наверное, в мирное время здесь было почище, но сейчас многие трубы и тоннели были разбиты бомбами да снарядами, сыпавшимися на город в прошлом году, и глубина жижи иногда почти достигала среза голенищ.

Зато позже, когда мы вылезли почти возле речки, аж голова закружилась от чистого воздуха. Проскочив вдоль берега, густо заросшего кустами, дошли до развалин старого двухэтажного дома, в подвале которого и встали на запланированную дневку. Блин! Все хорошо, о сменной одежде мы заранее позаботились. Но вот об обуви… Снятые сапоги стояли в дальнем углу подвала и мощным амбре отгоняли не только летающих насекомых, но также мелкую и крупную живность. Крупную, это в смысле меня и Пучкова. Стараясь держаться подальше от источника вони, еще раз осмотрели заныканное заранее в этом же подвале оружие, после чего завалились отдыхать. Если в городе, наверху, и была какая-то суета (а она точно была), то все прошло мимо нас, не потревожив. А ночью мы почти спокойно прошли на точку встречи с остальными. Хотя количество патрулей было просто запредельным, но выскользнуть с окраины Харькова особого труда не составило.

Не доходя до точки километра два, включил рацию. Мужики должны были там собраться раньше и включить свою уже минут пятнадцать назад.

– Тук-тук, кто в теремочке живет?

Рация пошипела несколько секунд и почти неузнаваемым голосом Гусева ответила:

– Пионеры юные.

Значит, все нормально. Если бы ответ был – юные пионеры, то это значит, к нам в упор подкрался северный пушной зверек и вместо встречи со своими нас ожидали недружеские объятия фрицев. Пройдя еще немного по лесу, увидел фигуру Сереги, шагнувшего к нам из-за дерева. Он уже успел скинуть немецкую шкурку и в маскировочном комбезе совершенно

сливался с местностью. Хлопнув меня по плечу, поинтересовался:

– Ну как у вас?

– Норма, как в аптеке. А у вас?

– Все на уровне. Пойдем к остальным, там и побеседуем. И чем это так воняет?

– Не чем, а кем. Ты бы по этим канализациям поползал, не так бы несло. Это мы еще отмылись…

Гусев, хохотнув, повел нас в куда-то в сторону от прежнего маршрута. Народ, выходит, тоже решил подстраховаться и расположился почти в километре от назначенного места встречи. А потом, отмахав километров двадцать по ночному лесу, мы, встав на отдых возле небольшого ручейка, начали делиться впечатлениями. Сначала рассказывал я. Слушали внимательно, а потом гады ржать начали, когда дошел до места о нашем вонючем заплыве. У них-то все было гораздо чище и интереснее. Большой сказал, что Функ на трибуне только-только речь начал и, решив особенно не тянуть, Славка влепил в него из своей пушки.

– Все-таки расстояние большое было, но от него только брызги полетели. А ветер метров пять в секунду был, да и дальность такая, что целился вообще в сторону и почти на два силуэта над ним. Попал, правда, очень удачно. Даже с трибуны фрица скинуло…

Было видно, что Еремин гордится выстрелом и готов рассказывать о «проседании» пули, об определении угловых величин, о том, как он собственноручно целевые патроны для этого делал и свою пушку пристреливал, бесконечно, поэтому прервал его вопросом:

– А тряпочки зачем вывешивал?

Славка кашлянул и снова начал объяснять, что по неприметным лоскуткам, развешанным вдоль направления выстрела, он и определял поправки при прицеливании.

Потом, глядя, как я запихиваю глушак, снятый с СВТ, в разгрузку, с сожалением констатировал: мол, жаль что на его ружье сей хитрый девайс не присобачить. И отдача возрастет из-за замены дульного тормоза на глушитель, и дальность снизится. Кстати, только за счет удаленности снайпера от цели и получилось всем живыми уйти. Сидел бы он на водокачке – спекся бы сразу. Разъяренные потерей шефа, эсэсовцы к водонапорной башне через несколько минут подскочили. Как рассказывал уже Гусев, наблюдающий за этим действом в бинокль, немчура в секунду вынесла запертую дверь – и человек десять, самых шустрых вбежали внутрь. Сидящий рядом Марат вслух досчитал до пятнадцати, и тут шарахнуло. Здоровенная водокачка рухнула, подняв облако пыли. Более медлительные эсэсманы, не успевшие к ловле вражьего снайпера, тараканами порскнули в разные стороны. И тут с небольшими перерывами сработали мины. Шарафутдинов очень удачно расставил растяжки, предугадав направление бегства основной толпы. Беготня почти сразу прекратилась. На лежащих тут и там солдат в черных парадных мундирах густо опускалась пыль и листовки, заложенные на той же водокачке. Эти воззвания предназначались исключительно немецкому командованию, поэтому их и не расклеивали темными ночами, пугливо озираясь, а так сказать доставили непосредственно на место. И текст в них был несколько необычный. На послание турецкому султану точно не похож. В очень корректной форме там говорилось, что в случае продолжения практики взятия заложников среди мирного населения советское командование будет предпринимать ответные меры в виде резко увеличившегося отстрела средних и высших немецких чинов. Ну а если и это не проймет тевтонцев, то гарантируется уничтожение гражданского населения Германии и Румынии способом, не подпадающим под конвенцию, но от этого не менее эффективным. Там же был и призыв к немецким солдатам пожалеть своих родных и близких на родине.

Правда, как потом выяснилось, фрицы продолжали упорствовать в своем сволочизме, и через неделю после нашего возвращения стало известно о расстреле ими в Харькове почти шестисот человек. Ну суки, теперь наша очередь! Моя идея про ядовитые послания была похерена на самом высоком уровне, но были предложены альтернативные ходы. После Крыма напалм почти не использовался, потому как немцы уж очень сильный вой подняли на международном уровне. Пытались его отнести к химическому оружию. Правда, не вышло, но вот от массированного использования наши пока воздерживались. А сейчас, ввиду новой

политики по укрощению карателей в тылу, начали массовую поливку позиций немцев новой, улучшенной смесью. Причем как на фронте, так и в тылу. В том же Харькове, эсэсовские казармы вместе со всем содержимым были сожжены напрочь ночным налетом. Для этого специальную группу корректировщиков и наводчиков в город закинули. А уж на передовой… В общей сложности тонн тридцать слили на немецкие позиции только на нашем участке. И конечно, обязательно каждый налет сопровождался листовками. Скидывали их исключительно над линейными фронтовыми частями, которые были еще не опрысканы, в надежде спровоцировать конфликт между воюющими солдатами и карательными отрядами. Кое-где это даже получилось. Конечно, не сразу. Делать выжженную землю в ответ на акции устрашения пришлось еще два раза, но вот по слухам, в Киевском немецком госпитале произошла крупная драка между солдатами охранных отрядов и подпаленными фронтовиками, крайне недовольными действиями зондеркоманд, подвергающими их незапланированной опасности. А наши в листовках грозились новыми, еще не известными карательными мерами. И похоже, это начало срабатывать! Во всяком случае после показательного отстрела Даргеля, первого зама гауляйтера Украины, были массовые облавы, кучу людей побросали в тюрьмы, но не был расстрелян ни один заложник! То есть все эти хмыри отлично понимают, надо только доходчиво объяснить.

На фронте ситуация постепенно стабилизировалась. У нас-то и так было тихо, но вот группа армий «Центр» иссякла в своем наступательном порыве. Уже август, а они все продолжают буксовать там, куда удалось дойти к середине июня. И похоже больше ничего им хорошего не светит. Советские войска стремительно учатся воевать и теперь смертельно больно огрызаются. А на наш участок опять пошли новые резервы. Это значит, что на центральном направлении все настолько стабильно, что командование может себе позволить наращивать силы в других местах. Тем более до начала дождей и распутицы осталось месяц—полтора. А там и морозы ударят. Вот тут, я думаю, и сможем показать, чему за лето научились. Тем более в Калуге бои шли сродни сталинградским из моего времени. От города, говорят, почти ничего не осталось. Дрались за каждый дом, и немцы, несмотря на сильнейший напор, так и не смогли его взять. Вот где у наших настоящая кузница кадров получилась! Тем, кто прошел через эти бои и выжил, уже ничего не страшно. Такие не то что от одиночного пулеметчика прятаться не будут, а взводом роту фрицев гонять смогут. Да и в наших местах бойцы за это время сильно поднаторели в ведении боевых действий. Дошло до того, что практически на моих глазах пехотинцы из бригады Рябова умудрились захватить целенькую троечку. То есть PZ.III. Причем додумались же! Во время отражения очередной атаки забросили на ствол танка две дымовые шашки, связанные веревкой. Танк после этого проехал буквально метров пятьдесят и из него, прямо на ходу, начал вываливаться задыхающийся и кашляющий экипаж. Закопченных фрицев ударно истребили, после чего вполне исправный танк был передан нашим танкистам. И таких случаев проявления смелости и смекалки становилось все больше и больше. То втихаря подтащат минометы поближе и ночью саданут по заранее разведанным позициям немцев. Пока те прочухаются, минометчики уже успевают свалить. То устроят ложный аэродром, и немцы с тупой регулярностью его начинают бомбить. Причем, помню, долбали его дня два, пока не нарвались на истребительную засаду. Наши, вычислив периодичность налетов, подгадали время подлета своих истребителей так, чтобы немцы, увлеченные будущей бомбежкой фанерных мишеней, только-только подходили к цели. Шесть «юнкерсов» тогда одномоментно спустили на землю. А когда для выявления огневых точек чучело Гитлера в неприличной позе выставили? Немцы молотили по любимому фюреру из всего, что стреляет, а наблюдатели заносили в журнал наблюдений места расположения орудий и пулеметов. В общем из людей исчезла безысходность и истерическое состояние типа «Эх! Однова живем!» Глупую смелость с выскакиванием на бруствер и стрельбой по противнику уже никто не демонстрировал. А если кто и выкидывал подобные коленца, то не просто так, а при поддержке отделения, а то и взвода, готового открыть огонь по неосторожно высунувшемуся немцу, решившему поглядеть на бесплатный цирк.

Вчера же, когда решил сходить к Павлу Рябинину, командиру взвода пешей разведки, то застал у него в расположении комиссара полка. Тот среди разведчиков проводил политинформацию. Я из принципа не слушаю эту мудатень и уже собрался отваливать, когда остановился в ожидании ответа на вопрос. Незнакомый мне парень, видно из новеньких, спросил про второй фронт. И тут комиссар Геращенко ляпнул такое, что у меня челюсть отвалилась. А сказал он, что после крупного поражения американского флота на Тихом океане, штатовцы с трудом удерживают немногие оставшиеся у них острова, и вообще им с японцами справиться для начала не мешало бы, а то такими темпами Ямамото скоро начнет со своих крейсеров обстреливать побережье США. Я слушал и офигевал. Это когда же желтые умники так постарались, что инициатива к ним перешла? Надо бы разобраться. Не откладывая в долгий ящик, подошел к комиссару и предложил отойти в сторону, чтобы ответить на вопрос, связанный с большой политикой. Геращенко сначала с подозрением меня оглядел, но потом поняв, что я не шучу, весь расцвел. Ну еще бы, теперь он всем своим коллегам рассказывать будет, что полный пофигист Лисов у него международной обстановкой интересуется. Хотя непосредственно к этому комиссару я относился более или менее нормально. Обычный мужик, без особых заскоков. Только он сам меня опасался. Особенно после случая с докладом. А я тогда просто немного пошутил. Он все свои речи сочинял сам. И потом распечатывал их на старенькой машинке. Сей ценный агрегат доверял только личному писарю, который в этот момент, как назло, попал с отравлением в санчасть. Слив обожрался, и теперь подполковнику пришлось лично шлепать по клавишам. Все бы ничего, но вот он неосторожно оставил этот доклад, посвященный дате очередного съезда, на столе. Я же – просто проходил мимо. Скользнув взглядом по первым строчкам машинописного листа, уже было пошел дальше, но потом не удержался. А он сам виноват. Нечего было писать:

– Вот стою я перед вами, простой советский человек…

Ну и дальше ода партии пошла. Вспомнив анекдот, не поленился и перепечатал целую страницу текста. Изменив буквально пару слов. И, как истинный диверсант, смылся с места преступления незамеченный. Зато надо было видеть глаза ЧВС и комдивов, собравшихся на совещание, когда Геращенко вышел со своими писульками перед ними и поздоровавшись, начал читать. Первый абзац прошел нормально, но когда комиссар патетически начал оглашать скорректированный мной текст, все чуть не попадали со стульев. А выглядело это так:

– Вот стою я перед вами, простая… русская… баба?

Комиссар неверяще вгляделся в листик и заглох. Потом посмотрел еще раз – ничего не изменилось. Дальше читать текст как бы от лица бабы он явно не хотел, а сориентироваться на ходу и исправить своими словами им же написанное не смог. Впал в ступор, пламенный зажигатель сердец. Доклад был скомкан. Потом он своему начальству жаловался – мол идеологическая диверсия против него произошла. Диверсанта искали долго, но так и не нашли. Геращенко точно догадывался, чьих рук это дело, но догадки не есть доказательства. Я тогда получил втык от Колычева и опять за нарушение формы одежды. Он когда мной недоволен, всегда к форме цепляется. После этого прошло уже много времени и комиссар перестал на меня коситься. А когда я ему подарил набор немецких цветных карандашей, вообще оттаял. Но опасаться не перестал. Сейчас же, млея от чувства собственной значимости, подробно рассказывал мне события почти двухмесячной давности. Оказывается, возле атолла Мидуэй произошла-таки битва титанов. Но американосы ее с треском проиграли, и теперь японцы гоняли их, как хотели, по всему океану. Хм… а я все пропустил. Все-таки надо не только слухи, но и официальные сводки слушать. И что же это получается? Неужели усатый вождь налево сработал? Я-то ему информацию про коды выдал, не особенно задумываясь о ее дальнейшем использовании. А оно видишь как повернулось… Да уж, теперь янки надолго завязнут в морских и островных сражениях. Толку от их второго фронта, во всяком случае в мое время, все равно было немного, но при теперешних раскладах очень интересно может сложиться послевоенная ситуация в мире. Очнулся от

своих мыслей, когда Геращенко рассказывал уже о настроении рабочего класса в Италии. Вот, блин, говорун! Пришлось вежливо заткнуть разошедшегося комиссара и, поблагодарив, распрощаться. Он, весь довольный собой, приглашал заходить почаще. Я пообещал, посоветовав заранее прятать пишущую машинку. Главный полковой партиец через силу хохотнул и, погрозив пальцем, пошел к заждавшимся его бойцам.

А пополнения все прибывали и прибывали. Хорошо вооруженные и более или менее обученные. Были и обстрелянные и не нюхавшие пороху. Были и откровенные уголовники, которые решили сменить спокойствие лагерей на вольную, но крайне беспокойную жизнь на передовой. Большинство из них, наверное, рассчитывало сразу смыться с фронта и дальше гулять, но особисты не дремали и после показательных расстрелов дезертиров, отловленных в дивизионных тылах, уркаганы угомонились. Но не все. Помню, в мое время, в фильмах, что по телику показывали, очень любили рассказывать о благородном жулье, с оружием в руках сражавшемся за Родину. М□да… Действительно сражались, те, кто не дезертировал, те, кто избежал трибунала, и те, кто просто выжил и понял, что обратной дороги нет. С фронта можно уйти только по инвалидности или вперед ногами. Гражданских судов здесь нет, и поэтому социально близких уголовников не будут сажать на 3–5 лет. Судит здесь военный трибунал, а у него разговор короткий– или к стенке, или в штрафные роты. Но это все дошло до блатных позже. А поначалу они вели себя крайне борзо. Это только в демократической литературе рассказывалось, что бедных урок из лагерей сразу в штрафбаты совали. В реальности большинство из них попадали в обычные линейные части. И начинали там резвиться. Как-то, возвращаясь уже под вечер от «тяжелых» снайперов, увидел на опушке леса, за кустами, кучкующихся красноармейцев. Человек пять. Решив посмотреть, что они там делают, бесшумно подошел и встал за дерево, прислушиваясь к разговору. А беседа была очень интересной. Бойцы, густо перемежая свою речь матом и феней, наезжали на лейтенанта. Летеха, небольшого роста крепыш, на вид лет двадцать, не больше, слушал маты и угрозы в свой адрес совершенно спокойно. От этого спокойствия бывшие уголовники заводились все больше и больше. И вот самый здоровый из них по кивку старшего, худого и какого-то словно выжатого мужика, решил ткнуть лейтенанта раскрытой пятерней в лицо. Но не тут-то было! Поймав руку, летеха врезал борзому бойцу по печени и ловко перекинул его через себя. Самбо видно занимался пацанчик. Остальные гурьбой навалились на командира, но тут уже я решил вмешаться. Выскользнув из-за дерева, без затей влепил двоим ближним ко мне по стриженым затылкам. Те кулями осели на землю. Лейтенант же к этому времени успел уронить своего. Блин! Вот что всегда раздражало в этой мразоте, так это то, что, почуяв силу, они так быстро переходили из состояния крутых яиц к состоянию немощной падали, что даже оторопь брала. Вот и теперь те двое, которых лейтенант не отправил в бессознательное состояние, увидев, что ситуация кардинально изменилась, начали громко скулить и причитать, не поднимаясь с земли и держась за «страшно» поврежденные места. Моя парочка лежала тихо-тихо и воплями слух не оскорбляла. А взводному видно еще опыта мордобойного не хватает… Пока летеха с удивлением разглядывал неизвестно откуда появившегося командира, я напустил на себя суровый вид и спросил:

– Лейтенант, что здесь происходит?

Быстро подобрав упавшую во время драки пилотку, тот надел ее и, встав по стойке смирно, доложил:

– Лейтенант Смирнов! Провожу беседу с бойцами!

– Ну и как успехи?

– Только начал товарищ капитан!

Однако… Молодец летеха, такого запугать – четверых уголовников мало будет. Достав папиросы, предложил закурить Смирнову.

– Спасибо, не курю товарищ капитан!

– Да расслабься ты, Смирнов. Чего на весь лес-то орать? Давно из училища?

– Месяц как выпустился.

– А с этими – что? – Я пихнул ногой снова запричитавшего бойца: – Из новеньких уголовников?

– Так точно, товарищ капитан.

Нет, с нормальными людьми казенно-уставным языком общаться не могу. Поэтому протянул руку и представился:

– Меня зовут Илья Лисов, а тебя?

– Владимир Смирнов, товарищ капитан.

– Вот что, Володя, давай без чинов и рассказывай, что тут произошло.

Произошло, то что я и предполагал. Уголовный сброд, которого оказалось довольно много во взводе Смирнова, сбился в банду и начал пытаться установить свои порядки. За пять дней, что они пробыли на передовой, успели запугать сержанта, начали угнетать остальных бойцов, а вот теперь пытались наехать на взводного, который хотел прекратить это безобразие мирным путем. После объявления внеочередного наряда самые наглые из них решили «поговорить» с оборзевшим по их понятиям лейтенантом.

– И много у тебя во взводе таких ухарей?

– Одиннадцать человек. Но воду мутят, как будто их все тридцать.

– Ротному почему не доложил?

Тут Смирнов неожиданно засмущался, а потом попытался объяснить, что командир взвода именно он, и какой же он взводный, если бойцов обуздать не сумеет. Хе! Нравится мне этот пацан все больше и больше. Единственно, опыта ему немного не хватает. С такими волками нельзя себя вести, как с обычными людьми. Сегодня он бы их, конечно, раскидал, но вот во время возможной завтрашней атаки поймал бы пулю в спину. Эта падаль унижения не прощает. Так и сказал летехе.

– А что же делать?

– Как что делать? – Я удивленно поднял брови. – За нас уже все уставом решено. Имело место нападение на командира. Причем с целью убийства.

Кивнув на выбитый у второго нападавшего на Смирнова нож, продолжил:

– Так что, по всем законам военного времени, светит этим орлам вышка.

Поскуливающий, но прислушивающийся к разговору урка взвыл и попытался вскочить. Пришлось его укладывать быстрым ударом в ухо. Второй лежал тихой мышкой и опрометчивого поступка своего кореша решил не повторять.

– Так что, Володя, двигай в свое расположение, бери бойцов и пусть этих будущих жмуриков пока на губу тащат. Те, кого я оприходовал, раньше завтрашнего не очухаются. Не на себе же их нам переть?

Смирнов сбегал за бойцами и, когда арестованных уволокли, я решил сходить к его ротному. Тот оказался крепеньким парнем лет двадцати пяти, с орденом Красного Знамени и желтой нашивкой за ранение на выгоревшей гимнастерке. Пообщались. Оказывается, как и положено хорошему ротному, он знал о ситуации у Смирнова. Но пока никаких шагов не предпринимал, давая командиру взвода проявить себя. Выслушав мой рассказ, решил, что командир проявил себя достаточно и вполне достойно. Он и раньше держал на примете нового взводного, а сейчас был только рад услышать со стороны, что не ошибся.

А уже к вечеру следующего дня всех четверых нападавших расстреляли… Я же решил провести профилактическую беседу с остальными. Уголовники были сильно подавлены быстротой и жестокостью наказания, поэтому слушали внимательно и не вякали. Мне просто нужно было довести до них мысль, что жизнь их взводного и их теперь взаимосвязаны. Урки, услышав это, сильно заволновались. Самый смелый из них, здоровый детина, метра под два ростом с косым шрамом через щеку, удивленно пробасил:

– Так что же, гражданин начальник, если нашего командира в атаке убьют или он пулю шальную словит, нам сразу решку наведут? Не по закону это…

– Не волнует. Закон здесь устанавливаю я. Вы вон пытались установить свой, и теперь будете расхлебывать. Вели бы себя как люди, так и отношение было бы соответственное. А теперь хоть собой Смирнова закрывайте, но если с ним что случится, вы его надолго не

переживете. Я сказал. А что мое слово значит – у людей поспрашивайте…

И уже уходя добавил:

– На месяц вам эта епитимья. Потом живите как получится.

Видно, ограничение сроков ответственности несколько взбодрило бойцов. Во всяком случае, с физиономий сошло обреченное выражение. А я двинул к себе, думая, что на это время Володю от разных подлян прикрыл, а через месяц новоприбывшие уже оботрутся и им в голову никаких пакостей не придет.

Еще через три недели начались дожди и наступила настоящая осень, со слякотью, промозглостью и вечно больными зубами Пучкова. У него к перемене погоды перманентные флюсы выскакивают. Это уже примета такая – если Лехина морда потеряла симметричность – жди скорых холодов. Да и у меня в организмах что-то не то начало происходить. Я уже привык, что на мне не то что как на собаке все заживает, а гораздо быстрее. Но вот в последнее время эта особенность все больше и больше стала давать сбой. И царапины с ушибами стали гораздо дольше болеть, а когда себе занозу под ноготь вогнал, то через три дня в госпиталь пришлось идти, с пальцем, распухшим как сарделька. Стрелять в ногу, для проверки своих регенеративных способностей, конечно, не стал, но вот посещение госпиталя из-за занозы заставило сильно задуматься. Похоже, капец суперспособностям приходит… Теперь бы только, как в ужастиках показывали, не состариться в пять минут до состояния мумии. То-то Гусев удивится… Но ничего подобного не происходило, и я успокоился. Выходит, теперь, во всяком случае телесно, ничем от остальных не отличаюсь. Жалко, конечно, но с другой стороны… и хрен с ним, все равно ничего с этим поделать не могу.

С приходом холодов настало интересное время. На последнем совещании Колычев дал отмашку. У нас, на Южном фронте, уже была практически восстановлена численность террор-групп. Дней через десять они очередной раз пойдут по тылам. Назад уже возвращаться не будут. Их подберет гвардейский конный корпус Осликовского. А когда немцы в погоне за кавалеристами, творящими резню у них в тылу, начнут снимать дивизии с фронта, ударят механизированные корпуса, за которыми в прорыв хлынет пехота. Как и куда будут нанесены основные удары, я не знал. Не знал и стратегических задач этих ударов. Но о том, что наши собираются применить немецкую тактику танковых клиньев, совмещенную с ноу-хау чисто советских военных достижений, догадывался. И кажется, мог себе представить размеры будущего котла, в который может попасть вся группа армий «Центр». Это даже не котел получится. По размерам, наверное, целый бассейн. Хотя такое слово в армии и не применяют. Вот только удержим ли такую прорву войск в окружении – я сомневался. Хотя фиг его знает, как все повернется. Силищу-то накопили немеряную. И количественно и качественно. Вон, в последнем прибывшем к нам мехкорпусе было два полка новеньких тридцатьчетверок. И не простых, а с какой-то новой пушкой. Калибр 76 миллиметров, но вот баллистика – гораздо лучше прежней. Причем прибыли с рембатами, зенитным прикрытием, летучками и тягачами. И все это на гусеницах. Только наливники были колесными ЗиСами. А общаясь на совещаниях с танкистами, узнал, что в тылу они уже видели новую самоходку. Со 152□миллиметровым орудием, на базе КВ. Но это пока экспериментальный вариант. А вот самоходки с 85-миллиметровым орудием на базе Т-34 уже прошли испытания, и их начали массово шлепать на Урале. Надо же какой оперативный ответ на мои слова по поводу «Тигров» и «Пантер»! Фрицы своих кошек еще только обкатывают, а у нас уже противодействие им поставлено на поток. Поинтересовался, почему же на тридцатьчетверку сразу не воткнули 85-миллиметровое орудие? Один толковый зампотех объяснил, что для этого надо не только новую башню ставить, но и корпус переделывать, увеличивая в нем погон для этой башни. Работы уже ведутся, и через полгодика такая машина, возможно, и появится. Блин! Через полгода и у фрицев тоже много чего появится… Похоже, немного не успеваем. Да и на СУшку сразу надо было втыкать 100 миллиметров. Я же верховному говорил… Но там, видно, тоже что-то не заладилось. Правда, эти новинки, что сейчас пришли, превосходят все, что у нас из техники существует. И если с умом действовать, то даже эти тридцатьчетверки, с «Тигром» если не на равных, то хоть не в одни ворота бороться

смогут.

В воздухе носился запах будущих изменений и перемен. Даже те, кто и не догадывался о наступлении, оказались вовлечены в круговерть его подготовки. Но таких недогадливых было все меньше и меньше. Народ был достаточно тертый и понимал, что скоро начнется. Уже самый простодырый боец интересовался у командиров, когда же наступление. И вот террор-группы ушли в немецкий тыл. Мы тоже рвались туда всей душой, даже Леха, панически боявшийся зубных врачей, привел свою пасть в порядок и, глядя преданными глазами на нас с Гусевым, всячески демонстрировал свою боеготовность. Мы же зайчиками скакали за Колычевым, но он нас жестко обломил. До этого молчал гадский папа, и мы не теряли надежды. А командир, видимо, просто не хотел себе нервы портить и поэтому категорическое нет сказал уже в последний момент. Все наши крики и возмущения были проигнорированы. Тогда мы жутко обиделись и демонстрировали свои обиды целых два дня. Общались с командиром исключительно по уставу, безостановочно козыряя и рубя строевым шагом. Но это моментом прошло, когда корпус Осликовского, легко взломав оборону немцев и не вступая в мелкие стычки в дивизионных тылах, вышел на оперативный простор. Колычев, собрав нас, сразу завершил все игры.

– В общем, так, товарищи командиры. Через пять дней начнется. Поэтому вы должны быть постоянно при мне. Так что никаких похождений по бабам (это он мне и Гусеву), по знакомым (это он мне) и по летным столовым (это он Лехе). При наступлении выдвигаться будем с корпусом Брусникина. Это направление главного удара. Наладьте взаимодействие. Выясните, где и как планирует расположиться штаб, ну и вообще. Только без водки и мордобоя!

Колычев пристукнул ладонью по столу и, глядя на наши довольные морды, продолжил:

– А вы все боялись, что в тылу останемся. По-человечески со мной разговаривать не хотели, хаяли всячески.

Тут мы наперебой завопили, что это мы не со зла и что лучшего командира и не желали. Иван Петрович разулыбался и, взяв карандаш, склонившись над картой, начал уже серьезно ставить боевую задачу…

Пять дней пролетели очень быстро… Ранним утром, еще в темноте послушав почти часовую артподготовку и доносившийся с передовой слитный рев, в котором даже нельзя было угадать русского «ура!», загрузились в свой транспорт. А еще через час увязались за выдвигающимся штабом генерала Брусникина. Ставке нужны были самые свежие, самые точные сведения о том, как будет развиваться наступление, и поэтому мы шли практически за передовыми частями. Гусев достал из вещмешка флягу и, булькнув в колпачок, протянул его мне. Я взял и, стараясь не расплескать налитого на кочках, оглядел народ.

– Ну что, славяне? Вперед – на Запад!

Глава 13

Бабах! С потолка посыпалась бетонная крошка. Марат наклонился, прикрывая от пыли котелок, в котором решил заварить чай. Я, лежа на большом матрасе, неизвестно кем притащенном в наш полуподвал, приоткрыв глаз, следил за кашеварящим Шарафутдиновым. Хоть кипятку похлебать, и то дело. Третий день мы воевали без горячей пищи. Хорошо еще вещмешок с сухарями, заныканный хозяйственным Пучковым, не потерялся. А в городе творилось черт те что. Слоеный пирог. Да был бы еще город, понятно… Но вот Богодухов городом назвать было тяжело. Непомерно разросшаяся деревня. Хотя и четырехэтажки встречаются. Вот в подвале одной из них мы и отдыхали. А после того как эта поганая самоходка раздавила нашу полевую кухню, отдыхать приходилось на голодный желудок. Правда, долго после этого она не проездила. Леха, глядя совершенно круглыми глазами, как StuG.III, она же «артштурм» подмяла под себя кухню, сразу выбросившую в морозный воздух облако пара, издал горлом странный звук и, не пригибаясь рванул к месту преступления. Похоже, главный желудок нашей группы впал в полное отчаяние от

перспективы очередной раз остаться голодным. Кричать было бессмысленно, и я с Бахой и еще четырьмя незнакомыми пехотинцами понеслись следом, на ходу отсекая от самоходки немецкую пехоту. Пешие фрицы, попав под фланговый огонь, сначала заметались, а потом отошли к развалинам церквушки. Пучков же, добежав до медленно ползущего «артштурма», с ходу швырнул гранату под гусеницу. Попал удачно– гусянка слетела. А потом, вскочив после взрыва, ловко запрыгнул на броню и сунул в приоткрытый люк две феньки – одну за другой. Повезло гаду прожорливому – боезапас не рванул, только из распахнутого двойным взрывом люка к небу поднялся дымок. Добежав до недвижимой самоходки, попадали за ней и начали отстреливать немцев, опять полезших от церкви. Но минут через пять в тылу у фрицев появилась наша пехота, и это сразу сбило наступательный порыв немчуры. Человек пятнадцать из них успели убежать, а еще трое, пометавшись, поняли, что дело швах, и, побросав винтовки, задрали руки. Влепив вечно голодному Лехе подзатыльник, пошли к нашей кухне. Возле нее уже задумчиво стоял повар Степаныч, успевший во время самоходного наезда смыться. Пучков, глядя на разлитое по грязному снегу варево, голосом ослика Иа, глядящего на лопнувший шарик, спросил:

– А что это было?

– Гуляш был…

Повар повздыхал, глядя на смятое орудие производства, но потом твердо пообещал что-нибудь придумать. Степаныч был мужиком ушлым, и в его способности найти выход я не сомневался. Правда, вот уже третий день никакого варианта ему не подворачивается….

– Илья, чай будешь?

Открыв оба глаза, увидел подошедшего Марата с дымящейся кружкой.

– Спрашиваешь!

Забрав слегка погнутую посудину, грея руки, начал прихлебывать кипяток, вспоминая, как все начиналось…

Стратег из меня все-таки никакой. Ставка вовсе не собиралась устраивать котел-бассейн всей группе армий «Центр». Проломив оборону, наши за первые два месяца наступления подошли к Курску и Смоленску, только создавая угрозу окружения. Фрицы намек поняли и после того, как под Вязьмой была практически полностью уничтожена окруженная группировка, неспешно откатывались на Запад, правда, огрызаясь все сильнее и сильнее. Зато на севере и на юге дела творились гораздо более солидные. Была взята Печенга, Петрозаводск, Выборг, бои шли уже под Псковом. А у нас на юге, Юго-Западный и Крымские фронты сходящимися ударами взяли Днепропетровск и подходили к Полтаве, отрезав-таки армию Паулюса от основных сил. Видно, планида у него такая. Не мытьем так катаньем кирдык его армии светит. Не под Сталинградом, так под Харьковом. До них, похоже, только сейчас весь ужас положения стал доходить. Гитлер-то еще осенью развонялся до невозможности и запретил оставлять Харьков. Вот там сейчас и идут основные бои. А так как зима в этом году вообще запредельно холодная, то фрицы, оставшиеся без теплого обмундирования, потихоньку вымерзают. Да и с горючкой у них напряги. Сдержав два мощных удара немцев, направленные на вызволение неудачливого командующего 6-й армией, наши прочно удерживали позиции по реке Ворксла на севере и в районе Кировограда на юге. Тут еще Черноморский флот совершенно неожиданно для всех устроил налет на Констанцу. Левитан в сводке минут пять только названия кораблей перечислял, что в походе участвовали. Мореманы пожгли у румын нефтяные терминалы и ушли практически без потерь. Погода была крайне хреновая, поэтому немецкие самолеты и не сумели устроить мстю. Да и на Балтике, кстати, началось активное траление немецких минных полей. Похоже, там тоже чего-то готовится.

А в этом самом Богодухове поначалу было спокойно. Здесь мы и расположились, после того как вышибли немцев из города. Пять дней назад Колычев с Серегой умотали в Москву, то есть Иван Петрович в Москву, а Гусев в Балашиху. Ну а еще через день – началось… Из окружения пыталась пробиться очередная группировка, и бои в этом городке по напряжению стали приближаться к харьковским, что были в начале зимы. Ей навстречу выдвигался

Манштейн, с остатками своих танков, тех, что не пожгли во время предыдущих ударов. Но опять застрял. Нарвавшись на бригаду тридцатьчетверок, которые при поддержке новых СУ-85 расколошматили две трети немецкой техники, фрицы слегка охренели. «Тигров» у них еще не было, а модернизированные «четверки» даже с новыми орудиями не могли тягаться с истребителями танков. Зато те, кто остался под Харьковом, всеми силами рвались соединиться со своими. Правда, не как наши в сорок первом – разрозненными толпами, зачастую без командования и связи. Немцы и здесь проявляли склонность к орднунгу. Пробивались, не теряя взаимодействия с остальными частями. Поэтому пресечь такие попытки стоило нам большой крови…

Возле лестницы послышались голоса, и в подвал ввалился Степаныч. Все головы сразу повернулись к нему. Повар разгладил усы и, гордо оглядев народ, сказал:

– Ну что, товарищи бойцы и командиры. Обед доставлен!

Вот так ни фига себе! Мы ломанулись на улицу. Там уже вовсю гремели котелками пехотинцы и какой-то незнакомый мужик в немецкой шинели щедро отсыпал каждому, быстро орудуя большим черпаком. Вот те на… откуда у нас взялась немецкая кухня? Да еще и фриц с поварешкой? Наш повар объяснил, что это он, и ребята со второго батальона после проведения грамотно спланированной и тактически безукоризненно исполненной операции, захватили сей трофей прямо из-под носа у немчуры. Тевтонцы, видя, что обед тырят прямо изо рта, ломанулись в погоню. Но через квартал нарвались на плотный огонь засадного взвода и вынуждены были отступить. Бонусом к кухне на колесах оказался немецкий кашевар. Помощников у него ухлопали, а немецкого шеф-повара Степаныч лично гнал пинками перед собой. И теперь, припахав пленного на раздаче, наш героический работник кухни рассчитывал стрясти с него массу разных рецептов, так как немец был не просто человеком прошедшим армейскую школу поваров, а на гражданке работал в ресторане в Мюнхене.

– Степаныч, как ты это у него узнал? Ты же по ихнему ни бум-бум?

– А я все больше жестами….

Наш кормилец, хитро улыбаясь, погладил здоровенный кулак. Тут и я разглядел, свежий фингал у фрица под глазом. А вспомнив анекдот в тему, как наши кузнецы раскрыли-таки секрет дамасской стали, начал ржать. Узнали они его очень легко– без всяких долгих проб и опытов. А просто, подойдя с горячими щипцами к пленному персу, знающему тайну, предложили:

– Ну что басурманин – давай рассказывай!

Захлебываясь смехом, рассказал анекдот остальным, для доходчивости показывая на Степаныча и заискивающе улыбающегося немца. Тут уже ржать начали все. А что– живые, сытые, чего еще солдату надо? Но с другой стороны, примета – кто много смеется, тот потом поплачет, – сработала. Этим же вечером меня чуть-чуть не ухлопали резвые немецкие окруженцы…

В Богодухов подошли свежие части для уничтожения прорывающейся группы, и мы уже было вздохнули с облегчением, но вот нарвались. Причем нарвались на эсэсовцев. Эти козлы воевать умеют и в плен стараются не попадать. Не любят их в плену, до смерти не любят. Поэтому дерутся умело и до последнего. И вот сейчас, возвращаясь в свой подвальчик, в сопровождении группы пехотинцев, повернув за угол большого дома, нос к носу столкнулся с детиной в зимнем камуфляже. За ним виднелись еще несколько фигур. Влепив стоящему передо мной стволом под ложечку, засадил длинной очередью по остальным. Но отскочить назад не успел… По ноге как кувалдой влепило, и я сразу упал. Боли сначала даже не ощущалось. Сгоряча попробовал вскочить, но нога подогнулась. На этот раз брякнулся на спину. А вокруг уже кипела драка. Наши дернулись вперед, пытаясь вытащить меня, а фрицы ломанулись, рассчитывая прорваться. Стрельбы почти не было, потому что все сразу перемешались. В темноте раздавалось только пыхтение, маты, крики да буцкающие удары. Наступивший на меня немец чуть дух не вышиб, но я ему отомстил, ударив здоровой ногой по коленке. Влепил удачно, потому что этот мамонт упал рядом,

заходясь в крике. И тут, из пролома, вылезли еще человек десять. Ситуация сразу повернулась не в нашу пользу. Рванув из разгрузки гранату, завопил:

– Ложись!

И кинул ее в молча бегущих к нам фрицев. Бабахнуло хорошо. В смысле кинуть получилось удачно. Прямо под ноги набегающим. Трое упало, и в этот момент заговорил ППШ. Баха Абаев, наш следопыт с Алтая, садил по нападавшим на расплав ствола. Ввиду маленького роста и субтильного телосложения, он как-то сразу выпал из драки и, подпрыгивая возле подъезда, не решался открыть огонь, из опасения зацепить своих. А увидев отдельную толпу фрицев, среди которых не было фигур в наших шинелях и полушубках, сразу показал себя во всей красе. Упало трое эсэсовцев, потом еще двое, а потом возле меня упала граната. Немецкая колотушка. Будь нераненым, успел бы к ней подскочить и откинуть– у нее запал долго горит. Но только и смог, что перевалил через себя орущего фрица, которому я ногу сломал, пытаясь хоть как-то им прикрыться. Успел даже крикнуть:

– Граната!

Больше ничего сделать не смог. Взрыва даже не услышал, просто звук, свет, боль и прочие ощущения, как будто выключили. И все…

* * *

…Больницей пахнет. Интересно – я здесь или уже там? Открыл глаза. Белый потолок. Тихо. Не совсем, правда, тихо, голоса доносятся, но не разобрать, что говорят. Лежу на койке. Посмотрел направо и, увидев висящую на стене тарелку радио, понял – я еще здесь. Голова была тяжелая и сильно вертеть ею не получалось. Насколько мог – огляделся. Палата большая, но стоит всего четыре койки. Три из них пустые. А у меня помимо ноги замотаны голова и плечо. Сомнений, что я в нашем госпитале, даже не возникало. Немцам было не до раненого русского, чтобы его в плен брать да еще и до санчасти переть. Попробовал шевельнуть рукой, но в грудь прострелило такой болью, что опять вырубился. Когда очнулся, возле себя увидел бабусю в белом халате и платке. Бабка, узрев, что я лупаю глазами, сразу заулыбалась и, поинтересовавшись здоровьем, дала попить. Вот! Оказывается пить сильно хотел, даже когда без сознания валялся. Потом, видя, что я начал ерзать, ловко подсунула под меня утку. Лежа, такие дела делать не привык, поэтому минут пять просто лежал, сосредоточенно сопя. Санитарка пыталась подбодрить, но это еще больше отвлекало. В конце концов попросил бабусю выйти.

– Ой, сынок, да ты никак стесняешься? Я, конечно, выйду, но ты привыкай, своими ногами до уборной тебе еще не скоро ходить придется.

Да уж… то что заметил еще осенью, теперь предстало во всей красе. Организм стал совсем обычным, со всеми вытекающими отсюда неудобствами. Выходит, что об ускоренном выздоровлении придется окончательно забыть… После медсестры пришел доктор. Чем закончился бой, он, разумеется, не знал. Зато знал, что меня привезли с аэродрома и целый полковник ГУГБ НКВД имел насчет свежедоставленного раненого беседу с начальником госпиталя. Сам госпиталь находится в городе Лиски, а я в генеральской палате, поэтому соседей у меня нет. Из ранений – помимо дырки в ноге имею контузию и множественные осколочные. В голову, грудь и плечо. Лицо почти не затронуто, и то что глаза на месте – должно меня радовать. А лежу я здесь уже пятый день. Потом он попросил заткнуться и, воткнув в уши эту хреновину, которую каждый уважающий себя врач таскает на шее, заставил дышать и не дышать. После чего меня уволокли на болючую перевязку.

…М-да… быть раненым – невыносимо скучное занятие. Тем более когда валяешься один в палате, где и поговорить не с кем. На просьбу перевести в другую, доктор сказал, что не положено, а медсестра добавила, мол, госпиталь в связи с наступлением переполнен и мне гораздо лучше выздоравливать и набираться сил в тишине, а то в других палатах из-за

криков и стонов раненых спокойно спать не получится. После этих слов у меня точно спать спокойно не получилось. Чувствовал себя эдаким привилегированным снобом. Ныл и канючил до тех пор, пока сразу после нового 1943 года, ко мне не подселили двух соседей. Майора танкиста и подполковника летчика. Танкист с контузией и осколочными, а летун с переломами– неудачно на вынужденную сел. Стало гораздо веселей. Парни оказались компанейскими, и время полетело быстрей. Было очень интересно послушать их мнение о новой технике, что у нас, что у фрицев. Да и рассказы о геройских похождениях тоже были завлекательны. После того как я представился штабным, они, форся перед «тыловиком», столько лапши на уши навесили, что только глазами хлопал. Правда, байки рассказывали мастерски, поэтому слушал с удовольствием. А в начале февраля танкист, вернувшись с перевязки, суетливо подскакивая и радостно чего-то выкрикивая, сразу включил радио. Там шло очередное выступление Левитана. Полный разгром окруженной группировки под Харьковом. Около двухсот тысяч пленных во главе с командующим. Х-хе!.. Паулюсу, похоже, на роду написано к нам в плен попасть, как бы история ни менялась. И ведь тоже, чин генерала-фельдмаршала получить успел. Ну, тем приятней было его захомутать. А вообще на фронтах складывалось очень интересно. Наши взяли Кировоград, и на севере шли бои за Витебск. Фронт выгнулся гигантской дугой. То есть только в центре было достаточно сильное сопротивление. А вот по флангам Красная Армия давила со все нарастающей мощью.

На очередной процедуре присутствовала стайка выпускниц медицинского института. Когда меня привезли в перевязочную, старшая медсестра подвела их к моей взбодрившейся от вида девочек фигуре.

– Обратите внимание, товарищи. Этого раненого оперировал Густав Карлович. У него своеобразный способ «штопки». Видите, как идут швы? Это немецкая школа.

Четыре девчонки сунули нос в немецкую школу штопки, а я почувствовал смутное волнение. Потом одна из них, увидев что-то интересное для себя, спросила:

– А шовный материал?

– Тоже немецкий. Во время наступления к нам попало некоторое количество немецкого медицинского оборудования. Работа с трофейным материалом требует некоторых навыков, а Густав Карлович ими обладает в совершенстве. Поэтому он и взялся их использовать.

Блин! Мало того, что как-то не по-русски залатали, так еще и эти девчонки лезут, щупают, дышат… У черненькой торчащая перед моим носом грудь только что халат не прорывала! До этого меня только почтенные матроны перевязывали… Смутное волнение, ощущаемое раньше, переросло в видимое беспокойство. Причем видимое невооруженным глазом. Молодые врачихи прыснули, а старшая медсестра, не моргнув глазом, сказала, что это нормальная реакция организма и чтобы они привыкали. Обращаясь уже ко мне, добавила:

– Ну что вы насупились? Радоваться надо – вот видите, все работает. Значит, контузия на самую важную для вас, мужиков, функцию не повлияла.

Я и сам знаю, что не повлияла… Только вот сижу сейчас как дурак, красный и смущенный… Хотя, конечно, и радуюсь, а то мало ли как бы оно повернулось. Бегал бы как тот грузин в поисках мацони…

Еще через две недели, когда я уже начал чувствовать себя забытым и покинутым, нарисовались Гусев с Шарафутдиновым. Сначала за дверью услышал возмущенный писк медсестры, а потом довольное ржание. Этот смех нельзя было спутать ни с чьим другим. Так только Серега может ржать, после того как ухватит барышню за филейные части – счастливо и самозабвенно. А через секунду в дверь скользнул наш подрывник, за которым топал Гусев. Майор орлом оглядел палату и еще с порога начал вопить:

– А вот и наш сокол сизокрылый! Отощал, позеленел, но к сестричкам пристает, мне уже рассказали. Значит, все нормально! Жить будешь долго и счастливо!

И мужики осторожно, чтобы не зацепить плечо, принялись меня тискать, попутно выставляя из вещмешка разные вкусности. Потом Серега извинялся, что так долго ко мне

вырваться не могли, но я его особенно не слушал. Расчувствовался, блин, так, что аж отвернуться пришлось. Соседи по палате деликатно вышли покурить, а мужики стали рассказывать последние новости. Их было не так уж много. Судя по тому, что наши группы сейчас разнюхивали обстановку в районе Николаева, то, похоже, следующий удар будет нанесен именно туда. Рассказали и чем закончился мой неудачный ночной бой. На шум стрельбы вовремя подтянулись пехотинцы и немцев сумели отогнать. Меня же сначала отправили в ПМП, а потом уже в тыл. Как раз успел вернуться Колычев, который очередной раз показал себя отцом-командиром и полетел со мной. Еще рассказали, что в Ярославле и Ульяновске будут строиться заводы по производству «студебеккеров» и «доджей 3/4». Чем наши уломали американцев и что за это пообещали, парни были не в курсе, но строительство уже идет вовсю. Это Гусев в Балашихе узнал от парней, которые новую самоходку курсантам показывали. Совершенно новую. С орудием 100 миллиметров. Но фронте уже несколько раз мелькали «Тигры», и весь наш технический парк сразу стал проигрывать в классе. Что тридцатьчетверки с новым орудием, что самоходки с 85□миллиметровым. То есть они, конечно, могли бороться с бронированной кошкой, но при этом соотношение потерь было 1:8, причем не в нашу пользу. Давала о себе знать гораздо лучшая оптика, а также запредельная дальность и бронепробиваемость 88-миллиметровой дуры, установленной на T.VI. Да и в небе появился какой-то новый «фокке-вульф». Вернее, его модификация. Валит наши МиГи и ЯКи только шум стоит. Я, правда, от соседа летчика про этот самолет уже слышал. Слышал также и то, что у нас пытаются довести до ума новый ЯК с улучшенными характеристиками. Как летными, так и в вооружении. Потом Серега хлопнул себя ладонью по лбу и извлек из второго вещмешка форму. Обычную полевую, но с погонами! На ней были прицеплены все мои регалии, которые я во избежание потери держал у наших радистов. Оказывается, в начале февраля вышел приказ по армии – о переходе на новую форму и введении единых званий. Погоны были еще огромным дефицитом, но мужики постарались их добыть для меня. Самим не досталось, но о товарище позаботились. Очередной раз растрогавшись, поблагодарил друзей.

– Ну так ведь тебе, как болеющему, нужны положительные эмоции. Вот и расстарались.

Гусев подмигнул и добавил:

– Себе мы по приезде тоже добудем, ты не сомневайся!

– Да я и не сомневаюсь. А когда вам назад?

– Епрст!

Серега глянул на часы и начал ускоренно прощаться. После того как они убежали, в палату вернулись майор с подполковником.

– Давай, мужики, угощайтесь.

Я кивнул на тумбочки, на которых горой высились продукты.

– Вот это дело, а то без доппайка ноги можно протянуть! Хорошие у тебя друзья, капитан!

Майор, потирая руки, двинул к вкусняшкам, но потом остановился. Проследив направление его взгляда, внутренне усмехнулся. А разглядывал он мою гимнастерку, аккуратно разложенную на стуле. Там было, на что посмотреть. Боевик, Красная Звезда и в заключении – орден Ленина со Звездой. Не хватало только моей, потерянной еще в Крыму Отважной медали. Но и без нее, набор впечатлял. Летун, глянув туда же, только присвистнул:

– Говоришь, все больше по тылам отсиживался? Да в штабах? В свете вновь открывшихся фактов возникает вопрос– по чьим тылам отсиживался? А, товарищ капитан?

Рассмеявшись, глядя на ошарашенную физиономию Вити-танкиста, ответил:

– Ну да, по тылам, а по чьим – вы же не уточняли? Ладно не парьтесь, лучше давай порубаем, а то у меня уже слюнки текут.

Ну и порубали. Чем бог, в лице Сереги и Марата, послал. Пожалели, что запить практически нечем. Но с красивой бутылки трофейной граппы ослабленные организмы

развезло конкретно. Так что нам хватило. Мужики меня начали стыдить за то, что их наколол и заставил себя за штабного держать. Я отшучивался. Потом обсудили введение погон, потом перспективы продолжения наступления, потом медсестер Иру и Ларису, потом пришел врач и дал всем звездюлей. Прооравшись, забрал вторую бутылку и новую форму, сказав, что в палате держать это все не положено. Забирая, разглядел на форме Золотую Звезду и, смущенно хмыкнув, сказал, что бутылку отдаст послезавтра, на день Красной Армии. Продукты же заберет медсестра, чтобы не пропали в тепле, и тоже выдаст их на праздник.

А еще через месяц я ехал в лимузине на подмосковную дачу Лучшего Друга Советских Детей. Ко мне, еще за неделю до выписки, пришел представитель местного НКГБ и лично в руки дал предписание, обязывающее через восемь дней прибыть в Москву. Получив роспись в корешке, он протянул листок бумаги с номером и сказал:

– Вот мой телефон. Когда будете готовы, позвоните, за вами придет машина, которая отвезет вас на аэродром.

После чего, откозыряв, ушел.

Машина действительно появилась после звонка и доставила к самолету. После не очень продолжительного полета, уже на подмосковном аэродроме пересел в другую, которая и привезла меня на знакомую фазенду. Всю дорогу думал – на хрена я понадобился главе государства. Сам на встречу не напрашивался и, что сейчас говорить, не знаю вообще. К сорок третьему году мои знания истории на военном поприще – стремились к нулю. Уж очень сильны были изменения.

Машина подкатила к крыльцу, и я, пройдя всю процедуру передачи из рук в руки, дошел до человека из охраны, который проводил к двери. Постучав, выждал несколько секунд и открыл ее, жестом приглашая войти. Надо же, хозяин кабинета за время, прошедшее с последней встречи, совершенно не изменился. Не то что не постарел, а наоборот – бодрее выглядеть стал. С другой стороны – на фронтах все хорошо, с чего бы ему переживать и плохо выглядеть? Сделав положенные три строевых шага, вытянулся по стойке смирно:

– Здравия желаю, товарищ Сталин!

– А, это вы, товарищ Лисов. Проходите, садитесь.

Дядя Джо, как его называли союзники, улыбаясь, указал, куда мне приземлиться. Подошел к большому столу, но вот садиться не стал. У верховного была странная привычка – зайти за спину сидящему человеку и оттуда что-то спрашивать. При этом вставать не разрешал, показывая рукой – мол, сиди, сиди. И отвечающему приходилось выворачивать шею, чтобы видеть собеседника. Со мной он таких штучек пока не делал, но вот как с другими таким макаром развлекался – видеть уже приходилось. Поэтому, ну его на фиг, лучше постою, подожду, когда он сам сядет. Тем более по уставу не положено сидеть, если старший стоит. Вождь поглядел на мою торчащую возле стула фигуру и, неопределенно хмыкнув, уселся первым. Ну, теперь и мне можно. Сталин несколько секунд молчал, а потом издалека начал разговор. Поинтересовался здоровьем и тем, как сейчас лечат в советских госпиталях. Я даже не знал, что именно рассказывать. Пока бекал и мекал, Виссарионыч, видно, приняв решение, прямо спросил – какие у меня предвидения были после ранения. Хм… Он наверное рассчитывает, что после того как Лисова чуть не ухлопали, тот ему прогноз на двадцать лет вперед сразу выдаст. Вроде встряска такая была – круче некуда. Но я уже практически пустой. Последним из значащих вещей был атомный проект. Про все остальное ему уже давно рассказал. Молчание затягивалось, и от этого почувствовал даже некоторое неудобство. Ну что у нас в 1943 году было? Только Курская битва. Но теперь это только название. Будет ли подобное сражение или нет, а главное – где, сказать уже не могу. Хотя ситуация на центральном направлении очень похожа на то, что было в реальности. Вот только на севере и юге она совершенно другая, так что про Курск можно, наверное, забыть. Союзники второй фронт только через год откроют. Что еще может быть?.. И вдруг вспомнил! Тегеранская встреча будет! Правда, о ней знаю в основном по фильму

«Тегеран□43», но и этого выше крыши хватит. Вот и начал расплывчато вещать про встречу на Востоке, скорее всего в Иране, лидеров трех держав. Рассказал, что именно от ее итогов будет зависеть открытие второго фронта. Сказал и про то, что Англия собирается его открыть на Балканах, а Америка, которая очень опасается усиления роли Англии, согласится на высадке во Франции. То есть все друг друга очень боятся. Американцы – сильную Европу во главе с Англией, англичане – сильный Советский Союз во главе со Сталиным. Пыжился, вспоминая все, что было известно. Припомнил даже то, что Рузвельт остановился в нашей миссии, а Черчилль по этому поводу сильно злобствовал. Верховный еще долго меня мучил наводящими вопросами, пытаясь выжать побольше, и кое-что даже удалось вспомнить еще. В частности, что немцы попытаются убрать глав правительств, послав три группы своих диверсантов. Даже камикадзе найдут, который заряженный взрывчаткой самолет согласится направить на здание, где будут проходить переговоры. Только вот пока фрицы будут телиться, переговоры уже закончатся.

В конце концов выдохся окончательно. Сталин же выглядел вполне удовлетворенным, хотя и попенял, что, мол, раньше конкретики в предсказаниях было больше. Потом он поинтересовался, могу ли я сказать про будущие события на фронте. Прокрутив в голове варианты, все-таки решил, что грандиозного танкового сражения не избежать. Ведь вся эта накопленная немцами сила еще никуда не делась и обязательно где-то проявится. Поэтому, встав и глядя прямо в глаза верховному, сказал:

– Товарищ Сталин, я точно не могу сказать, но мне так кажется, что летом, скорее всего, на центральном направлении немцы попытаются взять реванш. Огромные массы войск, при поддержке авиации и нескольких тысяч новых тяжелых танков, попытаются прорвать нашу оборону. Ситуация будет очень тяжелая. Где и когда конкретно все случится – не знаю, знаю только, что это будет и уже сейчас надо принимать меры. Задействовать разведку, попытаться ускорить поступление в войска новой техники.

Сталин слушал меня внимательно, а когда я закончил, сказал:

– Мы предполагали что-то в этом роде. Конечно, жалко, что вы, Илья Иванович, не можете точно назвать место и время наступления, но ведь помимо потусторонних сил, как вы правильно заметили, у нас еще есть агентурная и войсковая разведка.

При этом еще и подмигнул мне ободряюще. Дескать, не бзди, Лисов, – прорвемся. Мигающий верховный настолько выбил из колеи, что я смог только глупо улыбнуться в ответ. Потом Виссарионыч как-то быстренько свернул разговор, поинтересовавшись на прощание, не нужен ли мне отпуск для поправки здоровья. Я ответил отрицательно и тем же вечером летел на самолете по направлению к фронту.

Глава 14

– Это еще что за ухари?

Разглядывая в бинокль небольшой хутор, я пытался идентифицировать находящихся там людей. То что не немцы– однозначно. Вроде не полицаи– слишком разномастно одеты и вооружены. Но и на партизан не похожи. То есть как раз внешне похожи, но ведут себя слишком нагло. До Кривуль, ближайшей большой деревни, где расположился немецкий гарнизон, было километров двадцать, и патрули в любой момент на этот хуторок зарулить могли. А эти– даже охранения не выставили. Тут на крыльцо вышел еще один персонаж, и я наконец смог разобрать их принадлежность. Вышедший был одет в мундир цвета хаки, чем-то похожий на польскую форму, и в нечто вроде папахи, на которой даже на таком расстоянии был различим трезубец. ОУНовцы. Вот и довелось свидиться. До этого только слышал об их «геройствах», но живьем боевую группу националистов видел впервые. Лежащий рядом Пучков подал голос:

– Мельниковцы из УПА.

– Да я уже понял, что не теноры из оперного. Ладно, пошли назад, обойдем этот гадючник.

Связываться с трезубоносными поклонниками Нептуна нам резона не было – только лишний раз светиться перед немцами, и мы уже начали отползать, как оттуда донесся крик. Причем какой-то тонкий крик. Опять прилипнув к биноклю, увидел, что на хуторе произошли изменения. Появилось две телеги, на которых прибыло четверо мельниковцев, какой-то старикан, пацан лет двенадцати и, похоже, – молодая девчонка. Рядом с телегой на земле лежал мешок. Тут из телеги скинули человека в летном комбезе, и я понял, то, что принял за мешок, было еще одним летуном. Девчонка рванулась к упавшему, но стоящий рядом урод засветил ей по башке и она опять вскрикнула. Та-а-ак… Вроде становится понятно, что к чему. Похоже дед с ребятишками нашли наших летчиков, скорее всего, со сбитого бомбовоза. С истребителей по двое в одно место вряд ли падать будут. М-да… нашли они их и куда-то вывезти хотели, а тут нарвались на ОУНовцев. И вышел у них конфликт нешуточный – у деда вся борода в крови. Угу… Судя по грубому дерганью пленных, пинкам и затрещинам, летунов в самом лучшем случае сдадут немцам, а деда с пацаном пришьют. Ну и пацанку тоже, конечно, только сначала позабавятся – вон как мордатый ее уже лапает. Задумчиво разглядывая открывшуюся картину, соображал – ну и какие теперь будут наши действия? Если учесть, что на захваченных людей вылезли посмотреть все – бандитов на хуторе тринадцать человек. То есть двенадцать и какой-то шибздик. Но шустрый шибздик– пацану уже раза два по морде съездил.

– Командир, будем их валить?

Леха с надеждой смотрел на меня. Валить – это, конечно, хорошо… Но если всех спасать, то семи жизней не хватит. Тем более что мы назад с хорошей вестью возвращаемся. Нашли-таки, где и как немцы с нашего участка технику перебрасывают. Они новую ветку проложили. С понтом, для того чтобы доски с лесопилки вывозить. Только вот ночами вместо дров танки грузят на платформы и брусом их маскируют. Мы до самой узловой проследили движение этих платформ. А потом они куда-то на север уходят. Куда именно, точно не сказал ни солдат охранник, ни даже помощник коменданта станции. Сказал только, что до Прилук это точно, а дальше он не знает. И я ему верю – кололи жестко, и зам коменданта уже не столько живым остаться хотел, сколько о быстрой смерти мечтал. Так что из-за каких-то вшивых националистов такими сведениями рисковать не хотелось. Хотя, с другой стороны… нападения они не ждут и, если быстро сработать, то и дернуться не успеют. А куда мы отбитых девать будем? С собой же не потащишь?.. Но с другой стороны, ведь старик их куда-то вез?

– Илья, они летчиков опять на телегу грузят.

Действительно, слабо шевелящиеся тушки летунов закидывали обратно в телегу, и основной мельниковец давал ЦУ троим мужикам, столпившимся возле него. Ага, похоже, в конвое поедут трое. Ладно, решено, на хрена мы спрашивается вообще воюем, если даже своих людей от какой-то мрази защитить не можем? И разведданные не пострадают, потому что в нашей способности справиться с десятком бандитов не сомневался. Повернувшись к остальным, сказал:

– Так, работаем тихо. Игорь, Бахыт, – я кивнул нашим снайперу и следопыту, – ваши те трое, что повезут летчиков. Потом подтягивайтесь к сараю с поломанной дверью. Мы с Пучковым будем зачищать с другой стороны. Глушители оденьте и разбегаемся.

Глушаки у нас были на пистолеты и на СВТ Игоря Сазонова. Так что действовать будем без автоматического оружия. Ну, во всяком случае, до первого выстрела с их стороны. Шуметь я не хотел, опасаясь того, мало ли кто поблизости шарахается.

Пока мы с Лехой кружным путем подбирались к колодцу, телега с летчиками и охраной двинула в путь. Ну, теперь подождем, пока она отъедет подальше, и приступим, а пока здесь, в лопухах, полежим. Националисты тем временем пинками погнали пленных в хату, откуда выходил их командир. Пятеро, в том числе и главный, зашли туда же. Видно, допрашивать будут. Еще трое пошли в соседний дом. Шибздик стал распрягать лошадь, ведя беседу с последним оставшимся. Разговаривали на какой-то дикой смеси украинских, польских и немецких слов. Я такой суржик уже слышал – еще в своем времени. На западе Украины так

разговаривают. В Галиции да во Львове. От нормального украинского он отличается так же, как русский от молдавского. Интересно – как здесь эти западенцы оказались? Далековато от своих мест забрались. Когда первый раз, на совещании, рассказывали о том, что нам будут противостоять, помимо немцев, румын и прочей швали, еще и украинские националисты – я не удивился. Кто такие бандеровцы – знал хорошо. Но вот выяснилось, что они вовсе не бандеровцы! Всю эту шушеру возглавляли Мельник и Бульба-Боровец! А когда я поинтересовался, куда же делся самостийный Степан, Колычев с уважением посмотрел на меня и объяснил, что сторонники Степана Бандеры, сидящего в концлагере, сейчас ведут непримиримую борьбу с мельниковцами, и похвалил за мою заинтересованность в теперешних украинских реалиях. Благодарность вообще-то была совершенно незаслуженной. Я про этих Бульб вместе с Боровцами вообще никогда не слышал. Так что в очередной раз осталось только сожалеть, что не исторический факультет в свое время закончил. Пользы было бы гораздо больше.

Ага! Возле сарая шевельнулась трава и появилась Бахина физиономия. Ну, приступим к веселью! Шибздик закончил возиться с лошадью и, смеясь, хвастался, как он ловко мордовал пацаненка. Хотя и самому на вид было лет пятнадцать, не больше. Ну да если взял оружие – ребенком уже считаться не можешь. Пленного парнишку они бы точно не пощадили, и теперь, указав Лехе на цель, я тоже взял крысеныша на прицел. Пук! Пук! Как там, в виденном мной плакате было написано – снайпер бьет издалека, но всегда наверняка! Мы, правда, били всего с тридцати шагов, но то, что наверняка, – это точно. Показав Абаеву на соседний дом и выставив три пальца, дал отмашку. Кивнув, он скользнул к крыльцу. Мы же подскочили к командирской хате. Я к двери, а Пучков к дальнему окну. Постоял, прислушиваясь… Тихо, только из-за двери бубнеж доносится да звуки затрещин. Похоже, паны уже вовсю приступили к допросу пленных. Желательно, конечно, чтобы все они в одной комнате были, но тут уж – как получится. Быстро достав гранату, выкрутил запал и, отломав взрыватель, вкрутил его обратно. Вытащив кольцо, взял в одну руку пистолет, в другую гранату и, выдохнув, спокойно и без криков открыл дверь. Сделав два быстрых шага по сенцам, вошел в комнату. За столом сидел командир и еще один мужик. В углу на лавке– пацанчик с разбитой физиономией. Длинный хлопец держал за шиворот старика, а еще один, видимо, его лупил, но, увидев меня, так и замер с поднятой рукой. Биомать! Еще одного не хватает… девчонки – тоже нет. Но все равно – работаем, отступать поздно! Я широко улыбнулся и со словами: «Здоровеньки булы, друже провидник!» – катнул на стол лимонку.

Со звоном отскочил рычаг, и в гранате хлопнул боек. Главный мельниковец обладал завидной реакцией. Пока все заторможенно пялились на катящийся кругляш гранаты, он очень ловко успел нырнуть под стол. Как будто всю жизнь тренировался. Пук, пук, пук! Трое националистов с дырками в башке повалились на пол. Фу! Длинный гад мозгами всю побелку забрызгал. Быстро присев, еще раз нажал на курок. Прыткий начальник так и остался лежать там, куда спрятался. Дзинь! Пук! В соседней комнате звякнуло стекло. Сделав два шага и опять присев, на секунду глянул туда. Последний, пятый, лежал на полу. Это уже Леха постарался. Завалил мордастого прямо через окно. Девчонка сидела в углу, на сундуке, и круглыми глазами смотрела на меня.

– Свои красавица, свои. Не бойся и сиди тихо.

Красавица, отсвечивая фингалом, кивнула, а я, выскочив из комнаты и сказав то же самое деду, рванул на улицу. Торопился зря. Там уже все было кончено. Абаев с Пучковым осматривали сараи. Во блин… Дольше сомневался, чем у нас вся операция по времени заняла. И трех минут с первого выстрела не прошло. Вот что значит школа! Тут вместе с телегой и ранеными подрулил Игорь. Он нас своей винтовкой издалека подстраховывал, а увидев, что мы спокойно ходим по хутору, тоже присоединился. Подойдя к телеге, убедился, что это действительно два наших летчика. Те уже малость одыбались и, поняв, что передача их немцам отменяется, были очень разговорчивыми. Мои прикидки оказались правильными. Их «пешку» подбили, стрелок-радист погиб, а они выбросились над лесом. Причем крайне неудачно. Штурман сломал себе ногу, а командир ребра. Насколько могли, уковыляли с

места приземления. А на третий день неудачливых парашютистов подобрал дед. До его избушки, стоящей где-то в лесу, было далеко, и дедок сходил за лошадью. Вот на обратной дороге их и перехватили мельниковцы. Причем совершенно неожиданно. Летуны даже выстрелить не успели. До недавнего времени, как сказал умывшийся возле колодца дед, этих перцев здесь не водилось. Вообще старик производил странное впечатление. При разговоре бубнил, шамкал, такие слова употреблял, что я и не слышал. Однова, надысь. В общем пень – пнем, но вот острый взгляд, иногда мелькавший из-под густых бровей, заставлял насторожиться. Что именно неправильно было в этом дедке – пока не понял, поэтому просто задавал вопросы.

– И куда же ты их, уважаемый, потом хотел девать?

– Ну дык, подлечились бы малость у меня, не в лесу же увеченных бросать, не по-христиански это, да и ушли бы с богом.

– А ты что – доктор?

– Господь с тобой, мил человек! – Старик аж руками замахал. – В лекарстве совсем не понимаю, но вот лубки поставить смог бы. Хоть какая-то помощь страждущим.

Ну, в принципе логично все объясняет, только что же так внутри свербит. Какое-то несоответствие есть, но я его не могу увидеть. В этот момент вмешалась девчонка:

– Деда Савелий! Ну что же вы так! Это же наши – советские!

Старик досадливо мотнул головой, а я вдруг понял – осанка! Он при разговоре старательно горбился, но иногда разворачивает плечи и совершенно перестает быть похожим на забитого пахаря. Чисто на интуиции спросил:

– Вы, похоже, из бывших?

Дед, плюнув на маскировку, выпрямился и, глядя в глаза, ответил вопросом на вопрос:

– А это что – до сих пор преступление?

– Да нет. – Я пожал плечами. – Просто сначала не понятно было, кто вы такой. Чувствовал неправильность в поведении, вот и спросил. Ну а теперь все ясно. Так что остается последний вопрос – так как мы не сможем раненых взять с собой, у вас есть надежное место, чтобы их укрыть?

– У меня и укроем. Там их сам черт не найдет. На этих-то, – он кивнул на трупы, – мы случайно нарвались, когда я решил по дороге проехать, чтоб увечных не растрясти.

– Понятно… ну тогда разбегаемся. Мы и так время потеряли. Так что спасибо вам и удачи!

Махнув рукой, дал своим ребятам команду выдвигаться. Дед тоже пожелал:

– Ну и вам счастливо добраться.

После чего повернулся и пошел к летчикам. Пацанчик, который был с ним, времени даром не терял, закидывая в телегу трофейные винтовки, собранные у убитых. Надо же – не боится покойничков, хотя совсем малец. Или насмотрелся уже?.. Мы отошли шагов на сорок, когда старик меня окликнул:

– Эй, командир! Погоди!

Я остановился и увидел, что он бодрой рысью бежит ко мне. Подбежал, даже не запыхавшись, и начал говорить:

– Вот что, командир, я понял – вы действительно свои. А то ведь по этой форме пятнистой и не понять ничего. Националисты же между собой рубятся, только головы летят. Так что, когда вы панов перестреляли – это для меня еще не показатель был. А вот когда нас живыми оставили и уходить собрались, точно убедился.

Дед немного помялся и продолжил:

– Те ребятишки, что со мной, – Петька да Татьяна, они ведь ко мне еще в сорок первом прибились. Мать у них под бомбежкой погибла, вот я и подобрал сирот. А отец их – комдив Игнатьев. Ну, это в в сорок пером он был комдив, а сейчас, если живой, то уже, глядишь, и до больших ромбов дослужился.

– До звезд, дед. Ромбов-то уже полгода как нет. Погоны мы носим.

Старик запнулся и недоверчиво спросил:

– Какие такие погоны?

Я, расстегнув ворот комбеза, продемонстрировал старому, о чем речь. Дед неверящими глазами уставился на мое плечо, а потом вдруг отступил на шаг и, сначала перекрестившись, а потом поправив на голове кепку, вскинул руку в воинском приветствии, надтреснутым голосом сказав:

– Господин штабс-капитан, разрешите представиться! Ротмистр семнадцатого гусарского Черниговского полка Савелий Окунин!

По щекам старого ротмистра, а если по нашему считать, то майора, текли частые слезы. Не замечая их, Окунин так и держал руку возле головы. Ну и что тут делать? Понятно, что мы в разведке, но вот от того, что он мою фамилию узнает, мир не перевернется. Вообще-то, конечно, уходя в тыл, документы и знаки различия оставляли на базе. А я как-то прошляпил. У остальных проверил, а со своей гимнастерки снять, когда комбез надевал, – из головы вылетело. Но как в тему моя забывчивость пришлась! Вон народ – аж до слез впечатляется. Поэтому, встав смирно и передав автомат Пучкову, тоже кинул руку к пилотке и представился:

– Капитан Красной Армии Илья Лисов!

Автомат Лехе передал, потому как по уставу – с оружием не козыряют, а я не хотел, чтобы старый служака подумал, будто у нас армия лохов, правил не знающих. Потом обнял расчувствовавшегося Окунина и сказал, что про командирских детей обязательно доложу. Только вот пусть он мне на карте покажет, где его лесная хибара находится. Смущенно шмыгающий дед отметил точку и, окончательно придя в себя, объяснил просьбу:

– Через нас фронт обратно покатится. И кто его знает, как оно повернется. Вдруг детишек уберечь не смогу.

Потом вдруг опять попросил карту. Я дал. Окунин спросил – есть ли у меня следующий лист. На вопрос «зачем?» ответил:

– У тебя вот здесь краешек болота виден. И обозначено оно как непроходимое. А я тропу знаю. Даже не тропу, а дорогу целую – танки пройти смогут. Я эту дорогу сам нашел. А местные о ней или не знают, или не помнят. Тевтонцы тут никакого удара ждать и не будут. У них укрепрайон, вон видишь, даже у тебя отмечен – по холмам идет. А возле болота только патрули ходят. И то из-за того, что службу они знают хорошо. Так что патрули – просто для подстраховки.

– А какие танки смогут пройти? Легкие? Типа «виккерса»?

Окунин насмешливо хрюкнул и, оглядев меня помолодевшими глазами, ответил:

– Вы, господин капитан, еще «рено» бы вспомнили. Не такой уж я и замшелый, как кажусь. До самой войны новинками техники интересовался. Да и за два года на нее насмотрелся. И на целую и на разбитую. КВ, скорее всего, не пройдут – все-таки тяжелы слишком, а вот для тридцатьчетверки – в самый раз! Максимум в одном месте метров двадцать гати для надежности саперам проложить надо будет.

Блин! Этот гусарский майор оказался просто находкой! Если действительно танки пройти смогут, то укрепрайон с тыла можно в блин раскатать. Наказав старику больше не ввязываться ни в какие передряги, твердо пообещал, что на следующей неделе к нему придут люди с нашей стороны. И летчиков заберут, и детей, и самого Окунина. Он теперь – особо ценный объект. От его сохранности и знаний, возможно, тысячи жизней зависеть будут. Потом, подумав пару секунд, переиграл. На фиг! Лучше самим проводить весь обоз до дедовской замаскированной заимки. Хоть начинающийся дождь и не даст собакам, если такие здесь объявятся, встать на след, но мне так гораздо спокойнее будет. А для еще большего спокойствия решил оставить с ними Абаева, отдав ему вторую рацию и термоэлемент. По пути приглядели хорошую поляну, годную для посадки самолета, потому как весь этот табор пешим ходом вывести не получится. Когда наконец всех устроили, был уже глубокий вечер. Разместили раненых, перекусили. Во время ужина Окунин все расспрашивал меня об изменениях в армии.

– Неужели теперь офицер офицером называется? А комиссар как?

– В пятый раз говорю: и офицер – офицером, и солдат – солдатом. Даже генерал – генералом! Комиссаров теперь нет. Есть заместитель командира по политической части. Называется замполит. Хотя хрен редьки не слаще. Но с двоевластием в армии покончено. Теперь за командиром всегда последнее слово.

– Вот это верно! – Дед даже привстал. – В армии всегда единоначалие должно быть, а то не армия получится, а сброд, цели не знающий. Даже в бандах атаман был один, иначе они долго не существовали. Поэтому немцы и захватили полстраны, что у нас в каждой роте по два начальника было. Точнее, один командир, а другой контролер, право имеющий командирские приказы отменять.

Хм… Савелия Игнатьевича, конечно, занесло, фрицы до Москвы дошли не только из-за этого, но и это тоже было одним из многих факторов наших поражений.

Ну ладно… Посидели, поели, отдохнули – пора и честь знать. Как ни уговаривал Окунин остаться до утра, время поджимало, и, выйдя из дома, попрыгав по привычке, мы куцей цепочкой из трех бойцов втянулись в лес.

* * *

– Ты уверен, что этот старик знает тропу через Марьино болото?

Колычев внимательно посмотрел на меня, крутя карандаш между пальцами. Я ему доложил уже о результатах разведки, а теперь рассказывал о встрече с Окуниным.

– Практически уверен. Врать ему резона не было, да и сам дед доверие вызывает.

– А если немцы тоже этот путь нащупали?

– Никак нет. Окунин рассказывал, что фрицы пытались болото проверить, но чуть не утопли и на том успокоились. Местным он ничего не говорил, так что немцев просветить никто не смог бы.

– Все равно, разведчиков к нему в любом случае надо послать, чтобы они эту тропу своими ногами прошли. И мало ли чего старому померещится. Одно дело человек, а другое танк. Он небось технику только издалека видел…

– Разведчиков само собой, только вот он не просто дед. Ротмистром еще в Первую мировую воевал с немцами. Как был военная косточка, так и остался. И БТ от КВ тоже отличить сможет.

Подробно рассказав о своем разговоре с Савелием Игнатьевичем, закончил словами:

– Так что по любому его вытаскивать надо. Мало того, что с ним два раненых летчика, так плюс еще и ребятишки – дети комдива. А подходящую площадку для самолета мы уже присмотрели.

– Какие еще дети? Какого комдива, откуда они там взялись?

Полковник так удивился, что даже перестал крутить карандаш.

– Это я еще просто не успел доложить. В сорок первом Окунин подобрал двоих детей. Мать у них убило, вот он их и пригрел. А потом выяснилось, что они – дети командира дивизии Игнатьева. Ну, то есть он комдивом перед войной был, а что с ним сейчас – неизвестно…

Хруп! Половинки карандаша упали на стол. Иван Петрович, не замечая этого, расстегнул верхнюю пуговицу и как-то глухо спросил:

– Мальчик и девочка?! Как их звать?! И точно у них мать погибла?

– Так точно! Пацана Петькой, а девчонку Таней. На вид лет двенадцать мальчишке и шестнадцать девушке. А про мать они сами сказали…

– Пятнадцать Танюше должно быть…

Колычев закурил и замолк, глядя в стену. Ни фига себе! Он-то их откуда знает? И, видно, хорошо знает, вон как расчувствовался. Но долго удивляться у меня не получилось. Через несколько секунд командир, с силой вмяв окурок в пепельницу, встал. Глянув на меня какими-то шальными глазами, сказал:

– Мама у них – сестра моя… А с отцом мы еще с Гражданской… – и, махнув рукой,

продолжил: – Значит, так. Сегодня – отдыхать. Завтра пойдешь обратно – подготовишь все к встрече самолета…

Не дав договорить, довольно невежливо перебил начальство:

– Там Абаев с рацией. Он и подготовит. Так что можно хоть сегодня лететь. Мы именно этот вариант с ним обговаривали. Вы не волнуйтесь, Иван Петрович. Вытащим их без шума и пыли.

Я улыбнулся, пытаясь подбодрить полковника, а то он уж очень сильно подпрыгивал. Таким взволнованным его крайне редко видел, поэтому вид начальства, находившегося в полном раздрае, был непривычен и даже где-то пугал. Но Колычев не успокоился, а наоборот, приблизившись вплотную и ухватив меня за портупею, истово сказал:

– Вытащи их, Илья. Постарайся. Я знаю – у тебя получится. Этих детей два года назад уже похоронили. И я, и Вовка Игнатьев. Сделай так, чтобы второй раз хоронить не пришлось.

Отцепив Колычева от ремней, силой усадил на стул. Потом, достав из ящика флягу, набулькал командиру в стакан.

Блин! Бразильские страсти. Дон Хуан вышел из комы и нашел троюродного племянника внучатой бабушки! Хотя так ерничаю, чтобы отвлечься. Самого пробрало….. Насколько знаю, у командира семьи не было. В смысле жены и детей. Про других родственников никто ничего не слышал. А тут вдруг такое… Майор Миляев, старший у наших радистов, как-то упомянул, что полковник всю родню в июне сорок первого потерял. И больше никаких разговоров на эту тему не велось. Сейчас, выходит, я своим докладом большую часть родственников ему возвратил…

А потом Иван Петрович рассказывал. Как из Кобрина эвакуировались семьи комсостава. Как под Барановичами вырвавшемуся на полдня Игнатьеву показали разбитый эшелон и братские могилы. И как он нашел выжившую с этого эшелона, которая и показала, в каком месте похоронена его жена. Она же сказала, что сына собирали по кусочкам, потому что фугаска попала прямо в их вагон, а дочку так и не нашли. Только вот это были не его дети… Я-то с ребятишками поговорил. Их успели во время налета в окно вытолкнуть, благо поезд еще стоял. А вот мать выскочить не успела… Давка и паника очень сильные были. Потом они ходили, ее искали, но так и не нашли. После их запихнули в следующий поезд, но и его разбомбили на другой день. Железной дороги ребятишки стали бояться и пошли пешком, вместе с основным потоком беженцев. А потом идти стало некуда – всюду были немцы. Через две недели их, голодных и простуженных, подобрал Окунин… Мы просидели с командиром до самой ночи. Я его понимал – радость, она как и горе, сильно выбивает человека из колеи и хочется, чтобы в это время был кто-нибудь рядом…

А на следующий вечер мы уже торчали на аэродроме. К эвакуации все было готово. Ли-2 прогревал моторы и, заняв места, я смотрел, как Колычев, придерживая фуражку, махнул рукой на прощанье. Блин! И чего он сам приперся? Тем более руками машет– примета плохая. Суеверно сплюнув, оглядел пассажиров. Помимо меня летел врач, два раненых и шестеро из террор-группы Грома. Невидимок, как наши группы фрицы обзывали, взяли для подстраховки. Мало ли как жизнь повернется… Хотя ночью – все было нормально. Связались с Бахой и передали, чтобы сегодня ждал гостей в условленном месте. Ответ от него пришел правильный, и подлян от сегодняшнего полета не ожидалось. Но плевал я впустую… Примета началась сбываться еще в воздухе. Сначала долго не могли найти точку приземления. Потом наконец увидели костры. Два и три. Два в начале поляны и три в конце. Приземлились вроде нормально, только трясло так, что доктор прикусил язык и теперь шипел, как змея, не в состоянии даже ругаться. Только самолет остановился, бойцы вывалились в темноту и разбежались к деревьям, контролируя обстановку. Спрыгнув тоже – огляделся… Ну и где наша гоп-компания? Ага! Увидев Абаева, который вместе с дедом помогал идти летчикам, с облегчением выдохнул. Таня подпирала летуна с другой стороны, помогая Окунину, а Петька вприпрыжку бежал к самолету, который, взрыкивая двигателями, разворачивался, подскакивая на неровностях поляны. И тут ударила первая очередь, а потом

лес взорвался стрельбой. Баха споткнулся и начал заваливаться на раненого летчика. Епрст! Это еще что за херня?! Откуда здесь немцы?! Рванул к упавшему Абаеву, которого уже летун пытался тянуть на себе. Подскочив к ним, взвалил на себя обоих и, рыча от напряжения, поволок к самолету. Успел даже рявкнуть:

– Быстро, быстро в самолет! Трах-тарарах!

Закинул в люк ношу и помог залезть остальным, когда стало еще хуже. Хотя вроде куда уже? Но как выяснилось – было куда. Пока бойцы Грома держали тыл и фланги, хитрожопый фрицевский пулеметчик пролез дальше и теперь садил длинными со стороны дальнего конца поляны. Сука! Ведь теперь самолет не взлетит. То есть если и взлетит, то с нашинкованными пассажирами на борту. Поэтому крикнув сунувшемуся штурману: «На взлет давай!» – подхватил автомат и побежал к пульсирующему под кустами огоньку, на ходу ведя огонь. Главное этого гада отвлечь, заставить на меня свое внимание обратить, как на непосредственную угрозу. За спиной взревели моторы, а этот хмырь все продолжал долбить по самолету. Ну, падла, держись! Упав на колено, задержал дыхание и короткими очередями начал прицельно гасить пулемет. Вроде получилось! MG заткнулся, и самолет, обдав сильным порывом ветра, пронесся мимо меня. А за спиной начали бухать гранаты. Я же продолжал бежать к пулеметной точке. Мало ли почему она замолчала? Может, просто заклинило и в следующую секунду в упор влепит по все более редко подпрыгивающему самолету. Нет, не заклинило… Два фрица лежали рядышком и не жужжали. Дав каждому по контрольке – на фига мне нужны внезапно ожившие враги за спиной, – подхватил пулемет с лентой и по краю деревьев порысил в сторону боя. Неожиданно на поляну выскочило человек десять фрицев. Меня они не видели, и поэтому, сразу упав, дал длинную очередь по эффектно подсвеченным кострами силуэтам. Ага! Забегали сволочи! Тут от противоположного края по мне ударило штук пятнадцать стволов. Воздух сразу стал плотным и горячим. Блин! Что-то до хрена их там. Бой постепенно стал смещаться влево. Похоже, Гром, убедившись, что самолет благополучно улетел, начал сваливать сам. А ведь я его не догоню… Для этого придется пересечь всю поляну, а это нереально. Шлепнут моментом. На фиг, на фиг! Буду уходить в индивидуальном порядке. Дав еще одну очередь по зашебуршившимся немцам, сунул под сошку пулемета гранату с выдернутым кольцом и длинными прыжками рванул в глубь леса. Только вот на третьем прыжке за спиной рвануло и удар в бок сразу заставил перейти с грациозных прыжков на неприличную кособокую рысь. Это что же – немчура на расстояние броска гранаты подобраться успела? Почему тогда сзади в затылок не дышат? Где молодецкие крики погони, почуявшей подраненную дичь? Криков не было… А до меня стало доходить, что я сам себя перехитрил. Это моя граната рванула. То ли просто сошка пулемета соскочила, то ли в него пуля ударила (стреляли-то в меня густо), но вот очередная подляна закончилась практически самоподрывом. Елки-моталки, ну я и тормоз! Башкой надо было думать, прежде чем этот гадский пулемет минировать. Ссссс… а вот и больно стало. Бок постепенно становился липким. Но сейчас не до него. Пока еще можно и боль достаточно терпима – надо бежать. Бежать… бежать… Проскочил по нескольким ручьям, даже нашел силы в одном месте пролезть по деревьям через густой валежник. Правда, он меня и добил. В голове сильно шумело и становилось понятно – надо остановиться и перевязаться. Тем более отскочил уже достаточно далеко, и погони не слышно. М-да… темно, но вот на ощупь какая-то дырка большая получается. Как ножом бочину вспороло. И внутри похоже что-то есть. Что-то постороннее ощущаю. Но пока не до этого. Насколько мог, замотался и побрел дальше. Пару раз терял сознание от большой кровопотери. Но упрямо поднимался и шел в никуда. А когда уже начало светать, под ногами захлюпало. Похоже, пришел. Причем пришел в болото. Размеры его были непонятны – поднимался туман, но по хоровому кваканью оценил его размеры как большие. Вот зараза! Не понос так золотуха! Как же его обходить-то? И тут услышал далекое гавканье. Вопрос с обходом болота отпал сам собой. Какой на фиг обходить?! Мне в нем, похоже, скоро топиться придется. Срубив ножом подходящую осинку, сделал из нее слегу и с кряхтением пошел прямо в туман, разгоняя ряску и поднимающиеся тучи комаров…

Бок дергало. То есть боль в боку стала дергающей, а это совсем не гут. Как бы заражение не началось. От погони с собаками удалось оторваться, пройдя краем болота. Глубже соваться было страшновато. Я же не старшина Васков, по болоту аки посуху ходить. Навыков нет – булькну, и только пузыри пойдут. Поэтому помесив прибрежную грязь, в конце концов, влез на сухое место и упал возле ручейка. Мысли были не веселыми. Я вам не ежик резиновый, с дырочкой в правом боку, чтобы весело ею свистеть. С этой дырочкой – до своих точно не дойду. Можно выйти к местным, но нет никакой гарантии, что, во-первых, они меня сразу не сдадут, а во-вторых– вылечат. Да и не представляю, где сейчас деревня ближайшая находится… Потом мысли переключились на ночной бой. Откуда же там немцы взялись? И причем, похоже, в последний момент. Появись они раньше, Окунина с компанией повязали бы в пять секунд и встречали нас гораздо более подготовленными. Есть одна гипотеза – фрицы нашли побитых мельниковцев. Начали шарить по округе. Может быть, даже запеленговали позавчерашние переговоры с Абаевым. Хотя нет, если бы запеленговали – взяли их сразу. А может, не получилось точно вычислить точку? Он-то буквально на несколько секунд в эфир выходил, подтверждение давая. М-м-м-м… тогда вроде все сходится. Немцы шарят в поисках злодеев, вырезавших националистов. Тут им сообщают, что в паре десятков километров от этого места зафиксирован выход передатчика в эфир. Пока собрались, пока выдвинулись, пока начали проческу. Место выхода же указано неточно… А обыскивать гектары леса – то еще занятие. Вот и шарились до вечера. Совсем чуть-чуть не дойдя до посадочной поляны. Может, пару километров… А потом, возможно, услышали самолет и рванули к точке его посадки. Если так получается – то опоздали они буквально на несколько минут. Хотя это, конечно, все только мои домыслы, хрен его знает, как оно было в самом деле.

Лежа на траве, смотрел на высокие верхушки деревьев. Вдалеке послышался шум двигателей. Дорога, видно, проходит. Но это не страшно. Возле нее точно искать не будут. А то у меня сейчас не то настроение, чтобы от преследователей бегать. Как там у Владимира Семеновича – «И мыслей полна голова, и все про загробный мир». Правда не совсем про загробный, но вот возвращаться обратно к себе я не спешил. Только начали немчуре транды давать. Самое интересное ведь начинается, а меня с половины сеанса вывести хотят. Поэтому, валяясь под кустами, испытывал чувство глубокого морального неудовлетворения. Кем я был в своем времени? Ну вообще-то кем-то, конечно, был, кое-чего в жизни добился, но здесь я действительно – фигура. С высшими руководителями запросто общаюсь, да и дела такие делаю, от которых в целом мире что-то меняется. Причем меняется так, как мне хочется. А теперь вот тихо помру и не увижу результатов своего прогрессорства. Со злостью сплюнул и полез за папиросами. Нащупав в кармане размокшую в кисель пачку, выматерился вслух. Надо же, единственный раз свою герметичную коробку для курева не взял– летели-то на пять минут. А тут такая лажа. Вспомнил и душу, и бога, и его маму. Как будто в ответ на эмоциональную тираду над головой раздался рев. Задрав голову вверх, увидел как в небе мелькнули силуэты. Похоже – наши штурмовики. Посмотрев вслед самолетам, откинулся было опять, но дрогнувшая земля заставила подскочить, забыв про боль. Горбатые кого-то долбали менее чем в километре от меня. После их работы обычно остается хорошая каша на обрабатываемом объекте. А что, если?.. Мысль еще не оформилась до конца, а я уже, насколько мог быстро, спешил к звукам разрывов.

Метров через триста лес заканчивался, и, увидев чуть дальше дорогу, на которой стояла избиваемая колонна, залег. Куча грузовых автомобилей, не меньше двадцати, девять танков, несколько БТР, орудия. Все это уже почти закончило уничтожаться. Штурмовики выворачивали на очередной заход, а от колонны вовсю улепетывали те, кто не успел свалить раньше. Основные группы немцев прятались на той стороне, но и в лес, откуда я приковылял, тоже ныряли немало фигурок в серо-зеленой форме. В паре метров от меня, в кусты, кабаном вломился крепенький немец. Мельком глянув на стоящую на коленях грязную фигуру с пистолетом, он собрался рысить дальше, но вот такой шанс я упустить не мог. Звук выстрела удачно заглушили новые разрывы. Метнувшись на карачках к упавшему

телу, стал лихорадочно стягивать с него форму. Так, китель, штаны, сапоги… Белье я и так носил немецкое – офицерское, шелковое. Не для понта и не из-за дурных наклонностей, а потому, что при долгой ходьбе оно в паху не трет и бекарасы с него сами сваливаются. Вши были по обе линии фронта, и проводимого у нас осмотра по форме 5 хватало буквально до первого посещения передовой. Особенно, если у ребят в землянке заночевать останешься… Сиди потом, жди, когда вошебойка появится. Тем более что фрицевским порошком от насекомых пользоваться брезговал – уж очень мерзко он вонял. Так что белье оставим свое – хрен с ним, что офицерское, главное не советское!

Переоделся в рекордные сроки. Моторы еще ревели над головой, а я уже напяливал на дохлого фрица свой грязный комбез. Потом, пыхтя, оттащил труп к вывороченному пню. Прежде чем закидать его ветками, прочел, что было написано в солдатской книжке, а потом густо смочил ее кровью, до сих пор вытекающей из головы мертвеца. Распорол на боку китель и тоже извазюкал в крови, предварительно срезав с себя бинты. А теперь вперед, тем более что самолеты собрались улетать. Успел вовремя. Самые смелые, уже начали вылезать из леса и подниматься с кюветов. Подойдя к дымящей машине, быстро огляделся. Вроде никто не пялится… Ну, поехали! Улегшись в лужу возле колеса, замер в ожидании, когда меня найдут. Блин! Чуть не забыл… заранее морщась, достал нож и полоснул себя зубчатым краем по голове, над бровями. Уй, бля! Больно! Кровь сразу густо залила лицо. Ну теперь нормально, пусть попробует кто-нибудь узнать. Главное, чтобы сейчас не вычислили, а потом, в санчасти – дай бог вывернусь. То, что у меня с немецким напряги и разговаривал, как говорит Серега, с ярко выраженным рязанским акцентом, – не волновало. Буду работать под контуженого заику. Симптомы контузии помню еще очень хорошо. Тем более что рана-то – не опасная. Извлекут осколок, и опять буду как новенький. Особенно если пенициллином ширнут. Хотя не знаю, есть он у них или еще нет. Ну хоть стрептоцидом обработают дырку, уже хорошо. Тогда дня через два-три могу делать ноги. И под эти приятные мысли опять незаметно для себя вырубился…

Глава 15

Про три дня, как выяснилось, несколько погорячился. Таскание тяжеленного трупа разбередило рану и самостоятельно смог передвигаться только на пятый день. Но зато без всяких подозрений. Повезло, что одновременно с ранеными разбомбленной колонны привезли большую партию с передовой. Причем в основном тяжелых. Легкие остались в ПМП. Наши там очень вовремя разведку боем совершили, и теперь госпитальные врачи зашивались. Я-то все опасался, что они обратят внимание на запущенность раны. Не обратили. А может, и обратили, но решили – пока с передовой привезли, она так воспалилась. Нас ведь вносили в приемный покой общей кучей, вместе с недобитками, которых привезли от линии фронта. Прибывших раненых сортировали только по тяжести ранений и выкладывали рядком вдоль стен. Кого-то увозили сразу в операционную. Кого-то на улицу – в морг. Так что теперь я – рядовой Густав Шнитке из Перлиберга, занимаю законную койку с левой стороны прохода возле окна. Осколок извлекли, и на перевязку хожу самостоятельно. А вот как вернусь к своим, найду доктора Густава Карловича и оподарачу всего, с ног до головы. Если бы не его «немецкая» штопка, меня уже в спецчасти на предмет «собеседования» вовсю крутили бы… Про это, когда к дороге выходил, даже и не подумал. Не подумал и о том, что делать, если бы в моей палате сослуживцы этого Шнитке оказались. Да у меня тогда от большой потери крови мозги вообще не работали! Все автоматом делал на одних инстинктах. Зато правильно придумал про сильнейшее заикание и даже частичную потерю памяти. Но это все обещают починить ударными темпами. Единственно, что не понравилось, так это то, что вчера ко мне подходил следящий по госпиталю от гестапо. Хотел записать мои данные в свой гроссбух. Правда, он ко всем новеньким подходит. Душевный такой человек… Слушал мои заикания и даже не морщился, а когда спросил о доме, я вообще разрыдался. Так он участливо покивал и обещал зайти попозже. Ага… вот

кого буду ждать с нетерпением. Как же! Тем более вчера же в палату зашла помощница начальника госпиталя. Увидев ее, сразу притворился мертвым. В смысле спящим. Ни хрена себе струя! Бывают же такие совпадения! Это была та врачиха, колонну которой мы раздолбали в прошлом году. Ну, с другой стороны, фронт-то один, и служит она в большом госпитале, единственном на этом участке. Про то, кем она здесь работает, рассказал сосед по палате. Веселый такой пулеметчик, которому ногу по колено отрезали. Он был крайне доволен, что больше не попадет на фронт, и болтал гад без остановки. А так как я вообще старался рта не раскрывать, то, найдя в моем лице слушателя, Отто Краус, как он мне представился, вываливал на меня все слухи, сплетни, байки и домыслы, которыми была забита его грушеобразная голова. Про оберарц Хелен Нахтигаль, так звали симпатичную докторшу, он рассказал, что она душевная девушка, хорошо относится к раненым, имеет папу – крупного медицинского чина в Берлине – и не имеет жениха. Что при общей ее красоте наводит на странные мысли. К ней многие пытались подъехать, был даже один моложавый полковник, но она всех отшивает, и это повышает ее рейтинг в глазах остального госпитального контингента. Ну да… комсомолка, спортсменка, отличница… Знакомая песня. Мне вот только не понравилось, что когда она выходила из палаты, то, оглянувшись и посмотрев прямо на меня, наморщила лоб, как будто что-то вспоминая. Завтра, край послезавтра, надо отсюда сваливать. Тем более поток раненых прекратился, аврал закончился, и госпиталь начинает работать в штатном режиме. А там, где наступает немецкий орднунг, заканчивается моя самодеятельность. Вообще не представляю, как можно так упорядоченно жить. Они, блин, как роботы какие-то! Даже не роботы, а как бы это сказать… даже слов подобрать не могу. Другие совсем. Я утром чуть не погорел на этом их совсем другом укладе жизни. Двинул в курилку, рассчитывая стрельнуть сигарету. Хорошо сразу не полез со своей просьбой, а сначала посмотрел, что и как. Просто стоял рядом, делая вид, что дышу свежим воздухом, и прислушивался к разговорам. Так вот, к группе курящих подошел один раненый и, обращаясь к другому, поздоровался и попросил курева. Причем уточнил, что лежат они в одной палате и стрелок сразу вернет долг, как только сможет купить сигареты! После чего ему дружелюбно дали никотиновую палочку. А выходит просто так, без возврата – не дали бы?! Даже в такой мелочи их отличие от нас бросалось в глаза. Да и гестаповец ласковый тоже… Когда он подходит к раненому, последний старается даже лежа принять молодцеватый вид. Отто между делом рассказал, почему так происходит. Те, кто нюнится и «умирает», получают низкую оценку в характеристике при выписке из госпиталя. И в дальнейшем, во время распределения разных благ, положенных солдатам вермахта, – их номер шестнадцатый. То есть, к примеру, после войны, когда будут раздавать земли на благодатной Украине, такой нюня может либо вообще не получить участка, либо получить плохой. Внутренне подивившись немецкому оптимизму (они еще не поняли, что на Востоке им все обломилось), внимательно слушал говоруна, кивая в такт словам головой. Бывший пулеметчик, мерзко подхихикивая, добавил, что мой нервный срыв и последующие рыдания обеспечат меня огромным минусом, исправить который сможет только геройство на фронте. Вообще одноногий очень много говорил о геройстве. Наверное, потому, что фронт ему не светил. Остальные больше помалкивали. Помалкивали днем и кричали ночью, во сне. Кто от боли, кто от кошмаров… Спать было совершенно невозможно. Особенно я оценил прелесть генеральской палаты, в которой валялся зимой, когда привезли двух горелых танкистов. Когда не орали, они скрипели зубами так, что у меня волосы на ногах шевелились.

А на следующий день Нахтигаль, зайдя в палату, направилась прямо ко мне. Писец, приехали… Узнала, курва белобрысая и, сейчас, уверившись в своих подозрениях, свистнет орлов из комендантского взвода. Чтобы не выдать себя паническим взглядом, смотрел на ее ноги (очень даже красивые ножки), целомудренно прикрытые белым халатом уставной длины. Врачиха подошла к койке и остановилась. Пялиться на ноги становилось неприличным и пришлось поднять взгляд. Нет, похоже, комендачи пока отменяются. Вид у нее был какой-то нерешительный. С таким видом вражеских шпионов не раскрывают. Хелен

улыбнулась и спросила:

– Здравствуйте, господин Шнитке. Как вы себя чувствуете?

Сделал печальную морду и ответил:

– Хо-хо-хо-хорош-ш-шо.

Врачиха потеребила пуговицу на халате. Видно, что-то спросить хочет, но не знает, как. Потом все-таки решилась:

– Господин Шнитке, у меня очень хорошая память на лица, и я уверена, что встречала вас раньше. Только не могу вспомнить, где. Такое впечатление, что мы не только встречались, но и общались. В наш госпиталь вы попали в первый раз, но может быть, мы виделись в Берлине, в клинике моего отца Карла Нахтигаля?

Вот пристала! И не живется ей спокойно. До всего надо докопаться. Но какие глаза-то красивые. Огромные, зеленые, с коричневыми крапинками. Прошлый раз, в свете горящего грузовика, я их цвет так и не определил… А она все смотрит, в ожидании ответа.

– Н-н-н-нет. Я ва-ва-вас н-н-не з-з-знаю. Из-з-звин-н-ните.

Разведя сокрушенно руками, виновато улыбнулся, показывая, что и рад бы вспомнить, но чего не было, того не было.

Хелен покраснела и сказала:

– Это вы меня извините. Все-таки даже моя фотографическая память может давать сбои. До свидания!

И резко развернувшись, зацокала каблучками к выходу.

Ф-ф-у-у-у… разоблачение откладывается. Но вот сегодня же ночью надо валить из этого гостеприимного места. Еще один ее подход, и у меня просто нервы не выдержат. И так уже мокрый как мышь лежу.

– Ха-ха-ха! Наша железная фройляйн запала на заику Шнитке! Вы слыхали, как она с ним ворковала?

Вот сука одноногая! Остальные во время разговора сделали вид, что их здесь и нет, а этот козел Краус теперь начал ржать, привлекая всеобщее внимание. Видя, что его не поддерживают в стремлении опустить врачиху, пулеметчик еще какое-то время повозился на койке, а потом, повернувшись ко мне, сказал:

– Она вообще-то так еще ни к кому не подходила. Но все бывает в первый раз. Говорят в прошлом году русские «невидимки» захватили колонну раненых, которую везли с передовой. Она была в той колонне. Так всех раненых убили, а ее изнасиловали. Представляешь, десять здоровенных русских ее пропустили по кругу! После этого у кого хочешь крыша съедет. Вот она в тебе и почувствовала родственную душу. У тебя же тоже – мозги не в порядке! Ха-ха…

Бум! Костыль лежащего с другой стороны сапера ловко влепил по грушеобразной башке Отто. А его сосед, прежде чем одноногий начал вопить, привстал на койке и, глядя на вытянувшуюся морду этой падлы, процедил:

– Заткнись, свинья, пока я тебе последнюю ногу не сломал!

Я лежал, глупо улыбаясь и сжимая под одеялом кулаки. Убил бы тварь! И докторша здесь была вовсе ни при чем. Если сейчас начнется кипеж с последующими разбирательствами, то все мои планы могут полететь к черту. Но скандала не получилось. Пулеметчик, почувствовав общее настроение палаты, глухо выругался и, завернувшись в одеяло, притворился, что неожиданно решил вздремнуть. Хм… Молодец сапер. Однако не все среди фрицев отформатированы до невозможности. И нормальные люди встречаются. Этот же сапер к примеру. Такой вряд ли жалкую сигаретку в долг давать будет… Вечером сходив на перевязку, я в смотровой стырил на всякий случай бинтов и сульфидина, а вернувшись к себе уснул, потому как в ближайшее время спать не придется. Рана на боку была уже чистой, не дергала и даже постепенно начала подживать. Вот и хорошо – окончательно на ходу заживет, тем более что к утру ноги моей здесь не будет.

В двенадцать, когда заставили выпить какие-то таблетки, проснулся и, выждав еще минут десять после ухода медсестры, скользнул к двери. Если что – просто иду в туалет.

Проскочив по длинному коридору, выглянул в окно. Пусто, тихо… Белым привидением ухнул в палисадник. В боку слегка стрельнуло, но вполне терпимо, что не может не радовать. А прохладненько-то, в одном бельишке. Зябко поджимая ноги, направился к домику, в котором хранилась форма раненых. Вообще, каптерок было две. Одна возле дежурной медсестры, туда мне соответственно ход заказан, и вторая в этом домике. Даже если он и охраняется, то после пересменки сделаю часовому козью морду и оденусь по-человечески, а то брожу сейчас по кустам, как призрак замка Моррисвиль. Хотя днем никакой охраны я не видел. Часового возле домика не было и ночью. Зато в беседке, стоящей рядом, слышались голоса. Прислушался… Вроде мужской и женский. Вот скотобаза! Нашли время миловаться! Когда эта парочка свалит, никто не знает, даже они сами. А мне тут что – до утра торчать? Или в полуголом виде до фронта рысачить, изображая из себя спортсмена-разрядника? Хотя вроде в романтической беседе парочки наметился досадный разлад. Подобравшись поближе, начал нагло подслушивать. Ого! Похоже, в беседке сидит моя старая знакомая и еще какой-то хмырь. Причем Нахтигаль явно изволят гневаться. Правда, не вопит, но зато шипит очень эмоционально:

– Господин майор, немедленно отпустите руку!

– Хелен, ну почему так официально? Я всегда для вас буду просто Фридрихом.

Голос мужика сильно напоминал стенания самца оленя в брачный период. Господин майор, пылая страстью, тем временем продолжал подкатывать шары к докторше:

– Ну же, Хелен! Не для того я прилетел сюда из Мюнхена, чтобы в очередной раз услышать ваш отказ. Тем более я твердо намерен увезти вас из этого ужасного места. Всюду грязь, вонь, эти дикие русские! Такая обстановка совершенно не приемлема для девушки. Тем более вашего положения.

Блин! Соглашайся уж скорее и уматывайте оба в теплую люлю! Я поджал замерзшую ногу и подышал на ладонь. У вас тут страсти, а я мерзнуть должен?!

– Господин майор, я еще в прошлый раз сказала вам твердое нет. С того времени ничего не изменилось! А сейчас могу добавить, после того как узнала о ваших последних «геройствах», – вы садист и трус! Мало того, что совершили с той девушкой в Бретани, так еще потом, заметая следы, уничтожили всю ее семью!

Нет… не светит им теплая кроватка, а мне быстрое переодевание. Майор где-то во Франции накосячил, а мне теперь отдуваться приходится. Или обоих завалить? Хотя как-то стремно… майора-то без проблем, а вот докторшу жалковато. Да и красивая она. Вспомнив зеленые глаза Нахтигаль, я вздохнул и поджал другую ногу.

– Это вам этот прощелыга Гюнтер успел сообщить? Но мне уже все равно!

Ух ты, как резко сменился голос мужика – с воркующего на лязгающий. Какой-то хреновый из него ухажер. Ну кто же так баб охмуряет? Этому козлу у Сереги поучиться бы. Десять минут от начала знакомства, и барыня, как говорится, уже легли и просють. А этот недоделок девчонке мозги запудрить не может. Майор тем временем продолжал:

– Да, вы тогда были правы. Меня очень интересуют средства вашего отца. И вы меня, кстати, тоже интересуете. Так что эти два интереса у меня удачно совпали. Но теперь вы не сможете меня оттолкнуть, как раньше. Или вы, дорогая Хелен, думаете, мне не известно, как ваш любимый папочка списал тех пятерых жидов? Только за это ему грозит крупное разбирательство. Но вот русских врачей ему не простят. Он их актировал как умерших, наверняка по совету своей жены, а эта троица угнала грузовик и сумела прорваться во Францию. И теперь они с этими бандитами-макизарами убивают наших солдат. За это ему уже полагается не разбирательство, а виселица! И не только ему – ваша мамочка, как подстрекатель, тоже пойдет под суд!

Во блин! Как заворачивает! Я такого даже в театре не видел. Прямо любовник-шантажист. А папик то у Ленки еще тот типус. Явно не доктор Менгеле. Евреев куда-то списывает, русских отпускает, шкурой рискуя. Прямо Айболит какой-то. Но у майора угрозы не шуточные, так что давай-ка, Хелена, не ломайся и быстренько в люлю! Или под венец! Да хоть к черту на рога, только быстрее отсюда сваливайте, а то я уже ног не чую! Ну тебе же не

плевать на родителей? Ты же их любишь? Майор-то не шутит – сдаст моментом. Поэтому бегом ему брачную ночь устраивать!..

После долгой паузы опять послышался голос Нахтигаль:

– Господин майор…

– Не майор, а штурмбанфюрер! Хватит меня уже унижать! Вы прекрасно знаете мое звание!

Все! Задолбали! Следующего раунда просто не перенесу! И так уже соплей полный нос скопился! Поняв, что упертая девка ни хрена не даст майору, ни под каким соусом, я, громко шмыгнув, сделал два шага ко входу в беседку. Там явно не ожидали посторонних. Рядом с врачихой сидел эсэсовец. И чего она выпендривается? Я-то думал, майор – какой-нибудь плешивый сморчок. А этот крепенький, габаритами с меня и морда – как у них на плакатах рисуют. То есть истинный ариец. Он удивленно пялился на белую фигуру в двух метрах от себя и уже хотел чего-то сказать, но его опередила докторша:

– Господин Шнитке, что вы здесь делаете? Немедленно идите в палату, вы же простудитесь!

Ишь ты – заботу проявляет! Конечно, простужусь – на холодной земле полчаса босыми ногами стоять! Сделав неопределенный жест рукой, продвинулся еще на шаг и пробил прямым в горло начинающему подниматься штурмбанфюреру. Он только захрипел, заваливаясь набок. Я уже приготовился слегка «приласкать» Нахтигаль, но она повела себя очень странно. Ни криков, ни визгов, только молча смотрела на меня и, прежде чем успел шагнуть к ней, сказала:

– Густав, это было лишнее. Я бы с ним сама разобралась.

Интересно, как? Затрахала бы до смерти? В том, что субтильная оберарц владеет рукопашкой, я сильно сомневался. Она же, присев возле переставшего хрипеть эсэсмана, пыталась нащупать пульс. Чего тут щупать? Фирма гарантию дает. Я хоть и ослаб несколько, но уж больно ракурс удачный был. Так что твой несостоявшийся жених уже отчалил. М□да… Если она, поняв это, начнет паниковать, то и ее придется слегка оглушить. Но докторша среагировала на удивление спокойно. Поняв, что фриц отдал концы, она, не вставая с колен, спокойно повернулась ко мне и хотела что-то сказать, но тут у нее глаза стали совершенно круглые. Быстро оглянулся – не подходит ли кто сзади. Но смотрела она не за меня, а на меня. Потом немного покусала кулак и совсем писклявым голосом выдала:

– Я вспомнила…

Вот ведь зараза! Ну еще бы не вспомнить. Ночь, слегка освещенное, в этот раз не пожаром от горящей машины, а дальним фонарем лицо, труп под ногами. Ассоциативная цепочка и сработала. Но память у нее действительно фотографическая.

– Поздравляю вас, фройляйн! Только вот не надо делать резких движений. Я в прошлый раз вас отпустил и в этот раз живой оставлю. Не провоцируйте меня, и разойдемся миром. Сядьте пока вот сюда.

Указав ей на лавочку, начал стягивать с трупа сапоги. Потом бриджи. Даже носками не побрезговал. Сапоги были чуть большеваты, но это фигня! Главное, не маленькие! Затянув ремень с офицерским «вальтером», снова почувствовал себя человеком. Пока одевался – согрелся. И нос сразу прочистился. Только сейчас почувствовал, что дохлый эсэсман явно злоупотреблял одеколоном. От кителя разит, как от парфюмерной фабрики. Все это время Нахтигаль сидела тихой мышкой. Под конец даже кулак изо рта вытащила. Ну и что с ней делать? Пока соображал, как половчее вырубить врачиху, чтобы без последствий было, она уже нормальным голосом сказала по-русски:

– Спасибо вам.

– Хм… с каких это пор врач благодарит за убийство?

– Если бы вы не появились, это пришлось сделать мне самой. А я не уверена, что у меня такое бы получилось.

И эта мелкая пигалица достала из кармана «Браунинг»! Оп-па! Она же меня в любой момент завалить могла! Из подобного Гусева чуть не до смерти подранили. Вот это косяк!

Даже в голову не приходило, что оберарц может быть вооружена. Протянул руку за пистолетом, готовясь в любой момент уйти в сторону. Но «Браунинг» был спокойно отдан, без всяких эксцессов. Опять встал извечный вопрос – что делать? Теперь ее по башке бить даже как-то неудобно. Да и труп свежий, может сильно ее репутацию подмочить. До этого не думал, а сейчас вдруг озаботился. Я-то свалю, а как она отдуваться будет? Ведь хоть кто-то да был в курсе, к кому эсэсовец на ночь глядя намылился. Поймав себя на этой мысли, тут же задумался над другой – я что на эту Хелен сам запал? Хм… хм… С одной стороны, вроде и нет, но вот с другой… Смелая деваха, да еще и симпотная. Правда, вот немка… Ладно, потом на эту тему подумаю, а сейчас от трупа надо избавляться. Куда его можно деть? Спросил у врачихи. Она через пару секунд выдала ответ – за оградой есть заросший пруд. Если его туда спихнуть, ни одна собака не найдет. Ну, собака-то как раз и найдет, во всяком случае, до пруда доведет, но это будет позже. Когда этого чина активно искать начнут. Пока волокли труп к дырке в ограде, объяснял Хелен линию поведения. Типа да, она прогуливалась по госпитальному саду, а потом беседовала с господином штурмбанфюрером в беседке. Но позже они слегка поругались, и она ушла. Он же остался зализывать душевную рану. Что было дальше с ее женихом – она не знает. А вот следователи будут в курсе. Дальше – психованный Шнитке убивает эсэсмана и, обобрав труп, скрывается в неизвестном направлении. Вот и пусть ищут Густава, который уже неделю, как гниет в яме подо пнем. Все это тоже выложил Нахтигаль, опустив только процесс разложения истинного Шнитке. Пусть считает, что эти документы мне по «легенде» достались. За этой содержательной беседой дошли до забора. Дальше, опасаясь возможных гипотетических собачек, потащил тушу фрица сам. Примотав найденной тут же проволокой тело покойного к камню, пустил его в недалекое плавание. Ну вроде все – пора разбегаться. Но тут Хелен удивила меня еще раз:

– Господин Шнитке. – Даже зная, что я не немец, она упорно называла меня только так, – Густав, если вы подождете меня десять минут, то я смогу вам собрать продукты. Знаю – вам идти далеко, и они понадобятся.

Помолчав несколько секунд, добавила:

– Не бойтесь, после того, что мы сделали, – она как-то странно хрюкнула, – выдавать мне вас совершенно не выгодно.

Ха, хорошая мысль! Так ей и сказал, заметив, что ждать ее буду ровно десять минут. После чего уйду. И демонстративно посмотрел на часы, приватизированные с трупа. Врачиха улыбнулась и поскакала к корпусу. В том, что не выдаст, даже и не сомневался. Действительно – ей это совершенно не выгодно. В случае чего – висеть будем рядышком… На одиннадцатой минуте послышались шаги, и идущая быстрым шагом Нахтигаль влетела прямо мне в руки. Сама. Я только из-за дерева вовремя выступил.

– Ой!

Пискнув, она смущенно сунула мне обычный солдатский ранец.

– Там продукты и лекарства. Продолжайте их принимать, как вы это делали в госпитале. И постарайтесь поменьше двигаться. Тогда заживление пойдет быстрей.

Специально ведь, редиска, говорит строгим врачебным голосом, чтобы скрыть смущение. Помолчали. Потом Хелен протянула руку, сказав с улыбкой:

– Прощайте, господин Шнитке. Теперь я вас – точно не забуду.

Взяв теплую ладошку, слегка пожал и, не отпуская, ответил:

– До свидания, фройляйн Нахтигаль. До свидания.

Она явно удивилась.

– Вы что, рассчитываете встретиться еще раз?

– Я на это не только рассчитываю. Практически уверен во встрече. Тем более зная, где вас можно искать в Берлине…

– Откуда?

– Ну вы же сами сказали, что у вашего отца там клиника. Так как вы не замужем, то выходит, живете с родителями. А уж найти в таком маленьком городе такую красивую

девушку, тем более зная ее имя и фамилию, не составит никакого труда.

И став серьезным, добавил:

– Запомните, что вам сейчас скажу. Эта война закончится в Берлине. Я это знаю точно. Если вдруг жизнь повернется так, что вы попадете к русским, то немедленно требуйте встречи с представителем особого отдела. А ему скажите, что работаете на Лисова, позывной – Колдун. И просите, чтобы связались с ним немедленно.

– А кто это – Лисов?

– Я…

– Это ваш псевдоним?

– Это моя фамилия. Вы вон тоже Нахтигаль, то есть Соловьева, но я же не считаю это псевдонимом.

Хелен хихикнула, а я взял и поцеловал ее. А что? Вот захотелось вдруг. Тем более обстановка романтическая – сверчки чвиркают, ночь весенняя, труп свеженький метрах в тридцати отсюда, в тину погружается. Почему бы не поцеловать красивую девчонку? Она сначала слабо трепыхнулась, а потом затихла. Я, правда, не стал затягивать удовольствие и, с трудом оторвавшись от податливых губ, подмигнул и, повернувшись кругом, быстрым шагом двинул вдоль забора, хоронясь в тени кустов.

* * *

Из городка выбрался нормально, благо патрули так топали по ночным улицам, что звук шагов за два квартала можно было услышать. Ну и то, что госпиталь на окраине располагался, тоже помогло. А выбравшись, сильно озадачился, как быть дальше. То есть понятно – к своим выбираться. Но это – под сотню километров! Каждого куста опасаясь. И через линию фронта, в одиночку да недолеченным, тоже как-то стремно идти. Даже до заимки Окунина и то было километров сорок, а для разведки того района очень серьезно готовились. Все пути просчитывая. Может, партизан поискать? Нет, не выйдет. Они же не грибы, чтобы под каждым кустом расти. Да и нет их здесь, насколько я знаю. В лесу же, в своей щегольской форме, буду отсвечивать как прыщ на носу у невесты. Значит, задача первая. Надо найти гражданку. Не в смысле добрую фигуристую бабенку, которая бы меня приютила (хотя это тоже вариант), а цивильную одежду. И вот тогда, двигаясь в стороне от дорог, попробовать проскочить поближе к передовой и уже на месте разнюхать обстановку. Про то, что можно захватить машину, я и не думал. Это не сорок первый и даже не сорок второй. Сейчас на дорогах совсем глухо. Фельджандармерия работает, как зверь. Даже если и угоню транспорт, то проеду максимум пять километров, после чего благополучно спалюсь. А еще надо учесть, что тут полицаи слегка пуганными (в связи с приближением фронта) толпами ходят. Да разные ОУНовцы с УПАшниками. Тяжеленько выйдет… Блин! Совсем упустил, что еще Сулу форсировать придется… А ведь не май месяц. То есть как раз таки май, но вот вода еще холодная… Ничего толком не придумав, устав к рассвету как собака, зашел подальше в лес и завалился отдыхать в каких-то буреломных зарослях. Заодно подкрепился. Ленка сунула в ранец и консервы, и здоровенный шмат сала с хлебом. Но вот ножа не было… Зато было сразу две фляги. Одна с водой, а другая со спиртом. Для начала выпил таблетки и начал задумчиво крутить сало, соображая с какого боку к нему подступиться. Вгрызаться в этот шмат целиком как-то несподручно, но выхода не было. Пока жевал – ругал себя последними словами. Тоже мне разведчик! Увидел бабу и растаял. На хрена, спрашивается, ей свою фамилию сказал? Вполне достаточно было позывного. Вот что значит мое почти полуторамесячное воздержание и ее красивые глазки. Воистину язык быстрее мозгов работает… Но потом, вспомнив приятные округлости Нахтигаль, незаметно успокоился и, хряпнув из второй фляги – для сугрева, уснул. Вечером, закинувшись таблетками, снова двинул на восток. Хоть и топал почти всю ночь, но прошел километров пятнадцать, не больше. Сначала наткнулся на дорогу, и пришлось делать большой крюк. Потом чуть не влетел в здоровенный овраг и не свернул себе шею. Его тоже пришлось

обходить. А под утро услышал шум моторов. Но не автомобильных. Самолеты летят. Через пять минут до меня дошло, что они как-то долго летят. Что за фигня? Приставив ладони к ушам, начал крутить головой, пытаясь определить, откуда идет звук. В лесу это получалось плохо, но вроде направление определил. Слева по ходу движения… Подумал, почесал репу… Любопытство, конечно, и кошку сгубило, но вот посмотреть, что там происходит, надо. Нельзя такие непонятки у себя в тылу оставлять. Шум, конечно, был очень похож на тот, что издают множество самолетов, прогревающих двигатели. Только вот куда они намылились? До рассвета еще часа полтора. До наших позиций лету, ну максимум, с полчаса. По темнякам заниматься бомбежкой – дело неблагодарное. Это если только города бомбить. Тот же Харьков к примеру. Но там уже бомбить нечего – и так одни руины… За этими рассуждениями дошел до края деревьев. Так и есть – аэродром. Пока пялился – на взлет пошло очередное звено. Видно было плохо, но на «лаптежников» не похожи. «Дорнье», скорее всего. А еще через час, когда все самолеты улетели и в рассветной дымке начали проступать силуэты, я с удивлением наблюдал эвакуацию аэродрома. Немцы споро грузили в «Татры» различное барахло. По мере загрузки машины выстраивались в колонну. Последними снялись зенитчики. Пока наблюдал за этой неожиданной сменой дислокации, метрах в ста от меня затарахтел двигатель. Епрст! А это что такое? Уже достаточно различимый в свете поднимающегося солнца возле деревьев стоял маленький самолет. Как наш кукурузник примерно. Только не с двумя, а с одной парой крыльев. Моноплан однако. «Шторьх» называется. Вспомнив наименование немецкого связного самолета, я удовлетворенно шмыгнул. А что – всего третий раз вижу это чудо. Говорят, он может в воздухе зависать при хорошем встречном ветре. Или лететь со скоростью 50 км/ч. А может и 150 выдать. Ну точно как наш ПО-2. Только у него кабина закрытая и он трехместный. Пока разглядывал самолетик, меня посетила мысль. Даже – МЫСЛЬ! Елки-палки, или сейчас один раз рискнуть и через полчаса я уже Гусеву «подъем» в ухо орать буду. Или с непредсказуемым результатом попытаться дойти до передка и проскочить через хорошо укрепленную линию фронта. А ведь бок после вчерашней ночевки опять себя как-то нехорошо ведет. Пока соображал, ноги сами понесли в обход открытого места к прогревающему двигатель самолету. Краем глаза увидел, что у меня появились конкуренты. Пока я давал кругаля, к «Шторьху» напрямую подходили две фигуры. Одна худая и длинная, а вторая поменьше и с портфелем. И тут они увидели мою тушку, резво рысящую в их сторону. Длинный очищал палочкой сапоги и не сразу меня разглядел. Зато его напарник уже удивленно пялился в мою сторону. Паники пока не было – форма делала свое дело. Да и что было паниковать? В трехстах метрах целая толпа солдат, или уже сидящая в грузовиках, или готовящаяся сесть. А я пока от всех прикрыт корпусом самолета. Да и туман рассветный сильно помогает. Не дойдя до парочки шагов двадцати, но уже разглядев знаки различия, достаточно громко, чтобы услышали через шум движка, крикнул:

– Господин полковник, помогите!

Вообще-то, это был подполковник, судя по всему с адъютантом. Но думаю, он не обидится, если незнакомый штурмбанфюрер его с переполоху повысит в звании. Мой панический вид, похоже, произвел впечатление. Подпол расстегнув кобуру, уже смотрит не на меня, а в лес, откуда я выскочил. Пять шагов, три…

– В чем дело? Что случилось?

М-да… Как бы тебе ответить… В общем-то ничего, только я вас сейчас гасить буду. Вымученно улыбнувшись подполковнику, сказал:

– Спасибо, спасибо…

И ударом в висок убил адъютанта. Он еще не упал, когда я двинул в челюсть самого подпола. А следующим движением скользнул в открытую дверь к летчику, который только и успел, что вытаращить глаза. Вот с ним надо понежнее. Поэтому, достав из-за ремня пистолет, который я заранее переложил из кобуры, вмазал ему стволом под нос и рявкнул:

– Взлетай!

Вообще, точка под носом очень болючая, и летчик на какую-то секунду даже

отрубился. Но я его сгреб за шиворот и, выдернув у него из кобуры оружие, надавил стволом на один глаз, прорычав прямо в испуганно распахнутый другой:

– Взлетай, а то я тебе глаз высосу!

И оскалив зубы, издал громкий шип. Угроза, которую в шутку применял наш повар Степаныч, произвела на фрица мощное впечатление. Малахольный штурмбанфюрер, грозящийся высосать глаз орлу Геринга, – это нечто!

– Ну!

Я надавил стволом еще сильнее, и летун сломался. Он потянул какой-то рычаг, и двигатель прибавил обороты. Самолет медленно покатился. Полковник, застрявший в проеме дверцы, начал волочиться следом. Вот гад! Перекинув пистолет в другую руку, рывком втянул бесчувственного подпола внутрь и захлопнул дверь.

– Взлетай!

Я рычал так, что сам себя испугался. Причем рык этот был – больше от боли. От рывка рана на боку опять открылась, и китель стал быстро намокать. Пощупав больное место, перемазал руку в крови. Ну что, продолжим запугивания? Продемонстрировав летчику кровавую ладонь, демонстративно облизал пальцы. Он не видел, где я ее вымазал, и, подумав, что это кровь подполковника, которого я в ближайшие минуты начну жрать прямо в самолете, аж взвизгнул.

– На дорогу смотри!

Самолет, набирая скорость, катился как-то косо. А все из-за того, что наш рулевой, как хамелеон, одним глазом смотрел на мою окровавленную руку, а вторым на пистолет, прижатый к его голове. После моей команды наконец начал смотреть, куда едет, и самолет, подпрыгнув еще пару раз, оторвался от земли. Блин! Сидеть друг на друге, было очень неудобно. И пусть третий пассажир, большей частью находится на заднем сиденье, но все равно было крайне тесно. Перевалив бесчувственное тело назад, сам перелез туда же. Глянув в наклонное окно со своей стороны, обратил внимание, что на аэродроме похищения своего подполковника не заметили. Самолет и так собирался взлетать, поэтому его отлет и восприняли как должное. Конечно, когда найдут труп адъютанта, кипеж поднимется, но я буду так далеко, что все эти дела меня будут касаться так же, как и бури на Марсе. «Шторьх» продолжал лететь по прямой, набирая высоту. Куда-то не туда летим… Найдя на приборной доске то, что при некотором размышлении решил принять за компас, скомандовал:

– Курс сто.

Самолетик послушно начал разворачиваться. Ага! Действительно – компас! Как я угадал.

Тут не вовремя замычал подпол. Не глядя, добавил ему на орехи, и худой фриц опять впал в нирвану. Летун при этом только голову в плечи втянул. Так. Похоже, надо его слегка воодушевить. А то он сейчас как зомби – ни одного лишнего движения без приказа хозяина не делает. Нам же еще передок перелетать. И фиг его знает, как лучше это сделать, чтобы не сшибли. Поэтому достаточно спокойным голосом спросил:

– У тебя семья есть?

Летчик даже не понял, что это я с ним разговариваю, поэтому, повысив голос, повторил вопрос. Ага, дошло… Воздушный извозчик закивал головой.

– Жена, дети?

– Нет, только мама.

– А невеста есть?

Летчик, опасливо покосившись на меня, опять кивнул.

– Красивая?

– Да, очень!

Хм… похоже начинает приходить в себя. Ну, теперь надо обговорить условия совместного существования, а то вдруг, от общего отчаяния, он свою стрекозу в землю направит. Хотя на камикадзе и не похож, но мало ли….

– Хочешь ее еще увидеть?

– Да.

– Ну в таком случае слушайся приказов, и я тебе гарантирую жизнь. Тебя как зовут?

– Пауль Бергман.

– Ну вот видишь, как хорошо. Пауль, а у тебя есть карта?

Бергман опять закивал и протянул планшетку. Посмотрев на лист под целлулоидом, я вытащил карту и разложил ее. Надо же как! Маршрут, отмеченный на карте, уводил на север. Туда же, куда и танки уходили… То есть, выходит, на центральном направлении что-то серьезное готовится. Но это – после разберемся. Хорошо, что на ней, правда, на самом краешке, отмечена железка, что проходит через Славнинск. Если двинуть вдоль железной дороги, то дальше я нашу базу в Рыжах и сам найти смогу. Объяснил свою идею фрицу. Тот врубился сразу, и после моего повторного психотерапевтического сеанса, с гарантией ему в будущем долгой и счастливой жизни, был готов лететь куда прикажут, но уже с подключением собственных мозгов. Линию фронта пролетели без проблем. Потом немного запутались в железнодорожных ветках, потом нас пытались атаковать две пары наших «Яков», идущих в сопровождении возвращающихся со штурмовки «Илов». Вот козлики резвые! Есть у вас приказ – охранять штурмовики – так его и выполняйте! А если сейчас мессеры появятся? Вон, горбатые, уже как далеко ушли! «Яки», очередной раз проскочив мимо почти стоящего на месте «шторьха», наконец занялись своим прямым делом. А я вживую оценил возможности этого самолетика. То он удирал на всех парах, то почти останавливался в воздухе, идя километров шестьдесят, не больше. На истребителях просто прицеливаться не успевали. Сам весь мокрый от пота и от крови, так и текущей из бочины, нашел в себе силы похлопать летчика по плечу:

– Молодец, Пауль! Ты очень хороший пилот!

Бергман даже улыбнулся в ответ. А у меня силы окончательно кончились. Все-таки я земной человек, и первое участие в воздушном бою произвело на меня самое хреновое впечатление. Чуть не обгадился от всех этих кульбитов. Да и от страха тоже… А еще очень было бы обидно быть сбитым почти на подходе к дому.

Через десять минут увидел наконец знакомую водокачку. Показав пальцем, приказал садиться возле нее. Самолет еще подскакивал на кочках, а к нему со всех сторон бежали солдаты, причем какие-то незнакомые. Нас выдернули из тесной кабинки, как репку. В две секунды. Так же быстро повязали, не обращая внимания на мои возмущенные вопли. Только потом стали проявлять удивление – а что это мастистый эсэсовец так чисто по-русски лается? Пока судили и рядили, наконец подъехал офицер на ГАЗоне. Ха! Прохоров из комендантской. Он меня тоже сначала не узнал, но потом ринулся обниматься. Заметив, как я от этого скривился, тут же загрузил в машину и приказал рулить в санчасть. Пришлось вмешаться:

– Нет, Петя, сначала к Колычеву. За полчаса со мной ничего не случится.

Когда подкатили, то увидел полковника, стоящего на крыльце. Видно, он был весь в непонятках, гадая, что там на его задний двор приземлилось. Вот кто узнал сразу, невзирая на чужую форму. Успел даже подхватить мою выпадающую из кабины тушку. Стиснул плечи, слегка потряс и, отстранившись, улыбаясь от уха до уха, сказал:

– Живой! Живой чертяка! А я и не сомневался! Ты же везунчик, ты всегда возвращаешься!

А потом неожиданно отвернулся. Ну надо же, какой у нас командир, оказывается, чувствительный! Или это уже старческая сентиментальность? Как будто услышав мои мысли, он опять повернулся и уже твердым голосом сказал:

– Сейчас ко мне с докладом, а потом отдыхать.

И только сейчас заметил общий перекос моей фигуры и как я придерживаю бок.

– Ты что – ранен? Санитара!

И подхватив под локоть, опять стал добрым дядюшкой:

– Чего же ты молчал, дубина? Сильно зацепило?

– Да нет, тащ полковник. Просто крови много потерял. А немцы меня уже заштопали,

так что сейчас перевязаться да отлежаться, и все.

– Какие немцы? Когда заштопали? Ты что, бредишь? Санитар бл… – Иван Петрович в раздражении оглянулся: – Где эти помощники смерти?!

Тут подскочившие санитары упаковали меня на носилки и трусцой поскакали к санчасти. Вот, блин, тормоза – даже про машину забыли… Хотя здесь недалеко бежать. Метров семьсот. Полковник рысил рядом, озабоченно поглядывая на мою ухмыляющуюся морду. А вот после того как врачи вдоволь поиздевались надо мной, появился в палате и снова затребовал отчета. Ну отчет так отчет. Только я вначале узнал, как прошел наш спасательный рейд. Оказывается, всех вытащили. В смысле и детей, и Окунина. Абаев сейчас в госпитале. А вот группа Грома так и сгинула. Но пока надежда есть, что они сумели отбиться от немцев и выйдут к нашим. Узнав, что меня волновало последние дни, начал доклад. Рассказал все, даже то, что назвал свою фамилию Нахтигаль. Колычев на это обозвал балбесом, но в целом действия одобрил. После чего, приказав отдыхать, ушел допрашивать немецких летчиков. Из санчасти я свалил уже на следующее утро. Точнее, меня нагло выкрали Гусев со товарищи. Запугав толстенького капитана – начальника медиков, уволокли чуть ли не вместе с койкой. Их вчера в расположении не было, и вернувшись ночью да узнав о моем возвращении, начали суетиться так, что только прямой приказ полковника их остановил от ночного посещения раненого товарища.

А еще через три недели все слушали сводки с центрального фронта, где развернулось грандиозное сражение на линии Ромны – Конотоп – Стародуб. Все-таки я был прав… Прохоровки не было, она осталась у нас в тылу. Но зато была деревня Масловка, возле которой и развернулось самое, наверное, страшное сражение этой войны. Тысячи танков, миллионы солдат сейчас перемалывали друг друга в надежде вырвать победу. Но с каждым днем, с каждой сводкой становилось все яснее – хана фрицам. Не сдюжили они. И их широко разрекламированные «Тигры», «Пантеры» да «Фердинанды» горели за милую душу сталкиваясь с новыми тридцатьчетверками с 85□миллиметровым орудием. А СУшки со своими 100-миллиметровым стали просто королевами поля боя, гоняя бронированных кошек. Правда, и у нас потери были огромными, но сейчас всем ясно, что уничтожить немчуру именно в этой битве – основная задача. И выполнить ее надо, не считаясь ни с какими потерями. От такого они не очухаются уже никогда. Останется только гнать их обратно и добивать.

12 июля 1943 года был, наверное, самым поворотным днем в этой войне. В утренней сводке Левитан сначала сказал о переименовании фронтов в зависимости от новых целей, а потом перечислил перешедшие в общее наступление. Западный, Белорусский, 1, 2, 3 и 4-й Украинские фронты. Очередной раз опять срывались с насиженного места. Но вот то, что за последний год, с каждым своим перемещением становились все ближе и ближе к Берлину, сильно радовало. Поэтому собирались легко и быстро. Во время сборов нас навестил Окунин. Он проводил-таки разведчиков и саперов по своей тропе. И танки по ней прошли почти без проблем. Только три единицы техники было потеряно, но это больше из-за раздолбайства механиков. Зато укрепрайон был взят быстро и с минимальными потерями. Савелий Игнатьевич зашел попрощаться. И не просто попрощаться, а продемонстрировать новенький орден Отечественной войны 2-й степени.

– Царские-то награды, за первую войну с германцами, у меня так и сгинули. Еще в Гражданскую. Но уж этот-то со мной похоронят…

Старик, с заблестевшими глазами, протер орден рукавом. Хором его начали уверять, что до смерти ему еще далеко, тем более что он за детей по-прежнему в ответе. Мы уже знали, что командарм Игнатьев договорился с Окуниным, и тот будет жить с Петькой и Таней в Москве, ну, соответственно приглядывая за ними. Савелий Игнатьевич после недолгих колебаний согласился, так что теперь он у нас будет столичным жителем. Отметили и награду, и новый статус. Правда, старик себя контролировал и напиваться не стал, чем вызвал еще большее уважение присутствующих. А на следующий день мы были уже в пути.

Новое место дислокации было недалеко от станции Новый Буг. Фрицев отсюда выкинули только позавчера, и поэтому мы с интересом осматривали оставшиеся следы их пребывания. Следов было много и в основном нехороших. Особенно раздражал специфический запах немецкого порошка от насекомых, которым провоняло наше новое жилище. Позже Пучков нарыл где-то порнушный журнал и теперь пребывал в приподнятом настроении. Шарафутдинов зацепился языком с саперным майором. Сначала они о чем-то спорили, а теперь ушли за околицу – испытывать какое-то новое изобретение Марата. Мы с Гусевым организовали починку слегка разрушенной близким взрывом бани и теперь контролировали процесс. В общем, каждый был при деле. А приехавший к вечеру Колычев разрушил всю идиллию. По своему обыкновению, сначала дал всем нам транды, а потом, остыв, пригласил в дом на совещание. Подождав пока все рассядутся, взял карандаш и, расстелив на столе карту, начал говорить:

– В общем так, товарищи офицеры. Немцы спешно перебрасывают с запада свежие части и командованию необходимо знать, откуда они сняты и главное – куда направляются. Террор-группы уже получили задачу – всеми силами срывать передислокацию войск. Так что от вас не требуется заниматься диверсиями. Для этого есть другие. Сейчас вы будете заниматься своим прямым делом – разведкой. Ну, теперь давайте уточним детали…

И мы склонились над картой…